

Л. С. Клейн

**Древние миграции
и происхождение индоевропейских народов**

**Санкт-Петербург
2007**

Оглавление

Предисловие

Введение. Этногенез и модель генеалогического древа: проблема кооперации археологии с лингвистикой.

Глава I. Иранцы

1. Историческое предание
2. Скотоводы или земледельцы?
3. Бронзовый век: срубная и андроновская культуры
4. БМАК
5. Археология в опознавании иранского этноса
6. Андроновские культуры – иранцы или индоиранцы?
7. Проблемы и поиски
8. Археологическое соответствие делению иранских языков
9. Проверка гипотезы
10. Заключение

Обсуждение

ПРИЛОЖЕНИЕ: А. А. Ковалев. Скифы-иранцы из Джунгарии и чемурчекская культура.

Глава II. Индоарии

1. Индоарии как пришельцы в Индии
2. Ригведа и археология
3. Индоарии в Передней Азии
4. Протогородская и андроновская гипотезы
5. Катакомбные культуры и их индоарийские признаки
6. Контакт с финноуграми в языке и археологии
7. Оценка доказательств
8. Территориальные совпадения
9. Индоарийское наследие у скифов
10. Следствия для анализа контактных ситуаций

Обсуждение

Глава III. Арии и протоарии

1. Лингвистическая группировка и археологические сообщества бронзового века
2. Путь к исходному единству от срубно-андроновских культур
3. Путь к исходному единству от катакомбных культур
4. Лингвистическая ситуация
5. Проблема археологического соответствия
6. Ямная культура – культура ариев?
7. Конь и колесница
8. Погребения с охрой на Западе
9. Сфера ямного воздействия

Обсуждение

Глава IV. Проблема грекоарийского единства

1. Языковое родство ариев с греками
2. Корни ямной культуры
3. Мегалитическая подоснова
4. Майкоп и его окружение
5. Европейский характер Новосвободненской культуры
6. Неожиданные параллели индоариям и грекам
7. Арии в Майкопе и Триполье?

ПРИЛОЖЕНИЕ: Ю. Е. Березкин. К этногенезу индоевропейцев: некоторые мотивы сравнительной мифологии

Глава V. Грекоарии и их происхождение

1. Антропоморфные стелы
2. Танцующие человечки и Нальчикская гробница (экскурс на Кавказ)
3. Святилища энеолита
4. Средний Стог

5. Хвалынская культура
6. Курганные культуры раннего энеолита
7. Корни ямной (репинской) культуры и западный вклад
8. Проблема совмещения культурной филиации с языковой
9. Импликации для лингвистов
10. Грекоарии – единство в мифологиях: кентавры
11. Гандхарвы и киннары
12. «Керносовский идол»

Глава VI. Миграции фригийцев и происхождение армян

1. Происхождение армян
2. Историческое предание
3. Фригийцы – бхриги – мушк
4. Хронология вторжения в Малую Азию
5. Археологическая идентификация мигрантов
6. Носатые сосуды и Насатья
7. Среднедунайские культуры бронзового века в Индии
8. Исходный очаг на Среднем Дунае
9. Этническая идентификация в Индии – бхригу
10. Увязка фригийцев Малой Азии с Дунаем
11. Место фригийской миграции в истории

Глава VII. Греки и фракийцы

1. Приход греков?
2. Аргументация автохтонистов
3. Выбор миграции
4. Пришельцы в Микенской культуре
5. Субстрат или суперстрат? Вопрос о фракийцах
6. Фракийские судьбы
7. Археологические соответствия
8. Идентификация протофракийцев
9. Этногенез фракийцев
10. Наследие протофракийцев

Глава VIII. Греки и хетты

1. Искомая смена культуры
2. Проблема исходного очага миграции
3. Проблема истинного субстрата
4. Еще раз об исходном очаге: баденская культура
5. Хетты и другие
6. Катастрофы в Малой Азии
7. Хетто-лувийская экспансия в Европе
8. Проблема хетто-лувийского наследия у греков
9. Хетты и арии
10. Итог

Глава IX. Неуловимые протогреки

1. Проблема и спектр возможностей решения
2. Невидимые миграции
3. Ближайшая аналогия – приход дорийцев
4. Следы протогреков
5. Кто были греки?
6. Веер гипотез

Глава X. Миграция тохаров в свете археологии

1. Под именем тохаров
2. Серы на шелковом пути
3. Еропеоидные соседи Китая
4. Индоевропейский вклад в китайских языке и культуре
5. Выбор археологической культуры для тохаров в Азии - карасук
6. Лесное прошлое тохаров и фатьяновская культура

7. Критика моей гипотезы и мои возражения

Заключение: концепции и импликации

1. Результаты и три концепции
2. Три прародины
3. Эзотерическая археология
4. Методы преодоления искушений
5. Политизированная археология
6. Веер гипотез
7. Некоторые перспективы

Литература

Список участников обсуждений

Указатели именной и предметный

Список рисунков

Предисловие

Эта книга написана мною в 2006 г. и обсуждалась по главам с ноября 2006 г. по июнь 2007 г. в серии докладов на заседаниях Школы Индоевропеистики под председательством чл.-кор. РАН проф. Н. Н. Казанского и проф. Л. Г. Герценберга в Институте лингвистических исследований Российской Академии Наук. В заседаниях и обсуждениях принимали участие сотрудники Института лингвистических исследований и Института истории материальной культуры РАН, Эрмитажа и Гос. музей истории религий, преподаватели и студенты Санкт-Петербургского университета. Приношу признательность руководству Школы и директору Института лингвистических исследований за поддержку, а участникам обсуждений за ценные советы и замечания. Особой благодарностью я должен отметить постоянную помощь студента кафедры археологии С. В. Воронятова в подготовке иллюстраций к докладам и книге.

Обсуждение глав публикуется здесь же (в сокращении), после каждой главы. Коллеги великодушно предлагали мне опустить их частные критические замечания, с которыми я согласен, и просто ввести в текст поправки. Это, конечно, улучшило бы мой текст и, возможно, упростило бы чтение, но я счел бы такое тихое присвоение чужих вкладов нечестным. Кроме того, по себе знаю, что не только знание истин полезно, но и путь к нему тоже очень интересен для читателя. Поэтому я решил не изменять первоначального текста своих докладов (за исключением мелких поправок, не относящихся к сути), чтобы выступления моих коллег не утратили мотивировки, а дискуссия не утратила живости. Читатель, имея всю полноту дискуссии сам разберется, какой вариант решений считать последним словом.

Введение

Этногенез и модель генеалогического древа: проблема кооперации археологии с лингвистикой

1. Археология: иллюзии и реальность. У лингвистов есть одна иллюзия относительно археологии, которую многие археологи разделяют. Построив красивое генеалогическое древо происхождения языков (от праязыка к дочерним и «внучатым»), лингвисты ожидают найти этому древу точное соответствие в археологии – в генеалогическом древе происхождения археологических культур. Это с тем, чтобы, наложив одно на другое, получить для своего древа недостающие ему координаты места и времени. Если современная археология не может предоставить лингвистике такое древо, то это рассматривается как досадная, но временная задержка, обусловленная недоразвитостью археологии – нехваткой собранных материалов или несовершенством методов, недостатком старания или злой волей (приверженностью априорным концепциям в угоду национальным амбициям разного рода). Предполагается, что с дальнейшим накоплением материалов и с их более совершенной обработкой, с повышением объективности, такое древо археологи обязательно построят. Что это произойдет вот-вот.

И археологи стараются оправдать эти надежды. Но у них получаются десятки взаимоисключающих вариантов древа (гипотез о происхождении индоевропейцев уйма), и нет объективных критериев установить один вариант, отвечающий реальности. Эта ситуация не имеет перспектив положительного решения. Напротив, единого древа культур, построенного на независимых основаниях и соответствующего древу языков, нет и не будет построено никогда. Это принципиально невозможно. Этногенез и культурогенез не совпадают.

Дело в том, что язык наследуется в основном как целое и изменяется только сугубо постепенно, иначе он не может функционировать. Во всех ситуациях взаимодействия и смешивания языков один остается основой, а другой дает примеси, более значительные в фонетике, менее – в лексике (слабо затрагивая основной фонд), еще меньше – в морфологии. Культура же может передаваться частями, может собираться из компонентов разного происхождения, взятых из разных источников, – в любых сочетаниях и пропорциях, может изменяться быстро и радикально. Через каждые несколько сотен лет она претерпевает внезапные и коренные преобразования. На каждом этапе образуются, по сути, новые культуры, у каждой – не один корень, а несколько; они расходятся в разные стороны, и выбрать этнически «главный» невозможно. Это невозможно потому, что ни количественные, ни качественные критерии – что ни взять за основу: керамику, способы погребения, устройство жилища и т. д. – не способны определить, с каким из вкладов сопряжена языковая преемственность. В каждом случае это происходит по-своему.

Поэтому нити культурной преемственности образуют не древо, а сеть, из которой свои древесина археологи нарезают по произволу, в основном – чтобы угодить лингвистам. У лингвистов не бывает споров о происхождении любого индоевропейского языка, если он достаточно полно представлен. Нет споров, принадлежит ли польский язык к иранской ветви или к славянской или к германской. Споры же о происхождении культур представляют не исключение, а правило. Существует по несколько гипотез о происхождении каждой археологической культуры. Большой частью все они верны, выбрать «самую верную» невозможно. На деле археологи, двигаясь ретроспективно по линиям культурной преемственности и стремясь нащупать соответствие языковой преемственности, вынуждены через каждые несколько шагов останавливаться на развилке и гадать, какую из нескольких дорог избрать (Клейн 1955: 271; 1969: 30).

Для выбора они могут использовать только внеархеологические критерии, потому что внутри археологии таких критериев нет. Лишь в исключительных случаях, при особо благоприятных обстоятельствах (длительная изоляция, или резкое и целокомплексное переселение и т. п.) археологи могут собственными силами, по своим данным сделать надежное суждение о преемственности. Обычно же, осознанно или неосознанно, за нитью Ариадны они обращаются к лингвистике.

Есть и еще одна иллюзия, связанная с археологией, которую лингвистам следовало бы учитывать. Лингвисты знают, что у них в лингвистике есть лишь очень слабая возможность упорядочивать материал по абсолютной хронологии – это глоттохронология Суодеша. А вот археология, полагают лингвисты, располагает истинной возможностью строить абсолютную хронологию и предлагает лингвистике надежную опору в этом.

На самом же деле в археологии нет вовсе опор для абсолютной хронологии. Археология имеет внутри себя только возможности строить относительную хронологию. Построить нечто аналогичное глоттохронологии Суодеша в археологии невозможно. Ведь если язык имеет стабильную грамматическую систему и даже в лексике не может изменяться ни слишком быстро, ни слишком медленно, то материальная культура не является системой и способна изменяться любыми темпами, менять темпы и изменяться разными темпами в разных своих частях. Поэтому все свои абсолютные опоры археология берет извне – в письменных источниках, палеонтологии, геологии, радиохимии, дендрохронологии и т. д.

Другое дело, что она поднатерела в этом изыскании внешних опор, в упорядочении своих относительных дат и сведении их в сложные системы, а затем в надевании этих систем на внешние опоры абсолютной хронологии. Но это не ее собственные опоры, и она меняет свою хронологию, когда изменятся эти внешние опоры. Такими случаями и являются две радиоуглеродные революции – первая произошла в 1950-е годы, когда радиоуглеродный метод углубил многие датировки на сотни лет, а вторая в конце 1960-х – начале 1970-х, когда были выстроены колонки дендрохронологии протяженностью в десять тысяч лет, и радиоуглеродные даты стали выверены (калиброваны) по дендрохронологии. Это углубило даты еще больше, для энеолита – на добрую тысячу лет. И вот уже четвертое десятилетие археологи строят хронологию в этом новом ключе.

2. Лингвистика: преодоление иллюзий. Подобно тому, как лингвисты уповают на археологию, и археологи в свою очередь питают наивные надежды, что у лингвистов всё в порядке. Что генеалогическое древо индоевропейских языков, пройдя столетнюю обработку, приняло оптимальную форму и другим вырасти не могло. А это тоже иллюзия. Остаются разногласия и в вопросе о количестве ветвей, и об их взаимном расположении (какое выше на стволе, какое ниже), и о тех соках, которые по ним переданы листьям, и о прививках – где и от чего они сделаны. Похоже, что и это не случайные и легко устранимые разногласия, а разногласия неизбежные, коренящиеся в противоречии между живой изменчивостью языкового материала и ригидностью модели генеалогического древа.

Генеалогическое древо в идеале предполагает классификацию языков, соответствующую аристотелевым принципам непротиворечивого членения объема понятий: всё раскладывается по ящичкам на основе единого критерия, без остатка, без взаимоналожения. Схема более-менее соответствует результатам биологической эволюции. На деле же в языковом материале мы имеем скорее не классификацию, а типологию в Гётевском смысле: материал роится в многомерном поле признаков, выделяются кластеры, а разграничить их можно по-разному, в зависимости от избранных критериев. Это следствие сложности и переплетенности истории человеческих коллективов – этносов. В природе виды не скрещиваются, не обмениваются признаками. Иное дело человеческие коллективы, их языки. Да, языки взаимодействуют как системы, но когда сталкиваются близко родственные диалекты, системы становятся открытыми. История же индоевропейцев, как показали К. Бругман и А. Мейе, была на большом протяжении историей взаимодействующих диалектов. Отсюда путаница изоглосс.

Открывая эту путаницу ареальная школа лингвистики занялась изучением отдельных явлений, за которыми для нее исчезли вообще языки и семьи. Предпринимались и попытки сменить модель генезиса языковых семей: теория географического варьирования Г. Шухардта, теория волн И. Шмидта, пирамида Н. Я. Марра, близкая к ней модель Н. С. Трубецкого, лингвистический союз Пражской школы, языковая непрерывность Бубриха – Толстова. Они не удержались в науке. В большинстве лингвисты остаются приверженными традиционной концепции и продолжают считать, что модель праязыка, из которого произрастает генеалогическое древо, сохраняет свою значимость и свой облик, хоть и с поправками на размытость границ и изначальную расчлененность праязыка на диалекты. Это в теории.

На практике же, восстанавливая раннюю историю индоевропейского массива на уровне диалектов и близкородственных языков, лингвисты последних десятилетий придерживаются совершенно иной модели. В их исследованиях мы обнаруживаем диалекты меняющими свои связи. То они образуют одни общности, то, перегруппировавшись, другие, а в языковом материале от этих группировок оседают изоглоссы: медиопассив на -г против медиопассива на -oi/moi, относительное местоимение k^{ho}is против ios, и т. д. Таковы работы В. Георгиева, В. В. Мартынова, О. Н. Трубачева.

Вместо динамики генеалогического древа в этих исследованиях предстает нечто, что можно было бы назвать моделью *контрданса*: все взаимодействуют в медленном танце, образуют пары, тройки и четверки, а через каждые несколько па, почти не сходя с места, кавалеры меняют дам. Но бывает, что те перебегают вовсе в другие построения.

Это неплохо отвечает тому, что находит в своих материалах археология. В ней всё реже настаивают на принципиальном совпадении культуры и этноса (как у Брюсова 1956) и всё чаще говорят о многозначности понятия «археологическая культура». Говорят о возможности по-разному истолковывать археологические культуры (этнос, политическое объединение, религиозная общность и т. п.), о полиэтнических культурах (подразумеваются многоязычные), о перегруппировках населения по-новому в новых культурах (Кнабе 1959; Монгайт 1967; Клейн 1991: 145 - 153).

Конечно, культура отражает некую общность населения на определенном этапе, но сколь прочную – судить трудно. Конечно, от этой общности наверняка остался отпечаток в языке – некий пучок изоглосс, но сложился ли в этих рамках единый особый диалект или язык, сказать трудно.

Таким образом, в модели контрданса археологической культуре в принципе соответствует не диалект или язык, а пучок изоглосс. Я не говорю здесь вместе с В. Пизани, что «реальны для нас только изоглоссы» (Pisani 1947: 62). Несомненно, существовали языки и языковые семьи. Но археологической культуре соответствует не такой язык из конкретной языковой семьи, не срез одной из ветвей генеалогического древа, а так сказать связка нитей, которые в дальнейшей истории могут быть перевязаны иначе, в ином сочетании, в иные связи.

Задача лингвистов – определить относительную хронологию подобных связок (через диахронию звуковых законов, тенденции грамматического развития и т. п.). Задача археологов – уточнить территорию и относительную, а по возможности и абсолютную хронологию образования этих пучков изоглосс, с учетом того, что последующие миграции, может быть, изменили среду, в которой эти пучки изоглосс отпечатались.

Для применения модели генеалогического древа остаются лишь поздние этапы глоттогенеза, когда взаимодействовали уже не диалекты, а родственные языки. Но и здесь требуются существенные оговорки.

3. Миграции. Миграции не только изменяют последующую среду, не только расширяют (или сужают) поле событий. Они могут внести резкие перемены в саму расстановку участников, перетасовать их и развести соседей на дальние края и, наоборот, сомкнуть диалекты, прежде весьма удаленные друг от друга.

Реконструкция миграций археологией – дело очень трудное, но благодарное. Трудное оно потому, что критерии археологического распознавания миграций шатки, археологические маркеры (признаки, следы) миграций неустойчивы и разнообразны. Американец Хью Хенкен, в своем обзоре лингвистических и археологических исследований по индоевропейцам пришел к пессимистическому заключению: «Короче говоря, нельзя сделать никаких правил наперед, потому что каждый случай приходится судить по его собственным критериям, смотря по тому, какие факты представлены, а они часто очень скудны» (Henken 1955: 2). Но признаки миграций диверсифицированы по видам миграций. В учете этого обстоятельства кроется и возможность объективного распознавания и реконструкции миграций (Клейн 1973, 1999).

Польза же от выявления миграций очень велика.

Во-первых, выявленные миграции дают возможность проследить истинное развитие общества – образно говоря, читать историю, не склеенную из разных книжек.

Ведь развитие шло не в рамках определенной местности, а в рамках определенного человеческого общества – там, где это общество проживало. Если оно передвинулось, то передвинулось и развитие. Слепо прослеживая развитие в одной местности, мы незаметно для себя переключаемся с одного развития на другое. Правда, обычно при смене населения всегда какая-то часть прежнего остается, но всё же это будет другое развитие, имеющее под собой другую логику.

Для избежания этого сбоя я ввел в археологию концепцию *секвенций* (Клейн 1973). Секвенцией я назвал последовательность культур. Суть концепции в различении двух видов секвенций – колонные я отличаю от трассовых. Под *колонными* я имею в виду ряды культур, последовательно сменяющих друг друга в одной местности. В этом виде перед нами предстает материал, и появляется искушение истолковать его как последовательное развитие одного населения, хотя это не всегда так.

Под *трассовой секвенцией* я понимаю развернутую во времени цепь культур одного конкретного общества вне зависимости от территории, занимаемой им на разных этапах его существования. Эти культуры связаны преемственностью, хотя и не всегда на одной и той же территории. Развитие нужно прослеживать в трассовой секвенции, а не в колонной. Эта аксиома очень туго прививается в археологии, хотя всё же прививается (Щукин 1979; Манзура 2002: 245). А для выявления трассовых секвенций нужно распознавать миграции.

Во-вторых, в статичном существовании этносы нередко трудно различимы для археолога в силу диффузности границ и возможностей распространения культуры на соседей. Именно дальние миграции позволяют археологам лучше распознать такие этносы. В дальних миграциях сталкиваются заведомо чуждые друг другу этносы, разграничение и противопоставление их проступает очень четко (Клейн 1988).

Иное дело, что связь мигрировавшего этноса с исходной территорией и культурой не столь легка, как это представлялось еще недавно. Постепенно археологи стали избавляться от иллюзии, что с этносом передвигается вся его старая культура в неизменном виде. А с этим убеждением были связаны сверхстрогие критерии выявления миграций – непременно нужно было найти и показать точное и полное подобие культуры пришельцев их культуре на их старом месте, а таких мест обычно и не находится. Народ редко уходит в миграцию в полном виде и со всей культурой, чаще это, скажем, только молодые воины-мужчины или (при контактах соседних народов) только женщины, поступающие в замужество, или некая религиозная секта. А миграция – это такая встряска, что культура сильно и быстро изменяется в ходе миграции.

4. Генеалогическое древо и дельта реки. Существенным изъяном модели генеалогического древа являлось то, что в эту модель вложена неосознанная идея равномерного расширения индоевропейской территории лучеобразными радиально расходящимися и непересекающимися миграциями – как растекается пролитая сметана. Еще Косинна в 1911 году рисовал 14 походов индогерманцев в неолите, несущих индогерманскую культуру и язык во все концы Европы, и ему подражал Брюсов (1957), только исходный очаг он перемещал из Германии в нашу степь. А до него это проделывали Эрнст Вале, Г. Чайлд и Т. Сулимирский, после него – М. Гимбутас. Этот центробежный миграционизм не очень далеко уходил от автохтонизма, какими бы дальними ни казались постулируемые им миграции.

Во-первых, ядро в исходном очаге оставалось не сдвигаемым с места (Косинну в Германии звали автохтонистом, а не миграционистом), а во-вторых, движение виделось очень правильным – это была не переброска, это было расширение ареала. Уже Мейе (1938: 420) говорил: «группировка языков, наиболее близких друг к другу, свидетельствует об их первоначальном расположении: произошло распространение этих языков, а не их перемещение». Такая картина вязалась с господствовавшими в археологии представлениями о нереальности дальних разовых миграций, о достоверности лишь медленного, «ползучего» распространения (доведенного до идеала в Ammerman and Cavalli-Sforza 1979; ср. Neustupny 1982).

Эта приверженность оставлена многими российскими археологами еще три-четыре десятилетия назад (Клейн 1968; 1971; 1973; Мерперт 1978 и др.), а сейчас страх перед дальними миграциями начал изживаться и в зарубежной археологии (Anthony 1990;

Champion 1990; Chapman 1997; Härke 1998). Становится понятно, что индоевропейцы всегда были очень подвижным населением, что на деле были у них и неожиданные переброски с одного конца индоевропейского ареала на другой, противоположный. Достаточно лишь напомнить о тохарах, галатах, готах и вандалах.

Что существенного эта не учитываемая возможность вносит в истолкование лингвистических фактов?

Во-первых, при определении заимствований обычно дальние совпадения исключаются как заведомо нереальные – они относятся к разряду случайных. Это неправильно. Никакие контакты нельзя исключать, всё возможно.

Во-вторых, продумывая распространенность некоторых локальных явлений, лингвисты, естественно, рассматривают как взаимосвязанные образования лишь те, что расположены на смежных территориях. Но те народы, которые сейчас разобщены, могли быть соседями в прошлом. Скажем, передвижение согласных, объединяющее германские языки с фракийским, фригийским и армянским, предполагает, что все их предковые диалекты находились в центре Европы. Включая армян. Как и тохаров.

В-третьих, как осуществляется реконструкция праиндоевропейского словаря? Формируя ее принципы, Мейе понимал, что сохранность одной лексемы во всех группах индоевропейских языков – редкость, «поэтому, - писал он, - приходится под ИЕ словами разумеать слова, общие нескольким ИЕ диалектам при условии, чтобы они представляли все фонетические и морфологические изменения, характеризующие те диалекты, к которым принадлежат, и чтобы исторические свидетельства не указывали на позднейшее их появление» (Мейе 1938: 382). Но эти условия не всегда удается гарантировать. Поэтому на практике в определении древности лексем и вообще редких явлений дальний их разброс считается свидетельством восхождения к общему фонду. Достаточно всего нескольким из индоевропейских языков, но разбросанным на противоположные концы индоевропейского ареала, иметь схожие формы, чтобы эти формы были объявлены восходящими к индоевропейскому праязыку. А ведь эта территориальная удаленность схожих форм друг от друга может быть результатом позднейших миграций, перенесших эти формы из положения изоляции народов в положение контакта. То есть эти формы могут быть локальными.

А отсюда могут быть очень важные коррективы в картине индоевропейского глоттогенеза: то, что обычно относят к общеиндоевропейскому фонду и что в глазах лингвистов характеризует праиндоевропейскую культуру и среду, на деле может относиться к более позднему времени. Быть результатом дальних странствий, так сказать, перелетов с одного конца Европы на другой.

К этому добавляется то, что такое же проецирование поздних явлений на праиндоевропейское время происходит и в истории культуры, но там проецируются обычно те явления, которые являются общими для всех индоевропейцев в более позднее время. Так, праиндоевропейцам приписываются кремация как основной способ погребения и боевые колесницы. Между тем, оба явления возникли слишком поздно, чтобы быть праиндоевропейскими. Они возникли тогда, когда уже существовали отдельные индоевропейские языки.

Хороший пример представляет ритуал *ашвамедхи* – жертвоприношение царем белого коня. Он зафиксирован у индоариев, италиков и кельтов (Dumont 1927; Dumézil 1970). В нем реконструируется участие правого коня из упряжки, а сама парность связывается с близнечным культом через ашвинов, Диоскуров и германских Хорсу и Хенгиста. Но, как заметил Мэллори, использование коней в парных упряжках датируется не раньше середины III тыс. до н. э., а разделение индоевропейцев теперь относят к гораздо более раннему времени. Он находит в этом противоречие (Mallory 1989: 136). Разрешить это противоречие можно, лишь отделив контакты, в которых сложился этот ритуал, от общего индоевропейского прошлого и предположив тесное соседство народов, ныне разделенных большими территориями.

Поэтому было бы лучше представлять происхождение индоевропейских языков даже на поздних этапах не в виде древа, а в виде *дельты реки*, рукава которой делятся и сливаются по-новому (рис. 1). Наглядный образ набросан в моем популярном очерке об индоевропейцах (Клейн 1984 – но конкретизация путей развития там произвольна). И то образа дельты недостаточно – надо еще представлять, что эти рукава могут

перебрасываться с одного края дельты на другой по туннелям или акведукам. А если уж представлять древо, то с очень переплетенными и сращивающимися ветвями – таких в природе не бывает. Дэвид Кларк (Clarke 1968, fig. 20) отобразил это различие между природным и культурным развитием в наглядной таблице, сопоставив схемы антрополога А. Крёбера и биологов Р. Р. Сокала и П. Х. Э. Снита и добавив свою схему (рис. 2).

Не нужно представлять себе историю прилежной работницей, послушно следующей законам, предписанным ей Марксом, Ясперсом, Тойнби или, на худой конец, Гумилевым. История – капризная дама, порою соблюдающая законы, но нередко выкидывающая такие фортели, что только диву даешься.

5. Метод совмещения и ретроспективный метод. Таковы трудности, возникающие при попытках согласовать данные археологии и лингвистики на базе модели генеалогического древа. Поэтому остаются две возможности реконструкции, из которых одна – рискованная: сразу перенестись к истокам и идентифицировать среду и время обитания индоевропейцев, исходя из их словаря и глоттохронологии. Е. Е. Кузьмина (1994: 265) называет это «методом совмещения». Это прыжок сразу к пранароду, праязыку и прародине. Я бы назвал это *методом прыжка с шестом*, потому что, применяя его (а шестом служит языкознание), приходится перелетать через ряд эпох – от современности непосредственно к эпохе индоевропейского пранарода. В силу этого, а также из-за неустранимых погрешностей лингвистической реконструкции у метода есть свои ограничения.

Рискованность этого прыжка состоит в том, что глоттохронология не гарантирует точности своих определений; названия же растений и животных переходили с одного на другое и табуировались; культурная лексика заимствовалась, и заимствования не всегда удается отличить от собственного фонда; наконец, в одной среде существовало по несколько совершенно различных культур. Очень трудно реконструировать чистый праязык, да в таком четком виде он и не существовал. Трудно определить его территорию и ареал, потому что с тех пор изменились географические характеристики (климат, природа, иногда и очертания рек и морей), менялись и значения слов. В последнее время киевский исследователь С. В. Конча (1998; 2002; 2004а) реабилитирует некоторые важные основания лингвистической палеонтологии, но и в его интерпретации результат остается вероятностным. Еще труднее ассоциировать язык и этот народ по таким зыбким признакам с определенной археологической культурой, потому что нет уверенности в этническом характере наличных культур, а часто их несколько в этом районе.

В результате мы имеем и сегодня не одну реконструкцию, а ряд лингвистических гипотез о происхождении индоевропейцев, и у каждой свои преимущества и слабости. Какую принять археологам? Конча резонно избрал этот метод для выяснения очага происхождения индоевропейцев, но его результат может быть оспорен. На мой взгляд, основательно звучит помещение этого очага в Центральную Европу, но время распространения индоевропейской речи на степи Восточной Европы (ранний неолит или даже мезолит) этим методом не может быть доказано и представляется чересчур ранним.

Вторая же возможность – ретроспективно продвинуться от каждого исторически засвидетельствованного индоевропейского народа, насколько позволяют материалы, вглубь веков, учитывая доисторические миграции. Таким образом, методу прямого совмещения противостоит *ретроспективный метод* – двигаться от исторически известных языков и народов вглубь веков, прослеживая преемственность постепенно, шаг за шагом, пока где-то в древности корни родственных языков не соединятся в один праязык.

Многие считают этот метод главным, ставят его на первое место (Кузьмина 1994: 264). Одно время советские археологи применяли исключительно вариант этого метода, названный Л. А. Гиндиным и Н. Я. Мерпертом (1984: 7) «локалистским» - ограничивали действие метода территорией нынешнего размещения народа, предки которого разыскиваются. Как это мягко формулирует Кузьмина (1994: 63), суть варианта «заключается в доказательстве непрерывной последовательности и преемственности археологических культур на определенной территории с сохранением основного комплекса до известных исторических этнических групп». Сама Кузьмина (1994: 64) настаивает на необходимости сочетать этот метод с «методом этнизирующих признаков», функционально не обусловленных, но главным признает «ретроспективный метод».

Отвергая гипотезы об индоиранской принадлежности носителей катакомбной и абашевской культур, Кузьмина (1994: 222) аргументирует свою позицию так: гипотезы отвергаются, «во-первых, потому, что не может быть использован признаваемый нами решающим ретроспективный метод, так как не установлены их прямые потомки и их языки...».

Ретроспективно двигаться вглубь веков можно только, пока народы прослеживаются историческими свидетельствами. Дальше проникать этим методом могут лингвисты, сводя воедино языковые ветви в одно генеалогическое древо и двигаясь от ветвей по стволу к корням. Загвоздка в том, что это возможно только в лингвистике, а лингвистика дает очень мало возможностей установить время и, главное, место существования пранарода. По культуре же проследить таким образом преемственность совершенно невозможно, потому что, в отличие от языка, объединенного грамматической системой и вынужденного изменяться очень постепенно, культура способна претерпевать радикальные и быстрые перемены, она принимает разные вклады и у нее много корней, нет главного корня. Каждый из корней оставил какой-то след в языке, но который из корней сопряжен с основной языковой преемственностью, неизвестно. Поэтому, если о родстве конкретного индоевропейского языка обычно споров нет, происхождение каждой культуры всегда спорно, а археолог вынужден на каждом шагу останавливаться перед развилкой и гадать, который из корней предпочесть. В этом гадании нередко определяющим фактором служит оглядка на национальное самолюбие и политические потребности.

Для археологов *ретроспективный метод* в том виде, как он применяется, бесполезен. Как я уже объяснял в начале, корней у каждой культуры много, какой выбрать? Если лингвисты имеют в своем распоряжении много ветвей и должны (нередко ощупью) продвигаться к стволу, то у археологов в руках ствол одной культуры, а продвигаться нужно к корням, всегда ощупью, и найти тот, на котором нужный клубень неясно как, а только съев его, увидишь языковое древо. Ствол у них в руках, а корней много и они расходятся в разные стороны, какой из них был сопряжен с передачей основного языка, непонятно. Теоретически мог быть сопряжен любой. Нет корреляции между интенсивностью языкового и культурного вкладов.

Тут и археология и лингвистика недостаточны. Норманны господствовали во всех русских городах, в культуре их вклад очень заметен, самоназвание народа происходит от них, а в язык вошла горстка слов. Волжские булгары захватили земли придунайских славян, а в язык вошло только три слова, в том числе самоназвание. С другой стороны, дорийские диалекты заповили в начале I тыс. до н. э. всю Грецию, историки твердят о дорийском нашествии, а в археологии миграция с севера для этого времени не прослеживается.

Всё же у археологов до сих пор не переводятся охотники работать ретроспективным методом, и только им. Основания для этого – с одной стороны иллюзия, что можно действовать по примеру лингвистики, а с другой – реалистичное представление, что близкие культуры легче узнать, чем далекие, и углубляться легче постепенно.

Я не раз критиковал ретроспективный метод археологического исследования, показывая его бесперспективность для археологии в том виде, в каком он применяется (Клейн 1955; 1969). В то же время я понимал, что в этногенезе начинать свой путь археологи несомненно должны ретроспективным методом – пока они движутся вместе с историками, опирающимися на письменные источники. В Индии – до периода, освещенного Ригведой, в Иране – Авестой и сообщениями клинописных табличек, в Греции – до пределов критомикенской письменности. В каждом из этих районов нужно найти археологические культуры, соответствующие картине, обрисованной письменными источниками. Только создав эту базу, - так сказать, подвинув трамплин, насколько возможно, вперед, - совершить прыжок. Уже без поддержки письменных источников. Или точнее, несколько прыжков – к последовательным сочленениям ветвей древа, всё более близким к общеиндоевропейскому стволу.

Но не получается ли всё тот же ретроспективный метод? А он обладает указанными пороками. Я долго думал, как избежать этого противоречия. И пришел к выводу, что единственным способом будет замена письменных источников какой-то другой опорой для археологии. А такой опорой может быть прежде всего лингвистика. Не только она. Есть еще антропология, которая ныне обзавелась палеогенетическими методами и стала чрезвычайно мощным познавательным средством. Ее уже сделанный вклад в изучение неолитизации Европы не оценим. Сейчас уже можно уверенно сказать, что с

наступлением неолита значительная часть мезолитической Европы была заново заселена из Передней Азии. И можно узнать, какие области Европы были заселены пришельцами из Передней Азии, а какие неолитизировались в порядке влияний и ассимиляции (Ammerman and Cavalli-Sforza 1984; Renfrew and Boyle 2000; Zvelebil and Lilley 2000; Novak 2001; Bentley et al. 2002; Gkiasta et al. 2003). Но коль скоро речь идет о судьбах языков, то и без лингвистики не обойтись. Здесь я исследую только кооперацию археологии с ней.

Двигаясь ретроспективным методом, важно сознавать, что на каждом шагу возможно несколько путей и выбор самими археологическими данными не определяется. Поэтому здесь не подходит принцип «*регрессивного пуризма*» в деле синтеза разных источников, выдвинутый немецкими археологами (в частности Г.-Ю. Эггерсом и Р. Гахманом) и выраженный фразой немецких стратегов – *getrennt marschieren, zusammen kämpfen* (Eggers 1959: 250 - 251; Hachmann 1970: 10 - 11, 473). Согласно этому строгому методическому принципу каждая дисциплина должна прорабатывать материал самостоятельно, и только результат сопоставить с результатом другой дисциплины – чтобы не было самообмана, невольного подлаживания результатов. Я критиковал этот принцип и отдельно (Kleijn 1974; Клейн 1974), но здесь должен еще раз подчеркнуть его нереалистичность. Чтобы не быть слепыми в нащупывании нужного корня, археологу необходимо знать в каком направлении искать, – то есть учитывать языковое родство, подсказанное лингвистами. И делать это на каждом шагу.

Это тоже продвижение, носящее, в общем, ретроспективный характер. Но в таком продвижении видны одновременно все сочленения языкового дерева впереди, так что археологи, останавливаясь на каждом развилке своего противоположно ориентированного дерева, будут иметь перед глазами всё языковое дерево и смогут выбрать на своем древе путь, ведущий к индоевропейскому стволу.

Это уже не тот же ретроспективный метод. Это, так сказать, *ретроспективный метод с прицелом*. Можно ожидать, что он сузит круг, в котором стоит искать прародину индоевропейцев, и этим облегчит работу методом совмещения построенного лингвистами праязыка с данными археологии. Более того, он, возможно, откорректирует и само строительство праязыка.

6. Юговосточные индоевропейцы на схемах дерева. Здесь я задался задачей исследовать эту возможность, приняв за отправные пункты несколько индоевропейских языков одной большой ветви – ее называли то центральной, то юго-восточной. Задача очень непростая.

Эта ветвь начала формироваться уже с самого начала истории выявления индоевропейского родства и модели праязыков и генеалогического дерева. Уже у Шлейхера (1863) в его генеалогическом древе иранские и индийские языки стоят рядом и, вырастая из большой ветви, образуют одну веточку, а рядом от той же большой ветви отходит веточка с греческим и итало-кельтскими; славянские, балтские и германские – на противоположном фланге (рис. 3 - 4). Но еще в 1853 г. Макс Мюллер, а в 1858 Э. Лоттнер и в 1871 г. А. Фик построили древо иначе, пустив иранские с индийскими отдельной ветвью, а все остальные - другой, от которой следующими отделяются греческий с латынью (рис. 5 – 7). Греческий и латынь у Фика сблизилась с германскими, потому что он открыл деление языков на группы, позже названные «кентум» и «сатем». Еще более использует результат этого деления Ф. Мюллер (1873) в своем древе языков, ствол которого делится надвое, и греческий с италийскими и кельтскими растут на одной ветви, а иранские с индийскими – на второй вместе с германскими, славянскими и балтийскими, только отдельно от них (рис. 8). Всё же схема Шлейхера долгое время оставалась наиболее авторитетной.

Младограмматики перешли на другую модель родства, представленную лучше всего *теорией волн* И. Шмидта (1872) и выраженную в формально-лингвистическом плане пучками изоглосс (собственно графически модель Шмидта и представляет собой пучки изоглосс). В этих пучках мы находим индоиранские языки в одном круге изоглосс, охваченном более широким кругом, в котором по соседству с ними располагаются армянский, фракийский и фригийский языки, а с другой стороны поблизости – балто-славянские и албанский. Языки германские, кельтские и греческий – в центре других кругов, лишь немного задевающих круг индоиранский (рис. 9 – 10).

Б. Дельбрюк в 1880 даже поставил под сомнение все группировки индоевропейских языков в семьи, кроме индоиранской. К. Бругман в 1886 признавал и некоторые другие, а главной счел разделение языков по судьбе в них палатальных – переходят ли они в шипящие и свистящие или нет. Это разделило индоевропейские языки на восточные и западные. П. фон Брадтке в 1888 г. назвал эти группировки по звучанию слова 'сто' языками «сатем» и «кентум». В начале XX века А. Мейе строил схему членения индоевропейских языков на основе анализа изоглосс – как схему территориального разрастания. У него вся совокупность разделена надвое – на восточные и западные языки – вертикалью как раз по принципу «сатем» – «кентум». Но делит эту совокупность пополам и диагональ – в этом случае по одну сторону окажутся как раз интересующие нас языки: греческий, армянский, иранский и индийский (правда, еще и албанский). Армянский и албанский у него в центре всей совокупности (рис. 11).

В 1921 г. Б. Террачини ввел деление на центр и периферию как основной принцип деления. Он исходил из того, что все инновации распространяются из центра, а на периферии господствует консерватизм. Поэтому языки, развившиеся из центральных диалектов, более продвинуты в отходе от праиндоевропейских норм, а периферийные ближе к праиндоевропейскому (принцип, противоположный националистическому представлению германских ультрапатриотов). Принцип этот поддержали Бонфанте, Девото и др. У Бонфанте всё еще больше значения придается делению восток/запад, но заметно и выделение центра (рис. 12). И. А. Кернс и Б. Шварц (рис. 13) поместили в центр германский с балто-славянскими и греческий с арийскими, остальные расположились по периферии (у Бонфанте всё наоборот).

К этому времени древо разрослось. Были открыты и идентифицированы индоевропейские языки Малой Азии – хеттский, лувийский, палайский, которые, как считают почти все лингвисты, отделились от индоевропейского древа очень рано и оказались достаточно далеко на юго-востоке – в Малой Азии. Затем по анализу субстратной лексики Балкан, топонимики, ономастики и немногих надписей были получены представления о палеобалканских языках – фракийском, фригийском, карийском. Эти языки оказались, с одной стороны близки греческому («кентум»), а с другой – индоиранским («сатем»). Затем были открыты и изучены тохарские языки, по лексике и морфемам близкие к центрально-европейским, но непонятным образом оказавшиеся еще гораздо дальше хеттского – далеко к востоку от индийского. Деление по критерию «сатем» – «кентум» оказалось не коррелирующим с прочими отличиями и было признано поздней локальной инновацией, хотя и широко распространенной.

Его и деление на центр и периферию отбросил в 1933 г. В Пизани. Именно он первым отверг генеалогическое значение разделения на группы «кентум» и «сатем». Согласно ему, праиндоевропейский язык не делился изначально на эти две группы. Превращение палатальных в шипящие возникло в одном месте и распространялось по диалектам оттуда. Превращение в свистящие – в другом месте и распространялось оттуда самостоятельно. Вообще многие соответствия, рассматривавшиеся как индоевропейское наследие, не являются таковым, а ведут свое происхождение от более поздних контактов. Это очень важное замечание, но оно не было последовательно проведено в жизнь и самим Пизани. На своей схеме диалекты в праиндоевропейском он размещает соответственно их нынешнему географическому положению (рис. 14).

Как можно заметить по дальнейшим вариантам членения индоевропейской семьи (т. е. моделям ветвления древа языков) членение это со времени младограмматиков получало всё больше характер географической стабильности. То есть ветви расходились так, чтобы с минимумом изменений перейти в современное географическое распределение языков. Принималось, что со времени индоевропейского праязыка территория индоевропейцев сильно расширилась, но расширялась она постепенно, и в узком первоначальном ареале сразу же после разделения отдельные ветви занимали примерно те же сектора, которые языки этих ветвей занимают в нынешней большой области конечного расселения. То есть прагерманцы сидели на севере ареала, праславяне – на северо-востоке, пракельты – на западе, прагреки – на юге, праиранцы – на востоке, праиндийцы – еще дальше на востоке. Это методический принцип *простой центробежности, простого радиального расхождения*.

Так всё это выглядит на схемах Порцига и Краэ, созданных ближе к современности и выделяющих «древнеевропейское единство» из центральных или, скорее, западных

языков (Krahe 1954; 1959; Porzig 1954; Порциг 2002). (Любопытно, что оба ушли от необходимости как-то отобразить свои концепции графически.) Порциг (2003: 81) задает вопрос: «...отражает ли размещение индоевропейских языков в историческую эпоху как бы в увеличенном виде положение индоевропейских племенных диалектов на их прародине...?» И отвечает на этот вопрос положительно: разделение на две группы – восточную и западную сохранилось, и те языки, которые были восточными остались на востоке, а те, что были западными, остались на западе. Антрополог Б. Лундман (Lundman 1961) изобразил этот принцип расселения очень наглядно в радиальной схеме (рис. 15).

Порциг при этом подчеркивал, что периферийные языки (индоарийский, балто-славянские и литовский) сохранили очень архаичные черты не только в грамматике, но и в лексике (2003; 316 – 317). Но другие исходили из противоположного принципа: центральные – самые чистые. В 1978 г. Вольфганг Шмид (Schmid 1978: 5, схема) даже построил теоретическую модель родства (соотв. расселения) индоевропейцев в виде концентрических кругов, предположив в центре балтийский праязык как наиболее близкий к исходному (рис. 16).

Ровно через сто лет после И. Шмидта в Америке издана книга Р. Антиллы (Antilla 1972), автор которой восстановил теорию волн и построил отношения между семьями индоевропейских языков на основе 24 изоглосс (рис. 17). Наиболее густые пучки изоглосс отделяют греческий от итало-кельтских и хеттского с тохарским, а с индоиранскими и армянским его связывает не так уж много изоглосс.

В 1982 г. Франческо Адрадос (Adrados 1982a) практически вернулся к генеалогическому древу Шлейхера, вмонтировав в него хеттский и тохарский языки, рано отделившиеся. Одновременно с отделением тохарского остальная совокупность у Адрадоса распалась на два блока – северный (объединяющий будущие западные языки с балтийскими и славянскими) и южный – греко-фракийско-армянско-арийский (рис. 18). Гамкрелидзе и Иванов (1984, 1: 415, схема 3) повторили эту схему, причем, как и у Адрадоса, «арийско-греческо-армянский» у них – одна ветвь (рис. 19 - 20). Ренфру в 1987 г. предложил схожую концепцию (прародина в Анатолии), но он добавил исходил из модели постепенного растекания языков, поэтому ему нужно было, чтобы греческий отделился рано от остальных – вскоре за хеттским, а индоиранские языки гораздо позже и от одной ветви с протославянскими. Он не дал схемы древа, но только так и можно понять его карту распространения языков из Анатолии (посмотрите на стрелки и прочтите объяснения в тексте – см. рис. 21).

Марек Звелебил опубликовал в 1995 г. чрезвычайно интересную статью с модификацией теории Ренфру на основе идей Трубецкого о том, что индоевропейского языка не существовало, а процесс индоевропеизации протекал параллельно с процессом неолитизации Европы и осуществлялся в значительной части посредством сплава при контактах (креолизация). В основном его концепция направлена против повсеместности миграций. Но распространение языка из одного первоначального источника (Анатолии) не отвергается, отвергается лишь деление пранарода. Конечная схема всё же очень напоминает древо (рис. 22). На этом древе ветвь индоиранцев далеко отстоит от ветви греков (и естественно: признав анатолийскую прародину, без такого разброса не обойтись).

Изобретенная в середине XX века глоттохронология Морриса Суодеша поначалу поместила разделение северных ветвей индоевропейского древа в XVIII век до н. э. ± 4 века, что близко совпало с модной тогда схемой Гимбутас (Суодеш с радостью сообщал об этом). А работавший схожим методом, но замерявший по исторически самым ранним состояниям языков, Ифреим Кросс получил дату на 5 веков глубже (Swadesh 1953). Между тем, измерения проводились ведь над одними и теми же языками. И в тех случаях, когда можно проверить, например, в распаде романского и германского праязыков, глоттохронология Суодеша сильно ошиблась. После первого увлечения объективностью и абсолютной хронологией ее версий древа глоттохронология была фактически отстранена от решения этой проблемы. Но и пройдя период испытаний и усовершенствований, она стала выдавать решения, с которыми согласиться тоже не всегда возможно.

Так в 2003 г. новозеландские биологи Рассел Грэй и Квентин Эткинсон (Gray and Atkinson 2003) опубликовали свою версию древа, рассчитанную со всеми возможными поправками и применением новейшей статистической методик. Они исследовали 87 индоевропейских языков, используя усовершенствованную базу Айседоры Дайен. По результатам подсчетов генерировали миллионы потенциально возможных деревьев и

отобрали из них по случайному критерию для анализа 10 000, а их проверяли на соответствие условиям реального существования древа. У них распад индоевропейского праязыка получился не в VI тыс. до н. э., как это выходило у большинства их предшественников, а приблизительно между гг. 8 000 и 6 700 до н. э. (рис. 23). Первым отделившимся от общего ствола языком был хеттский, вторым (ок. 5900 г.) тохарский, третьим (ок. 5300 г.) грекоармянский, четвертым (ок. 4900 г.) индоарийский. От оставшейся общности отделился балто-славянский (ок. 4500 г.). И т. д. Новшества – не только углубление возраста всего древа, но и то, что вместо греческого и армянского в одну ветвь с ариями помещен албанский.

Схема выглядит более реалистичной, чем прежние, но всё же остается ряд сомнений. В обосновании этой схемы смущает именно обилие корректирующих факторов, которые мне трудно проконтролировать, а квалификация лингвистов, на которых опирались авторы, мне неизвестна. Скажем, они предварительно удаляли из базы заимствованные слова. Но я не уверен, что диагноз заимствованности был верен, а ведь удаление сказывается на вычислении процентов и, соответственно, хронологии. Как менялась скорость изменений в ходе эволюции, они устанавливают анализом топологии древа языков (упоминаются марковские цепи). Применяют также алгоритм сглаживания отношений для коррекции этих изменений. Желательно, чтобы правомерность и корректность применения всех этих средств были проверены квалифицированными лингвистами-статистиками.

Авторов пленила близость их схемы по датировкам схеме Ренфру, и они объявили, что их выводы косвенно подтверждают анатолийскую прародину индоевропейцев, хотя ничего об этом прямо не говорит. Ведь и высокие даты, и отделение хеттского языка первым есть и в некоторых схемах с другой локализацией прародины. Просто они взяли для проверки на соответствие только две лингвистические концепции происхождения индоевропейцев – две самых модных: «Курганную» концепцию Гимбутас и анатолийскую концепцию Ренфру. Все остальные не затрагивались проверкой.

Возможно, кроме того, Грэй и Эткинсон поверили в идею, что в первоначальном очаге должна остаться ветвь, отделившаяся первой (как в случае с африканской прародиной человечества). Но ведь это не непреложный закон, а только вероятность. Скажем, можно рассмотреть второй шаг той же схемы деления (отделение тохарских языков) как первый. Ведь предлагал же Стёртевант первый шаг рассматривать как разделение индо-хеттского праязыка, а только второй шаг трактовать как деление индоевропейского (Sturtevant 1942). И что же? Отделившаяся ветвь ушла далеко, а древо осталось на старом месте.

Конечно, структура представленной схемы и датировки заслуживают внимания. Существенно, однако, что и глоттохронология делает все расчеты для идеальной модели распада, без учета пространственных перебросок.

7. Альтернатива. Между тем реальная преистория далеко не была столь регулярной и схематичной. Готы из своих северных обиталищ проникли на юго-восток и создали на Днепре свое государство, и еще в средние века в Крыму звучал готский язык, а вестготы оказались в Испании. Вандалы забрались в Северную Африку. Идея дольменов принесена на Северный Кавказ с дальнего запада (с Пиренейского полуострова и с Центральной Европы), как и в Иорданию и, может быть, в Болгарию. Культура колоколовидных кубков с крайнего запада Европы докатывается до Украины. С нашествием «народов моря» на Палестину и Египет туда прибыли не соседние хетты, а гораздо более северные европейцы. Феномен тохарских языков очень важен еще и потому, что он окончательно дискредитирует принятый в построении ареальных схем принцип простого радиального расхождения.

Принцип этот был принят молчаливо и естественно в пору борьбы с миграционизмом, в пору отвержения любых дальних миграций, если о них нет прямых и бесспорных исторических сведений. Реконструировать дальние миграции запрещалось. В. Миллойич иронически называл это «Siebenmeilenstiftologie» – «типологией семимильных сапог». Несомненная дальняя миграция тохаров на восток из участка, отнюдь не самого восточного в ареале праиндоевропейцев, сбивает все построения, основанные на принципе простой центробежности, а многие достоверные аналогии этой

миграции, находящиеся в разных ареалах и разных эпохах, усиливают это воздействие. Они делают восстановление первоначального положения предков разных индоевропейских народов в ареале первичного расселения не вытекающим само собой из нынешнего положения этих народов. Оно становится зависимым от конкретной пре- и протоистории этих народов, включающей «неправильные», инаправленные миграции как весьма возможный элемент.

Я уже говорил, что отсюда вытекают следствия, очень важные для лингвистов, занимающихся реконструкцией праиндоевропейского языка – как бы его ни называть (праязык, язык-основа, праязыковое состояние). Но то же относится к мифологам. Дело в том, что мало какие лексемы, мифологемы и вообще формы языка или мифа сохранились, пусть и измененные, во всех без исключения индоевропейских языках и во всех мифологических образованиях. Те языковые и мифологические формы, которые сохранились в соседствующих языках (как географические изоглоссы), естественно воспринимаются как характеризующие одну ветвь, одно подсемейство языков, или, если языки чужды друг другу, – как след древних контактов. Но если эти формы оказываются в языках, расположенных на противоположных краях ареала, то это считается свидетельством того, что формы сохранились от праязыкового состояния, а в остальных языках просто исчезли. Они приписываются праязыку и пранароду. Между тем они тоже могут быть следами контакта, поскольку и эти языки в глубоком прошлом могли быть рядом друг с другом. С мифологическими образованиями обстоит дело так же.

В принципе кельтские языки и мифология могли контактировать с индийскими. Я не утверждаю, что это так и было. Но в принципе это возможно.

А как было в реальности? Чтобы выяснить это, нужно проследить, елико возможно глубоко, конкретную преисторию языков. Это я и попытаюсь сделать, избрав для этого группу индоевропейских языков, предположительно и прикидочно связанных с культурами понтокаспийских степей – теми археологическими культурами, которыми я больше всего занимался. В ходе работы постараемся проверить эти привязки, одни отбросить, другие подтвердить, третьи заменить, четвертые оставить под вопросом.

Мой выбор представляется тем более целесообразным, что в ряде концепций второй половины XX века (Порцига, Краз, Хенкена) всё внимание концентрировалось на западных индоевропейских языках. Восточные языки, о которых идет речь, это прежде всего арийские или индоиранские (индоарийские и иранские), а также объединенный с ними многими общими изоглоссами греческий. Это также схожие с теми и другими палеобалканские языки – фригийский и фракийский – и тесно с ними связанный своим индоевропейским ядром армянский (правда, армянский очень труден для такого анализа, потому что он сильно видоизменен своим мощным урартским субстратом – отпали многие окончания, и резко изменилось произношение). Это также хеттский язык, точнее анатолийская ветвь языков, многие лингвисты ее объединяют с арийскими. По ходу дела будем касаться и других языков, бывших в контакте с избранными.

Мое ограниченное филологическое образование не позволяет мне вникать в чисто лингвистические споры. Лекции В. Я. Проппа, И. И. Мещанинова, Б. А. Ларина и С. Д. Кацнельсона на филологическом факультете я слушал более полувека назад, а с тех пор лингвистическими проблемами только интересовался издали. Моя профессиональная деятельность – археология и культурная антропология. Поэтому я сосредоточусь на археологической стороне дела, и моего знания лингвистических материалов хватит лишь на выбор их для синтеза с археологическими материалами. Я надеюсь, что проверку моего выбора и всей затеи обеспечат мои коллеги-лингвисты, как, разумеется, и археологи.

Для полного синтеза необходимо привлечь также материалы физической антропологии, этнографии и других дисциплин, но такая полнота мне сейчас уже не по силам. Это я оставляю для дальнейшего развития темы, если оно покажется коллегам перспективным.

Рис. 1. Модель дельты реки из «Знание – сила».

Рис. 2. Две модели генеалогического древа из книги Кларка.

Рис. 3. Схемы генеалогической классификации индоевропейских языков по Шлейхеру (из Томсена)

- Рис. 4. Схемы генеалогической классификации индоевропейских языков по Шлейхеру и Леману (из книги Ренфру)
- Рис. 5. Схема ген. класс. яз. по Мюллеру (из Порцига)
- Рис. 6. Схема ген. класс. яз. по Лоттнеру (из Порцига)
- Рис. 7. Схема ген. класс. яз. по А. Фику (из Томсена).
- Рис. 8. Схема генеалогического членения языков по Ф. Мюллеру (из книги Томсена)
- Рис. 9. Схема волн по И. Шмидту (из Томсена)
- Рис. 10. Схема волн по И. Шмидту и Леману (из Ренфру)
- Рис. 11. Схема древа по Мейе (из Порцига)
- Рис. 12. Схема генеалогического членения языков по Бонфанте (из Порцига)
- Рис. 13. Схема по Кернсу и Шварцу (из Порцига)
- Рис. 14. Схема Пизани (из Порцига, с. 76).
- Рис. 15. Схема расселения Лундмана (с. 10).
- Рис. 16. Теоретическая модель индоевропейского родства В. Шмида.
- Рис. 17. Волновая схема членения индоевропейской общности у Р. Антиллы (1 – изоглосса centum/satem).
- Рис. 18. Схема членения индоевропейской общности по Франческо Адрадосу (из Мэллори 1989: 20, рис. 9).
- Рис. 19. Схема Гамкрелидзе Иванова
- Рис. 20. Схема Гамкрелидзе и Иванова с делением на диалекты.
- Рис. 21. Карта распределения ИЕ языков по Ренфру
- Рис. 22. Разделение индоевропейских языков по гипотезе неолитической креолизации М. Звелебила.
- Рис. 23. Схема соотношений языков по глоттохронологии Грэя и Эткинсона

Обсуждение

Казанский. В лингвистике очень часто есть следы, которые принимаются за свидетельства разнесения архаичных черт на периферию, тогда как новации оказываются в центре. Например, термины власти: кельтское *rix*, латинское *rex* и индийское *raja*. Есть ли что-либо подобное в археологии?

Клейн. Такое положение выдвигали относительно археологии американские археологи, соратники Боаса. Они рассматривали так развитие каждой культуры. Но это может иметь вес только при условии отвержения дальних миграций. А если они есть, то сразу же возникает предположение, что эти схождения территориально крайних явлений получают объяснение из прежнего жительства нынешних отдаленных друг от друга народов по соседству друг с другом. Именно так я считаю возможным объяснить лингвистическое схождение кельтов с индоариями.

Герценберг. Я очень рад, что докладчик занял критическую позицию относительно глоттохронологии. Для меня в лингвистике нет такого метода. Не верю в его возможности.

Откупщиков. На мой взгляд всё же правы те, кто советует сперва исследовать в разных дисциплинах материал порознь в пределах компетенции каждой, а лишь затем сопоставлять результаты.

Шувалов. Меня не вполне удовлетворяет использование докладчиком понятия «археологическая культура». Как мне представляется, оно устарело, и на Западе от него давно отказались. Докладчик сам немало способствовал утверждению принципа, что нет соответствий между этносом, языком и культурой. Нужно из этого исходить.

Казанский. Чрезвычайно интересный доклад. Здесь есть над чем поразмыслить. Следует, однако, учитывать, что и с языком всё не так просто. Не только культура, но и языковая система способна быстро и радикально изменяться (приводятся примеры).

КЛЕЙН. Моя критичность к глоттохронологии всё-таки меньшая, чем к аналогичным попыткам исходить из равномерности темпов развития в археологии. Приблизительную ориентировку глоттохронология всё же способна дать. Совсем уж уравнивать изменения в языке и в культуре не стоит – степень устойчивости системы всё-таки разная. Относительно принципа пурификации я в печати приводил подробно его достоинства и недостатки. Педантично следовать этому принципу просто невозможно, поэтому приходится, исходя из реальности, как-то его ограничивать. Что касается археологической культуры, то и этот вопрос я подробно разобрал (в своей «Типологии») и позиций менять не нахожу оснований. Археологическая культура – понятие классификационное, соответствующее археологической реальности. А этнос и язык – понятия другого уровня. Но надо же искать связи с археологическим материалом, а в нем другого понятия для территориальной общности не дано. Те, кто предлагают изгнать его из археологии, на деле просто заменяют термин «(археологическая) культура» другими терминами – «фация», «фокус», «общность» и т. п. Толку-то что? Какими терминами ни замени, всё равно принципиального совпадения с этносом и языком не получится, а искать связи (не совпадения) всё равно приходится. Благодарен за замечания.

Глава I. Иранцы

1. Историческое предание. Ираноязычные народы – это прежде всего языковая общность. За ее сложением стоит период древней исторической общности и – как ее отражение – культурной. Различия современных иранских языков говорят о ее разделении и распаде. Но иранские языки всё еще занимают огромную (на заре истории сплошную) территорию (рис. 1), так что разделение было не столько географическим, сколько социально-географическим. Не на всей этой территории иранцы расселились одновременно, и проследить их по историческим сведениям не во всех районах удается равно глубоко.

В Западном Иране и в Закавказье (вокруг озера Урмия) *иранцы* засвидетельствованы историческим преданием и массовой ономастикой с IX века до н. э., в Мидии – с VIII века (Дьяконов И. 1956; Дьяконов М. 1961; Грантовский 1962; 1970; Оранский 1979; Medvedskaya 1982).

Создателями Персидской империи Ахеменидов в античное время (рис. 2) были персы, иранская народность, чей язык отложился в клинописной письменности, расшифрованной в XIX веке. Сами персы жили в южной части своей империи – у Персидского залива. Наряду с Персией иранская государственность в античную эпоху была представлена в разное время Мидией, Парфией и Бактрией.

Мидия занимала территорию нынешних Азербайджана, Курдистана и соседние земли Ирана – все в основном южнее Каспийского моря. Народность мада упоминается в ассирийских надписях с IX века до н. э., в конце VII в. мидяне в союзе с Вавилоном разрушили ассирийское царство, а в VI – Мидийское царство было завоевано Персией. Язык мидян также принадлежал к числу иранских. К юго-востоку от Каспийского моря в империи Ахеменидов находилась провинция Парфия, заселенная иранской же народностью парфян, упоминаемой уже в VI в. до н. э. в Бехистунской надписи Дария как парсхава. В III в. до н. э. туда подселилось племя *парна* из Средней Азии, и вскоре парфяне создали свою империю, существовавшую с III в. до н. э. по III в. н. э. Между средним течением р. Окса (Аму-Дарья) и Гиндукушем после Александра Македонского располагалось Бактрийское царство (Бактрия-Согдиана), от которого остались ираноязычные надписи и рукописные тексты. Но культура этой местности одна с VIII до н. э., так что ираноязычные *бактрийцы*, видимо, населяли эту местность уже тогда. Часть ее южнее Окса, по реке Мургаб, составляла Маргиана – Маргуш. Похоже, что в этой культурной среде действовал пророк Заратустра и сформировался зороастризм.

В районе низовий Аму-Дарья в XI – XIII н. э. располагалось царство хорезм-шахов с центром в Хорезмском оазисе, позже там было Хивинское ханство. В VI - IV вв. до н. э. Хорезм составлял часть иранской империи Ахеменидов, а по сообщениям античных источников, еще раньше хоразмии входили в степную конфедерацию массагетов Средней Азии. С IV в. до н. э. в Хорезме самостоятельные цари, с I – II вв. н. э. своя чеканка монет. Судя по личным именам, хорезмийцы были родственны согдийцам и менее близко – скифам.

Скифы Северного Причерноморья (VII – III вв. до н. э., рис. 3 - 4) говорили на иранском языке – это установлено анализом скифских имен и отдельных глосс в текстах греческих авторов и в надписях (Миллер 1887; Vasmer 1923; Абаев 1958 – 79; 1965). По Геродоту, скифы пришли из Азии, переправившись «через Аракс». Исследователи долго гадали, что это за река – то ли Волга, то ли Урал, то ли Аму-Дарья, но я привел доказательства того, что это сообщение – результат путаницы. Аракс – это Аракс, та река, которая еще и сегодня так называется в Закавказье. Геродот ошибся - рассказ о возвращении скифов через Кавказ из их похода в Азию (тем же путем) он принял за их вторжение в Северное Причерноморье, поскольку, судя по восточным сообщениям, походов было два, а он знал только второй (см. Клейн 1951; 1975). Подробности конца первого похода совпадают с деталями его описания вторжения. Этот мой пересмотр источников был принят моим учителем М. И. Артамоновым (1970; 1971а; 1971б; 1974).

Из этого сбоя у Геродота проистекает его столкновение легенд: с легендой о «приходе» скифов (как видим, искусственной) конкурирует легенда об их исконности в Северном Причерноморье, которую они рассказывали сами. Подобное противоречие в мифологической системе скифов маловероятно. Так или иначе, на легенды в этом вопросе положиться нельзя.

В степях между Доном и Енисеем, а также на Сыр-Дарье и Аму-Дарье античные авторы помещают *савроматов* (позже передвинувшихся на запад – на Украину), *саков*, *массагетов* и другие племена, в которых по их личным именам и обычаям можно узнать тоже иранцев (Bailey 1958). И это вроде бы согласуется с их приходом из Азии.

Самые древние сведения об ираноязычных народах дает Авеста – памятник религиозный, содержащий учение пророка Заратуштры (в греческом произношении Зороастра) и литургические предписания (Лелеков 1992). Его древнейшая часть – гаты ('песни'), состоящие из гимнов Заратуштры, – датируются в очень широких пределах – от середины II тыс. до примерно 1100 г. до н. э. (Gnoli 1980; Бойс 1987; Боусе 1992). Язык очень близок языку Ригведы и в нем много особенностей восточноиранских диалектов. В Авесте нет упоминаний городов, общество Авесты выглядит вполне первобытнообщинным. Не упоминаются местности западного Ирана; гимны складывались где-то в северо-восточном Иране или в прилегающих районах Средней Азии. Именно там Авеста помещает «Арьяварту» – блаженную 'страну ариев' (понятие, неизвестное Ригведе). Но это не иранцы вообще, а лишь те иранские племена, у которых зарождался зороастризм.

Что говорит о происхождении скифов и их ираноязычных соседей и родичей археология бронзового века?

2. Скотоводы или земледельцы? На основании того, что Заратуштра в Авесте отдавал предпочтение земледелию перед скотоводством, первое ираноязычное население Ирана пытались возвести к земледельческим цивилизациям Средней Азии и Ирана, но тщетно – из этого ничего не вышло. Эта концепция выражена в двух гипотезах – о серой керамике как признаке иранцев и о земледельческих ирригационных культурах как их первоначальном очаге.

Весьма солидные исследователи (К. Янг, Ж. Дейе, Р. Дайсон, И. Н. Хлопин) связывали расселение иранцев и даже прото-индоиранцев с трансформацией культуры расписной керамики и распространением культур серой керамики в Северо-Восточном Иране и на юге Средней Азии (рис. 3 - 8. - Dyson 1965: 220; Masson and Sarianidi 1972: 97 – 111; Thomas 1982: 64 - 67) или в Западном Иране (Сарианиди 1990). Это рассматривали как автохтонное развитие, в котором, однако, пришельцы приняли заметное участие (Dyson 1973: 690 691). Серая керамика появляется в Гиссаре в начале III тыс. до н. э. (Гиссар IIА синхронизируется с раннединастическим I Месопотамии, ок. 2900 – 2750) и сменяет расписную керамику к середине тысячелетия (Гиссар IIIВ синхронизируется с раннединастическим II – IIIа, ок. 2750 – 2500) (Dyson 1968: 310 – 311). К тому же серая керамика, подражающая своими формами и лощением металлической посуде (рис. 4), распространяется примерно в то же время и в Анатолии, Греции и на Балканах, а еще раньше в культуре Урук в Месопотамии. Это вдохновляет сторонников увязки серой керамики с иранцами: иранцы тут уместны как часть индоевропейцев. Но именно это говорит и против гипотезы: территория слишком велика, а в Иране она не совпадает и с ареалом иранских имен. По времени тоже слишком рано: иранские имена для такой рани не зафиксированы. Урукскую культуру более обосновано связывают с инфильтрацией семитов в Месопотамию. Серая керамика – явление местное и межкультурное, она не связана с распространением одного этноса.

После работ Э. А. Грантовского (1977; 1981) и И. Н. Медведской (1977, Medvedskaya 1982) с этой гипотезой покончено. Поскольку в VIII – VII веках, когда Мидия была явно ираноязычной, в городах ее была распространена расписная керамика с местными корнями, ясно, что иранцы, придя, осваивали местные керамические традиции.

Еще важнее другое обстоятельство. В Иране и Средней Азии те культуры с расписной керамикой III тыс. до н. э. (рис. 9 - 10), с которыми иранцев хотели связать и наши и зарубежные исследователи (например, Хлопин 1970), выглядят очень странно для иранцев (рис. 11): поливное земледелие, оседлая жизнь в крупных поселениях, дома из

сырцового кирпича, из скота преобладает мелкий (овцы, козы и свиньи). После работ Е. Е. Кузьминой (1981; 1994) и с этой гипотезой покончено.

Всё это совершенно не сопоставимо по всему укладу жизни с тем, что мы знаем о раннем хозяйстве и быте иранцев и вообще индоиранцев – в основном скотоводов и полукочевников. Боги индоиранцев носят эпитеты «владыка обширных пастбищ», «дарующий богатство скотом». Даже в ахеменидскую эпоху дворец у иранцев назывался *hadiš* – «обитель», «становище», от того же корня и «загон для скота». От авестийского термина *vi-dā* («строить жилище») происходит в средне- и новоиранских языках слово, обозначающее шатер, жилище типа юрты. В культовой практике иранцев огромное место занимают конь и двугорбый верблюд. А, как указал И. М. Стеблин-Каменский (1995), орудия, полученные первочеловеком Йимой, были не стрела, кинжал, кольцо и плуг (как раньше переводилось), а чисто пастушеские – кнут (или стрекало), украшенное золотом, и золотой рожок (это показано у Дюшень-Гийемина).

В Средней Азии вообще нет смысла помещать прародину иранцев хотя бы потому, что в Авесте бобер считается священным животным, культовым животным богини Ардвисуры-Анахиты. В Авесте она описывается как одетая в шубу из 30 шкур самок бобра, «четырежды родивших, когда они шерстистой, когда их гуще мех...» (Ардвисур-яшт", 129). Вендидад (фархад 14) под страхом тяжкого наказания запрещает убивать самцов бобра. Но бобер никогда не жил на берегах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи (Гиршман 1977; 1981). Ареал бобра – зона лиственных лесов, он водился на поймах Волги, есть сведения и его обитании в Иране и Турции, но не в Средней Азии (Сафронов 1984: 53 – 54).

Иранцы пришли в Иран с нашими степными культурами.

Иранцы в Иране начала I тыс. до н. э. освоили местную керамику и некоторые черты аборигенов. Но в остальном они мало отличались по всему укладу жизни и языку от своих родичей скифов, известных с несколько более позднего времени в понтокаспийских степях. Есть основания полагать, что предки у них были общими или близко родственными, сходимыми. Эти предки жили в бронзовом веке.

Грантовский даже полагал, что единство не только иранцев, но и всех ариев было где-то в очень близком прошлом, так что нельзя предполагать в бронзовом веке несколько различных культур для них. Но вот вырисовываются как иранские по меньшей мере две археологические культуры среднего бронзового века – срубная и андроновская.

3. Бронзовый век: срубная и андроновская культуры. Самые ранние памятники скифов в понтийских степях датируются VIII – VII веками до н. э. Но какая культура принадлежала предкам скифов в бронзовом веке?

Срубная культура (рис. 12 – 16), к которой их по ряду оснований (керамика, утварь и проч.) возводят (Артамонов 1950; Кривцова-Гракова 1955; и др.), появилась там в XV в., а на век-два раньше – в Нижнем Поволжье (Мерперт 1985; Чередниченко 1986; Пятых 1994). Это подкурганные погребения в простых ямах или в «срубках» (бревна в могиле выложены низким срубом); керамика остросеребряная – на тулове резкий перегиб; орнамент – эскизно-геометрический, врезными линиями. Погребения как правило впускные, то есть для них использованы готовые курганы более ранних культур – ямной и катакомбной – как холмы. Покойники лежат сильно скорченные на левом боку. Культура эта распространена в лесостепной местности, есть и поселения. Хозяйство в основном скотоводческое (крупный рогатый скот и овцы), но есть и свидетельства земледелия.

Господствует убеждение, что именно этой культуре скифы обязаны своим ираноязычием. Надежных доказательств, по сути, нет.

Во-первых, за последние десятилетия поздние этапы срубной культуры усилиями Э. С. Шарафутдиновой, И. Н. Шарафутдиновой, О. Р. Дубовской и др. были выделены как отдельные культуры – сабашиновская, белозерская, хвалынская, две черноговорские (западная и восточная) с новочеркасской, причем относительно сабашиновской и белозерской отрицается их генетическая связь со срубной. Толковое профессиональное изложение этой ситуации проделано А. Ю. Алексеевым и Н. К. Качаловой в совместной с С. Р. Тохтасьевым работе «Киммерийцы» (1993). Для спасения обзорности и типологической организованности этого хаоса была выдвинута идея срубной культурной общности (или области), включающей все эти культуры (Мерперт 1985). Но эта идея работает только на

культурном уровне, не на этническом. Она не отменяет возможности того, что, скажем сабатиновская и белозерская культуры принадлежат к иному этносу по сравнению со срубной. А они хронологически отделяют срубную культуру от черногорской и раннескифской.

Во-вторых, и в скифской культуре наследие срубной культуры не столь уж однозначно фиксируется. Многие черты кочевой скифской культуры восходят к *катакомбной* культурной среде (способ погребения скифов-царских, состав стада и др. – см. Клейн 1963; 1980), но нет надежных оснований возводить вместе с ними к катакомбной культуре ираноязычные скифов. Положение осложняется еще и тем, что важные компоненты скифской культуры (вооружение, искусство «звериного стиля») сформировались в VIII веке и первоначально в *Средней Азии* или *Южной Сибири* или *Центральной и Внутренней Азии* (Ильинская 1976; Грязнов 1978; 1983; Куклина 1985; 17 - 48; Алексеев 1992; Ковалев 1996; Kovalev 1999), и многие исследователи считают, что скифы прибыли оттуда с своим кочевым бытом и своим языком. А некоторые черты искусства сложились под влиянием *переднеазиатских культур*, полученным, видимо, во время походов VIII - VII века (Артамонов 1968; 1974: 45 – 46; Блэк 1976). Пока никто не связывал с этим происхождение скифского языка, но в принципе и это можно было бы предположить, поскольку мидяне там к этому времени уже находились, и это за Араксом.

Ситуация классическая: корни одной из иранских культур исторического времени (т. е. раннежелезного века) уходят в разные стороны, и нет надежного критерия определить, с которой из них связана языковая преемственность.

Начало скифского (сакского) времени в Приуралье, Средней Азии и Западной Сибири – тоже VIII - VII века, но срубные памятники бронзового века здесь (в западной части этого ареала) тоже есть (к ним возводят савроматов – Смирнов 1957; 1964) а основные для этих мест в позднем бронзовом веке *андроновские памятники* (Сорокин 1966; Максименков 1978; Кузьмина 1985) близки им по типу и культуре. От них выводят местных саков и другие племена (Акишев 1973), а также иранские народы Ирана, Афганистана и Пакистана (Грантовский 1971); Смирнов и Кузьмина берут шире: *индоиранские*, т. е. все арийские (Смирнов и Кузьмина 1977; Кузьмина 1986).

Андроновская культура была выделена на Енисее С. А. Теплоуховым в 1923 г. После Отечественной войны на I Уральском археологическом совещании К. В. Сальников предложил деление андроновской культуры на два варианта – Федоровский и Алакульский (по раскопкам двух могильников под Челябинском), сочтя эти варианты хронологическими этапами развития андроновской культуры (был еще и третий – замараевский). Для федоровского характерны трупосождения и горшок с округлым плечом и богатым орнаментом, а для алакульского – трупоположения и горшок с уступчатым плечом, орнамент похож на федоровский (рис. 17 - 19). В 60-е гг. Э. А. Федорова-Давыдова (1964: 92) сообразила, что это не хронологические варианты, а территориальные, и поставила вопрос о том, чтобы считать их отдельными культурами (рис. 20 - 21). А еще раньше А. А. Формозов предложил называть всю совокупность памятников не андроновской культурой, а *андроновской культурной общностью*. В середине 60-х андроновскую керамическую орнаментацию изучила С. В. Зотова (1965), предположившая, что в этой богатой орнаментации отразились ковровые орнаменты с родовыми знаками. Алакульская орнаментация основана на прямоугольной сетке с вертикальной осью, а федоровская – на косоугольной, ромбической сетке (рис. 22). Коль скоро так, эти различия орнаментации могут служить этническим признаком.

Кроме этих двух-трех был выделен еще ряд вариантов – кожумбердинский, атликасинский, атасуский, дандыбаевский, черкаскульский, алексеевский и др., их тоже можно именовать и отдельными культурами, но две первых культуры – алакульская и федоровская – составляют основной массив памятников.

Из двух основных андроновских культур, *алакульской* и *федоровской*, особенно близка срубной западная, алакульская. Андроновская культура в Казахстане возникла (или андроновские культуры возникли), по представлениям недавнего времени, примерно в XVI веке (Смирнов и Кузьмина 1977) – ныне датировки сдвинулись, культуры удревелись на несколько веков (начало падает на XVII век). Обе степные культурные общности, срубная и андроновская, около X века до н. э. проникают на юг Средней Азии (туда, где теперь живут таджики и в окрестные места), и «эпоха варварской оккупации» предгородских центров

этого района (X – VII вв. до н. э.) рассматривается как время его иранизации (Мандельштам 1966; Kuzmina 1976; 1985; Литвинский 1981).

Не менее сложно обстоит дело с происхождением андроновских культур. Федоровское население везде в местах своего обитания оказывается пришлым. Для алакульской культуры Г. Б. Зданович (1988) выделил самые ранние памятники – петровского типа (рис. 23 - 24). А в 1973 г. похожий на него могильник Новый Кумак под Орском был раскопан К. Ф. Смирновым. Одновременно в Челябинской области экспедиция В. Ф. Генинга обнаружила могильник Синташта того же времени – во всех этих местонахождениях просторные ямы с погребениями знати, о чем свидетельствуют (рис. 25 - 26) захороненные вместе с ними кони и колесницы (колеса со спицами). Погребения колесничих, аналогичные этим, в конце 80-х были раскопаны и в Волго-Донском регионе – это памятники потаповского типа. Вообще изображения колесниц найдены на срубных и андроновских сосудах (рис. 27). Датировка всех этих памятников была определена Смирновым и Кузьминой в пределах XVII – XVI вв. до н. э. как новокумакский хронологический горизонт, а культура алакульская начинается с этого петровского этапа, который был увязан генетически с *абашевской культурой и культурой многоваликовой керамики* (обе расположены западнее).

Таким образом, выявляется западный импульс в формировании андроновской общности.

Смирнов, Кузьмина, Генинг и многие другие рассматривали колесницы из Синташты как боевые и выводили из них военную силу ариев при вторжении в Индию и Иран. Но денцкий исследователь В. В. Цимиданов (1996) обратил внимание на то, что в боевых колесницах Древнего Востока обычно два человека – воин и возница, а в колесницах Синташты место только для одного человека. Один человек на колеснице и в изображениях на петроглифах Центральной Азии. Нет ни одной батальной сцены с участием колесниц. Цимиданов считает, что колесницы эти использовались тогда исключительно в ритуале и ради престижа.

Андроновские культуры были очень активны, и их контакты с соседями археологически заметны и на соседях сказываются. В. В. Отрощенко в 1976 г. проследил воздействие федоровского обряда трупосожжения в срубной среде и пришел к выводу, что это воздействие докатилось до Днепра. Влияла андроновская общность и на соседнее северное население, приводя к формированию смешанных культур.

4. БМАК. Правда, В. И. Сарияниди (1990; 2001; 2004; 2006; Sarianidi 1998) раскопал в Маргиане-Маргуше огромный дворец с могильником конца III – первых веков II тыс. до н. э. (Гонур-депе), а вокруг еще целый ряд памятников того же времени, и назвал всё это Бактрийско-Маргианским Археологическим Комплексом или Бактрийско-Маргианской Археологической Культурой (БМАК). Он отметил в ней ряд протоэнеолитических черт, упомянутых в Авесте: забота о чистоте огня и золы, освобождение костей от плоти перед захоронением, захоронения «нечистых» (т. е. людей с патологией) в особо обожженных могилах, а также индоарийские черты - следы ашвамедхи (погребение жеребенка с отсеченными головой и хвостом). Вроде бы напрашивалась реализация идеи о земледельческом очаге иранизации. Даже ярый противник иранской атрибуции протогородской цивилизации Б. А. Литвинский заколебался (Литвинский 1989; 2004:18). Крюкова (2006) констатирует, что ритуалы, обнаруженные «в стране Маргуш», «не восходят напрямую к традициям Ригведы и ранних авестийских Яштов», а ассоциируются «с жреческими культами, описанными авестийским Видевдатом».

Но ведь это север оседлой ирригационной цивилизации – воздействие степных племен здесь, видимо, начало распространяться раньше, чем в Иране. Раскопки и разведки (Сарияниди 1975; Hiebert and Moore 2004; Cattani 2004) показали, что в ближайших окрестностях Гонур-депе были стоянки пастушеских степных племен с керамикой тазабэгьябского, андроновского и срубного характера. Памятники БМАК были как бы оазисными островками в море степного пастушеского населения. Таким образом, открытия Сарияниди не отменяют общего решения о первоначальном очаге иранцев, но изменяют наши представления о времени начала иранизации среднеазиатских центров протогородской земледельческой культуры, удревняя это событие на добрую тысячу лет (Парпола 2006). Встает вопрос и об источнике иранизации – это не могут быть срубная и

андроновские культуры: они сформировались позже начала II тыс. до н. э. Да и иранизация ли это или более ранняя ариизация? В Гонуре смесь протозороастрийских верований с протоиндоарийскими, тогда как основа культуры близка к хараппской (Хараквал и Осада 2006).

5. Археология в опознавании иранского этноса. Гипотеза об иранской (или индоиранской) атрибуции андроновской общности была выдвинута И. М. Дьяконовым (в 1956 г.) и М. М. Дьяконовым (в 1961), и ее сразу же приняли все археологи, кроме одиночек (Н. Н. Чернецов и П. Вереш), считавших федоровскую культуру угорской.

Раз срубная культура генетически связана со скифами, стало быть, является тоже ираноязычной – это хотя и не доказано, но вроде бы общепризнано (Захарова 1994). А ведь одной этой археологической связи недостаточно. Как я уже отметил, у скифов есть и преемственность от катакомбной культуры (Клейн 1963), а с недавних пор восстанавливается старая идея о приходе их из Центральной Азии (Ковалев 1996).

Кроме общего уклада жизни, отмеченные археологические культуры соответствуют иранцам по двум специфическим комплексам – особому типу поселений и погребальным обычаям, а также по межкультурной ситуации.

1. Вар и Новый год. Особый, редкий тип поселений – отличие не массовое, но всё же маркирующее именно иранские культуры. Еще в 1948 г. С. П. Толстов интерпретировал обнаруженные им в Хорезме I тыс. до н. э. квадратные глинобитные городища с жилыми стенами и большим пустым пространством в середине (рис. 28) как соответствующие древнеиранскому «вару», построенному первочеловеком Йимой и описанному в Авесте как «жилище для людей» и «загон для скота». Огромное пустое пространство в середине постройки разъяснялось Толстовым как загон для скота. Кроме таких прямоугольных городищ в Хорезме были выявлены и круглые крепости с двойным кольцом крепостных стен и жилищами между ними. Эти городища больше соответствовали современной интерпретации (например, у И. М. Стеблина-Каменского) авестийского описания вара. В Вендидате сказано:

«И построил Йима Вар длиной в лошадиный бег на все четыре стороны и перенес туда семена быков, людей, собак, птиц и огня красных пылающих. Он сделал Вар расстоянием [т. е. радиусом] в лошадиный бег [2 хатры] на все четыре стороны жилищем для людей; Вар расстоянием в лошадиный бег на все четыре стороны – загон для скота. Туда он провел воду по пути длиной в хатру [2 тысячи шагов]. Там он построил жилища, дом, свод, двор – место, закрытое со всех сторон. В широкой части постройки он сделал девять проходов, шесть в средней, три в узкой... (Вендидат, II, 33 – 38).

Здесь описана постройка, состоящая из круглых концентрических стен с разным количеством ворот в них – 9 во внешней, 6 – в средней и 3 во внутренней стене (в прямоугольных постройках количества ворот, как догадались архитектор Л. Л. Гуревич и иранист И. М. Стеблин-Каменский, были бы другими (Гуревич 1983; Steblin-Kamensky 1995). Так, Кой-крылган-кала (рис. 29) представляла собой кольцо стен с 9 башнями, а внутри второй – почти круг, а если быть точным – 18-гранник с 9 воротами (Толстов 1948). О числе 18 я уже писал как о священном числе ариев, имея в виду индоариев (Клейн 1997), но оно было таковым и у иранцев, в частности скифов (Клейн 1987). А в гимнах в честь Дисани, дочери Йимы, упоминаются «9 ворот благодати».

В 1977 г. Сарияниди и Аскарлов одновременно открыли круглые культовые центры того же времени Дашлы III (тоже с 18 воротами – 9 в наружной стене и 9 во внутренней части) и Джаркутан в Бактрии (рис. 30). А в 1981 г. тоже одновременно Йетмар и Брентъес поставили вопрос о соответствии и этих круглых построек мифологической модели вара. Брентъес (1983) доказывал, что вар мыслился вписанным в круг. Йетмар привел доводы в пользу того, что Дашлы больше соответствует вару, чем хорезмийские городища, но высказал идею, что круглые крепости – это вообще не храмы, а центры для ритуальных церемоний – встречи Нового года (Брентъес 1981; Brentjes 1981; Jettmar 1981).

В 1970-е годы и 1980-е годы на первый план выступили круглые поселения гораздо более раннего времени – Синташта и Аркаим в Южном Приуралье (рис. 31, 2, 4, - 32). Аркаим (Зданович 1995), с четырьмя выходами, открытый в годы вспышки нетрадиционных культов, приобрел особенную известность, став притягательным центром для всех

свихнувшихся на магии, неоязыческом национализме и поисках арийских предков для славян. Для археологов он – наиболее сохранившийся из укрепленных поселков определенного типа (Зданович и Батанина 1995), принадлежавших скорее всего ранним иранцам. В этих поселениях тоже двойное кольцо крепостных стен, а между кольцами – жилые помещения. Таким образом, памятники этого типа появляются у иранцев разного времени, в том числе и бронзового века.

Кузьмина (1994: 71) обращает внимание на то, что традиция таких укрепленных поселений могла возникнуть именно у кочевых и полукочевых народов в степи, где главной ценностью был скот, и где приходилось не раз занимать оборону вкруговую, составив повозки табором. Эта традиция привела именно у иранцев к формированию мифологемы священной вары. Потемкина (2001) уводит эту традицию вглубь энеолита, а есть и попытки связать с этой традицией и структуру больших погребальных сооружений – Аржана и большого кургана Синташты. Брентъес, Йетмар и Семенов объясняют эту планировку как проявление сформировавшейся у древних иранцев модели устройства мира (Jettmar 1981: 229; Марсадилов 1989; Михайлов 2000; Семенов 2002).

Правда, круглое городище с четырьмя проходами, очень похожее на Аркаим, обнаружено в Малой Азии – это Демирчи-уйюк (рис. 31,3), памятник переходного времени от энеолита к бронзовому веку (Korfmann 1983; Мерперт 1995: 28 – 46). Поселки с такой планировкой появляются в Малой Азии и на Балканах, по Мерперту, в середине и второй половине III тыс. до н. э. Это время обитания там палеобалканских индоевропейцев и появления анатолийской группы – хеттов, лувийцев и др. Истоком этой традиции по-видимому являются круглые святилища с выходами на четыре стороны света – «рондели» культур лендель и воронковидных кубков (рис. 33 – 34. - Палагута 2007: 86 – 91). Так что традиция проявлялась не только у иранцев. Но ее незаметно у индоиранцев, а кроме того, у иранцев она проявилась особенно интенсивно.

2. Эсхатологическая концепция маздаизма. Вторая специфическая черта иранцев – особый способ погребения – не очевидна сходу, но, тем не менее, выявляется. Можно сказать, что у иранской атрибуции срубной и андроновской культур есть и этнографическое подтверждение: типично иранская забота о предохранении мертвых от соприкосновения с землей.

Вообще преобладающие погребальные обычаи маздаистского характера у иранцев исторического времени («башни молчания», астоданы, оссуарии, скармливание покойников собакам и птицам, срезание плоти с костей и т. п. – Modi 1922; Nyberg 1938; Widengren 1965; Крюкова и Хисматуллин 1997; Мейтерчян 1999) как будто не имеют корней в культурах предшествующего времени (кроме единичных случаев). Но это обманчивое впечатление создается лишь поверхностным сличением внешних форм. Если проникнуть в эсхатологическую концепцию маздаизма – боязнь осквернить чистые стихии, то есть землю, воду и огонь, соприкосновением с мертвым телом, - то мы найдем ее проявление и в других внешних формах, в частности в обкладке могилы камнем, каменном ящике или в срубке, а такие формы и оказываются в срубной и андроновских культурах. Таким образом, основы маздаизма, позже расцветшие в иранской среде, закладывались еще там. Вообще это традиция, укорененная на Востоке, не только в андроновской культуре, не только в Казахстане, но и значительно южнее – в позднем бронзовом веке Пакистана и Афганистана. Но андроновскую и срубную культуры можно включить в этот ареал как более ранние.

Если же задаться целью выявить глубинные корни этой традиции, то внимание, естественно, обратится к мегалитическим культурам. Действительно, в культуре шаровидных амфор, распространенной в Центральной и Восточной Европе в позднем неолите, основной тип могил – каменные ящики, а кости покойников редко находятся в сочлененном виде – как скелеты, чаще – собранными в кучку. Предполагается, что покойник предварительно выдерживался где-то в другом месте – на дереве или на платформе – и только когда плоть исчезала, кости помещали в каменный ящик. (Milisauskas 1978: 201 – 202. - Предполагается и наличие в этой культуре обычая умерщвления жены при похоронах мужа, но основания для этого предположения недостаточны: только то, что большинство парных погребений содержат мужской и женский скелеты, и женщины обычно моложе мужчин.) Территориально связь между культурой шаровидных амфор и срубной культурой реальна – культура шаровидной амфор дает ответвление из Польши в левобережную Украину и Молдавию, но во времени

между этими культурами разрыв, занятый ямной культурой, в которой соответствующего погребального обычая не зафиксировано. Однако дальнейшие исследования западного варианта ямной культуры (с каменными ящиками), о котором будет речь дальше, могут ликвидировать этот разрыв.

3. Гидронимия. Конечно, для опознавания иранского этноса и этого недостаточно: ведь это только религия, не язык. Но выдвинуто и еще одно, третье, подтверждение. Как утверждают Березанская (1982) и Членова (1984), *иранская гидронимия* совпадает не с распространением иранских памятников скифского времени (хотя какая-то часть ее относится к этому времени), а с ареалом срубной и андроновских культур (рис. 32). То есть эта гидронимия закладывалась не в скифское время, а раньше – когда иранское население этих районов было не кочевым, а еще оседлым (хотя и весьма легким на подъем).

К сожалению, в картировании Членовой есть некоторые слабые стороны. Прежде всего, не так уж очевидно несовпадение ареалов скифского (если подключить и савроматов и саков с массагетами) и гидронимии. Далее, наибольшее сгущение иранских гидронимов оказывается в местности (в Верхнем Подесенье и в междуречье Псла и Десны), совершенно свободном от местонахождений срубной культуры (скифское-то влияние там было), а в местах наиболее кучного расположения местонахождений срубной культуры (Поволжье) как раз не отмечено иранских гидронимов. Разумеется, это может происходить за счет необследованности многих районов топонимистами. Археолог Н. Л. Членова, конечно, зависела от своих лингвистически-топонимических источников. По этой же причине нет у Членовой и попыток провести (если это возможно) лингвистическую периодизацию пластов топо- и гидронимии – отделение скифских от более ранних, что было бы существенно для тезиса, который она решила доказать. По крайней мере, обследовать район к югу от Нижнего Дона: срубной культуры там не было, а скифское население на Северный Кавказ распространялось. И здесь есть опасения, что иранская гидронимия была там сметена или почти сметена тюркской волной. Во всяком случае, нужно было бы работу по сопоставлению карт гидронимии и археологии продолжить на более современном уровне обследованности ареала намеченных культур (со времени выполнения карты Членовой прошло четверть века).

4. Контакты и заимствования. Четвертым подтверждением ираноязычия срубной и андроновской культур являются иранские заимствования в языках, сопряженных с соседними культурами. Имеются в виду заимствования, которые по исторической ситуации или языковым особенностям относятся ко времени более раннему, чем скифское. Южные контакты не древнее скифского времени. Ряд иранских заимствований обнаружен в древних языках Переднего Востока – аккадском, арамейском, эламском и др. Есть и заимствования из этих языков в иранских. Такие же контакты засвидетельствованы с кавказскими языками – грузинским, нахско-дагестанскими и абхазо-адыгскими. Сводка всех этих фактов по южным контактам иранских языков и библиография представлены в книге И. М. Оранского (1979: 66 – 71; также см. Айхенвальд 1987). А вот с противоположной стороны (с севера) контакты осуществлялись с финно-угорскими языками, при чем финские и венгерские ученые собрали много таких фактов, а В. И. Абаеву (1965; 1972; 1981) удалось расчленить подобные заимствования по периодам (общеарийскому и иранскому) и языкам (отделить индоарийские заимствования от иранских). Я. Харматта (1981) разделил языковые следы этих контактов даже на 12 периодов (от праарийского до аланского). Контакт с каждым из этих языков в отдельности может относиться к разным культурам, но все в совокупности они очерчивают весьма узкий круг, в котором оказывается всего несколько археологических культур, в том числе срубная с андроновскими. Но каждая из них в отдельности претендовать на то, что эти следы оставлены именно ею, не может.

Так что ни один из этих четырех аргументов не обладает безусловной доказательностью, но все вместе они создают почву для некоторой вероятности.

6. Андроновские культуры - иранцы или индоиранцы? Если исходить из этой вероятности, то получается, что уже к концу первой половины II тыс. до н. э. иранцы были распространены на огромном пространстве от Дона (позже от Днепра) до Енисея. Иранские культовые черты есть в *новокумакских* памятниках XVII (рис. 24. - Генинг 1977). В этих памятниках нередко усматривают след общих предков ариев (Кузьмина и Смирнов 1977, и все последующие работы Кузьминой). Но, во-первых, эта культура содержит соответствия

не столько индоарийской Ригведе, сколько иранской Авесте и вообще маздаистским культовым особенностям (очистка скелетов от мяса, роль собак в заупокойном культе, размеры могил). Просто иранские черты Синташты, принимаемые за индоарийские, еще несколько ближе к индоарийским, чем более поздние. Во-вторых, недавно (Виноградов 2004) культурно-определяющее значение этих памятников подвергнуто сомнению в силу того, что это культура знати, а не всего населения, и при том культура в начальной стадии формирования. В-третьих, в сложении этой культуры всё более значительную роль отводят катакомбной культуре (Виноградов 2004: 276).

7. Проблемы и поиски. Глубже этого времени надежно или даже предположительно проследить иранцев не удастся. Можно, конечно, проследить корни срубно-андроновской археологической общности, но их много, они опять же расходятся в разные стороны. Соответственно, есть разные гипотезы о происхождении срубной и андроновских культур (Формозов 1951; Vrijusoff 1963; Хлопин 1969; Мельник 1982; Потемкина 1983; Мерперт и др. 1985; Кузьмина 1986; Пятых 1990; 1994; и др.), и нужен внеархеологический ориентир, чтобы какой-то из них отдать предпочтение.

Но и в этом времени есть одно существенное обстоятельство, которое представляется очень обескураживающим. Как можно было видеть, для этого времени мы находим не одну ираноязычную культуру, а несколько претендующих на ираноязычие – срубную, алакульскую, федоровскую (обе называют андроновскими), были и еще некоторые (в это же время существовала схожая с ними абашевская), у каждой из них несколько подкультур. Между тем иранские языки раннеисторического времени достаточно близки друг другу, чтобы можно было предполагать где-то в ближайшем прошлом единый иранский праязык (или язык-основу), по канонической глоттохронологии он должен был существовать от силы во втором тыс. до н. э., а ему должна соответствовать какая-то одна культура. В позднем и среднем бронзовом веке этого нет. То есть ситуация такая же, как в скифское время.

Значит,

либо к историческому времени языки разошлись дальше, чем оценивалось;

либо они развивались медленнее, чем предполагалось;

либо предковым для всех иранцев является только язык одной из этих ираноязычных культур, а остальные не дали прямого лингвистического потомства;

либо одному языку может соответствовать несколько археологических культур (то есть, на базе одного языка произошло образование нескольких культур, поскольку они образуются быстрее, чем делится язык).

Вопрос дискуссионный, и за каждое из названных решений можно, вероятно, собрать какие-то аргументы. Но я бы предложил еще одно.

8. Археологическое соответствие делению иранских языков. Несколько приблизиться к решению этой задачи позволяет учет того, что лингвисты делят всю совокупность иранских языков на две группы: западную и восточную. В свое время Косинна, обратив внимание на такое же деление древнегерманских диалектов, использовал это обстоятельство и нашел ему хорошее соответствие в археологическом картировании – это его работа 1905 года (Kossinna 1905), которую даже его самые острые и убедительные критики считают образцовой. А здесь примерно та же ситуация. Западные иранцы – это персы, таджики (юго-западная подгруппа), курды, белуджи, талыши, парфяне и др. (северо-западная). Восточные – это пашто или афганцы, севернопамирские народы, мунджанцы (юго-восточная подгруппа), саки, согдийцы, хорезмийцы, ягнобская народность, сюда же причисляют осетинов, а к осетинскому близок скифский язык, на схожем говорили сарматы и аланы (северо-восточная подгруппа). Близок к восточной группе был и диалект создателей Авесты.

Если принять, что скифы (несмотря на культурную преемственность от западных культур – срубной и катакомбной) действительно восприняли язык от своих восточных предков, прибывших издалека, так же как сарматы и аланы, предки осетинов (а эта передвижка принимается почти всеми археологами), то принадлежность всех их к

восточной группе иранцев понятна. Термины восточные и западные нужно понимать условно (по месту первичного формирования), потому что многие восточные иранцы в результате миграций оказались западнее западных иранцев. Скорее можно было бы говорить о южных иранцах и северных, но традиционные названия исходят их деления на западных и восточных (рис. 33).

В последнее время появилась тенденция освободиться от этой традиционной дихотомии. Наиболее яркой реализацией этой тенденции является статья маститого китаиста и методолога С. Е. Яхонтова (2006). Она основана на лексикостатистике, но, в отличие от глоттохронологии с тем же основанием, не претендует на хронологические выводы, на определение давности разделения. Однако заключения Яхонтова не посягают на основной рубеж, они только меняют ранг рубежей и соотношение групп. Сохраняется выделение западноиранских языков и состав этой группы, а также выделение в них юго-западной группы (персидский, таджикский), но юго-восточная группа распадается на курдский и белуджский. А вот восточноиранские языки не составляют отдельной группы. Они распадаются на четыре подгруппы: севернопамирские языки (с четким делением надвое), и отдельные языки – пашто, ягнобский и осетинский. То есть для археологов остается задача отыскания западноиранской общности, противостоящей восточноиранскому разнообразию.

И. М. Оранский (1960: 137 – 140; 1979: 126 – 129) представлял себе формирование дихотомии иранских языков так: первичной областью иранских языков была Средняя Азия (в этом он присоединялся к таким авторитетным иранистам как Г. Бейли и Э. Бенвенист); она, де, и явилась основой для сложения восточной группы иранских языков, а распространение иранской речи на запад привело к сложению западной группы. Причиной этого отделения ушедших на запад явились разрезающие Иран с севера на юг пустыни Деште-Кевир и Деште-Лут. Те племена, которые, преодолев их, ушли в Западный Иран, заметно изменили свой язык и стали развиваться по отдельному пути, который и дал западноиранские языки, а те языки, что оказались в Восточном Иране и те, что остались в Средней Азии, стали восточно-иранскими языками, сохранившими ряд древних особенностей. Северное Причерноморье в этой концепции привязывается к среднеазиатскому развитию. Уже в 1962 г. Грантовский (1962) выражал сомнение в этом. Он отмечал, что в IX - VIII вв. до н. э. в Восточном Иране мало иранских имен, а в Северо-Западном – много. В собственно же Мидии иранские имена появляются только со второй половины VIII в. Он предполагал в связи с этим заселение Ирана иранцами через Кавказ.

Сейчас ясно, что Средняя Азия была не первичным очагом индоиранцев, что уже в бронзовом веке они занимали значительно более просторную территорию, включающую Казахстан и Северное Причерноморье, что уже тогда было несколько иранских культур и, стало быть, можно предполагать, что это разделение иранцев надвое сформировалось в бронзовом веке. Виною никак не пустыни Ирана: ведь персидский язык охватывает их со всех сторон. (Кроме того, таджикский, далеко на востоке от них, принадлежит к западно-иранским. Правда, иранисты-историки считают, что таджикский появился в средние века в результате переселения иранцев, вытесненных арабским нашествием из персидских земель.) Да и в других местах языки и диалекты формируются обычно не столько из-за географического разделения, сколько внутри политических границ. Расселение иранцев явно происходило иначе, чем это рисовалось многим полвека назад.

Если исходить из размещения степных культур бронзового века, то, казалось бы, что восточные иранцы, расселившиеся полосой по северу, должны происходить из степных культур – срубной и андроновских, а западные иранцы, занявшие юг ареала (Иран, Курдистан, Афганистан) сформировались позже, в ходе заселения юга степными племенами. Здесь (особенно если предполагать движение из Средней Азии) должна сказываться прежде всего фёдоровская культура, поскольку ее очаг был расположен южнее и восточнее всех рассмотренных степных культур, и она должна была активнее других сказаться на юге Средней Азии и в других южных регионах. Ан нет, миграции позднего бронзового века внесли в эту диспозицию существенные перемены.

Взглянем на карту движений срубной и андроновской (федоровской) культур в XII – IX веках по территории Средней Азии, составленную лучшим знатоком андроновской общности Е. Е. Кузьминой (1994: 395, карта IX) после тщательного многолетнего учета всех материалов. Мы видим, что на карте обозначены два мощных движения срубного и андроновского населения на юг (рис. 34 - 35). Одно, срубное, огибает Каспийское море с

востока и, пройдя между ним и Аральским морем, направляется к Ирану, дав сильное ответвление к Таджикистану. Другое, андроновское, в основном федоровское, в обход Аральского моря с востока направляется в междуречье Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи (где Хорезм и Согд) и дает ответвление к Памиру. Это как раз первичное заселение территорий двух основных групп иранцев (рис. 34 - 35) – разделение очень показательное, тем более, что идея увязки с диалектами у Кузьминой не присутствовала.

Если это наблюдение подтвердится, то срубную культуру Украины и Поволжья нужно считать основным источником для формирования ираноязычия персов, таджиков, курдов и других западных иранцев, а андроновские культуры Казахстана – для формирования ираноязычия скифов, савроматов, саков, афганцев и других восточных иранцев вплоть до осетинов. Алакульская же культура бассейна р. Урал в этих движениях участвовала мало – ее расширение в основном выталкивало носителей федоровской культуры на восток и юг. Видимо из алакульского населения формировались степные иранские народности – саки, массагеты и т. д.

Картине, представленной С. Е. Яхонтовым, соответствует противопоставление срубного единства на западе степной зоны необычайно андроновскому разнообразию на востоке – алакульская, федоровская, кожумбердинская, атликасинская, черкаскульская и другие андроновские культуры.

9. Проверка гипотезы. Есть возможность проверить эту гипотезу. У срубной культуры, в отличие от андроновских, в составе стада наличествовала свинья (от 7,9 до 10,8 % по количеству особей), в андроновских – начисто отсутствовала (Цалкин 1972). Учитывая это, можно было бы ожидать, что, если западно-иранские языки сложились на основе срубной культуры, то индоевропейское название свиньи, отсутствующее в целом в индоиранских языках, могло в западноиранских всё же сохраниться. Однако эта проверка не может быть чистой, поскольку смешивалось население. Свиноводство от срубной культуры перешло в те культуры, куда влились составной частью популяции срубного населения: в скифо-сарматские культуры Причерноморья (а от них в осетинскую) и в культуры Средней Азии, в частности хотано-сакскую и Хорезма. Соответственно, в этих восточноиранских языках общеиндоевропейская лексика свиноводства и в частности названия домашней свиньи (от корня *sū-, от основы *sūin- и от основы *p^(h)ork^(h)o-) сохранились (Гордезиани и Иванов 1984, 1: 593 – 596). А вот в тех иранских языках, которые формировались на основе андроновских культур без примеси срубных (пашто, белуджи), эта лексика, так же как в индоарийских, не сохранилась или перешла на дикую свинью, на веря, для которого в праиндоевропейском использовались другие лексемы.

Любопытно было бы провести лингвистические изыскания в этом направлении. Конечно, название свиньи могло быть забыто позже, в скифское время, но некоторая возможность проверки всё же остается.

Другой способ уловить связь крайних западных иранцев (курдов) со срубной культурой касается религиозной символики. Характерным отличием курдов является положительное отношение к мифическому змею. Среди геометрических изображений животных на срубных сосудах отчетливые изображения змея занимают второе место (после быка) – в работе Е. Ю. Захаровой (1998) зафиксировано 14 знаков на 13 сосудах (быка -16 на 11). И еще на 5 сосудах змей изображен стилизованно в виде цепочки ромбов с развилкой на конце. Что особенно любопытно – эти изображения сосредоточены в западной части ареала срубной культуры. А у восточных иранцев преобладает отрицательная роль змеи в мифологии: злой демон Дахака имеет вид змеи (и называется Ажи Дахака), авестийская птица Гаруда – «пожиратель змей», на скифских изображениях Причерноморья получеловек-полуптица держит в клюве змею – как орел Аршакидов (Гундогдыев 2004).

Весомость этого аргумента ослабляется одним обстоятельством. Налепные змеи на культовых сосудах найдены в бактрийско-маргианской культуре (в частности в Гонуре). Змеи тянутся к животам животных, и В. И. Сарияниди (1980) интерпретирует это как попытку сил зла похитить живительное семя. Е. В. Антонова (2004) развивает эту идею и разъясняет подобные сцены как следы весенних (новогодних) обрядов, призывающих весну повторением, имитацией акта мироздания. Срубные изображения могут иметь тот же смысл, но, во-первых, гонурские на полтысячи лет древнее, во-вторых, это восточные

иранцы, и, хотя срубная культура докатилась до юга Туркмении, но гораздо позже. Еще более древние – змеи на стенках «жертвенников» из Сумбара в Туркменистане же – вторая половина III тыс. (Хлопин 2002, табл. 29, 2). А подобные ритуалы с изображениями змей Антонова приводит и из Библии. Значит, этот культовый комплекс был широко распространен на Древнем Востоке и отложился в иранских верованиях как субстратный.

Но кое-какие следы дихотомии, напоминающей языковую, можно обнаружить и в гидронимии. По исследованию Н. Л. Членовой (1984), гидронимы с корнем «дон» распространены в Северной Осетии (а осетинский – это восточно-иранский) и широко представлены в Северном Причерноморье, но в более восточных районах иранской гидронимии они отсутствуют. Правда, они могут быть оставлены скифами и сарматами, а не срубной культурой, которая была и на Волге. Но вот гидронимов типа «руд», «рут», «реут» ни в Казахстане, ни в Западной Сибири нет вообще. И в осетинском этот корень представлен только в сложных словах, самостоятельно он не сохранился. Но их много на Украине и в Курской области, и с ними связано древнеперсидское *gautah* 'река' (средне- и новоперс. *gōd*, поднеперс. *gūd*, согд. *rōt*). С ним же связывают название Волги «Rha» у Птолемея, и авестийской «Ranha» (название мифической реки, ведийской «Rasa»), мордовской Раво (предполагается заимствование из иранского, звуковые преобразование вполне закономерны). А Поволжье – очаг срубников. Гидронимы этого типа обильны также в Таджикистане и Иране – там, где обитали западные иранцы.

Иранские гидронимы на «аб», «ап» (их связывают с иранским корнем «ап» 'вода', 'речка', 'озеро') представлены, хотя и не очень обильно, в Северном Причерноморье. В Казахстане же и Западной Сибири обильны гидронимы с «об», «уб». Я не знаю, можно ли это различие в огласовке относить за счет деления на западные и восточные иранские языки, но какие-то различия в гидронимии могут выявиться, если идентификация языковых группировок со срубной и андроновскими культурами верна.

10. Заключение. В мою задачу не входило нарисовать полную картину этногенеза иранцев по данным археологии и лингвистики, а лишь обрисовать современное состояние этой проблемы, изобилующее фактами и гипотезами. По мере углубления в прошлое археологических фактов не становится меньше, но их связи с современностью слабеют, поэтому гипотетичности – больше. Разумется, при этом проявляются мои предпочтения или недоверие тем или иным гипотезам. Решился я предложить и новую гипотезу: о соответствии археологической дихотомии – языковой (делению иранских языков на западные и восточные).

В случае принятия этой гипотезы есть смысл обсудить и кавказский путь движения иранцев (срубной культуры) из понтокаспийских степей – по западному берегу Каспийского моря через Закавказье в Иран (ср. Погребова 1977; 1985; Пьянков 1979; Алиев и Погребова 1981), тем более что вскоре по этому пути прошли иранцы железного века – скифы и киммерийцы (Пиотровский 1949; Крупнов 1954; 1958). Крупнов решительно отвергал идею кавказского пути первоначального движения иранцев, считая, что цельность кавказского культурного блока была бы нарушена таким движением, а этого нет. Всё больше исследователей склоняются к этому решению по другим основаниям (отсутствие следов такого движения, приоритет заселения иранцами восточных районов Мидии перед Западными и т. п.). Но в истории есть немало миграций, долго остававшихся археологически не выявленными.

Если принять допущение, что срубная и андроновская общности отражают культурное оформление двух лингвистических групп иранцев – западной и разномастной восточной, то напрашивается интересная задача – поискать, нет ли среди иранских языков третьей группы, основанной на алакульской культуре. Кроме того, если принять эту атрибуцию лингвистических групп, то общеиранскую общность можно предполагать в ближайшем предшествующем времени – в раннем бронзовом веке, хотя всеми там предполагалось общеарийское единство.

В этом свете, совершенно нереальным выглядит результат современной, модифицированной глоттохронологии. По данным Грэя и Эткинсона (Gray and Atkinson 2003) распад иранских языков начался ок. 500 г. до н. э., т. е. в середине I тыс. до н. э. Но в 500 г. до н. э. уже давно существовали скифы, мидяне и персы! Что уж и говорить об ираноязычных по всей видимости культурах бронзового века! Можно было бы

предположить, что только один из этих языков дал потомство, дожившее до современности, но это нереально: осетинский язык не вывести из персидского, а нынешний персидский - из скифского. Да и традиционного деления иранцев на восточных и западных у этих лингвостатистиков не получается: осетинский у них оказывается в одной группе с персидским и таджикским, а не с афганским. Тут может сказаться разница критериев деления: морфологический – у классификаторов, лексический – у глоттохронологов, хотя обычно ее нет. Да ведь в самых ранних и самых поздних сочленениях у глоттохронологического древа всегда оказываются неувязки, поскольку метод плохо справляется с самыми малыми и самыми большими процентами словарного списка (близкими к краям стопроцентного диапазона).

В реконструкции сравнительно поздних узлов этногенеза приходится всё еще больше полагаться на кооперацию археологии с лингвистикой, чем на современные данные глоттохронологии.

Рис. 1. Карта иранских языков современности, по И. М. Оранскому ?????????.

Рис. 2. Ахеменидская империя () ??????????

Рис. 3. Археологич. карта Скифии по Гракову - Мелюковой 1952 (в обраб.: Б. А. Рыбаков. Геродотова Скифия, рис. на с. 107).

Рис. 4. Археологич. карта Скифии по Тереножкину - Ильинской 1971 в Арх Укр РСР (в обраб.: Б.А. Рыбаков, Геродотова Скифия, рис. на с. 111)

Рис. А. Карта распространения серой керамики в Иране и Средней Азии в III тыс. до н. э. (Гиршман? Медведская?)

Рис. Б. Формы серой керамики Ирана и Средней Азии

Рис. 5. Мотивы росписи керамики геоксюрского стиля (Ср. Аз. в эпоху камня и бр., рис. 24 на с. 109)

Рис. 6. Расписная и серая керамика Намазга IV (там же, рис. 36 на с. 161).

Рис. 7. Расписная и серая керамика Яз-Депе I (там же? Рис. 44 на с. 187)

Рис. 8. Сводная таблица расписной керамики землед. Культур Ср. Азии по Л. Кирчо 2004

Рис. 9. Карта ирригационных цивилизаций Средней Азии по Массону ????????

Рис. 10. Дворец Гонур-депе. Формы хозяйственного и бытового уклада этих цивилизаций

Рис. В. Формы хозяйственного и бытового уклада ранних иранцев по священным текстам и языку

Рис. 11. Андроновское жилище и развитие его в киргизскую юрту (Кузьмина 1986, рис. 5).

Рис. 12 - 14. Срубная культура – типология (Археология Укр. РСР, т. 1, рис. 115 на с. 410 – 411, рис. 116 на с. 422; рис 118, 35 – 39 на с. 425).

Рис. 15. Позднесрубная (сабатиновская) культура по Кривцовой-Граковой 1955, рис. 29 на с. 127.

Рис. 16. Срубная культура – карта, по Кривцовой-Граковой 1955, рис. на с. 164 (подрисуночную подпись взять оттуда, сократив: убрав наименования каждого поселения).

Рис. 17 – 19. Алакульский и федоровский варианты андроновской культуры – типология (по Кузьминой 1994, рис. 16 на с. 412 и рис. 19 на с. 415 и рис. на с. 459). (возможно также Кузьмина 1986, рис. 22 и рис. 23)

Рис. 20. Алакульская и федоровская культуры – карта (по Е. Е. Кузьминой 1994, рис. на с. 396, переработать).

Рис. 21. То же по Н. Л. Членовой.

Рис. 22. Керамическая орнаментация алакульская и федоровская по Зотовой (из кн. Кузьминой 1994 – рис. 12 на с. 408) (или Кузьмина 1986, рис. 14).

- Рис 23. Карта петровского типа по Кузьминой
- Рис. 24. Керамика петровского типа
- Рис. 25 - 26. Погребения с колесничими – петровского типа (по Кузьминой 1994, рис. IV на с. 390 – план, рис. 35.1 на с. 434 - формы)
- Рис. 27. Изображения колесниц на сосудах срубной и андроновской культур и петроглифах Казахстана, Памира, СЗ Индии и Тувы (сократить за счет Индии и Тувы) (по Кузьминой 1994, рис. 34 на с. 433) (или Кузьмина 1986, рис. 38 на с. 112)
- Рис. 28. Квадратные городища с жилыми стенами (по Толстову 1948) – Калалы-гыр рис. 21,2 на с.92
- Рис. 29. Кой-крылган-кала, кангюйская культура (по Толстову 1948) – 246, 2 на с. 112.
- Рис. 30. Дашлы III и Джаркутан по Сарияниди и Аскарору (Кузьмина 1994?)
- Рис. 31. Круглые постройки Аржан, Демирчиуйюк и Аркаим (Семенов 2006, рис. 2,2 – 4 на с. 212).
- Рис. 32. Синташта (поселение) по Генингу
- Рис. 33. Реконструкция и план ронжеля в Тешетице-Кыйовице (Словакия), по Палагута (Палагута 2007, рис. 22 на с. 89).
- Рис. 34. Планы рондел и кромлехов Центральной и Западной Европы: 1 и 2 – Свонин и Бучаны (Словакия), 3 и 6 – Квенштедт и Кюзинг-Унтерберг (Германия), 4 – Фрибрицц (Австрия), 5 – Эйвбёри (Великобритания). (Палагута 2007: рис. 23 на с. 90).
- Рис. 31. Карта гидронимии (по Членовой)
- Рис. 32. Карта расселения западных и восточных иранцев (выполнена В. Кондаковым, используя карты Эдельман и Оранского).
- Рис. 33. Карта этнических движений конца бронзового века – XII – IX вв. по Кузьминой (1994, карта IX на с. 395).
- Рис. 34. Обработка карты проделана С. Воронятовым.
- Рис. 35. Керамика Кокча 3 (Ср. Аз. в эпоху камня и бр., рис. 50 на с. 225)
- Рис. 36. Керамика срубной и андроновской культур в Иране (Н. Л. Членова)
- Рис. 37. Наложение карты 19 на карту 20. Выполнено С. В. Воронятовым по картам Е. Е. Кузьминой и Н. Л. Членовой

Обсуждение

ЛиФишиц. Против основного изложения картины нет возражений. Есть частные замечания. Значение авестийского *bahura* не вполне ясно: бобер или выдра. Но в AWB бобер. К Араксу: надо бы учесть работу Маркварта «Wehrot und Arang». (Остальные замечания использованы при обработке текста).

СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ. Деление на западные и восточные иранские языки отражает современное состояние, а в древности картина их расселения, да и разделения другая: лишь в средневековые таджики, теснимые арабами, переселились на свои нынешние места из персидского региона. В древности деление на западные и восточные едва улавливается в слабых различиях между древнеперсидским и авестийским.

ТОХТАСЬЕВ. В предантичное время иранская речь была очень близка индоарийской, так что незадолго до того – это один язык. Не могут быть две разных культуры иранскими. Кто-то из них – не иранцы. Не верю в ираноязычие срубников. Доказательства ираноязычия срубной культуры у Членовой просто смешны. С какой стати этот ареал «не совпадает с расселением скифов»? Очень даже совпадает! А гидронимы «реут», «руд» и прочие – просто славянские (они есть и далеко за пределами срубной территории): «рудь» - рудая, красноватая, где залежи железной руды.

Вобщем это неграмотно говорить об ираноязычии такой-то археологической культуры. Ведь сам докладчик много воевал против этого.

На рассматриваемой территории в античное время, кроме ираноязычных скифов и сарматов жило много других народов - индоевропейских (судя по их этнонимам на – он), но не иранских (приводит примеры). Есть еще замечание о нюансах в использовании терминов топонимия/топонимика (учтено при обработке текста).

БУРОВСКИЙ. Естественно, что срубная и андроновская культуры так четко разделены, если за ними стоят близко родственные народы. У близко родственных народов часто из конкуренции в одной нише проявляется «фобия против родственников» - сравните отношения поляков с русскими, немцев с датчанами. Контакты скорее с отдаленными народами, чем с близко родственными.

КОЗИНЦЕВ. Я верил в ираноязычие срубников и происхождение скифов от них, но вот мне в Киеве Круц показала новые материалы. Те, что от лесостепных скифов (если это скифы) по антропологии очень близки к срубным, тут есть преемственность, а вот материалы степные – нет, не похожи. Степные чрезвычайно близки костякам из окуневской культуры Тувы (именно из Тувы, а не из минусинских степей). Получается, что степные скифы пришли оттуда.

МЕДВЕДСКАЯ. Аргументы в пользу ираноязычия срубно-андроновской общности в нашей науке собраны, предъявлены, но не до конца убеждают. Ну нет же в Иране ни срубной, ни андроновской культуры! На мой взгляд кавказский путь движения иранцев нельзя считать перспективным для разработки. И последнее: почему из обзора совершенно ускользнули киммерийцы. Нельзя говорить о скифах и их предшественниках и совершенно умолчать о киммерийцах – тоже по-видимому, иранцах.

РЕЗЕПКИН. Желательно было бы больше показать сложность состава и судеб срубной культуры. Кавказский же путь движения в Иран отпадает.

КОНДАКОВ. Термин «парна» употреблен как этнический, но существует мнение К. В. Тревер, которая приводит его значение половозрастной группы (молодые неженатые юноши до 27 лет (ср. русское «парни»). Именно эти субъекты истории были наиболее легки на подъем, т. е. были основными участниками миграций.

В пользу положительного отношения к змее у западных иранцев также свидетельствует изображение черной змеи, охраняющей вход на стене святилища курдов возле священного источника.

Помимо упоминания бобровой шубы Анахиты также подробно описываются ее украшения, которым было интересно найти археологические параллели. Не были это серьги типа абашевских с Камы?

КАЗАНСКИЙ. С топонимикой вообще дело обстоит плохо. Мне довелось в последнее время просмотреть массу абсолютно дилетантских работ по топонимии Поволжья. Каждый пединститут считает своим долгом представить работу по топонимии своего региона, а квалификации в этом сложном виде исследований нет. Так что топонимика Поволжья практически не существует, опираться не на что.

КЛЕЙН. Я и не предлагаю никакой твердой концепции по атрибуции археологических культур как иранцев. Свою задачу я видел в том, чтобы представить нынешнее состояние дел с этой проблемой, собрать, систематизировать и оценить факты, гипотезы и аргументы, наметить перспективы дальнейшей работы. Судя по заинтересованности публики и по количеству запросов на копии текста, эта цель достигнута. Я не выдвинул новых гипотез, кроме одной – о возможной археологической интерпретации дихотомического деления иранских языков (западные/восточные), о его проецировании на такое же деление археологической общности, с которой связывают иранцев, – срубная культура и андроновские. Против этой гипотезы вроде возражений нет (если, конечно, вообще принимать ираноязычие срубной и андроновских культур).

Киммерийцы, судя по их именам, действительно иранцы. Я не стал упоминать их потому, что после работы трех авторов (А. Ю. Алексеев, Н. К. Качалова и С. Р. Тохтасьев) 1993 г. стало совершенно ясно, что греческая традиция о киммерийцах в Причерноморье основана на вымыслах и фольклорных байках, принесенных туда греками. Факты о присутствии киммерийцев установлены только для Передней Азии. Там пришлые киммерийцы действовали вместе со скифами – как авангард общескифского движения в Переднюю Азию. Где они жили до прибытия в Переднюю Азию, неизвестно. А в Северном Причерноморье их материальных остатков просто нет, по крайней мере сколько-нибудь надежных. Так что разбирая участие скифов в этногенезе всего Северного Причерноморья, мы охватываем и вопрос о киммерийцах – как части того, что именуется скифской культурой, части иранского мира. Географически конкретизировать именно киммерийцев нет возможности.

Что касается разделенности срубной и андроновских культур, то фокус в том, что такой резкой разделенности, о которой говорили Тохтасьев и Буровский, нет. Культуры очень воздействовали друг на друга, смешивались, особенно при движении в Среднюю Азию. Масса смешанных комплексов. Порою керамика от одной культуры, способ погребения от другой, и трудно решить, к какой из них причислить комплекс.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

А. А. Ковалев.

Скифы-иранцы из Джунгарии и чемурчекская культура.

В своих статьях 1996 и 1998 года (Ковалев, 1996, 1998, Kovalev, 1999) я обосновал гипотезу о происхождении древнейших «скифов Геродота» с территории Джунгарии – севера современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

На мой взгляд, этноопределяющими признаками этого населения могут считаться пока только костяные трехдырчатые псалии с изображениями голов баранов или грифонобаранов на одном конце и копыта – на другом, а также своеобразные каменные статуи. Эти элементы материальной культуры не зафиксированы более нигде в ареале распространения скифского звериного стиля, кроме как в предгорьях Монгольского Алтая и Восточного Тянь-Шаня. Кроме этого, каменные статуи Джунгарии относятся к заведомо более раннему времени, чем появление скифов в Передней Азии.

Основная часть каменных статуй Монгольского Алтая, как я установил в ходе разведок и раскопок в этом регионе, относятся к чемурчекской культуре, датируемой по калиброванным радиоуглеродным данным 2500-1800 гг. до н.э. (имеется более 20 дат). Статуи имеют несомненно европейское мегалитическое происхождение, что подтверждается как стилем изображений «человека» – плоское круглое или с сердцевидным абрисом лицо с круглыми выпуклыми глазами, рот с опущенными вниз углами губ, изображение лопаток и линии грудных мышц (то есть образ обнаженного мужского торса), голова, «вдавленная» в плечи – а также и набором изображенных предметов и декоративных элементов – выпуклая гривна, классический посох, лук, чашевидные углубления. Основные иконографические принципы этих изваяний мы можем встретить и на скифских статуях, изображающих также обнаженного мужчину с гривной и вооружением.

Раскопки, предпринятые мной в казахских и монгольских предгорьях Алтая, показали, что погребальные памятники чемурчекской культуры (на территории Казахстана – с классическими каменными коридорами на восток, замкнутыми огромными запорными плитами) непосредственно происходят из коридорных гробниц Западной Европы конца IV тыс. до н.э.. С этим же контекстом можно связать и происхождение статуй, и форм керамических и каменных сосудов чемурчекской культуры. Антропологические определения показывают, что носители чемурчекской культуры – европеоиды средиземноморского типа. Кроме как миграцией этих людей с территории нынешней Франции объяснить появление коридорных гробниц во Внутренней Азии не представляется возможным (подробнее об этом – Ковалев, 2005)

Если считать «скифов Геродота» ираноязычными, то кем же были чемурчеки, передавшие скифам статуарную традицию? Являлись ли они генетически или лингвистически предками скифов? При этом культурное единство чемурчеков и скифосаков одними статуями не исчерпывается; к примеру, широкое распространение в элитных курганах скифо-сакского мира погребений с дромосами может быть именно чемурчекским наследием.

А. И. Козинцев пришел к выводу о поразительном соответствии антропологических характеристик раннескифского населения Европы и т. н. «окуневских» погребений Тувы (то есть погребений курганной группы Аймырлыг XIII). Но это совпадение представляется отнюдь не невероятным и даже закономерным, если принять во внимание чемурчекские материалы. Состоявшаяся через тридцать лет после раскопок публикация материалов раскопок А. М. Мандельштама на могильнике Аймырлыг XIII (Стамбульник, Чугунов, 2006) показала, что здесь было обнаружено пять каменных сосудов, происхождение которых может быть связано только с чемурчекским контекстом, тем более что один из сосудов имеет свинцовую заплатку, как и чемурчекский сосуд из Угловского района Алтайского края.

Как выявлено раскопками памятников елуинской и чемурчекской культур, чемурчекское население, распространившееся на севере по предгорьям Алтая до Змеиногорска, на рубеже III - II тыс. до н. э. перенимало традиции керамического производства более северного елунина, а также принимало непосредственное участие в жизни елуинского населения Барнаульского Приобья. А ведь именно елуинская керамика является источником для формирования окуневской керамической традиции, включая и

сосуды из Амырлыга, не говоря о том, что фрагменты подобного аймырлыгским сосуда были обнаружены мною в чемурчекском кургане в Баян-Ульгийском аймаке, всего в 400 км на юго-запад от Аймырлыга.

Так что «окуневцы» Тувы, кстати, резко отличающиеся от окуневского населения Хакасско-Минусинских котловин (см. Громов, 1997, табл. 11,12), могут быть прямыми потомками чемурчеков Алтая. Ряд аспектов чемурчекской культуры в связи с высказываниями участников дискуссии позволяет внести на обсуждение гипотезу о чемурчеках как предках иранцев (части иранцев). Разводили они в основном крупный рогатый скот, видимо отсюда – господствующий в их искусстве образ быка с S-видными направленными вперед рогами.

Погребения классических чемурчеков представляли собой каменные склепы многократного использования, немного заглубленные ниже уровня дневной поверхности либо устроенные на древнем горизонте, не засыпанные поверх перекрытия насыпью, так что желания «спрятать» покойника в землю чемурчеки не испытывали. Поскольку как скифские, так и чемурчекские статуи изображают обнаженного мужчину с могучими грудными мышцами, почему бы не связать это с тем вниманием к мужской груди, которое проявляли именно иранские народы? Общеизвестно, что мужские имена с основой на *pars* (грудь) маркируют расселение древних иранцев, отсюда же и название персидского народа, его страны и зороастрийской религии (см. Грантовский, 1970).

Об озере Зайсан, близ которого как раз высятся снежные горы (Алтай), в которое одна река впадает (Черный Иртыш), а другая из него вытекает (Иртыш), как о местонахождении мифической прародины иранцев в свое время высказал предположение Д. А. Мачинский. Пресловутый бобер, который стал культовым животным именно на древней родине иранцев, селится там же, по западным склонам Монгольского и Рудного Алтая. Интересно, что река Булган-гол (Улюнгур хэ, текущая параллельно Черному Иртышу), в том месте, где нами были обнаружены наиболее южные памятники чемурчекской культуры с каменным изваянием, из-за обилия бобров зовется монголами «Минжит Булган», то есть «Бобровый Булган».

Клейн. Выделение чемурчекской культуры и выведение ее с территории Франции представляется мне чрезвычайно крупным открытием. Но распространение на них ираноязычия вряд ли возможно: ведь тогда, учитывая французский исходный ареал, иранцы отделятся от индоариев и исчезнет возможность выявления их общего арийского (индоиранского) корня. Стало быть, чемурчекское население Азии могло дать населению Джунгарии скифского времени только культурное наследие. Было ли это более позднее население ираноязычным сказать тоже трудно, хотя такое предположение уже более реалистично. Но и это население могло дать скифам Средней Азии и Причерноморья лишь свою культуру, а ираноязычие в этом случае с ней соединилось лишь на этих последних территориях. Для выбора места и времени соединения культуры с ираноязычием нужны дополнительные факты.

Глава II. Индоарии

1. Индоарии как пришельцы в Индии. Как обрисовывает Ригведа, в Индостан *арии* явились как завоеватели, чуждые местному населению. Это были бесписьменные пастушеские племена, практиковавшие и земледелие. Судя по позднейшим гимнам и героическому эпосу, они продвигались по стране с северо-запада (Thomas 1884; Thapar 1979; ср. Schaffer 1984). Но и на северо-западе Индостана, в долине Инда, до них, в III тысячелетии – начале II до н. э., существовала иная, письменная культура – городская *цивилизация Хараппы* (рис. 1), принадлежавшая *дравидам* (гипотеза, подтвержденная расшифровкой письменности), в настоящее время живущим больше на юге полуострова, но островками и на севере (рис. 2) Цивилизация эта носила название Мелуххи, как полагали многие, в том числе и Гамкрелидзе с Ивановым, или *Аратты* (как установлено Васильковым по сравнению шумерских текстов с Махабхаратой).

До недавнего времени считалось, что древнейшими свидетельствами об индоариях являются тексты: а) Ригведа, б) переднеазиатские документы со включениями, которые можно рассматривать как языковые следы пребывания индоариев в Передней Азии, в верховьях Тигра и Евфрата и на Средиземноморском побережье.

2. Ригведа и археология. Записанная в I тыс. до н. э. (вероятно, еще до середины тысячелетия), Ригведа была сочинена, судя по ее географическим привязкам, в основном в Северо-Восточном Пенджабе (Woolner 1943). Насколько она чужда Индии, можно судить по тому, что сочинителям ее главных частей даже неизвестны тигр и рис (Лелеков 1982: 152). Когда она была сочинена, не совсем ясно – наиболее приемлемой считается датировка П. Хорша – ок. 1200 г. до н. э. (Horsch 1966). Но древнейшая археологически изученная в последние десятилетия (Гаур 1981; Tripathi 1976, Roy 1983; Gaur 1981; 1994) культура исторических индоариев – *культура серой расписной керамики* (рис. 3) – существовала в своей ранней фазе (это поселения еще без железа) еще до XI в. до н. э., т. е., по крайней мере, в XII веке (Joshi 1976; 1978a, 1978b). Культура эта размещается юго-восточнее ведического ареала, включая лишь небольшую часть Пенджаба (рис. 3а). Стало быть, она сложилась позже Ригведы, в последующую стадию развития ариев – когда они уже продвинулись на юго-восток. Это подтверждается тем, что серая керамика (как и другая той же культуры) сделана на круге, а ведийская керамика описывается как еще лепная (Rau 1972). Как отметил Гаур, ареал культуры серой расписной керамики точно совпадает с границами Арьяварты («страны ариев») по Махабхарате. Значит, в Пенджабе арии жили раньше, и Ригведу можно датировать XV - XIII веками.

Кажется, упомянутые в Ригведе солнечные затмения дают такую же древность – до 1200 г. (Ludwig 1885). Дело в том, что в Ригведе в ряде мест упоминаются солнечные затмения: Индра на время срывает солнце с неба. Всего таких затмений упоминается четыре. Одно (RV, V, 33.4) совпадает с отмеченным в астрономическом каноне затмением 29 апреля 1029 г. Три других (RV, V, 40.5 – 9; X, 138.3 – 4; и др.) не удается опознать. Одно из них (RV, I, 130.9; IV, 16,11 – 14; 28.2; VI, 31.3 и др.) таково. Сообщается, что при описанных в гимне событиях Индра похитил Солнце с неба на время, и сделал он это в новолуние в начале дня. Речь, стало быть, идет о полном солнечном затмении в южных широтах, имевшем место утром и совпавшем с новолунием. Это редкостное сочетание условий не встречено в затмениях, рассчитанных астрономами для периода, начиная с 1200 г. до н. э. В 80-е годы я обратился к лучшему в Европе авторитету по затмениям венскому астроному профессору Герману Муке с просьбой найти и сообщить мне дату затмения, которое бы удовлетворяло этим условиям (ведь оно позволит точно датировать Ригведу!), но он ответил, что для таких расчетов ему бы потребовалось засадить весь его Институт за калькуляцию на длительное время. Так что пришлось отказаться от этой попытки. Возможно, при нынешней скорости компьютеров это можно проверить легче или придется ждать, пока не будет высчитан канон и для времени до 1200 г. до н. э., а может быть, такие таблицы уже есть, но мне они пока неизвестны.

В Ригведе и других памятниках рассказывается о неких *вратья*, которые говорили на том же языке, но придерживались других обрядов, отличались по верованиям (Sen

1963; Choudhary 1964). Почитатели Индры и Сомы оттеснили их на восток (Hauer 1927; Heesterman 1962; Choudhary 1964). Иными словами, арии Ригведы застали их уже в Индостане. Значит, те, будучи тоже индоариями, но другой веры, прибыли раньше – в XVII или XVI вв. до н. э. (по традиционной хронологии). Еще и ныне в горах Гиндукуша и в Каракоруме сохранились небольшие народы с близкой индоариям речью (рис. 4) – *дарды* (Morgenstjerne 1929 – 1938; 1973; Tucci 1977) и особенно *нуристанцы* или *кафиры* (Fussman 1977) – и с близкими, но отличающимися верованиями (непризнание Индры, почитание Ямы как создателя и т. д. – Jettmar 1975).

В Ригведе можно уловить рудименты прежнего пребывания индоариев в более западных районах (единица меры *мана* – предположительно из ассиро-вавилонской *мины* – Чаттерджи 1977:61). А в Авесте и в ее языке прослеживается, по заключениям Грэя и Барроу (Gray 1927; 1929; Burrow 1973), индоарийский субстрат (сакральная лексика, получившая негативное значение: демоны *асуры* – по-ирански *ахуры* – стали богами, а боги *дэвы* – демонами). Это пребывание, успевшее дать столь прочные следы, должно относиться тоже к более раннему времени, чем Ригведа, – к XVII – XVI вв.

Вообще военные столкновения индоариев с иранцами как раз наиболее вероятны, потому что те и другие были достаточно воинственны и агрессивны. В Ригведе основными врагами ариев называются некие *даса* или *дасью*, которым приписываются отвратительные качества – они темнокожие, безносые, у них дьявольский язык, они не почитают богов (понимай: богов Ригведы), но в то же время у них сильные цари, крепости, они искусны в мастерстве (Sirkar 1974; Chattopadhyaya 1976; Gopal 1981). На этом основании их нередко трактуют как аборигенов Индии – носителей культуры Хараппы (Gopal 1981; Levitt 1989). Однако арии Ригведы видели в них и сверхъестественные существа, демонов (Chattopadhyaya 1976). Не переносили ли арии на этот образ вообще свойства любых врагов, встреченных в Индии? В санскрите термином «даса» стали обозначать раба, а термином «дасью» – разбойника.

С *даса* индоарии вряд ли столкнулись только в Индии. Индоарийскому *даса* соответствуют по всем правилам сравнительной фонологии иранское *даха*, а *даха* – это известная иранская народность, которая уже в древнеперсидское время проживала в Маргиане. Страбон (11.9.2) сообщает, что, переселившись туда парны (основатели Парфии), оттеснили *дахов* на восточное побережье Каспийского моря, к северу от Гиркании, где с тех пор долго сохранялась область Дахистан (Rapola 1988: 122). Хиллебранд первым решил, что под *даса* в Ригведе подразумеваются именно иранские *даха*, *дахи*.

Именно в Средней Азии и Прикаспии индоарии и иранцы жили вперемежку. Так, к югу от Каспия Авеста упоминает «мазанийских *дэвов*» – людей, которые поклоняются индоарийским богам. В иранских источниках мазанийцы упоминаются между южным побережьем Каспия и горами Эльбурз (Burrow 1973). В Ригведе (X.22.8) говорится: «Мы живем посреди племен *Дасью*». *Дахов* знали и древние греки – как *даев*. Термин этот в ряде иранских языков (хотанском, новоперсидском) означает просто 'мужчина', 'юноша', 'герой', а *дахью* – 'страна'. Поэтому естественно, что у части иранцев он стал самоназванием народности (Литвинский 1972: 172 – 173). По-видимому, Ригведа начала формироваться не в Индии, и столкновения с *дахами* должны были иметь место в Средней Азии или еще раньше и дальше к западу (Bailey 1959; Rapola 1988). Отношения с ними у ариев были не всегда враждебными: в Ригведе царь Судас, глава родовитого племени ариев и победитель конфедерации десяти царей, назван сыном Диводасы, а это имя включает в себя этноним «даса» (Kosambi 1965: 81 – 83).

В языке и мифологии индоариев, как, впрочем, и иранцев, сохранилась память о проживании в значительно более северном регионе – это показали с наибольшей полнотой Бонгард-Левин и Грантовский, обобщившие труды многих предшественников в популярной книжке «От Скифии до Индии» (1974/1983; см. также Лелеков 1982). В финно-угорских языках сохранились заимствования из арийских, в том числе из индоарийского, в частности у манси «тас» (из «даса») в значении 'чужой' (Rapola 1988). То есть с *дахами* индоарии враждовали еще на севере.

Там, на севере, арии жили в предшествующее время. Но не только там.

3. Индоарии в Передней Азии. О пребывании индоариев в Передней Азии свидетельствуют (рис. 3): набор имен богов, которыми скрепляли договор, ряд имен царей и знати, серия коневодческих терминов и другие слова в текстах из Сирии, Палестины и особенно из Митанни (в верховьях Тигра и Евфрата) XIV – XIII вв. до н. э. (Hüsing 1927; Dumont 1947; Brandenstein 1948; O'Callaghan 1951 и др.), причем, боги, приводимые в договоре, это те же боги, что и в Ригведе и упоминаются они в том же порядке: Митра, Варуна, Индра, пара Насатьев. В коневодческом трактате XIV века термины ристаний «айка-вартана», «тера-вартана», «панца-вартана» - переводятся с индоарийского: 'один поворот', 'три поворота', 'пять поворотов', но «айка» вместо «эка» - это произношение, которое лингвисты уже ранее предполагали для доведийского периода (ближе к праиндоевропейскому), когда еще сохранялись дифтонги. По выражению Каменгубер, к тому времени это была уже «окаменевшая» лексика, застрявшая в местных языках. По-видимому, само пребывание тут индоариев имело место несколько раньше – судя по отдельным словам и именам, в XVII – XVI вв. до н. э. (если не раньше, учитывая современный сдвиг хронологии).

В правление Хамурапи, в конце XVIII в., в Вавилонии появились касситы (Kaššu), а в следующем веке они обосновались как правители в царстве Хана на среднем Евфрате. Об их индоарийском этносе свидетельствуют имена их богов – Марутташ (индоарийские Маруты) и Суриаш (индоарийское Сурья 'солнце'). Третий бог, Буриаш, близок по имени к греческому Борею – богу северного ветра.

Индоарии явились на Передний Восток как новый народ, как воины-завоеватели, искусно управлявшие колесницами в ристаниях и, может быть, боевыми. Они насадили здесь свои династии (по крайней мере, в Митанни и Хане) и знать («марьянну» из арийского «марья»). Некоторые исследователи оспаривали миграцию или индоарийскую специфику этих следов, говорили о возможности трактовать их как раннеарийские или общеарийские (Mironov 1933; Kammenhuber 1968; Дьяконов 1970), но Майргофер и Мури (Moory 1970; Maythofer 1974) убедительно опровергли эти трактовки и доказали, что это были индоарии, хотя и с диалектными отличиями от Ригведы (ближе к пракритам и с чертами архаичности – еще без стяжения дифтонгов). Но вера у них была та же. По хронологии эти индоарии совпадают с доведическими и доиндийскими ариями. А поскольку они одной веры, то это не вратья, а, возможно, предки тех, которые потом оказались ведическими в Индии, или их ближайшие сородичи. По некоторым признакам (элементам ономастики) Гиндин (Gindin 1972) допускает небольшое участие протоиранцев в этом первом движении ариев на Ближний Восток. А. Парпола (Parpola 2004: 103, note 3, 106) отмечает, что 8 арийских имен собственных из Митанни имеют структуру «гостеприимец бога такого-то» (например, Митратитхи). Это необычная для Ригведы структура, но в мандалах I и особенно VII Ригведы содержатся гимны семьи Канва (связана с племенами Яду и Турваша), в которых есть подобные структуры. Парпола считает это ранней частью Ригведы.

На рельефе из могилы фараона Хоремхеба (XIV век до н. э.) изображены попавшие в плен к египтянам митаннийские знатные воины, то есть арии, «марьянну» (Semper 1936: Fig. 1b, 2b). С темени и затылка митаннийца свисают «оселедцы» (рис. 5). Прическа с оселедцем - шикхандакой – характерна и для ариев древней Индии. На рельефе из Аладжи-Хююк (тоже XIV век до н. э.) у человека, восходящего по лестнице, также обрита голова, а на темени – длинная косица, оселедец (Ардзинба 1982: 51 – 52). Либо это тоже «марьянну» из того же источника, либо и тут и там хеттские воины. Но такая прическа у хеттов еще где-либо не зафиксирована.

В советской археологии было принято считать, что вторжение ариев в Пенджаб непосредственно следует за появление их в Передней Азии и Иране и что это и привело к их разделению (Ильин и Дьяконов 1982) – к выделению индоариев из общего для индоариев и иранцев арийского массива, каковой усматривался в андроновской культуре Казахстана или в еще более близких протогородских культурах Южной Туркмении и Северного Ирана. Единство ариев падало на первую половину II тыс. до н. э.

4. Протогородская и андроновская гипотезы. [Здесь более подробно рассказать о протогородских очагах как претендентах – гипотезы Хлопина и Массона.] Происхождение ариев из протогородских центров просто несуразно – это хорошо показала Кузьмина, сравнившая социальный строй и быт ариев (по их языку и преданиям) с совершенно

чуждой им средой этих центров (Kuzmina 1976; 1985; Кузьмина 1986; 1994). Но Кузьмина (1986; 1994) отстаивает выведение всех ариев из андроновской культуры Казахстана – и индоариев, и иранцев (рис. 6).

На первый взгляд, это удачно объясняет сложившуюся картину: получается, что уход ариев в разные страны – в Индию и в Иран (с продвижением дальше в Переднюю Азию) и был тем разветвлением, которое обусловило распад арийского пранарода на индоариев и иранцев (Bryant 2002: 131). Но на деле языковое разделение ариев в южных странах имело на первых порах не столько территориальный, сколько хронологический характер: ранние миграционные волны принесли индоариев в Индию, а лишь с последними волнами иранцы оказались в Иране, а также на подступах к Индии и в Передней Азии (рис. 6а). Ариев Ригведы занесло в Индию, Иран и Переднюю Азию средней волной (возможно, подвижкой более раннего выброса).

Только поздняя, иранская волна может происходить из андроновской культуры, точнее из андроновских культур, но и не только из них, а также из срубной культуры. То есть иранцы были уже тогда разделены на несколько народностей или культурных традиций. К первой волне, индоарийской, андроновский источник не подходит по хронологическим основаниям: ведь андроновские культуры в Казахстане не старше XVI в., а уже в XVII в. индоарии появились в Передней Азии. Не вяжутся и другие параметры андроновских культур с индоариями. Андроновские культуры, как и срубная, весьма привержены земледелию – это типично для иранцев (поощрялось Авестой), но не для индоариев (в Ригведе даже не упомянут плуг). В андроновской культуре есть двугорбый верблюд (бактриан) и культ верблюда – найдена статуэтка бактриана (Кузьмина 1963). Это соответствует тому, что в Авесте воздается хвала золотистым верблюдам, а иранцы носили имена, оканчивающиеся на -уштра («верблюд»), в том числе имя пророка Заратуштры. Но всё это чуждо Ригведе.

Правда, Кузьминой удалось показать, что изготовление керамики, описанное в Черной Яджурведе и брахманах, соответствует андроновским правилам и формам. Но сходство неполное: в андроновской культуре керамика богато орнаментирована и лепится женщинами, в ведической Индии же керамика – без орнамента, и делают ее мужчины (Rau 1974; Bryant 2002: 211 – 212). Кроме того, в таком контексте некоторое сходство можно посчитать как иранское влияние на индоариев Индии – оно известно и по другим показателям: еще в Ригведе (в 6-ой мандале) есть индуизированные иранские имена; в первой, переднеазиатской волне ариев Гиндин (1970; Gindin 1972) отмечал незначительное присутствие иранцев; позже иранское влияние на Индию усилилось. Возможно, и какое-то проникновение иранцев в Индию наряду с основным массивом индоариев. Это проникновение могло иметь следствием и какой-то вклад иранцев в культуру ариев Индии.

Откуда же шли первые волны – расселение индоариев?

5. Катакомбные культуры и их индоарийские признаки. Сначала Берзин и Грантовский (1962) высказали осторожную и никем не замеченную догадку о том, что индоарии связаны по происхождению с катакомбной культурой (основанием для этой гипотезы были игральные кости в катакомбных могилах). А на рубеже 70-х и 80-х годов я, еще не зная об этой заметке, высказал ту же идею. Мне, по-видимому, и в самом деле удалось выявить, что исходный очаг движения индоариев в Индию и Переднюю Азию лежал в Северном Причерноморье, и состоял именно из катакомбных культур (рис. 7 – 10) по крайней мере, некоторых, может быть, всех (Клейн 1979; 1980; Klejn 1984). Датируются они в основном своем ареале концом III и первой половиной II тыс. до н. э., по традиционной хронологии, но по новой хронологии – приблизительно временем от 2900 по 2050 гг., то есть III тыс. в целом, с наибольшей концентрацией дат на XXIII – XXII веках (Черных и Орловская 2004); в Предкавказье они живут значительно дольше (описание культур см. в Попова 1955; Братченко 1976; 2001; Häusler 1974; 1976; Трифонов 1991: 145 – 166; Смирнов 1996).

Признаки индоарийского происхождения широко представлены в катакомбных памятниках Северного Причерноморья и Предкавказья.

1. Стремление, обозначенное в Ригведе (X, 186 13) «упрятать смерть под этот холм» (т. е. курган) могло бы относиться ко всем степным культурам бронзового века. Но

индоарийская погребальная практика отличалась от иранской: если иранцы заботились о предохранении чистых стихий (земли, огня и воды) от соприкосновения с мертвой плотью, то индоарии, наоборот, заботились о слиянии покойного с Матерью-Землей, растворении в ней. На Памире они специально развязывали и разрезали саван, чтобы тело прикасалось к земле, подкладывали кусочки земли под саван (Литвинский 1981: 92 – 93). В Ригведе они призывали землю распахнуться и милостиво принять покойного в свои объятия. Землю призывали упокоить умершего, как мать укутывает сына в свои одежды (РВ X, 18.11), а покойнику говорили: «Приблизу тебя к Матери-Земле» (РВ, X, 18.10). Сам катакомбный способ погребений до территории Индии не дошел, но в Ригведе сохранились выражения, намекающие на эту практику: «Придет день, и меня положат в землю, как вкладывают перо в стрелу» (РВ X, 18. 14). Это сравнение не подходит к обычному опусканию покойного в яму, но скорее имеет в виду его задвигание вбок – в катакомбу. О том же говорит упоминание о «земляном доме» с «камнем-затычкой», запирающем выход (RV, V, 5.81; X, 18.4), – это типичная для катакомбных могил каменная пробка (забивка) входного отверстия в катакомбу.

Видимо, катакомбный способ погребения знали и иранцы. В Видевдате (V, 39 – 41) содержится предписание, чтобы отверстие могилы и свод над нею были удобны и не задевали голову покойного, даже если она будет высоко лежать: величина тела человека – мера для могилы.

2. Об индоарийской принадлежности погребенных ясно говорит *сахамарана* (соумирание) – погребение вдовы на похоронах мужа, причем обоим кладут в позу соития (рис. 11 – 18). Скелеты лежат в этих позах – лицом к лицу, обнимая друг друга, или мужчина позади женщины, тесно прижавшись. Правило объясняется из индийского ритуала: умирающий (а в древности это относилось и к умершему) должен произвести зачатие, а жена должна родить своему мужу новое тело для загробной жизни – «сделать мужа одиннадцатым сыном», как сказано в Шатапатха-брахмане. Совокупление с трупом в индийских верованиях считалось реальным: в мифе жена царя родила от такого совокупления семерых сыновей (Фишер 1969: 115). Таких погребений масса в катакомбах (Клейн 1979), в срубной же и андроновских культурах почти нет. Там умерших мужа или жену изредка подхоранивали в могилу ранее умерших супруга или супруги (Итина 1954; Сорокин 1959). По данным Рычкова (1982), среди срубников совместные погребения составляют 1,5 %, тогда как среди катакомбников – 19,4 %. Доля высчитывалась из совокупности около тысячи погребений обеих культур со всего ареала их распространения.

3. Далее, это «красный траур» – посыпка головы, кистей рук и стоп ног покойного красной краской (рис. 18а). В Индии до сих пор в ритуальных ситуациях, связанных с «обрядом перехода», в частности свадьбой, окрашивают в красный цвет *темя, ладони и стопы*, а именно в этих местах лежит красная краска в катакомбных могилах. Для меня именно это послужило первым опознавательным признаком, позволившим поставить вопрос об индоарийской принадлежности погребенных в катакомбах. Смерть изображается у индоариев красной; в красные одежды обряжают покойника. У иранцев же траурные одежды белые – этому соответствует белая посыпка дна могилы в срубной и андроновских культурах. Белым алебастром облицованы и стены храмовых помещений Гонура (Сарианиди 2006).

4. Столь же примечательным является тот факт, что в ряде катакомбных могил наших степей обнаружены рисунки (рис. 19), выведенные на дне могилы порошковым веществом (Пустовалов 1998), что очень напоминает современную практику *ранголи* в Индии. Ранголи – это узоры, выводимые порошком на полу (рис. 19а). Женщины проделывают эту процедуру каждый день заново (Гусева 1977: 238). С ранголи связаны мандалы – такие же узоры, выводимые на полу и посвященные богам. Это обычай, характерный именно для индоариев.

5. Затем выбор животных в сопроводительную пищу покойникам: баранина и говядина. Как в Индии (Ригведа), так и в катакомбных культурах) свинина начисто отсутствует (в срубной культуре есть). Кузьмина уверяла, что так обстоит дело только в андроновской культуре, но это не так – и в катакомбных. Интересен и список жертвенных животных: конь, корова, козел, овен и черепаха, но черепаха не в катакомбной культуре, а в других степных культурах, предположительно индоиранских. Это мог бы быть аргумент в пользу более общего заключения, но я не уверен, что можно вообще приводить этот

аргумент: они ведь в могилах. Правда, покойников индоарии рассматривали как жертву, но всё же это не собственно жертвенники.

6. Для индоариев характерно увлечение игрой в кости («Гимн игрока» в Ригведе и проч.). В катакомбных погребениях Северного Причерноморья обнаружено (рис. 20) необыкновенно много альчиков и специальных наборов резных метательных костей – столько не найдено ни в одной другой культуре бронзового века (даже, наверное, во всех остальных вместе взятых). Существенно, что эти специально изготовленные кости (рис. 21) имели форму не кубиков, что было бы банально, а октаэдров, восьмигранников с притупленным срединным (поясным) ребром, так что из восьми образуются четыре гнутых грани – именно такую форму (*чатурашра*) имели игральные кости индоариев древности, известные по древнеиндийской литературе, и такие изготавливаются в Индии до сих пор, применяются в игре *чаупар*. По знакам на катакомбных игровых костях, означающим числа (это цифры бронзового века!), и по комбинациям костей в наборах восстанавливаются правила игры, совпадающие с древнеиндийскими (подробно см. Клейн 1997; Klejn1999).

7. В украинских и предкавказских катакомбных культурах можно найти объяснение для странной формы ведийской *веди* (алтаря) – квадратной со всеми четырьмя сторонами вогнутыми внутрь. Именно такую форму имеют основания типичных катакомбных курильниц – переносных алтарей (рис. 22). Клеверолистообразные четырехсторонние глиняные алтари использовались в трипольской культуре Украины в IV тысячелетии до н. э. Во второй половине III тыс. в новослободненской культуре (ранее известной как Майкоп II или Царская) могилы часто имели те же очертания – с вогнутыми внутрь сторонами (то есть выпуклыми стенами) и скругленными углами. Эта форма, но лишь с двумя сторонами вогнутыми внутрь (Синицын и Эрдниев 1971: 6, рис. 18) повторяется в некоторых катакомбах предкавказских степей. Поскольку арии рассматривали похороны как жертвоприношение (Атхарва-веда, 12.3; Айтерия-брахмана 6.3.9), могила могла представляться алтарем. Маленькие переносные алтари (катакомбные "курильницы") имели схожую форму. Нижняя часть курильницы была образована четырьмя ножками, слившимися в одну, а это дало клеверолистную форму (видимо, ранее тот же путь был пройден трипольскими алтарями). Четырехсторонний алтарь был связан со священным числом четыре (Топоров 1974: ср. Buckland 1884; Loewe 1936; Bertling 1968; Семека 1968). Поэтому обозначение четверки на игровых костях (арийское *крита* – выигрешная четверка), найденных в катакомбных погребениях Причерноморья, имеет точно ту же форму, что и ведийская *веди* (квадрат с вогнутыми сторонами), но с острыми углами, наподобие бубнового туза.

8. В катакомбных культурах Причерноморья можно найти прототипы специфических вещей индоариев: цецилок *павитри* для изготовления священного напитка сомы, камня (*граван*, *гравастут*) – песта для выдавливания сока из сомы. В цецилках *павитри* (рис. 22а) в качестве фильтра применяли шерсть – от них остались глиняные воронки; в других культурах бронзового века их нет. Для катакомбных культур типичны изящные фигурно оформленные и очень тщательно отшлифованные, даже отполированные каменные песты (рис. 22б), явно не просто для хозяйственных надобностей. Но культовыми пестами и выдавливали сок сомы.

9. Кузьмина много внимания уделила разработке коневодства и культа коня, боевым колесницам и колесничим у ариев (хотя есть сомнения, колесничии ли это – см. Виноградов 2004: 275 – 279), чтобы доказать, что андроновская культура, обладающая этим всем, оптимально подходит под это определение. Но и в катакомбной культуре всё это есть (Чередниченко и Пустовалов 1991; Пустовалов 2000). Однако катакомбные колесницы сильно отличаются от колесниц новокумакских и синташтинских, и вопрос о том, колесницы ли это, здесь встает острее. Во-первых, у катакомбных двухколесных повозок колеса без спиц – массивные, сплошные, дисковидные, из деревянных плах. Во-вторых, управление животным осуществлялось с помощью стрекала (в Криворожье при такой повозке в катакомбе найдены наконечник и часть древка стрекала, также тяжелое ярмо, а псалии от узды не обнаружены). Пустовалов реконструирует легкие боевые колесницы (рис. 23), запряженные лошадьми, но лошадей при них не обнаружено. Он пишет: «Зачем, спрашивается, впрягать быков в такую легкую одноосную повозку? Можно было бы вполне обойтись более изящными эквидами» (Пустовалов 2000: 311).

Но во всех случаях, когда зафиксированы дисковидные колеса, не только в катакомной культуре, в двухосных или одноосных повозках, если животные в наличии (хотя бы только на изображении), неизменно в повозки были впряжены быки (волы) (рис. 24). Лошади, впряженные в повозки, повсеместно появляются только с другим типом колес – со спицами. Это хорошо показано А. Хойслером (Häusler 1984; 1986; 1992; 1994; 1999). Зачем впрягать быков в двухколесную повозку, вопрос другой. Скорее всего, ради престижа и в порядке ритуала. Возможно, это свидетельство того, что лошадь как транспортное средство еще не освоена или еще не вошла в ритуал. В этом случае протоиранцы, видимо, опередили протоиндоариев, и в страну Митанни, не говоря уже об Индии, арии пришли с боевыми колесницами, заимствованными у протоиранцев. Если это были действительно боевые колесницы, а не повозки для вождей и победоносных богов, для ристаний и царской охоты. В Ригведе с них разят врагов только боги и богоподобные герои. А в Индии вообще, несмотря на внимание к колесницам в Ригведе, самые ранние колесницы датируются временем между серединой IV и серединой I вв. до н. э., а самые ранние их изображения – концом I тыс. н. э. Более ранние повозки – только с массивными колёсами.

Возможно, что катакомбные повозки, двухосные, но на дисковидных колесах, представляют собой гибрид или шаг на пути заимствования колесницы (или на пути ее внедрения в погребальный ритуал).

6. Контакт с финноуграми в языке и археологии. Еще ряд доказательств носит территориально-ситуационный характер. В финноугорских языках в числе заимствований из арийских языков (Redei 1968; Joki 1973; Koivulehto 1987) обнаружено немало заимствований из индоарийского с отчетливыми признаками его отдельного существования. Правда, есть лингвисты, которые считают почти все заимствования в финноугорских языках иранскими (Гамкрелидзе и Иванов), есть и те, кто считает почти все индоарийскими (С. Мисра и В. Шеворошкин), но Я. Калима, Я. Харматта и В. И. Абаев (Kalima 1936, Harmatta 1981, Абаев 1981) подошли к делу дифференцированно и показали, что среди заимствований есть не иранские и не общеарийские слова, а именно индоарийские. Эти исследователи разделили всю массу заимствований и, стало быть, контактов, по этапам (общеарийский и сепаратный, также и в заимствующих по этапам – финноугорский, этап финского и угорского и этап дальнейшего разделения) и по народам. Так же, как есть иранские заимствования, особенно в угорских (Kogenschu 1972), так есть и отдельно индоарийские, в частности и в западнофинских, прибалтийских языках. Слова эти относятся к скотоводству, меньше – к земледелию, некоторые к вооружению и терминологии социальных отношений (контакта и обмена). Даже самые западные потомки финноугорских соседей ариев, финны и эстны, называют корову «Васа», а теленка «васикка» - от арийских «ватса» и (с арийским уменьшительным суффиксом) «ватсака». Мордовское «азор» 'господин' и коми «озыр» 'богатый' происходят от арийского «асура» 'бог', 'господь'. Это не заимствование из иранского: в иранском – «ахура».

Некоторые исследователи (в том числе Барроу) обращают внимание на то, что заимствования идут из арийских языков в финноугорские, но не наоборот. Это могло бы означать, что арии и не были исконными соседями финноугров, а какая-то часть их подселилась к финноуграм. Но могло бы быть результатом разницы в культурном уровне и статусе. Однако дело обстоит проще: даже такой скептик, как Йоки признал по крайней мере около дюжины финноугорских заимствований в арийских языках (Joki 1973: 373).

Финноугорскую прародину, исходя из реконструированной для общего праязыка терминологии фауны и флоры, помещают в северной лесной полосе Верхнего Поволжья и Приуралья (Setälä 1916; Sebestyén 1935; Haidú 1964), но финские народности рано, еще в III тыс. вышли на берега Балтийского моря (Vilkuna 1949; Аристэ 1956). Так что эти заимствования объяснимы соседством на севере Украины в конце III тыс. до н. э. катакомбной археологической общности с культурой *ямочно-гребенчатой керамики* – по мнению археологов (Ailio 1922; Мейнандер 1974; 1982; и др.), наиболее вероятным претендентом на роль предковой для финских народов (рис. 24а).

Арийское сообщество должно было располагаться где-то в ближайшем соседстве, особенно вероятно – в примыкающих с юга степях (учитывая, что арии были подвижными скотоводами). В языке саамов (лопарей) «аризль» (буквально «арийский», «со стороны ариев») означает 'южный', 'юго-западный' (Абаев 1981: 85).

В числе заимствованных терминов – *ваджра*. Для индусов это оружие бога грома Индры, нечто вроде булавы. Термин несомненно индоевропейский (тохар. AV waçir ‘молния’). Облик этого оружия забыт, изображают его по-разному (Majumdar 1924; Apte 1957; Das Gupta 1975). В финноугорских языках этот заимствованный термин означает в одних – ‘топор’, в других – ‘молоток’. Действительно, в катакомбных памятниках самым типичным оружием воина является каменный боевой топор-молот (рис. 25, 1 - 2). Ударным его концом, судя по круглым проломам в черепахах, служил обух. Отверстия эти обычно принимаются за трепанации (Wölfel 1927; Guiard 1930; Piggott 1940; Behm-Blancke 1964; Ullrich und Weickelmann 1965; Дэруме и Пирпишвили 1975; и пр.). Однако металлического трепана в неолите не было, к тому же отверстия всегда слева, потому что удар наносился правой рукой (Anda 1951; Домба 1966; Hvas and Stoorgard 1993: 36).

Ту же функцию, но больше, вероятно, ритуальную, выполняли булавы с четырьмя выпуклинами – четырьмя обухами (рис. 25, 3 – 4, 26, 27, 28). В Индии сохранилась память, что у *ваджры* было 4 конца; построение войска в каре (фронтом на все четыре стороны) называется «*ваджра*» (Махабх., VII, 19.34).

Воздействия шли не только из степей в к лесным жителям, но и в обратном направлении.

Общее культурное наследие индоиранских народов (скифов, персов, индийцев) содержит целую систему представлений о Крайнем Севере, полученных через финно-угров (сведения о полярных ночах, продолжающихся полгода, о Северной Звезде в зените, о северных сияниях, о Ледовитом океане с огромными льдами, и т. п.). Арии знали имена реки Волга (вед. *Rasa*, ср. морд. *Ravo*) и Уральских гор (вед. *Rep.*, ср. греч. Рипейский хребет). Они также обладали понятием о чудесном многоногом оленеподобном животном (вед. *Sarabha*), напоминающем многоногого лося угорских мифов (угорское имя его – *šorp*) (Бонгард-Левин и Грантовский 1974).

Современные фольклор и литература индоиранских народов сохранили ссылки на шаманистские представления и практику – на идеи о душе, улетающей в иные миры после отделения от тела, а потом возвращающейся в него. Считается, что эти представления развились под влиянием угорских шаманов с их культовой практикой, стимулированной наркотическими веществами (Бонгард-Левин и Грантовский 1974). Эта идея находит поддержку в идентификации ведийского священного напитка *сома* и растения, из которого он изготовлялся. Уоссон идентифицировал по крайней мере один из возможных прототипов *сома* с грибом, или, точнее говоря, с ядовитым грибом (поганкой), называемым у нас мухомором, который и был на деле галлюциногенным средством в ритуальной практике угорских шаманов (Wasson 1968). Однако неясно, у кого эта практика развилась раньше – у ариев или финно-угров. Финноугорское имя для гриба – *pangh* (у хантэ), *panga* (у мари и в морд.) и т. д., по-видимому, рано заимствовано у индоевропейцев (ср. лат. *fungus*). В угорском (хантэ и манси) его значение сужено до ‘мухомора’, ‘бледной поганки’. Зачем бы финно-уграм заимствовать это слово, если не с ритуальной практикой? Сильное влияние религии ариев на финно-угров известно (Бонгард-Левин и Грантовский 1974; Топоров 1981).

Закрепившись в лесной полосе у обеих языковых групп за галлюциногенным грибом, практика и термин были унесены ариями на юг, и на юге это растение было заменено доступными на месте растениями. Сам термин был перенесен в Индии на *коноплю* (ведич. *bangha*), а в Иране на *белену* (*bangha* Авесты). Но и воздействие финноугорских религиозных представлений на ариев имело место. Имя *Soma* обычно выводится из индоевропейского корня *su-* ‘выжимать’, но мне представляется, что это слово могло также иметь северное происхождение: общее финно-угорское *soima* (‘сосуд’) в угорском было скоцентрировано на содержании “священного деревянного сосуда” (ступки) и произносилось как *soma* (см. Редее и Эрдельи 1974: 421 – 422). Арийский термин *Soma*, возможно, выведен от этого слова (перенос названия с сосуда на содержимое – дело обычное: ср. чанахи – по-груз. ‘горшок’, отсюда название супа). Ступа с носиком, явно для выжимания сока из какого-то растения, найдена в Марлике (Negahban 1964: 42, fig. 33; также объяснено в Курочкин 1974: 43).

Несколько непонятно географическое размещение факторов этой связи: угры на востоке финноугорской общности, а «сома» - индоарийское звучание (иранское «хаома»), стало быть, связано с катакомбными культурами. Но катакомбные памятники найдены и в

Приуралье, кроме того заимствование могло иметь место еще в арийский период, а такой контакт осуществлялся уже другими культурами, о которых речь будет дальше.

Разумеется, эта конкретная связь может быть реконструирована только при признании именно мухомора прототипом сомы. Но на эту роль выдвигаются и другие растения, в частности эфедра (у Ньюберга, см. Елизаренкова 1999), ремень и др.

7. Оценка доказательств. Однако, думаю, доказательств индоарийской атрибуции катакомбников и без того достаточно. Но так это выглядит для автора гипотезы. Конечно, мне интересно, как это выглядит со стороны. Автор конкурирующей (андроновской) гипотезы Е. Е. Кузьмина четверть века никаких возражений не приводит – отвечает полным молчанием. Возражения привел автор новейшей обзорной книги по происхождению ведической культуры американец Эдвин Брайант. Все концепции он рассматривает с позиций модного на Западе скептицизма, уравнивая миграционные гипотезы с автохтонистскими индийскими, по которым арии ни откуда не приходили. По Брайанту всё одинаково недоказуемо. Как он втискивает мою концепцию в эти рамки, внушает мне недоверие ко всему его обзору.

Для иллюстрации моего произвольного надёргивания аналогий он приводит всего несколько из моих аргументов (из 9 приведенных выше списком упомянуто только 3: третий, седьмой и восьмой, а из аргументов вне этого списка – один: аналогия ваджре). Причем во всех случаях указана только общая предметность аналогии без приведения деталей, а в них-то суть! Скажем, у Брайанта сказано, что Клейн сопоставляет красный порошок в катакомбных погребениях с красным порошком на индийской свадьбе. А не сказано, что и там и тут красная охра распределена по трем местам: голова, кисти рук и стопы ног, и что ни у кого больше они в таком распределении не встречаются. И не упомянуто, что и свадьба и похороны – священные обряды перехода, и часто в ряде религий похороны рассматриваются как свадьба. Игра в кости, совпадающая в деталях, сахарарана и прочее опущены вообще.

Проделав такую очистительную операцию с моими аргументами Брайант торжествующе восклицает: «Ясно, что при такой предрасположенности любая безобидная деталь может быть увязана с чем-то из спектра санскритской литературы и интерпретирована как доказательство присутствия индоариев» (Bryant 2002: 206 – 207). Впрочем, с Кузьминой он расправляется таким же манером, опираясь при этом уже на мои аргументы, хотя я-то критиковал ее иначе. Ясно, что «при такой предрасположенности» обозревателя ни один аргумент какой-либо позитивной гипотезы не пройдет. Однако вернемся к рассмотрению самих аргументов.

С анализом финноугорских контактов мы уже перешли к оценке территориального размещения культур. Но надо еще проверить, есть ли движение катакомбных культур в те места, где засвидетельствованы исторические индоарии.

8. Территориальные совпадения. По современным данным, цепь катакомбных памятников протянулась от северопонтийских степей через Среднюю Азию к подступам в Индию (рис. 3).

В низовьях Зеравшана это культура Заман-Баба (Гулямов 1956; Кузьмина 1958; 1968; Аскарлов 1962), а в верхнем течении Аму-Дарьи — бишкентская культура (Мандельштам 1968) и близко родственная культура Вахша (тоже в верхнем течении Аму-Дарьи). Заман-баба датируется первой пол. II тыс. (по новой хронологии попадет в III тыс.), бишкентская культура принадлежит к XIII — VIII вв., вахшская – ко второй половине VIII века до н. э. Таким образом эти культуры вместе покрывают время со второй половины III тыс. до VIII в. до н. э. – до скифо-сакского времени. Ранние погребения бишкентской культуры (в Тулхарском могильнике) описываются как уникальные по конструкции (ямы с пологим входом сбоку), поздние описаны как катакомбы. Но и ранние наверняка тоже катакомбы, только поврежденные (с шахтой, незамеченной в рушенной земле насыпи или срезанной раскопщиками - ср. Клейн 1961). Близко родственные и более оседлые культуры с катакомбами располагаются одна – севернее Аму-Дарьи, это Сапалли (Аскарлов 1973; 1977: 38 – 59), другая - это Дашлы в Афганистане (Сарианиди 1977: 50 – 106). Они относятся к XVII – XI вв. до н. э.

В этих культурах Средней Азии оказываются некоторые очень специфические черты индоариев, прежде всего геометрическая форма ритуальных очагов (рис. 29 - 35): круглый (*гархалпатья*, земной огонь хозяина дома) – при мужчинах, четырехугольный (*ахавания*, божественный огонь жертвоприношения) при женщинах, и полумесячный (*дакшинагни*, огонь для предков); также каменные вымостки в виде *свастики* (фигурные вымостки вообще характерны для культуры индоариев). Черты эти открыл и опознал Мандельштам (1962). А в середине прошлого века в Средней Азии обнаружен индоарийский диалект (Оранский 1960).

Во многих катакомбных курильницах есть отделение внутри (рис. 22) – черта, очень сближающая их с квадратными сосудами культур Заман-Баба и Дашлы. А схожие сосуды еще встречаются в современной Средней Азии и Индии, где их используют для кормления и поения птиц, рассматриваемых как души покойников (Гулямов и др. 1966: 143, 181 – 182). В этом свете примечательны реальные фигурки (изваяния) птиц на венчике средиземноморских кернов (рис. 36 - 37), которые уже давно трактовались как прототипы катакомбных курильниц (Клейн 1966). Прямоугольный сосуд из предсумбарского могильника Пархай II в Туркмении, относимый ко второй половине III тыс. (рис. 22а. - Хлопин и Хлопина 1982, рис. 3), имеет на бортике такие же рудиментарные сосудики, как на баденских чашах, восходящих к сосудикам на кипрских керносах.

Кости коня в этих среднеазиатских культурах отсутствуют, но практически его и в катакомбных могилах Причерноморья нет.

Так обстоит дело с близостью среднеазиатских культур понтокаспийским катакомбным.

В Западном Пакистане почти на границе с Афганистаном в 60-е – 70-е годы вели раскопки итальянские и пакистанские археологи на территории, примыкающей с запада к Пенджабу. Итальянцы Джорджио Стакуль, К. Сильви Антонини, и Э. Кастальди вели раскопки в долине р. Сват, северного притока р. Кабул, впадающей в Инд с запада (Stacul 1969; 1970; Silvi Antonini and Stacul 1972) а пакистанцы из Пешаварского университета, А. Х. Дани и Ф. А. Дурани совместно с А. Рахманом и М. Шарифом, копали сначала там же (Dani and Durani 1964; Dani 1968), потом южнее, в долине реки Гомал, еще одного западного притока Инда (Dani 1972). Из первой долины открывается путь через горные перевалы в Афганистан и Среднюю Азию, из второй, более южной, – через Афганистан в Иран.

В обеих долинах археологи открыли курганы, чуждые вообще местному культурному развитию, а в долине Свата итальянцы раскопали еще и многослойные поселения, давшие стратиграфию. Сначала итальянцы, работавшие севернее, назвали обнаруженную культуру, претендующую на статус ариев, «культурой Свата», а пешаварцы свой вариант – «культурой погребений Гандхары» (по древнему названию области). Позже раскопанные поселения (особенно Гхалигаи) дали основания итальянцам расчленить материалы хронологически, и обнаружилось, что во II – I тыс. до н. э. население здесь сменялось не раз.

В данном контексте наиболее интересен могильник Кхераи и его культура (Гандхара I = Гхалигаи IV, т. е. перед культурой Свата). Это погребения в каменных ящиках, скорченные на правом боку, с протоевропеоидными черепами (характерными для раннего степного населения). Керамика лепная, серочерная лощеная с отпечатками цыновки на дне. Она представляет собой дальние (и поздние) отпрыски того распространенного вида керамики, к которому принадлежит и минийская посуда. Именно для этого пласта характерно появление костей лошади, конского снаряжения (псалии), погребения коней. Есть в составе стада и свинья. Датировка этого пласта – ок. середины II тыс. до н. э. А. Дани и Е. Е. Кузьмина считают, что это индоарии, М. Тоси, Э. Кастальди и К. Сильви Антонини видят в них иранцев, Б. А. Литвинский – нуристанцев, Дж. Туччи и А. Парпола – дардов. Еще во времена ахеменидов дарды жили в той же местности и суастии (сват) входили в их состав (Tucci 1977).

Позже (начиная с горизонта Гандхара II = Сват I = Гхалигаи V) появилась кремация, что, казалось бы, сближает эту культуру с индоариями, но кремация тут в урнах, не занимает господствующего положения, и вскоре она уступает место снова ингумации. Это, возможно, арии, но какие именно, кто тут осел, кто прошел дальше, сказать трудно. Каменные ящики и закладки говорят об андроновской традиции, но, если судить по

большой доле парных погребений (в Кателаи – одна седьмая, в Лёбанре четверть), эти погребения ближе к катакомбной традиции, чем к срубно-андроновской. Лежат они в супружеских позах (рис. 38 - 42). Правда, есть и отличия от катакомбных погребений: в катакомбных супруги похоронены одновременно, а здесь порознь (как в срубной культуре): кто умер раньше, тот и похоронен первым (впрочем, судя по чертежам, большей частью это всё-таки одновременно захороненные пары).

Ближайшие аналогии инвентарю Е. Е. Кузьмина (1975) видит в Тулхарском могильнике бишкентской культуры и в Тигровой Балке (Средняя Азия). Кьяра Сильви Антонини возражает: в Заман-Баба и бишкентской культуре есть катакомбы, в культуре Свата нет. Правда Э. Кастальди (Castaldi 1968) упоминает 4 катакомбы в Кателаи: в секторе, который она раскапывала, в 4 случаях она отметила признаки входа или входной шахты. Но она ошибается, заявила Сильви Антонини. «На 500 с лишним могил, раскопанных нами, ни одной катакомбы!» (Silvi Antonini 1973: 240). В Тулхаре есть и еще одна черта, связывающая его с долиной Свата: размежевание мужских и женских погребений по положению в могиле: мужские на левом боку, женские на правом – черта, чуждая всему степному кругу культур. Здесь в Тулхарскую и пешаварскую обрядность включилась какая-то пришлая издали традиция – как увидим далее, из Центральной Европы.

На следующем этапе, в культуре Гандхара III = Сват III = Гхалигаи VI, имеются и расчлененные костяки, четко свидетельствующие о появлении иранской традиции освобождения костей от плоти. Антропологически это средиземноморский тип.

В самом Пенджабе памятники нужного времени еще вообще не найдены. В Передней Азии – противоположная картина: *embaras de richesse*. Катакомбные погребения тут есть и свои, здесь это традиция давняя. В Финикии и Палестине, неподалеку от Митанни, раскопано много погребений пришельцев в эти места, и это катакомбные погребения (рис. 43), датируемые между XIX и XVII веками до н. э. (Jirka 1956; Kenyon 1957; 1960). Уверенно аттестовать их как прибывшие из Северного Причерноморья очень трудно, учитывая, что часто это погребения безинвентарные. А если в них и есть местная керамика, то наличие ее еще не говорит против вторжения: ведь смена керамической традиции на местную встречается нередко (особенно если прибывшие без женщин мужчины женились на местных женщинах – а лепную от руки керамику изготовляли обычно женщины). Но в катакомбных могилах Причерноморья встречено (рис. 44) захоронение передней половины коня (Мошкова и Максименко 1974, табл. XXIII, XXVI,1) – конь рассекался на части, как в ритуале Ашвамедхи (но не на три части, а надвое, как у хеттов). Такое же (рис. 45) есть и в одной катакомбной могиле Газы (Schaeffer 1948, fig. 127).

А в Северном Иране, на полдороге между северочерноморскими степями и Палестиной, в Турень-тепе (Deshayes 1969: 14), обнаружены катакомбные погребения пришельцев, датируемые ок. 1700 г. (как раз тем временем, которое требуется). Неподалеку от этого памятника, в Шах-тепе, в слоях, маркирующих конец так наз. "Астерабадского бронзового века", обнаружены культурные остатки, представляющие чуждый для этих мест физический тип, схожий с типом людей шнуровой керамики и степного населения. Эти остатки могут быть датированы XVIII – XVII вв. до н. э. по традиционной хронологии (Курочкин 1979), по новой несколько более ранним временем. Среди них найден обломок костяной (или роговой) булавки (Arne 1945: 141. 294. fig. 622. p. 300, fig. 642), типичной для понтокаспийских степей, с очень специфическим резным орнаментом – это заштрихованные зигзагообразные пояса (рис. 46). В Причерноморье (рис. 47, 48) это молоточковидные булавки, характерные только для позднейших и катакомбных погребений (Латынин 1967). Был ли у иранских булавок молоточек, неясно: верх обломан.

В Закавказье обнаружено много катакомбных погребений начала II тыс. (Норабацкий могильник – Арешян 1980) и XIV - XIII веков (Артикский могильник – Хачатрян 1980), а в них оттиски печатей митаннийского типа (напоминаю, что именно в Митанни особенно сильно проявилось индоарийское языковое и культурное воздействие).

9. Индоарийское наследие у скифов. Наконец, отмечу еще, что в скифской культуре Северного Причерноморья сильно проявляется индоарийский субстрат. Если язык скифов – иранский, то в духовной культуре скифов сохранилось очень много от

индоарийского наследия (начиная с катакомбы как устройства могилы и кончая ашвамедхой – царским обрядом погребения священного коня).

На серебряной вазе из скифского кургана Чертомлык, хранящейся в Эрмитаже, изображены сцены, в которых Д. А. Мачинский (1978) опознал последовательные этапы индийского обряда ашвамедхи – царского жертвоприношения белого коня (у скифов, по Мачинскому, это кобылица). Коня в конце обряда удушают (рис. 48а), а затем должны богато и торжественно похоронить. При похоронах у индоариев приносится в жертву множество коней, которых группируют по 18 (группировка животных 18х20 предписывается Тайттирия-брахманой 3.9.1, и это связано с моделью года – в нем у ариев 360 дней). Именно такую картину Л. А. Лелеков подметил в Ульском кургане скифского времени в Прикубанье (рис. 49). Могилы человека там вообще не оказалось, а 360 коней лежат у коновязей 20 группами по 18 особей в каждой – здесь явно принесена грандиозная жертва. Кони умерщвлены без ранений, вероятно, удушены. Геродот (IV, 60) сообщает, что скифы душат жертвенных коней. А это, замечает Лелеков, характерно как раз для индийской обрядности – в иранском мире жертву убивали ударом по голове. К тому же у иранцев главным жертвенным животным был бык, а не конь (Лелеков 1980: 119 - 120; Клейн 1987).

На скифском рельефе из городища Чайка близ Евпатории (Крым) изображены мужчина и женщина у алтаря. Над мужской фигурой – круг, над женской – прямоугольник. В древнеиндийской религии, как уже сказано, круглый очаг вопрошает земной огонь, огонь хозяина дома (гархапатья), а прямоугольный – божественный огонь жертвоприношения (ахавания). Д. С. Раевский в книге о ментальности скифов (1977: 105) связывает это изображение с легендой о получении власти царем от женского божества.

Исследования Трубачева (1975; 1976; 1977; 1978а; 1978б; 1979; 1980; 1981) об индоарийских пережитках в речи и гидронимике скифского населения Причерноморья шли по правильному пути, но осуществлялись с чрезмерным энтузиазмом и сугубо заниженной осторожностью, поэтому на них нельзя положиться, что и вызвало нареkania коллег (Грантовский и Раевский 1980), частично дезавуированные (Лелеков 1980; 1982: 225).

Катакомбные культуры занимали всю степную Украину и Предкавказье, простираясь от Волги до Дуная, и лесостепной район в бассейне Дона и Донца. Как я уже сказал, по времени они занимали почти все III тыс., а в Предкавказье катакомбная культура доживает до I тысячелетия и хронологически смыкается со скифской. Древние авторы помещают там синдов, «народ индийский». Кстати «хинд-» – как корень, обозначающий реку и полуостров (в русском превратилось в Инд, Инд-) – заимствован европейцами из иранского (где начальное s- перешло в h). В Индостане же он звучит «синд-».

10. Следствия для анализа контактных ситуаций. Таким образом, возникновение отдельного индоарийского языка отодвигается, по меньшей мере, к рубежу IV - III тысячелетий. Это значительно глубже распада индоарийского праязыка по глоттохронологии Грэя и Эткинсона (у них это ок. 900 г. до н. э.), а территория индоариев в это время оказывается не к востоку от иранцев, а к западу от них. Так находит себе неожиданное объяснение резкое преобладание греко-индоарийских сходжений в мифологии над греко-иранскими (Лелеков 1982: 32). Они, правда, тоже есть (ср. Benveniste 1966), но греко-индоарийских гораздо больше.

У греков и индоариев развивалась эротическая космология (эрос и Кама), только они (те и другие) устраивали ритуальные состязания с диалогами; они одинаково (Гринцер 1974; Ruben 1975) культивировали эпические циклы с темами осады города – убежища похитителя чужой жены (Троя – Ланка), и многое другое (Лелеков 1982). В пантеонах Греции и Индии властвовал похотливый бог-громовик (Зевс, Индра), вытеснивший старого властителя (Лелеков 1978: 222). Параллели: Гелиос и Эос у греков - Сурья и Ушас у индоариев; Пан у греков – Пушан у индоариев; мышь в культе Аполлона с Асклепием и крот в культе Рудры с Ганешей (Grégoire 1950; Топоров 1982: 137 - 138); бог этот поразил стрелой прелюбодея, ставшего созвездием Ориона (Мригаширмы); крылатый конь Пегас у греков и Дадхира у индоариев; пёс Кербер (Цербер) и его индийская параллель Шарбара (из Карбара) – «Пятнистый», «Крапчатый»; Урваши и Психея (там и тут запрет видеть божественного возлюбленного обнаженным – Эрман 1980: 157); одинаковые поверья о муравьях, вызывающих дождь, у индоариев и греков (Meuer 1883: 156 – 158); Ашвины и Диоскуры; кентавры и ведийские киннары (полулюди-полукони), а также Гандхарвы;

Дадхьянч с Ашвинами и Деметра с Диоскурами; красный траур у индоариев и багровая смерть у Гомера; амврозия – амрита; Наркис (Нарцис) у греков и Наргис у индоариев со схожими сюжетами мифов (последний пример подсказан мне Ф. Р. Балоновым) и т. д.

Есть предположение, что термины со значением 'лук' и 'стрела' в микенском языке заимствованы в предшествующее время из индоарийского. Правда, Бенвенист считает, что греческие названия лука и колчана имеют иранское происхождение (Benveniste 1966), но названия предметов вооружения вообще далеко путешествовали вместе с самим оружием.

Есть и возможные лингвистические следы древних контактов индоариев с греками (Иванов и Топоров 1960: 15 – 16; Иванов 1969; 1974; Елизаренкова 1989: 438).

Похоже, что именно индоарии были соседями греков домикенского времени. Кузьмина (1981: 117 - 118) верно заметила, что эта общая мифология свидетельствует о длительном соседстве уже после разделения. Правда, она относит это ко времени после введения колесниц (т. е. не ранее XVI века по традиционной хронологии, не ранее XIX по новой). На деле же, возможно, это было в III тыс. до н. э., но могло быть и раньше.

Дальнейшее продвижение чисто археологическими средствами вглубь веков невозможно: корни катакомбной общности расходятся еще больше, чем корни срубной и андроновских культур, и гипотезы тут (рис. 50) тоже разные (Кривцова-Гракова 1938; Попова 1955; Клейн 1962; Фисенко 1966; Николаева и Сафронов 1979; 1981).

1. Карта харапской цивилизации (Бонг.-Левин и Ильин 1985, карта на с. 84)
1а. и ее основные типы
2. Карта нынешнего расселения дравидов (из Bryant 2002, fig. on the p. 79)
3. Карта культуры серой расписной керамики в СЗ Индостане и др. мест (XII – VI вв. до н. э.) (Klejn 1984, fig. 1)
3а. Территория ариев в Пенджабе по данным Ригведы
4. Территории дардов и нуристанцев (по карте 1 в Эдельман 1968)
4а Территория Дахистана – карта (на карте Ахеменидской империи)
возврат 3. Карта Переднего Востока с обозначениями царства Митанни, мест Палестины, Сирии и Египта, где обнаружены индоарийские термины. (Klejn 1984, fig. 1)
5. Фрагмент рельефа из могилы Хоремхеба (Клейн 1984, с. 18) и восстановленная М. М. Герасимовым голова погребенного в причерноморской катакомбе – из Герасимов 1955, кург. 12 у с. Аккермень, п. 1).
6. Распространение ариев из Андроновской культуры, по Кузьминой (Кузьмина 1994, на форзаце спереди).
6а. Приблизительная схема волн ариев в Евразии: первая волна – индоарии, вторая волна индоарии Ригведы, третья волна – иранцы. (Изготовить)
7. Карта катакомбных культур (Попова 1955: рис. 20 на с. 95 и Арх УРСР т. 16 карта 7 после с. 240)
8. Катакомбные культуры - инвентарь (Смирнов 1996: рис. 10 – 11 на с. 142 – 143 и рис. 44 – 44 на с. 176 – 177 и Арх УРСР т. 1, рис. 88 на с. 321; Трифонов 1991: рис. 20 - 21)
9. То же
10. То же
11. Парные погребения (сахамарана) в позах соития (Яровой 1985: 72)
12. То же (Смирнов 1996: рис. 17,6 на с. 149)
13. То же (из книги Хойслера)

14. То же

16. То же

17. То же

18. То же

18а Погребение с обложки книги Хойслера Häusler 1974 (красная охра)

19. Рисунки цветным порошком на полах катакомбных могил. (Пустовалов в Доно-Донецкий регион 1988: рис. 6 на с. 33).

19а. Ранголи у Гусевой

20. Карта находок игральных костей (Klejn 1999: Fig. 1 on the p. 114)

21. Наборы игральных костей из катакомбных погребений (Клейн 1984; а лучше Klejn 1999: fig. 2 on the p. 125)

22. Катакомбные курильницы (из Клейна АСГЭ, 1966, рис. 1)

22а. Воронки (павитри?) из катакомбных погребений

22б Песты катакомбных культур

23. Колесницы из катакомб (Пустовалов 2000 в Стратум 2: рис. 10)

24. Изображение быков впряженных в двуколку из Häusler 1986 на с. 139)

24а. Карта культур ямочно-гребенчатой керамики. ().

25 Каменные боевые топоры и крестовидные булавы (Klejn 1994, fig. 4; Попова табл. IV))

26. То же

27. То же

28. То же

возврат 3 Карта культур Средней Азии и всего пути из Причерноморья в Индию (Klejn 1984, fig. 1)

29 – 35. Ритуальные очаги – ахавания, гархапатья и дакшина в среднеазиатских погребениях по Мандельштаму (Мандельштам 1968, рис. 17 – 18, 20, 22 и др.).

возврат 22 Курильницы

36 Схема предполагаемой трансформации кипрских керносов через баденские двучастные чаши и катакомбные курильницы в квадратные сосуды из Дашлы и Сапалли (Клейн 1966, рис. 6)

37. Кернос с Кипра (Клейн 1984)

38 – 42 Парные погребения из могильников дол. Свата.

43 Катакомбные погребения Финикии и Палестины (Келуоп 1957, 1960)

44 Погребение половины коня в катакомбном погребении (Мошкова и Максименко в Археол. Пам. Нижн. Подонья 2, 1974, табл. XXIII, XXVI, 1)

45 То же в Газе (Schaeffer 1948, fig. 127)

46 Молоточковидные булавки в Азии (Klejn 1994, fig. 2).

47 Карта этого типа булавок (Klejn 1994, fig. 3).

48 Молоточковидные булавки (Из Поповой 1955 табл. V)

49 План Ульского кургана (Артамонов Сокровища скифских курганов, 1966, рис. II).

50. Схема разных гипотез о происхождении катакомбной культуры (сделать).

Обсуждение

Лифшиц. У меня не возникло существенных возражений, кроме одного. Выведение слова «сома» из финноугорского «сойма» > угорск. «сома» менее реалистично, чем образование его из индоиранского корня «су-».

Медведская. В Ригведе повседневная керамика описывается как сделанная на круге, а лепная – только ритуальная. Поэтому хронологическим аргументом этот факт служить не может. Что касается непригодности дисковидных колес под колесницу, то ведь в Шумере обнаружена боевая колесница с дисковидными колесами. Одно стилистическое замечание: следовало бы более строго различать, где говорить об иранцах, индоариях, а где о протоиранцах и протоиндоариях.

Балонов. О солнечных затмениях как определителе хронологии: в Ригведе речь идет об «утре» или «начале дня»? Ведь начало дня у разных народов падает на разное время и это начало не всегда совпадает с нашим. Каменные песты не могут быть теми орудиями, которыми выжимался сок сомы, потому что упоминаются в Ригведе в двойственном числе – как парные предметы, а парных камней у нас нет (Клейн: Есть – так наз. выпрямители древков стрел, но они во многих культурах. Тем не менее стоит и о них подумать.) Что касается Трубачева с его выявлением следов пребывания индоариев в Северном Причерноморье, то я больше верю Трубачеву, чем его критикам. В свое время я предложил компромиссное решение: индоарийский язык в скифское время, возможно, еще звучал, но не как живая речь, а как язык ритуальный.

Я никак не могу согласиться с Кузьминой в оценке функции колесниц Синташты как боевых. Ведь это жалкие остатки, как по ним восстанавливать функцию? Я разговаривал с участниками экспедиции Генинга. Там проморгали три колесницы, не поняли что за ямки появляются в земле, то есть не выявили спиц. Снесли полностью, а четвертую срезали скрепером до уровня нижней части колес, на три четверти. Я вообще склонен считать, что колесницы служили или для ристаний и других погребальных ритуалов или для торжественных процессий властителей. В ряде случаев это выступает совершенно отчетливо. Я сам участвовал в экспедиции Клейна, когда раскапывали в сарматской могиле колесницу, расчистили целиком большие колеса со спицами и даже колею и отпечатки копыт в суглинке. По колею было ясно, что колесница совершала ритуальный объезд могилы вкруговую. Боевые же колесницы – как письменность, существуют только там, где есть государство и благоустроенная сеть дорог. В битве при Гавгамелах персы, желая применить колесницы в ночь перед битвой послали воинов на поле будущей битвы убирать камни и разравнивать почву, чтобы колесницы не перевернулись. Вообще наличие спиц еще не говорит о колесницах, как наличие колес еще не говорит о повозках. В доколумбовой Америке у индейцев были глиняные модельки животных на платформах, и эти платформы на колесиках, а колесного транспорта не было.

Крюкова. Харалпская письменность до сих пор не считается расшифрованной, выводы А. Парполы носят предположительный характер, в 2004 – 2006 годах Фармер, Спрут и Витцель активно выступают с тезисом о том, что это вообще не письменность. Что касается тигра и риса, это справедливо, но, например, во всей Авесте (это собрание, конечно, несравнимо с ригведийским) слово «собака» встречается только в Видевдате.

Вопрос о вратья всё-таки не столь ясный, даса и дасья в Ригведе – не одно и то же (это показала Елизаренкова). Представляется неверным, что асура и прочее – индоарийский субстрат в авестийском. Расхождения в значениях возникли в результате автономного развития, а не противопоставления (это видно по ранним гимнам Ригведы, где асура имеет положительное значение).

Индийский погребальный обряд, в первую очередь, обряд жертвоприношения (это показал Маламуд). Комья земли, глины – часть «заместительной» жертвы, чтобы покойный не достался целиком огню, земле. Думаю, в этом же смысл разрезания савана (ткань вместо человека). Всё это хорошо подтверждается этнографией – иранской, таджикской, памирской, индуистскими обрядами. Также и красный цвет не служит столь надежным разделителем. Он – тоже обозначение жертвы. Таджики, иранцы краят ладони, стопы на свадьбу (от похорон она принципиально не отличается). Вообще иранская, таджикская этнография целиком объясняется из Ригведы, брахман. Ритуальные состязания-диалоги были широко распространены в иранском мире. Есть статья Люботского о древнеперсидских месяцах, один из которых он связывает как раз с такими диалогами, приводя осетинские параллели. В свое время зороастризм сильно смазал картину индоиранского единства. Если бы понять его происхождение!... Но зороастризм ушел, потом были христианство, буддизм, частично ислам, а традиционная иранская культура очень близка индийской. Именно зороастризм переключил и иранскую мифологию.

Может быть, действительно разгадка в городских центрах (в Гонуре Сариниди открыл и керамические основы для цедилок, под ваджру подходят различные орудия).

Голос с места: Говорят, что побывав в Гонуре, Кузьмина изменила свою позицию.

Стеблин-Каменский. Докладчик представил замечательную попытку обобщить сведения, которые известны нам порознь. Как у Максимилиана Волошина: «Я тени истин сплавил в стройный бред...» (Смех.) Я всерьез считаю, что несмотря на естественные погрешности, представленный синтез – очень большое достижение. Все наши гипотезы в известном смысле бред, но чем стройнее этот бред, тем больше за ним просвечивает реальность. В общем индоарийская атрибуция катакомбной культуры бронзового века меня убеждает.

Кондаков. Нельзя ли многочисленные свидетельства Ригvedы о полярных явлениях связывать всё же не с влиянием финноугров, а с происхождением катакомбной культуры? Что касается даса-даха, то их можно сопоставить с предками нуристанцев, которые лингвистически выделились раньше распада индоиранского единства. Ведь это единственные известные нам по письменным источникам население, противостоявшее как иранцам, так и индоариям по религии, но говорившее на близко родственном языке. Можжевельник, следы употребления которого найдены в культуре Свата-Гандхары, применяется до сих пор в культовой практике как нуристанцев, так и дардов – это зафиксировано этнографически (см. Йеттмара).

Теперь о вратья. В Атхарваведе вратья описываются как одетые в черное, с тюрбаном на голове, с шейными украшениями, с черной и белой бараньими шкурами на плечах и заточенной палкой и луком в руках. Хауэр считал их таинственным братством, принадлежавшим к авангарду арийских пришельцев. А рядом с памятниками Свата-Гандхары обнаружены петроглифы, датируемые II – началом I тыс. до н. э., на которых имеются изображения штандартов, битреугольных секир, а также животных – собак, а скорее баранов или козлов, тоже с битреугольными. Если это собаки, то их сопоставляют с погребальным культом, но мне представляется, что скорее они связаны с воинскими союзами – основными участниками миграций.

Васильков. Я восхищен масштабностью предприятия – такого не было со времен обобщения Мэллори об индоевропейцах. Теперь о деталях. Не работает аргумент Лелекова (*argumentum ex silentio*) о том, что в Ригvedе не упомянут тигр. Ведь Ригvedа – не словарь, не весь животный мир в ней непременно перечислен. Не работает действительно и ссылка на лепную или гончарную керамику как хронологический аргумент. Еще Грантовский предполагал, что керамика вообще изготовлялась не самими ариями, а аборигенным населением для них (как позже в Индии – специальной низшей кастой). Арии же делали лепную керамику для своих ритуальных нужд. Разговор о затмениях лучше опустить: очень эти указания Ригvedы приблизительны и недостоверны. Помнится, есть их анализ в *Journal of Vedic Studies*. Опустить надо и ссылку на Диводасу в контексте племени даса: в его имени это слово – не племенное название, а использовано в значении 'слуга' – «слуга бога».

Сахамарана или сати – это был обряд самосожжения вдовы при погребении мужа. В ведах его нет, засвидетельствован он с VI в. н. э. мемориальными изваяниями. Есть в обряде такие подробности: жена ложится рядом с мертвым мужем, но потом подходит брат умершего и зовет ее вернуться к живым. Конечно, можно предположить, что это более позднее нововведение, а первоначально она погребалась с мужем...

Желательно учесть гипотезу Хелимского, что язык андроновцев был еще одной самостоятельной ветвью арийского: там были иранский, индоарийский (а дардский – лишь его вариант), нуристанский (кафирский) – и язык андроновцев. Хелимский это установил по специфике арийских заимствований в финноугорских языках. Если принять эту гипотезу, то всё распределение заимствований по этапам выглядит иначе, чем у Абаева, Харматты и других. Сомнительна и датировка выхода финноугров на балтийское побережье III тысячелетием. Напольских, современный авторитет по этому вопросу, в своем «Введении в уралоистику» датирует это событие гораздо более поздним временем.

Сводку греческо-индоарийских связей вполне поддерживаю, ее можно и пополнить, например, таким мотивом: воцарение героя после того, как он натянул лук старого царя.

Кондаков. Интересно проследить характер финноугорских заимствований у ариев. Возможно, что некоторые из них ('корова', 'богатый' – «озыр» от «асура», «ваджра») носят сакральный характер, т. е. можно предположить жреческое влияние ариев на финноугров.

Березкин. У вас сохраняется финно-угорская атрибуция ямочно-гребенчатой керамики. Меня, однако, Напольских убедил, что это решительно невозможно. Какие-нибудь пара-уральцы – кто знает, но прибалтийские финно-угры весьма надежно связываются с текстильной (она же сетчатая) керамикой второй половины II тыс. до н.э. Напольских, по-моему, отрицает и контакты общеарийского с финно-угорскими и вполне убедительно помещает уральскую прародину к востоку от Урала, по крайней мере не в Поволжье. Это его "Введение в историческую уралоистику".

Со ссылкой на него вы упоминаете "дравидов Алтын-депе". Кажется, Напольских (по крайней мере в устной форме и сугубо предположительно) готов считать дравидами кельтеминарцев, но не земледельцев южной Туркмении.

Казанский. Мне бы хотелось, чтобы детали были освещены подробнее. Например, игральные кости. Меня особенно впечатляет черепаха в составе жертвенных животных – редкостная

деталь. Хотелось бы узнать подробнее. Предлагаю добавить к нашим обзорам основного цикла особые заседания с подробными экскурсами в детали. Такие этюды и в будущей книге должны смотреться неплохо. Что касается сомы и грибов, то мне вспоминается недавняя находка в Альпах замерзшего европейца начала III тысячелетия до н. э. – на поясе у него был огромный гриб. Не мухомор ли это?

Клейн. Некоторые возражения я принимаю безоговорочно (особенно сведения В. Крюковой и других относительно наличия красной охры у нынешних таджиков), но эти возражения не отмечают мои аргументы, а лишь переводят их из разряда индоарийской атрибуции в разряд общеарийской атрибуции, то есть делают их менее специфическими. Притом переводят не все: остаются нерушимыми сахамарана, игра в кости и др. Гипотеза Хелимского может объяснить часть арийских заимствований в финноугорских языках, особенно в угорском. Но как объяснить арийские слова в западнофинских – в финском и эстонском, - если не заимствованиями от катакомбников? Финские языки, конечно, связаны с сетчатой керамикой и еще более поздними культурами, но культуры ямочно-ребенчатой керамики подстилают ее. Что касается сепаратной близости индоариев грекам в мифологии (большей, чем близость между греками и иранцами), то меня бы интересовало, как эти контакты отразились в языке – вот что я бы хотел услышать от лингвистов.

Различать индоариев от протоиндоариев, конечно, стоит, но за каким пределом нет индоариев, а есть протоиндоарии? Если речь Ригведы очень близка речи Авесты, то вряд ли предки индоариев говорили на существенно отличающемся диалекте в предшествующее время – вплоть до общеарийского периода. Где тогда место для протоиндоариев? Это становится не лингвистическим а чисто историческим понятием: индоарии до Индии – протоиндоарии, но лингвистически их можно, вероятно, именовать и не протоиндоариями, а просто индоариями.

Детализация, конечно, очень важна, ведь дьявол скрывается в деталях. Черепашу я вообще, пожалуй, зря привел как аргумент: всего два случая на тысячи погребений, причем в культурах не катакомбных, а в кеми-обинской и срубной, не говоря уже о том, что это не достоверные жертвоприношения. Некоторые из деталей раскрыты подробно в моих статьях, на которые я ссылаюсь (в частности, об игре в кости). Те, которые опубликованы в редких или труднодоступных здесь изданиях я готов сделать темой отдельных докладов (лучше по завершении основного цикла, чтобы не разрывать логическую нить). Вряд ли я смогу сам детализировать все вопросы, интересующие участников этого семинара. Но я буду рад их экскурсам такого рода и приглашаю моих слушателей обогатить планируемую книгу своими этюдами. Приму такие вклады с благодарностью.

Глава III. Арии и протоарии

1. Лингвистическая группировка и археологические сообщества бронзового века. Под ариями (или индоиранцами) в лингвистике имеются в виду только две группы индоевропейцев: все ираноязычные народы и все народы, говорящие на языках индоарийской группы. Возможно также нуристанские языки как особая ветвь арийских. Кроме того арии – это общие предки тех и других (и, возможно, третьих). Для отличия в последнем значении обычно прибавляют префикс: праарии или протоарии.

Современные иранские и индоарийские языки не только территориально широко распространены, но и многочисленны. Причем уже на заре письменной истории почти все эти *языковые традиции* уже существовали. Я не говорю: *языки*, потому что принято считать речь персов разных эпох языками – древнеперсидский, пехлеви, фарси и т. п. – в языковой традиции одного народа. Поэтому я говорю о языковых традициях, имея в виду, что у разных народов были различающиеся ряды иранских языков, как и разных индоарийских. В каждый моментальный срез это будут разные языки у разных народов, а в диахронической последовательности – разные традиции, т. е. разные ряды языков, преемственно связанных одной традицией. Вот все эти традиции практически существовали уже на заре письменной истории, то есть минимум в течение трех тысяч лет.

Но так как принято возводить все языки одной семьи к исходному языку-основе или праязыку этой семьи, то мы должны предположить существование *иранского праязыка* – для иранцев и *индоарийского праязыка* – для индийских ариев, чтобы тот и другой возвести к *общеарийскому* или *праарийскому*. Однако, как мы видели, по основаниям культурной преемственности и топонимики в позднебронзовом веке тоже предполагается немало народностей с иранской речью и немало с индоарийской. И тоже обширные территории заняты этими сообществами.

В археологическом плане аналогичная тенденция приобрела даже формальное выражение, правда, с обратной направленностью: вместо объединения разбиение. Дело в том, что в первой половине XX века археологи нашей страны имели дело в основном с крупными *археологическими культурами*. Однако в первые же десятилетия второй половины века *культура ямочно-гребенчатой керамики*, трактуемая как финноугорская, распалась на ряд локальных вариантов, которые очень быстро приобрели ранг отдельных культур – *льяловская, волосовская, каргопольская, карельская* и др. Поскольку финноугорская речь также не принадлежала одной народности с одним языком, а имелось в виду существование многих финноугорских языков, это никого не смущало. Все понимали, что просто в наших исследованиях повысился уровень детализации, в связи с чем термин культура стал применяться к более дробным общностям. А ставшие объединяющими рамками бывшие культуры, которые должны предположительно соответствовать не *народам*, а *группам родственных народов*, стали называть «культурными провинциями» или «культурными областями».

На предположительно ираноязычной территории для бронзового века изначально выделялось две культуры – *срубная* и *андроновская*, но очень быстро вторая стала распадаться. В 1948 г. К. В. Сальников выделил в ней три хронологических варианта – ранний (*фёдоровский*), более поздний (*алакульский*) и самый поздний (*замараевский*). Но тогда же В. Н. Чернецов объявил их самостоятельными культурами разного, но видимо родственного происхождения. В 1951 г. для объединения их как родственных культур А. А. Формозов ввел понятие «*андроновская культурная общность*». Ленинградские археологи, занимавшиеся Сибирью и Казахстаном (М. П. Грязнов и его ученики) долго оставались на позициях К. В. Сальникова, а в Москве археологи разрабатывали концепцию, предложенную Чернецовым и Формозовым. Особенно детально это сделано Е. Е. Кузьминой (1986; 1994). Ныне эта концепция является общепринятой.

С катакомбными памятниками дело обстояло еще контрастнее. До 1970 г. *катакомбную* культуру воспринимали как цельную и единую, хотя и различали в ней разные локальные варианты. Вариантов этих накопилось много: донецкий, среднедонской, нижнеднепровский, мариупольский или приазовский, предкавказский, который иногда разбивают на два: западноманычский и восточноманычский или калмыцкий, потом добавились ингульский, батурицкий, молдавский. В 1970 г., оценив их степень различия и сопоставив с другими катакомбными погребениями бронзового века, я пришел к выводу,

что различия между группами катакомбных памятников на территории, объединяющей их в одну культуру, ничуть не меньше, чем между этими группами и катакомбными погребениями бронзового века других стран, которые образуют отдельные культуры (злотская, кипрская и др.). Что если бы наши группы не смыкались своими границами, мы бы их считали отдельными культурами, как считаем отдельными культурами те, что отдалены. И я предложил говорить не о локальных вариантах катакомбной культуры, а о *катакомбных культурах* – донецкой, предкавказской, среднедонской и др. (Клейн 1970). Ныне эта установка является общепринятой.

Мы не знаем, отражает ли эта общность чисто религиозные сходства или подразумевает и языковое родство, но для тех культур, у которых сходства выходят за пределы форм погребального устройства, родство можно предполагать, и чем больше этих дополнительных сходств, тем больше вероятность родства.

Коль скоро родство это заведомо предполагает бытование в прошлом на сравнительно небольшой территории, то встает вопрос о нахождении этих двух ареалов и двух культур, соответствующих двум праязыкам. Это та проблема, которую я уже задевал в конце раздела об этнической идентификации иранцев среди археологических памятников. Тогда нашлось предположительное решение вопроса - в совмещении группировки иранцев (восточные/западные) с различием нескольких основных степных культур бронзового века Поволжья и Казахстана. Точно так, и катакомбных культур, сопряженных с предками индоариев, оказалось несколько. Но это, хотя и облегчает задачу, не снимает вопроса о прародине иранцев и прародине индоариев, то есть, где-то глубже должно быть всего две культуры. А еще глубже должна же иметься одна культура и одна прародина всех ариев!

Чтобы рассмотреть этот вопрос, нужно продвинуться дальше вглубь бронзового века, прослеживая схождение культурных традиций к предполагаемым праязыковым культурам. Хотя, как я уже отмечал во введении, это невероятно трудно, потому что есть коренные препятствия, и они заключаются в принципиальной невозможности выбрать один корень из многих наличных в происхождении каждой археологической культуры. Если замыкаться на происхождении этой единственной культуры. Но в синтезном подходе к этногенезу мы сопоставляем происхождение нескольких родственных культур, и это ориентирует нас в выборе нужного (то есть лингвистически значимого) корня для каждой.

2. Путь к исходному единству от срубно-андроновских культур. Считалось, что путь от рубежа бронзового и железного веков к исходному единству всех иранцев не должен быть долог. Еще в I тыс. до н. э., в раннем железном веке, по соображениям И. М. Дьяконова (1956: 290 – 291), опирающимся на лексические факты, язык скифов Северного Причерноморья был в пределах взаимопонимания для древних мидян, а язык Авесты, как мы знаем, очень схож с языком Ригvedы. Стало быть, эти языки еще не разошлись далеко. Можно считать, что в позднем бронзовом веке языки были еще ближе друг к другу - может быть, это были расходящиеся диалекты одного языка. Что же дает археология?

У андроновской общности нет предковых форм в Западной Сибири и Казахстане – там в предшествующее время было распространено монголоидное население. Правда, были и исключения – в частности афанасьевская культура Минусинских степей и Алтая, носители которой европеоиды, но эта культура резко отличается от андроновской по культурным и расовым особенностям (Алексеев 1969; 1981). Афанасьевская перекрыта окуневской культурой, носители которой монголоиды с примесью европеоидности. Андроновская культура отсечена от афанасьевской и чужда окуневской. Она явно прибыла туда с запада.

Больше оснований считать, что андроновская общность, особенно ее алакульская часть, сложилась на основе *петровской (новокумакской)* группы памятников XVII века, расположенной в западном конце андроновского ареала (в бассейне Урала), а петровская культура в свою очередь - видимо, на основе *полтавкинской* культуры Нижнего Поволжья (Кузьмина 1994). Для срубной культуры (Мерперт и Пряхин 1979; Мерперт и др. 1985; Кузнецов 1989) подосновой считается тоже полтавкинская культура (Отрощенко 1990). Таким образом, полтавкинская культура (**рис. 1 – 2**) среднего бронзового века (одновременная катакомбной) выступает как общая подоснова для срубной и андроновской (в частности, алакульской, а возможно и федоровской) культур.

Она бы и могла считаться культурой протоиранцев, носителей праиранского языка (или общеиранской речи), выделившегося из праязыка ариев.

Однако, во-первых, недавно Пятых (2004: 289) объявил ее искусственно скомпонованной археологами из ямной и катакомбной культур, а во-вторых, в последние десятилетия наряду с ней на роль предковой культуры для срубной и андроновской (Качалова 1976) претендует еще одна культура, схожая с полтавкинской, – *абашевская* (рис. 3 – 4), протянувшаяся по лесостепи от Дона через Среднее Поволжье и Южное Приуралье до Тобола (Ефименко и Третьяков 1961; Горбунов 1986; Пряхин 1980; 1996). В обеих культурах – полтавкинской и абашевской – ямные погребения под курганами, скорченные покойники, посыпанные охрой, и плоскодонная керамика, а в абашевской культуре есть также баночные формы и меандровый орнамент, позже характерные для срубно-андоновской общности. Участие в этом процессе абашевской культуры – вопрос дискуссионный.

Обе культуры – полтавкинская и абашевская – датируются (по традиционной хронологии) первой половиной II тыс. или (по новой) второй половиной III-го. Их возводят по прямой линии к *ямной* культуре, при чем в абашевской отмечается и воздействие среднеднепровской культуры, а в полтавкинской – катакомбных.

Наконец, в то же самое время в повестку дня встал вопрос (Николаева 1978) об участии в сложении срубной культуры еще одного компонента – *бабинской* культуры или *культуры многоваликовой керамики* (КМК), известной с 60-х годов и распространенной в западной части срубного ареала, подстилая срубную (между срубной и катакомбной) от Депра до Волги по лесостепной полосе. Это культура, существовавшая очень короткое время (век – полтора) на рубеже III – II тыс. и передавшая срубной культуре срубы в могиле, положение покойника на левом боку, реберчатые формы сосудов, прочерченный орнамент (Березанская 1978; Матвеев 1980; Черных 1984). Некоторые исследователи считают ее просто ранней формой срубной культуры (ср. Деревягин и Симонов 1971).

Стало быть, под срубно-андоновской общностью вырисовывается горизонт культур – от бабинской (КМК) через полтавкинскую и абашевскую до петровской. Это как раз тот ярус культур, под которым во второй половине IV тыс. и, возможно, в самом начале III (примерно 3400 – 2900 гг.) простирается ямная культура.

Таковы археологические корни иранских культур (рис. 5). Если только одна из них передала позднейшим иранцам их ираноязычие, то которая? А если они имеют общее происхождение, то возможно, что и на этом этапе существовало несколько ираноязычных культур, из которых, возможно, только одна стала предковой формой иранских языков, а остальные были близкими к ней формами, уже не общеарийскими, но и не вполне иранскими, а отличающимися – как, скажем, нуристанские (кафирские) языки. Кстати, нуристанские языки, как-то попавшие в горы Афганистана, видимо, оттесненные туда, также происходят от арийской (индоиранской) общности, но пошли не по иранскому пути развития. Где-то их культура, вышедшая из общеарийской, близкая иранским культурам и индоарийским, но отличная от них, существовала же одновременно с ними! Где? Какая это культура? Пока не ясно.

3. Путь к исходному единству от катакомбных культур. Теперь обратимся к корням индоариев. По той же глоттохронологии Грэя и Эткинсона, начало распада праиндоарийского – ок. 900 г. до н. э. Только тогда якобы от индоарийских отделились кашмирские, а дальнейшее разделение индоарийских падает на еще более позднее время. Это совершенно несуразно. Даже Ригведа была написана гораздо раньше, что уж и говорить о диалекте ариев Митанни! На уровне катакомбных культур существование протоиндоарийского возможно, но и то катакомбных культур много, так что возможно и на этом уровне не было единой протоиндоарийской народности, и искать ее нужно еще глубже.

Происхождение катакомбных культур – вопрос сложный. Кривцова-Гракова (1938) предположила местное происхождение катакомбного населения – от ямного (рис. 6), это подхватила Попова (1955), и в последнее время это отстаивает А. Хойслер (Häusler 1975; 1978 и др.). Для Кривцовой-Граковой и Поповой главным аргументом были памятники со смесью элементов обеих культур. Хойслер считал преемственность в погребальном обряде решающим аргументом, особенно позу покойников. Он установил действительную

преемственность по позе покойников («поза К» - правая рука вытянута вдоль туловища, а левая подведена кистью к лону), а также по принципу неразделенности обряда по полу (в отличие, скажем, от многих европейских культур того же времени). А те свойства, которые у ямной и катакомбной оказались противоположными (захоронение в катакомбу, противоположная ориентировка), Хойслер объясняет как намеренное отвержение старого обряда реформаторами – по его мнению, тоже доказательство преемственности. Но так можно любую новацию, любое отличие признать доказательством преемственности!

Генинг в 1982 г. опубликовал свои подсчеты сравнения трех культур – ямной, катакомбной и срубной по 33 признакам погребального обряда (было взято 296 погребений из раскопок Молочанской экспедиции А. И. Тереножкина 1951 – 52 гг.). Общими для всех трех культур оказались 12 признаков (36,8%), еще 15 связывают ямную только с катакомбной. Итого их связывают 27 признаков, то есть 73% всех признаков (Генинг 1982). Внушительно. Но ямную со срубной связывают 64,4%, а катакомбную со срубной 64,7. Таким образом, все три культуры получаются связанными друг с другом. Однако нужно учесть, что для сопоставления были отобраны только показатели погребального обряда и только дифференциальные (те, которые наличествуют в каждом погребении), а те, которые характеризуют всю культуру в целом, отличая ее от других (скажем искусственная деформация некоторых черепов или тесемчатая орнаментация керамики, наличие парных погребений, курильниц, сруба), не учитывались. Доля различий искусственно преуменьшалась.

Местные корни я никогда не отвергал начисто. Ведь старое население почти никогда не вытесняется полностью, и какая-то часть его почти всегда входит в новую культуру (Клейн 1973). Вопрос только в том, развились ли новые компоненты культуры из старых местных прототипов или они прибыли со стороны, и прибыли в порядке влияния или инвазии. Таким образом, я не находил ничего противоречащего своей миграционной гипотезе в том, что такие элементы ямной культуры, как посыпка покойного охрой или молоточковидные булавки или сопроводительная пища, переживают в катакомбной культуре.

В 1968 г. я защищал кандидатскую диссертацию на тему «Происхождение Донецкой катакомбной культуры» (Клейн 1968). Поскольку в аспирантуру я поступил в 1957 году, легко сосчитать, что готовил я эту диссертацию 10 лет. Дело не только в отвлечениях на посторонние темы (и это было), но и в том, что я задумал доказать миграционный характер появления здесь катакомбной культуры не только археологически, но и антропологически, то есть практически делал две диссертации в одной, одновременно преподавая в Университете. В свое время я слушал и антропологические спецкурсы. Я собрал все костяки, какие можно было по обеим культурам, измерял их, обобщал и считал, считал коэффициенты сходства/различия по стандартным формулам. Компьютеров тогда не было, обходился счетной машинкой «Феликс». Мои громоздкие подсчеты показали, что антропологические популяции совершенно несхожи, далеки друг от друга.

Сейчас, по прошествии почти полувека, публиковать полностью эти результаты не имеет смысла: собраны и опубликованы гораздо более полные сводки материала. Но результат тот же! Уже в 1972 г. киевский антрополог С. И. Круц в монографии по антропологии трех культур Украины (кеми-обинской, ямной и катакомбной) завершала свою книгу словами: «В настоящее время можно констатировать отсутствие прямой генетической преемственности между древнеямными и катакомбными племенами почти для всех районов Украины» (Круц 1972: 173; см. также Хохлов 2006: 103).

Большинство археологов убеждено, что катакомбная культура, или, как я предложил считать (и это было принято всеми) катакомбные культуры – не местные, хотя население ямной культуры не было ликвидировано, а вошло в состав нового населения. Некоторые антропологи даже в этом ему отказывают, считая катакомбное население целиком новым.

Откуда прибыло катакомбное население (или его пришлый компонент), остается предметом споров (рис. 7). Я доказывал, что предки носителей Донецкой катакомбной культуры прибыли из Ютландии, предварительно побывав на Дунае и в Греции. Основывался я на том, что боевые топоры и керамика донецкой катакомбной культуры очень схожи с ютландской культурой одиночных погребений, редкостный тесемчатый орнамент известен на Дунае, а катакомбный способ погребения и искусственная деформация черепа имеют корни в Восточном Средиземноморье, особенно схожие формы

- на Кипре (Клейн 1961; 1962; 1967; 1970; Klejn 1978). Есть катакомбы сер. III тыс. в Италии (Zanotti and Rhine 1974). С этой гипотезой (рис. 8) согласился Н. Я. Мерперт (1977). Предкавказская катакомбная культура резко отличается от Донецкой по керамике, и я думаю, что ее исходный очаг лежал, скорее всего, на Среднем Дунае, где есть прототипы для ее курильниц с перегородками и рудиментами маленьких сосудов на венчике (Клейн 1966). С другой стороны ее реповидные сосуды имеют закавказское происхождение (Фисенко 1966; Стеганцева 2004). В. А. Сафронов доказывает, что катакомбный способ погребения принесен из Франции, из культуры Сены – Уазы – Марны через культуру Злоты в Польше (Николаева и Сафронов 1979; 1981). Некоторые археологи отстаивают для идеи катакомбы среднеазиатский путь из Средиземноморья (Хлопин 1990).

В последние десятилетия добавились новые гипотезы. Из ямной культуры выделены (Трифонов 1991: 123 - 131) *предкатакомбная* культура в Нижнем Подонье и степном Прикубанье и (Гей 1999; 2000) *новотиторовская* (или новотитаровская) культура в Степном Прикубанье (ямные погребения с повозками). Предкавказская характеризуется ямным обрядом с чертами, близкими катакомбной культуре, особенно в инвентаре, и резкими отличиями от ямной в физическом облике покойников. У выделения новотиторовской есть предыстория. В 1979 Ю. А. Шилов выделил днепровские ямные погребения с повозками в особую культуру, назвав ее *старосельской* и отнеся к кемиобинскому времени. Почти одновременно погребения с повозками по ямному обряду, но с керамикой, напоминающей новосвободненскую, выделили в Прикубанье в особую культуру Сафронов с Николаевой в 1980 г., неудачно назвав свою культуру *кубано-днепровской*, т. е. географическим термином. В начале 80-х же к выделению присоединились В. А. Трифонов (в 1982 г.) и А. Н. Гей (в 1983), назвав выделенную культуру по первому открытому местонахождению *новотиторовской* (рис. 9). Трифонов (1991: 131 - 136) обосновывает выделение новотиторовской как отдельной культуры и связывает ее происхождение с кавказским воздействием (куро-аркская и дольменная культуры).

А. Н. Гей (1999: 107) полагает, что катакомба произошла от ямы с заплечиками в порядке уподобления кузову повозки. Эта странная идея, восстанавливающая происхождение катакомбной культуры из ямной, не нашла широкой поддержки. Более достойна обсуждения другая идея. Те археологи, которые настаивают на хронологическом приоритете *предкавказской катакомбной культуры* над донецкой и прочими катакомбными, разработали идею происхождения катакомбы от кавказского дольмена. Идея происхождения катакомбы от мегалитической гробницы не нова (она была еще у Эллиота Смита в начале XX века, есть она и в концепции Сафронова, выводящего катакомбу из мегалитических сооружений Франции), но здесь имеется в виду ее конкретное приложение к кавказской ситуации. Так, В. Я. Кияшко (1979: 49) предположил, что катакомба – это реализация в степных условиях мегалитической идеи склепа, выраженной в западнокавказских дольменах. Эту мысль развивает его сын А. В. Кияшко (2002: 69 – 70).

Идея происхождения катакомбы из западнокавказских дольменов наталкивается на хронологические противоречия: дольменная культура Западного Кавказа не старше предкавказской и донецкой катакомбной культуры, не говоря уж о преддонецкой (Рысин 1996). Можно было бы предположить преемственность от новосвободненской культуры и развитие катакомбы из новосвободненских гробниц, но тут, наоборот, слишком велик хронологический разрыв, и непонятно, как эта идея могла пробиться сквозь пласт ямной культуры (или той же новотиторовской), не проявив себя никак в этом пласте.

Тем не менее, идея культурной преемственности катакомбных культур от Западного Кавказа не может быть полностью оставлена, потому что из северокавказской культуры шел катакомбный металл, явно оттуда же молоточковидные булавки; видимо, через Кавказ пришла к катакомбникам и традиция реповидных сосудов (Стеганцева 2004).

Так или иначе, единственным способом генетически связать катакомбные культуры (соответственно языковому родству) со срубно-андроновской общностью многим представилась попытка провести от катакомбных культур генетическую линию к ямной культуре, т. е. признать, что языковая преемственность была сопряжена именно с местными корнями катакомбной общности, а не с ее миграционными компонентами. От аборигенов катакомбное население унаследовало обычай окрашивать покойников красной охрой (условно охрой – выяснено, что часто это был гематит или реальгар), некоторые

керамические традиции, позу погребенных – в общем меньше, чем от пришлых групп. Но, видимо, язык перешел в основном от местного, ямного населения.

4. Лингвистическая ситуация. Полученные данные позволяют ближе подойти к решению вопроса о единстве ариев. Лингвисты - Мейе, Тумб, Хаушильд, Макаев (177: 27 - 35) утверждают, что эти два языка ближе друг к другу, чем любые два других из известных древних языков, считающихся разными. Лексикостатистика устанавливает, что 87% корнесловов ведического языка совпадает с иранскими, тогда как с хеттскими только 77% (Bird 1982). Только у ариев праиндоевропейские *g* и *l* слились в *g*, и т. д.

Арии отличаются от прочих индоевропейцев сокращенной системой гласных. Протоиндоевропейская фонология была построена на пяти гласных, а в арийской она свелась к трем гласным – это проявляется как в санскрите, так и в Авесте. Освальд Семереньи предполагает, что это произошло под влиянием семитского субстрата, поскольку в семитских языках три гласных. На этом основании он полагает, что арии прибыли в Индию и Иран из Месопотамии, а следы ариев в Закавказье и Передней Азии считает косвенным свидетельством такой возможности (Szemerényi 1964). Но для того, чтобы язык настолько проникся влиянием субстрата требуется многовековое сосуществование с аборигенами, что в случае с Месопотамией трудно предположить. Скорее в Понтокаспийских степях (в том числе в Северном Причерноморье) следовало бы предположить доиндоевропейское население с речью, в которой разнообразие гласных было невелико. Причем взаимодействие с этим аборигенным населением происходило на заре появления протоариев в Причерноморье, поскольку речь изменилась одинаково у всех ариев, свидетельствуя об их длительном проживании одним сообществом. Короче говоря, об их родстве, в котором, как мы видели, согласны все лингвисты. Невозможно же предположить, чтобы в Месопотамии побывали предки всех арийских народностей, в том числе и тех степных родственников, которые не заходили ни в Индию, ни в Иран.

Но в вопросе о происхождении этого родства у лингвистов нет согласия. Одни (Мейе 1938; Hauschild 1962; Thumb ????, Гамкрелидзе и Иванов 1984) считают, что был единый арийский праязык, общий для индоариев и иранцев и лишь незадолго до фиксации в древнейших памятниках распавшийся. Другие (Макаев 1877: 27 – 35, 45 - 46) считают, что такого языка не было, а с самого начала существовало некоторое различие между соседними индоевропейскими диалектами, из которых развились индоарийские языки по одну сторону и иранские – по другую (да еще нуристанцы – по третью). Диалекты эти и после выделения существовали на смежных территориях и переживали схожие судьбы, поэтому они развивали некоторые новообразования сообща и одинаково сохраняли некоторые части наследия.

Это спор о том, какие эксклюзивные изоглоссы (рис. 10) считать существенными, какие – нет, какие языковые изменения арии проходили раньше, какие позже (Макаев утверждает, что некоторые отдельные предшествуют главным общим). Далее, идет спор о том, которая из двух ветвей более архаична – лучше сохранила общеиндоевропейские черты (большинство считает, что индоарийские языки, Макаев – что иранские). Мне трудно судить о языковой стороне дела. Но я представляю, как это выглядело на археологической карте.

5. Проблема археологического соответствия. Дело сводится, прежде всего, к тому, что у культур, маркирующих древнейшие доступные нам состояния индоариев и иранцев, т. е. у катакомбных и срубной с андроновскими, должны, кроме разнообразных корней, найтись и общие корни, что какие-то из корней должны – непосредственно или через посредствующие звенья – сойтись к одной исходной культуре или к смежным и схожим культурам. Очень желательно, чтобы эта культура или культуры соответствовали параметрам, налагаемым на предков ариев характеристиками общеарийского языка (или общности), чтобы предполагали те же быт и среду, те же связи и контакты. Хозяйство – пастушеское со слабо развитым земледелием, быт – очень подвижный, хотя и не кочевой, среда – вдали от морей, но с большими реками.

Конечно, корней у каждой культуры может быть много, выбрать из них те, что сопряжены с языковой преемственностью, теоретически невозможно, это не обязательно

самые мощные по культуре корни. Однако задача облегчается тем, что эти корни от разных культур должны сходиться в одной точке.

Глубоко ли сходятся эти корни? Язык Авесты чрезвычайно близок языку Ригведы (ведь ближе, чем русский к украинскому), а мы уже продвинулись вглубь от Ригведы на полтысячи лет, от Авесты (от ее древнейшей части – Гат) – на тысячу или тоже полтысячи, так что, видимо, подошли очень близко к общности, исходной для обеих.

Из двух культурных общностей – катакомбной и срубно-андроновской – катакомбная древнее, начинается не позже рубежа IV – III тыс. Значит, нужно предположить, что корни сходятся где-то в IV тыс. (предположительно во второй его половине), и для срубно-андроновской общности остается всё III тыс. на привязку к исходному очагу через посредствующие звенья.

6. Ямная культура – культура ариев? Тогда языковую основу, которая была общей для всех ариев, надо помещать в *ямной культуре* (рис. 11 – 12. - Мерперт 1974; Шапошникова и др. 1986; Трифионов 1991: 109 - 123). Иранское развитие определится ее трансформацией в полтавкинскую, и может быть (в лесной полосе), в абашевскую, с дальнейшим переходом в срубную и - через петровскую – в андроновскую общность. А в западной части ямного ареала поворот развития к индоариям, выходит, был вызван наложением мощного катакомбного суперстрата, прибывшего извне Причерноморья, скорее всего с далекого запада. Проверкой этой гипотезы могло бы стать обнаружение в индоарийских языках более близких сходжений с германскими, кельтскими, славянскими или другими западными, чем в иранских языках. То же и в индоарийской мифологии. Это задача для лингвистов и фольклористов. Иранское раннее развитие оказывается более чистым. Там можно ожидать на первых порах большую архаичность языка, большую близость к общеарийскому (что и доказывает Макаев). Это тоже компетенция лингвистов.

По всем своим параметрам ямная культура в общем хорошо соответствует характеристике протоариев по языку. Это очень подвижные скотоводы, практиковавшие (в меньшей мере) земледелие; у них есть повозки; они соседят с культурой ямочно-гребенчатой керамики, отводимой финноуграм, а финские, венгерские лингвисты и Абаев, как уже сказано, выделили в финноугорских языках под слоем индоарийских заимствований чистые общеарийские заимствования. Ямную культуру считают арийской Мерперт (1966; 1974), Грантовский (1970), Кузьмина (1971). Напоминаю, по современной хронологии она занимает последние века IV тыс. и начало III.

По глоттохронологии Грэя и Эткинсона разделение индоариев и иранцев состоялось в середине III тыс. (ок. 2 600 г.) до н. э. Это как раз неплохо совпало бы с помещением арийского единства в ямную культуру.

Таким образом, для доказательства привязки общеарийского (праарийского) языка к ямной культуре я не могу привести таких ярких специфических черт, как в катакомбной культуре для ее аттестации как индоарийской. Полагаться приходится на три вещи: на сходжение к ямной культуре корней от культур, ранее связанных с иранскими и индоарийскими языками, на отложение арийской лексики в финноугорских языках и на подходящую общую характеристику быта и хозяйства с их представлением в общеарийском языке. Каждого из этих факторов по отдельности было бы, пожалуй, недостаточно, но все вместе они создают неплохую основу если не для уверенного утверждения, то для предположения, высказываемого с большой вероятностью.

7. Погребения с охрой на Западе. Мы уже видели, что и срубно-андроновская и катакомбная культуры не монолитны. Ямная культура, в свою очередь, неоднородна. Я уж не говорю о так называемых вариантах ямной культуры, выделенных Н. Я. Мерпертом. Всё же они очень близки друг другу. Но это на основной территории – от Волги до Ингула. Тут для нее типична яйцевидная со скругленным донцем керамика с маленьким венчиком, скупо орнаментированная. В западной же части своего ареала (рис. 13) – в Одесской области, Молдавии, Румынии и Венгрии, где она называется «культурой погребений с охрой» (Зирра 1960; Kalicz 1968: 16 – 61; Ecsedy 1979; Jovanović 1977; Черняков 1978; Панайотов 1989; Ciugudean 1996; Николова 2000), - это, собственно, другая культура: ямным в ней остается только погребальный обряд, керамика же (рис. 14) совершенно иная

– плоскодонная с ручками (Николова и Мамчич 1997), и корни ее уходят на Балканы и в Карпатский бассейн.

Я предложил именовать эту культуру *«нерушайской»*, как положено, по типичному памятнику (Клейн 1975). Черняков (1978) неудачно переименовал ее в *«буджакскую»* - по названию географического региона, Дергачев поначалу логично ограничил *«буджакский вариант»* только буджакской степью, хотя вся *«ямная»* культура Балкан и Подунавья в общем едина. Яровой (1985) не признал ее отделения от ямной, хотя в приведенном им обзоре керамики из 13 форм ни одна не совпадает с яйцевидным сосудиком, характерным для ямной культуры. Позже Дергачев (1986) также оставил эту культурную группу в составе ямной культуры, но разбил ее на два этапа, два хронологических варианта: днестровский и буджакский. А так как вся эта группа, на мой взгляд, выпадает из ямной культуры, я предпочитаю, вопреки В. Л. Субботину (2000: 353), придерживаться для нее своего первого названия *«нерушайская»*, оставив термин *«буджакская»* для выделенной Дергачевым ее поздней группы. Но погребальный обряд этой культуры – действительно схож с ямной культурой (курган, скорченное труположение, охра). По-видимому, это результат распространения ямного воздействия из причерноморских степей.

Недавно вышла статья, автор которой, исходя из того, что это другая культура, а с ямной их связывает только погребальный обряд, отказывается говорить о *«ямной культурной общности»*: *«рассматриваемое явление следует считать не культурой (общностью, областью) а особым мировоззрением, своеобразной «мировой религией», распространявшейся на огромной территории и отразившейся в погребальном обряде»* (Иванова 2005: 87; 2006). Автор смешивает здесь классификаторский аспект с интерпретационным: ямная общность в любом случае остается как классификационная ячейка, но она не должна интерпретироваться как непременно один этнос. Более того, остается и возможность распространения культурного влияния собственно ямной культуры на *нерушайскую*, а вместе с этим корнем в принципе мог наследоваться и язык (хотя это вовсе не обязательно).

Заслуживает внимание предпринятая Дергачевым разработка других корней *нерушайской* культуры – из усатовской и культуры шнуровой керамики. Возможно, следует еще учесть и культуру шаровидных амфор, а может быть, и поздние отпрыски культуры воронковидных кубков. В 1979 г. Сафронов (1979) раскопанные им погребения в Думянах (на Северном Пруте) интерпретировал как самые ранние в западной ямной культуре (время Триполья В), а по ним аттестовал западный вариант ямной культуры как самый ранний в ней (1989: 201 – 203). То есть он также оставил эту группу в составе ямной культуры, но стал всю ямную культуру выводить из нее.

Словом, культура *«погребений с охрой»* балканских и дунайских стран столь же неоднородна, как и наша *«культура скорченных и окрашенных костяков»* дореволюционных археологов и как *«курганная культура»* Гимбутас – пока этот материал слабо исследован, в нем несомненно будут различены несколько культурных пластов, и ямный горизонт – лишь один из них (об этой перспективе пишет и Нандор Калиц).

Означает ли близость *нерушайской* к ямной культуре, что у их носителей был один язык, неизвестно. Во всяком случае, если ямная культура принадлежала ариям, то влияние арийского языка и культуры на носителей *нерушайской* весьма вероятно.

8. Конь и колесница. Тут нужно сделать одну оговорку. Во многих работах известных специалистов арии твердо связываются не только с конем, но и с колесницей. Имеется в виду, что в Индию и Иран они вторглись с конницей и на боевых колесницах. Колесницы несомненны в государствах Древнего Востока в середине II тыс до н. э., и известно, что ранние индоарии обучали колесничным ристаниям и уходу за лошадьми митаннийцев и окрестные народы. Но когда появились всадники, не очень ясно. Твердое доказательство их наличия – стремена и изображения всадников, а это железный век. Что касается протоариев, то Бейли (Bailey 1955) выявил общеарийские термины колесничного дела (*«колесо»*, *«ось»*, *«чека»* и т. п.). Повозки у них были. Значит ли это, что у них были боевые колесницы? Дрессель обратил внимание на то, что в наборе общеиндоевропейских терминов для транспорта отсутствуют слова *«спица»* и *«колесо со спицами»* (Dressel 1965). Даже если в общеарийской терминологии эти слова есть, это еще не говорит о том, что обозначенные ими реалии существовали в протоарийском прошлом: индоарийские

племена в Средней Азии и Иране существовали в тесных контактах с иранцами, а технические усовершенствования распространялись быстро, так что поставить свои повозки на колеса со спицами индоарии могли под влиянием иранцев перед самым вторжением в Митанни и в Индию.

Самые ранние колесницы в степях найдены в памятниках новокумакских, потаповских и синташтинских (начало II тыс.). Все они имеют колеса со спицами. Даже применение этих колесниц в бою степняками остается под вопросом. Наверняка они применялись только в ритуальных целях – для торжественных выездов властителей, похорон и в ристаниях. Уже в катакомбных погребениях (лишь на ступень более ранних) одноосные повозки есть, но с тяжелыми дисковидными колесами и вряд ли запряженные эквидами – управлялись они стрекалом. В ямной же культуре колесный транспорт был, но это только повозки с тяжелыми сплошными деревянными колесами, большей частью четырехколесные (двухосные), но также и двухколесные (одноосные). Это гужевого транспорт. Запрягали такой транспорт по всей Европе быками (волами) – по крайней мере, это так во всех случаях, где при таких повозках, реальных или на изображениях, обнаружены упряжные животные (Häusler 1984; 1986; 1992b; 1994; 1999).

А кони? Кости домашней лошади в ямной культуре есть. Но в погребениях в составе погребальной пищи, судя по костям, были только баранина (главным образом) и (гораздо реже) говядина. Лошадиных костей в погребениях практически нет (Мерперт 1974; 103). Это значит, что либо конь использовался как тягловая сила и для верховой езды, либо конина по каким-нибудь причинам не входила в традиционную погребальную пищу. Но та же картина была и в срубной и в полтавкинской культурах (Кривцова-Гракова 1955: 71).

В своей новейшей книге Дергачев (2007: 274) сетует на многих авторов, признающих лошадь в качестве домашнего животного в ранних культурах, но отводящих ей роль продукта питания, подразумевая, что она «использовалась на мясо». «При этом, – пишет Дергачев, – совершенно упускается из виду такое явление, как психологические стереотипы питания.... Конское мясо – излюбленный продукт питания преимущественно скотоводческих обществ. Из-за специфичности запаха и жесткости, за исключением особых – бедственных ситуаций, это мясо ни в далеком, ни в более близком прошлом (как и сейчас) не входило в рацион людей, воспитанных на «классических» земледельческих традициях, и воспринималось последними далеко не с восторгом». Следуют примеры. Дергачев – сторонник раннего, еще до ямной культуры, использования лошади в упряжи и верхах.

Но это общие умозаключения. Обратимся к фактам – к поселениям. В срубных поселениях кости лошади занимают второе место после крупного рогатого скота (Кривцова-Гракова 1955: 70). Из нахождения повозок и псалий Кривцова-Гракова заключает, что лошадь в срубной культуре уже использовалась как тягловая сила. Надо бы уточнить: и как тягловая. А в ямной? В верхних слоях Михайловского поселения, принадлежащих к ямной культуре, кости коня по минимальному количеству особей занимают третье место после крупного и мелкого рогатого скота, составляя 17,9%. Они, также как и те, разбросаны по слою в поломанном или расколотом виде. Стало быть, в быту конину употребляли в пищу. Иначе бы целые трупы павших лошадей были захоронены поодаль. В пересчете на вес лошадь, то бишь, конина, составляет в мясном рационе 21,31% и занимает по этому показателю среди домашних животных второе место после говядины (Лагодовська та ин. 1962: 172). Признавая за Дергачевым некоторый резон, можно заключить, что ямная культура оставлена хоть и не кочевым, но все же преимущественно скотоводческим обществом. Однако в пользу использования лошади ямным населением как тягловой силы, не говоря уж о верховой езде, фактов нет. Хотя, судя по мизерному количеству костей свиньи (2,2% по количеству особей), ямное население было очень подвижным.

9. Атрибуция с помощью прототипов. Если ни всадничество ни колесницы не являются подтверждением протоарийской принадлежности ямной культуры, то есть ли помимо общей ситуации вообще какие-либо факты, которые можно было бы привести в пользу такой атрибуции – типа тех, которые приводились в пользу протоиндоарийской атрибуции катакомбников? То есть имеются в виду специфические аналогии, так сказать, с арийским этолоном.

Ну, прежде всего нужно сказать, что это заведомо трудно сделать, потому что если для протоиндоариев существует такой эталон в лице живущих и исторически засвидетельствованных индоариев, то для протоариев нет такого отдельного эталона, помимо индоариев, иранцев и нуристанцев вместе взятых. Речь может идти лишь о сборе совокупности аналогий всем трем ветвям и об обнаружении таких фактов, которые можно было бы истолковать как прототипы таких аналогий - как предковые формы, которые потом могли бы дать дериваты способные служить такими аналогиями.

Ясно, что такие факты стоило бы искать в символизме ямной культуры, в ее искусстве и обрядности, в ее бытовых и особенно ритуальных артефактах. Эта сторона ямной культуры, к сожалению, очень слабо изучена. Попробуем выделить некоторые факты.

1. Ажидахака или Триширас? В кург. 6-I у с. Соколово Орельско-Самарского междуречья в специальной ямке обнаружен костяной предмет, который толкуют как колотушку. На нем со всех сторон нанесены точками изображения, складывающиеся в некий мифологический сюжет. З. П. Марина (1981: 68) видит в изображениях человеческие фигуры, птицу, лук и звездообразные знаки. Ю. А. Шилов (1995: 291 – 292, рис. 35), поместивший в своей монографии прорисовку этого предмета из архива В. Н. Даниленко (рис. 15), увидел слева изображение шамана с бубном и колотушкой, над ним изображение божества в виде змееной богини, справа – женскую фигуру, а в центре (на боковой стороне предмета) человекообразную фигуру с луком в руке в окружении вертикально стоящих собак, и все это на фоне созвездий. Всю композицию он истолковал как уподобление шамана Пуруше, который в своих небесных странствиях перевоплощается в другие фигуры.

Мне представляется, что слева действительно виден некий герой с булавой или колотушкой в правой руке и чем-то округлым (щитом или бубном) в левой, а у ног его трехглавый змей, завитой хвост которого можно заметить у ног женской фигуры (ср. фракийское изображение IV в. до н. э. из Летницы – рис. 16). Над головой мужской фигуры действительно нечто подобное змееной богине скифов, над головой женской фигуры – еще какая-то фигура, на птицу не похожая, а что в центре, между мужской и женской фигурами, сказать трудно. Одну собаку, расположенную вертикально, усмотреть можно. Крестики слева, возможно, означают звезды, большие кресты справа – то ли растения, то ли людей.

Трехглавый змий мог бы быть сопоставлен с Ажи Дахакой Авесты, который приносил жертвы Ардвисуре Анахите и богу ветра Вайе (в этом случае женская фигура может означать прототип Ардвисуры-Анахиты, а мужская - Вайи). Можно его сопоставить и с ведийским трехглавым Триширасом (Вишварупой), которого победил Трита Аптья (Трита Водяной), очень древнее божество, в Ведах уже вытесняемое Индрой. В Ригведе X, 8 рассказано, как Трита отрубает три головы дракона Вишварупы и освобождает проглоченных им коров (в этом случае мужская фигура слева – это Трита). В Авесте Трите соответствует Трайтауна из рода Атвья, убивающий змея о трех головах, но освобождает он при этом не коров, а двух дев. В греческой мифологии отдаленное соответствие этому сюжету – не Тритон, как ожидалось бы из имени, а Геракл, убивающий трехголового Герионея и возвращающий захваченных им коров. Возможно, неразборчивое изображение в середине композиции означает извивы рассекаемого тела змея и проглоченные им существа. Всё это крайне неопределенно.

2. Дьявапритхиви? В ямном подкурганном погребении близ Симферополя была найдена каменная фигурка в виде бычьей (или коровьей) головы, в ямном же погр. 2 кург. 17 у с. Златополь Запорожской области обнаружено такое же каменное изделие в виде бычьей головы (Телегин 1980; Ляшко 1987). Это не навершия, они было предназначены для держания в руке (Кубышев и Нечитайло 1987). На втором на месте глаз бычьей головы – две выпуклости, намекающие на женские груди. Это немного похоже на статуэтку бычьей головы из трипольского поселения Бильче Злата. Там на бычьей морде точками нанесено изображение женской фигуры с воздетыми руками и со знаком пола в виде треугольника (рис. 17). Фигура распростерта на всю бычью морду – руки уходят к рогам. Шилов (1995: 364 – 365) в этом двойном изображении видит бога неба или грозы (то ли Дьяву, то ли Дьяуса, то ли Парджанью), символизируемого быком, и богиню зари Ушас.

Но во-первых, уподобление ямных статуэток трипольской натянута, а четкое изображение женщины есть только на трипольской статуэтке. Во-вторых, арии, конечно,

могли применить такие метафоры, это в духе Ригведы, но доказательств, что именно это имелось в виду, нет. Богиня Ушас связывается в гимнах Ригведы с коровами (они влекут ее колесницу, с багряными коровами сравниваются ее лучи), но конкретная композиция изображения далека от этой метафоры. Дьяус, отживающее божество в Ригведе (как и Парджанья), действительно воспевается в ней как красный бык (Парджанья тоже как бык), но в паре с ним (и с Парджаньей) не Ушас, а богиня земли Притхиви. Неразрывная связь этих божеств обозначается в Ригведе сложным словом (дванва) Дьявапритхиви (Эрман 1980: 54). Этот смысл и могло бы иметь сдвоенное изображение из Златополя, по-видимому, амулет, если бы изображение было более четким и недвусмысленным. В неизмеримо меньшей мере правомерно толковать его как частный эпизод из греческой мифологии – похищение Европы Зевсом в облике быка, что видят в амулете из Бильче Злоты Николов и Чмыхов (1991: 20).

3. Тришул. В ямном погребении 5 кург. 1 у с. Васильевка в Присивашье найден кремневый трезубец (рис. 18). Хотя Г. Ф. Коробкова трасологическим анализом определила следы вертикально крепившейся рукояти, и открыватели А. И. Кубышев и А. Л. Нечитайло (1988) определяют изделие как скипетр (вообще-то функционально трезубец с древком является оружием, если даже и декоративным или престижным), но в погребении кремневый наконечник находился в левой руке скорченного покойника, без места для большого древка. Так или иначе эта редчайшая находка несомненно обозначала высокий ранг погребенного. Поскольку в качестве реального наконечника оружия такой трехзубчатый кремень был неэффективен (легко мог сломаться и обладал худшей проходимостью в плоть поражаемой цели), он, по-видимому, был подражанием металлическим реалиям (типа месопотамских), а те символизировали тройную поражающую силу копья. В индийской мифологии трезубец (тришул) служил знаком то Рудры-Шивы, то Вишну (есть уже в культуре серой окрашенной керамики – например, Gupta 1990, pl. 58d), в греческой – Посейдона. Прежде, чем стать знаком богов, он должен был утвердиться как знак высокого ранга у людей. Эту стадию мы и видим в кургане у Васильевки.

4. Парные фигуры. В ямном погребении 14 в кургане 6 у Новоалексеевки скелет годовалого ребенка помещен между двумя лошадиными скелетами, но нет признаков парной конской упряжки (Mallory 1989: 220 – 221). По-видимому, их в ямной культуре еще и не было, хотя уже были парные упряжки волов. Именно отсутствие парной упряжки особенно навеивает мысль, что две лошади в этом ювенальном погребении говорят о *близнечном культе*, связанном с конями. В индоарийской культуре это культ близнецов-колесничих Ашвинов, они же конеподобные герои. В других индоевропейских культурах это германские мифические герои Хорса и Хенгист (буквально 'лошадь' и 'жеребец'), греческие Диоскуры, славянские коньки (в вышивке и на крышах). Культ же божественных близнецов, возящих свою сестру Солнце (в славянском и германском «солнце» было женского рода), широко распространен в индоевропейском мире (Ward 1968; 1970; O'Brian 1982; Grottanelli 1986).

Обычно зарождение этого культа связывают с появлением колесниц, но их не было в ямной культуре и уж наверняка не было в раннем энеолите Поволжья и Предкавказья. Между тем, в новосвободненской и кемиобинской культурах есть изображения двух схватившихся в бою одинаковых человечков, а в раннеэнеолитической самарской культуре (могильник Съезжее) на ритуальной площадке под курганом помещены черепа и ноги двух коней, а с ними два горшка, гарпун и раковины, посыпанные красной охрой. В этом же могильнике найдены сломанные плоские двуглавые статуэтки – с двумя одинаковыми головами, обращенными в разные стороны. Однако это головки не только лошадиные (рис. 19), но и крупного рогатого скота. То есть близнечный культ тогда не сосредоточивался на конеподобных (или имеющих дело с конями) героях. Впрочем, и в индоарийской мифологии близнецами были и первочеловек Яма (ставший богом смерти) и его сестра Ями. А вспоминая непобедимых близнецов Молионов у Гомера, можно предположить, видимо, что парность воспринималась вообще как усиление всяческой мощи и как признак сверхестественных способностей.

5. Пары змей. Следующий аргумент относится скорее не к собственно ямной культуре, а ко всей секвенции культур, ведущих к ариям. В ямном погребении у с. Лобойковка в Приорелье покойник сопровождался двумя обезглавленными скелетами змей и 9 астрагалами (Марина 2004: 64). В ямном погребении 8 с повозкой в кург. 9 группы «Три брата» на Нижней Волге (Ю. Шилов его относит к новотиторовским) вдоль сидящего

человеческого скелета у стенки могилы были уложены скелеты двух больших змей. Между ними и покойником были положены бронзовый нож и два шильца. К повозке прилагались устроенные сверху шкуры с черепами и конечностями двух быков, а еще выше – такие же остатки трех коров и трех овец. (Синицын 1948: 147 - 155). Есть в могиле и каменные шары, которые Синицын называет боласами – это, возможно, мритапинты (в которых в Индии воплощались жертвоприношения богам).

Пары змей есть и в катакомбных погребениях – в погр. 9 кург. 2 у Семеновки и погр. 5 кург. 1 у Сосновки в окрестностях Каменной Могилы на Украине (Михайлов 1990). Это территория ингульской культуры, но погребения отличаются от нее: катакомбы подпрямоугольные и впущены в курганы с северной стороны. В погребении у Семеновки справа у таза покойного лежали скелеты двух желтобрюхих полозов головами к голове человека а хвостами огибая его ступни и рядом скелеты трех степных хорьков. В погребении у Сосновки полозов положили с обеих сторон человека от колен к голове, а возле большего полоза поместили хорька, деревянную палку длиной в 40 и толщиной в 4 см и лопатку быка со следами ударов в центре. Почему змеи парные, неясно, но это подчеркивает традицию. Срубное погребение единственной могилы в кург. 6 у ст. Дурновской на р. Бузулук (Мельникова 1990) продолжает эту традицию, но в размытом виде: здесь три змеи: перед грудью, за спиной и между тазом и ногами покойника, а в правую руку его вложен бронзовый нож.

Синицын (1948: 159) рассматривал змей как защитников покойного, основываясь на изображении змей на бронзовой булавке из другого погребения. Ю. А. Шилов (1995: 189 – 194) толкует только смысл срубного погребения как змеборческий, остальные, по его мнению выявляют йогические мотивы. Это он вывел на основании хитроумной цепочки заключений из психоаналитического толкования Ф. Б. Я. Кёйпером йогической анатомии (вены Пингала и Ида обвиваются, как змеи, вокруг хребта человека). На деле хорьки, природные истребители змей, так же как нож в руке или рядом, не говоря уж об обезглавленности лобойковских змей, свидетельствуют о том, что змеи положены в погребения отнюдь не ради благого сопровождения. Их направляли на тот свет как некие злые символы, тут же предохраняя от них покойников. Эта погребальная традиция, проходящая сквозь все археологические культуры, связуемые с ариями, угасла в конце бронзового века, насколько можно судить по погребальным памятникам. Но в Индии в культе злого бога Рудры змеи занимают видное место, символизируя болезни, насылаемые им. Естественно, что если это представление существовало и в бронзовом веке, то магический смысл обряда ясен: их старались отправить с покойниками (возможно, умершими от тяжких болезней) в мир иной, избавляя от них живых, но предохраняя и покойников на посмертном пути.

6. Змеи на булавках. На бронзовых же булавках, импортируемых в Северное Причерноморье с Кавказа в ямное и катакомбное время, рельефные змеи действительно есть. Они имитируются орнаментом на очень многочисленных местных подобию этих булавок из рога, большей частью молоточковидных. Но так как функциональное назначение и смысл этих булавок - спорный вопрос (есть много гипотез), то я не стану здесь искать их истолкование с позиций индоиранской мифологии (хотя и это возможно – древо жизни, модель столба скумбхи и т. п. – см. Кияшко 1984; 1990).

7. Сахамарана. В нурушайской культуре есть парные погребения разнополюх покойников лицом друг к другу (рис. 20) – совсем как в катакомбах. Яровой (1992: 138 – 140) даже дает романтическую интерпретацию одного такого погребения – в кургане под Олонэштъ:

«Мужчина и женщина лежали скорчившись на боку, лицом друг к другу, плотно прижавшись один к другому. Их ноги были переплетены между собой... В процессе исследования удалось установить, что женщина лежала, плотно прижав руки к груди, а мужчина обнимал ее. Каково же было наше удивление, когда между кистями рук женщины был зачищен черенок медного ножа. Его тонкое листовидное лезвие лежало между ребрами левой половины груди, прямо на уровне сердца! Положение рук и ножа не оставляло сомнений: женщина сама себе нанесла смертельную рану».

Исследователь даже называет этих погребенных «Ромео и Джульетой бронзового века». Поскольку скелеты лежали плотно прижавшись друг к другу, нож мог быть и принадлежностью мужчины, а смерть женщин в парных погребениях бронзового века, вероятно, всегда была «добровольна, но обязательна». Это индоарийская черта. Возможно, это результат влияния катакомбных культур (протоиндоариев) с востока. Но так

или иначе сахамарана по крайней мере в этой части ямной культурной общности налицо, и, по крайней мере, в этом случае ее можно с грехом пополам толковать как индоарийский элемент общего наследия протоариев.

8. Удары по головам (Загробная свита). В раскопках Е. В. Ярового (1990; 1992: 114 – 119) в Молдавии (т. е. в нерушайской культуре) в кургане у с. Христова Каменского района было обнаружено 10 одновременных погребений ямной культуры – одна большая могила в центре и девять меньших по окружности, во всех девяти погребения были совершены по неукоснительно одинаковому обряду (с куском охры у черепа и 9 угольками вокруг покойника). В центральной могиле лежал мужчина, убитый, видимо, в бою – с застрявшим в виске костяным массивным кинжалом. В периферийных могилах покоились трупы двух женщин, двух мужчин и четверых детей, убитых совершенно одинаково – тупым орудием в затылок; только в девятой могиле находилась молодая женщина, которую этот точный удар миновал, но она была связана (сохранились остатки веревки) и завернута в циновку (тоже сохранились остатки). Ясно, что здесь за тысячу лет до скифов совершено захоронение властителя с положенной ему свитой и женой или наложницей.

Но индоарии свои жертвы обычно душили (это потом переживало у скифов), а ударом по голове убивали иранцы. Таким образом, это можно толковать как иранский элемент общего наследия протоариев.

Как я уже отмечал, признаки протоарийской принадлежности не столь ясны и не столь четко сгруппированы, как признаки протоиндоарийских культур, и показывают скорее нечеткую совокупность традиций, очаг влияний, чем дают определение искомой протоарийской культуры.

10. Сфера ямного воздействия. Ямная культура вообще была активным очагом формирования некоего круга культур, возникавших под ее влиянием. На крайнем востоке ей родственна *афанасьевская* культура, в минусинской степи подстилывшая андроновскую культуру.

В Нижнем Поволжье на ямной основе формировалась *полтавкинская* культура, в формировании которой принимала участие и соседняя катакомбная культура.

В Приуралье и Среднем Поволжье сформировалась абашевская культура, распространившаяся на большое пространство.

Абашевская и полтавкинская традиции сформировали срубную культуру, а вместе с катакомбной привели к образованию новокумакско-синташтинской культуры, исходной для алакульской.

Таким образом на уровне ямной культуры и ее преемниц (рис. 21) можно предполагать несколько языков. Возможно, что и абашевское и афанасьевское население говорило на речи, очень близкой к речи понтокаспийских ариев.

Но ведь и в языковом отношении история застала ариев в заметно расчлененном виде. Да и сама эта аттестация двух ветвей как основных зависит от современного состояния ее потомков. Кроме сильно распространившихся индоариев и иранцев, языковеды различают еще одну группу ариев – нуристанскую (кафилов). Нуристанцы по каким-то параметрам схожи с индоариями и иранцами, но у них есть и такие различия, которые побуждают некоторых лингвистов считать, что нуристанцы отделились от ветви, ведущей к индоариям и иранцам раньше всех, до разделения на индоариев и иранцев, то есть, что они раньше с ариями образовывали одну общую, еще не арийскую, ветвь индоевропейцев. Есть еще дарды, но они ближе к индоариям и некоторые лингвисты включают их в индоарийскую ветвь как особое подразделение. Все ли языковые ветви вообще сохранились, неизвестно, а соответствующие археологические культуры сохранились. От дардской же и нуристанской ветви сохранились только крохотные народцы, живущие на Гиндукуше. В эти горные труднодоступные местности были оттеснены сохранившиеся части народов, некогда, возможно, сильных и многочисленных, вполне сопоставимых с афанасьевской, абашевской, бишкентской и подобными культурами, из которых далеко не все выявлены на сегодняшний день археологией.

Этнографическое и лингвистическое исследование дардов и нуристанцев весьма продвинуто, но археологическое изучение их местности и окрестных местностей находится в зачаточном состоянии, так что этногенез этих народов лишь едва намечен. К каким культурам их возвести, ныне можно лишь гадать, рыская в поисках отдельных (пока очень слабых) зацепок.

Между тем, решение этой проблемы позволило бы более уверенно говорить об иранстве срубно-андроновской общности, индоарийстве катакомбных культур и об арийской принадлежности ямной культуры.

11. Варианты решения. А пока, надо признать, сохраняется и другая возможность – что чисто ямная культура (без нурушайской со всеми ее западными ответвлениями) охватывала только иранцев, являясь общей основой для всех иранских языков - западноиранских и восточноиранских, но не являясь основой для индоарийской речи, связанной с катакомбными культурами, что языковые корни этих культур надо искать где то на Северном Кавказе. Такая аттестация ямной культуры хорошо бы согласовывалась с ранней иранизацией оседло-земледельческих культур Средней Азии – с иранством БМАК (если это действительно иранское население, а не особая ветвь арийского).

Такой вариант решения находит возможное подтверждение в упомянутом иранском характере жертвоприношений, засвидетельствованных в нурушайских поребениях. Если это не комбинация протоиранских черт с протоиндоарийскими в предковой для тех и других культуре, то по крайней мере по этому обряду нурушайская культура (часть ямной культурной общности) выглядит иранской.

В этом случае вся система предполагаемого ветвления языкового древа опускается на ярус глубже, и общеарийский язык надо искать там, где пока предполагается более древнее единство – грекоарийская общность. Возможность эта слабая, но ее еще нельзя исключить.

1. Карта полтавкинской культуры
2. Типы полтавкинской культуры
3. Карта абашевской культуры (Пряхин 1980, вкладка)
4. Типы абашевской культуры (Пряхин 1980, рис. 2 – 4)
5. Схема происхождения андроновской и срубной культур (сделать)
6. Таблица преемственности по Кривцовой-Граковой (МИА 3)1955,рис. 1.
7. Схема: Корни катакомбной культуры (гипотезы) (сделать)
8. Происхождение катакомбной культуры по Клейну 1968 (из Краткие обосн.)
- 8а. Предкатакомбная культура (Трифонов 1991: 125, рис. 12)
9. Типы новотиторовской культуры (Гей 2000 – в ИИМК; Трифонов 1991: 130, рис. 15)
10. Изоглоссы арийских языков по традиционным взглядам и по Макаеву (сделать)
11. Карта ямной культуры (Мерперт 1974, рис. 1)
12. Типы ямной культуры (Мерперт 1974, рис. 6 – 7; Трифонов 1991: 112, рис. 9)
13. Парные погребения нурушайской культуры (Яровой 1985, рис. 15).
14. Карта культуры погребений с охрой (Яровой 1985, рис. 1)
15. Костяной предмет из ямного погребения у с. Соколово Орельско-Самарского междуречья (Шилов 1995, рис. 35).
16. Фракийская серебряная позолоченная бляха середины IV в. до н. э. из Летницы с изображением трехголового змея (Mallory 1989, tabl. 12).

17. Амулеты из трипольского поселения Бильче-Злота и ямных погребений из кургана у с. Златополь и под Симферополем (Шилов 1995, рис. 32, 3 – 4; Дергачев 2007, рис. 47 на с. 156).
18. Кремневый трезубец из кургана у с. Васильевка в Присивашье (Шилов 1995: рис. 36, 2 – 3).
19. Статуэтка двуглавой лошади из Съезжего (Mallorz 1989: 221).
20. Типы культуры погребений с охрой (Яровой 1985, рис. 19)
21. Типы культуры погребений с охрой (Дергачев 1986, рис. 9 - 11)
22. То же
23. То же
24. Хронологическая схема соотношений всех этих культур (сделать)

Обсуждение

Медведская. В отвержении древности всадничества стремяна не при чем. Древнейшие изображения всадников на Древнем Востоке – это IX век (до н. э.), и то это не настоящее всадничество: всадники сидят как дамы – свесив ноги на одну сторону. До VII века основное применение коней – колесницы, а верховая конница – это уже от киммерийцев и скифов через Урарту. Стремяна говорят о твердой посадке и рыцарском поединке с копьем.

Балонов. Для археологов признаком наличия конницы должна служить сабля. Копье (метательное?) есть у сарматов, а стремян не было. Изображение на колотушке, предложенное Клейном, столь же бездоказательно, как и прежние. Изображение в верхней части композиции столь же похоже на якорь, как на змееногую богиню, которая не может быть в верхней части композиции – она ведь принадлежит к хтоническим божествам. Трехглавый змий столь же сомнителен – это может быть и трезубец или что-нибудь еще. Толкование изображений должно быть не обрывочным, а системным, опирающимся на ряд параллелей с другими изображениями той же эпохи. Признаком этническим характер жертвоприношения (удушение или удары по голове) не является: у скифов есть и то и другое. Отрицание боевых колесниц у носителей ямной культуры верно, но неудивительно: их применение вообще возможно только при наличии государства. Арии не могли вторгнуться в Индию и Иран на боевых колесницах.

Медведская. Но есть ведь письменные свидетельства о применении боевых колесниц в сражениях на древнем Востоке!

Васильков. И есть текстуальные свидетельства Ригведы!

Стеблин-Каменский. И Авесты!

Казанский. В микенских описаниях колесниц нет металла за исключением серебряных шин на ободах колес.

Балонов. Вот именно – они не годятся для боя! Только для состязаний и ритуалов.

Васильков. Я предлагаю компромисс: у Гомера вожди подъезжают к месту битвы на колесницах, а в бой вступают спешившись. В Индии каждая битва – это сумма индивидуальных поединков. В древнеиндийском даже есть термин, который можно перевести как «ритуал битвы» - это сближает обе трактовки.

Вообще я считаю предложенный обзор очень ценным – сведены воедино собранные на сегодняшний день факты, разные их интерпретации. Но сразу становится ясным, как много тут сомнительного. Даже арийство ямников, утверждаемое многими авторитетнейшими археологами, неясно. Что касается частных, то трактовка амулета как символизация Дьяусприхиви представляется мне сомнительной. Я мог бы привести более близкие параллели, чем арийские: на фото бахрейнской печати видна бычья голова, которая, если ее перевернуть, превращается в женскую фигуру (рога становятся ногами). Дьяконов это изображение связал с египетскими представлениями. Трезубец (тришул), как мне представляется, происходит от вилообразных крюков бронзового века, и, конечно, был знаком престижа. Пара змей никак в Индии не представлена, скорее в балтийских культурах. Каменные шары вряд ли были мритапинтами: те ведь пищевые приношения предкам, а тут камни...

Кондаков. Связь между каменными шарами и шарами, скатанными из пищи, всё же можно провести. У язидов были шары из глины священного источника («клубки шейха Ади»). Существенна шаровидная форма почитаемых объектов, которые можно было использовать для приношений – предкам ли, богам ли.

Что касается БМАК, то эту культуру можно было бы сопоставить с дасами-дахами, т. е. врагами как индоариев, так и иранцев. В так называемых маргианских храмах типа Тоголок-21 и Гонур-1 найдены амулеты в виде маленьких летящих драконов, которых Парпола резонно сопоставляет с Ажи Дахакой.

Для объяснения с погребений парой-тройкой змей можно привлечь поздний образ Ажи Дахака – как человека, из плечей которого растут змеи (питающиеся человеческим мозгом).

Казанский. Парность змей действительно очень примечательный факт. Возможно, он как-то связан с критской богиней со змеями и табличкой, выставленной в музее на Агоре: там божество и по бокам две змейки.

Тохтасьев. Но змеи у критской богини – положительные атрибуты. Трезубец у Посейдона – рыболовная принадлежность. Однако я бы хотел повернуть дискуссию от частных к общим, фундаментальным вопросам. Если к IX в. до н. э. основное различие между иранцами и индоариями сводилось к сохранению или несохранению индоевропейского *s*, то есть ли вообще кардинальные различия между ними? Дифтонги еще сохранялись в XIV веке (Митанни), и похоже, что различия между этими ветвями были тогда минимальны. А тут речь идет о том, что уже в конце IV тыс. это были разные археологические культуры! То есть всё переносится на две тысячи лет вглубь веков! Чтобы за две тысячи лет не было никакого развития языка – не могу в это поверить.

Стеблин-Каменский. Ригведа и Авеста действительно очень близки друг к другу. Даже для второго тысячелетия до н. э. нельзя говорить об отдельных праяках иранском и индоарийском – нужно говорить об одном праяке. Отсутствие семитских заимствований в Авесте и древнеперсидском (за исключением мизерного количества вавилонских) и позволило говорить о том, что первой волной вторжения на юг были индоари.

Казанский. Сегодняшняя дискуссия показывает, что благодаря таким обзорам, появляется шанс найти общий язык лингвистов с археологами. Но для этого нужно очень четко разделять язык и культуру. После Микен греки в языковом отношении остались практически теми же, а в археологии – всё другое, ну никакой преемственности. Разве что золотые ленточки, обнаруженные Шлиманом в Микенах, есть и в классических греческих погребениях.

Что касается частных вопросов, то после общих обзоров можно будет поставить специально рассмотрение именно частных вопросов (как колесницы и т. п.), потому что их детальное обсуждение особенно благоприятствует обнаружению точек соприкосновения лингвистики с археологией.

Клейн. Я, вероятно, неудачно построил свое изложение, поставив частные примеры толкований явного символизма в конец, и обсуждение поначалу сосредоточилось на них, подчеркивая их сомнительность. Конечно, они сомнительны, я это и говорил. Они сомнительны и не очень доказательны, но это всё, что есть. Я обязан был их привести. Но всё же есть различие иранской и индоарийской традиции убивать жертву – скифы не пример: у них поздняя смесь традиций. А герой, сражающийся с трехглавым змеем – пока что более вероятное предварительное толкование для наличной композиции на колотушке, чем что-либо иное (при всей сомнительности и недоказуемости). Каким бы ни было толкование трезубца, кремневый трезубец рассматривается как прототип других и знак престижа, так что хочешь – не хочешь, а возможный прототип. Пара змей в Индии не представлена, я это и говорил, но змеи в культе Рудры есть и индийские представления о них они могут объяснить ситуацию в погребениях бронзового века.

Очень благодарен С. Р. Тохтасьеву за то, что он вернул дискуссию к фундаментальным вопросам. Меня всё время тревожит основное противоречие, выявляемое серией моих обзоров. С одной стороны, иранский и индоарийский языки времен Ригvedы и Авесты чрезвычайно близки друг к другу, откуда напрашивается их близость к протоарийскому праязыку, а с другой стороны, в ближайшем (к Ригvedе и Авесте) прошлом нет археологической культуры, которая подходила бы под роль общности, из которой можно вывести те и другие культуры. Более того, культур, подходящих на роль предков тех и других, оказывается много не только в ближайшем прошлом, но и во всё более глубоких пластах времени. Андроновская гипотеза Кузьминой решила бы эти проблемы, но, как я уже показывал, по ряду причин из андроновской культуры затруднительно вывести все эти культуры, а катакомбная культура больше подходит на роль протоиндоарийской.

Однако взглянем на историю греков. Кто бы мог предположить век назад, что микенские греки, отделенные от гомеровских греков шестью – восемью веками, говорят на очень близком, практически понятном языке? Вспомним, что и глоттохронология в своих разных вариантах дает весьма глубокие точки расхождения индоевропейских языков, а узлов на линии разделения языков не так уже много. Вспомним также, что от древнеперсидского до современных иранских языков (а все они опознаются как родственные) прошло как-никак три тысячи лет.

Я призываю моих слушателей вместе думать над этими проблемами. Я не настаиваю на каком-то одном решении. Я излагаю состояние проблемы. Но прежде, чем выбрать место на археологической шкале, где поместить разделение на иранцев и индоариев, где – выделение ариев

из более крупной ветви, где – выделение грекоариев, прежде, чем выбрать, на какой ступеньке остановиться в каждом отдельном случае, прошу сначала рассмотреть всю лестницу эпох. Следующий обзор будет касаться более глубокого этапа – проблемы грекоариев.

Глава IV. Проблема грекоарийского единства

1. Языковое родство ариев с греками. Дальнейшая проблема заключается в том, что у ямной культуры как культуры ариев (если это культура всех ариев) должны найтись общие корни с культурой греков, ибо лингвисты утверждают, что существовало грекоарийское единство, о котором свидетельствует ряд важных морфологических изоглосс, общих для ариев (иранцев и индоариев) и греков (Мейе 1938; Porzig 1954; Birwé 1954; Георгиев 1958; Euler 1979; Polomé 1989; Morani 1999). К этим изоглоссам принадлежат:

генитив ед. ч. на *-(o)sjō*,

косвенные падежи на *-b^hi-*,

аугмент,

запретительное отрицание *me*,

относительное местоимение *ios*,

тематический и атематический аорист,

вообще богатая видо-временная и залоговая система глагола.

Когда Мейе занялся сравнительным анализом лексики иноевропейских языков, то оказалось, что языки северо-запада – италийские, кельтские, германские, балтийские и славянские – совпадают по целым пластам лексики, так что в книге «Индоевропейские диалекты» ему удалось составить обширный словарь северо-запада. Это сельскохозяйственная терминология и термины государства и права. Но эта лексика отсутствует в языках юго-востока (по другую сторону диагонали Мейе) – в греческом, армянском и арийских языках. Эти народы явно формировали свое хозяйство и государственные образования вне северо-западной общности.

У Порцига больше делался упор на лексические и фонетические исключительные сходства. Так, он указывал, что слоговые носовые, которые в особых ситуациях во всех языках дают гласный плюс *n*, только в арийских и греческом оставляют *a* без согласной. Только в греческом и арийских так совпадают названия серого цвета: греч. *πελινός*, др.-инд. *ralitá-*. Только в этих языках слово «год» образуется с суффиксом *-s*: греч. *ἔτος*, др.-инд. *vatsa-*. Греческое *ἔτος* 'слово', 'повествование' соответствует др.-инд. *vacas-*, авест. *vaśah-*. В греческом языке новизна обозначается словом *καίνος* 'новый', совпадающим с обозначением юности в арийском: др.-инд. *kanuā*, авест. *kainikā* 'девочка', тогда как в других индоевропейских эти обозначения образуются от корня **iuuen-*. Есть и другие такие словарные совпадения (Порциг 2002: 235 – 237).

М. Сакеллариу придерживался принципа, введенного в лингвистику Б. Террачини и принятым М. Бартоли, Дж. Бонфанте, Б. Девото и др., – видеть в обилии инноваций результат центрального положения диалектов в языке, а для периферии считать нормальным консервативность и архаизм. У Сакеллариу (Sakellariou 1980a) грекоарийское единство скрепляется 16 изоглоссами, из которых 8 – инновации. Это говорит об их центральном положении в праиндоевропейском ареале.

Часть из приведенных Георгиевым изоглосс (большую) греки и арии разделяют с армянами и фригийцами, другую – со славянами. У Порцига (2002: 230 - 233) исключительную связь греческого с армянским поддерживает 12 изоглосс, большей частью лексических, но одна фонологическая: только в этих языках ряд слов начинается с гласной (греч. *ἀστήρ* – арм. *astî* 'звезда', греч. *ἀνήρ* – арм. *air* из **anēr* 'мужчина', греч. *ὀδόντ-* – арм. 'зуб'), тогда как в других индоевропейских языках они начинаются с согласной. У Сакеллариу греческий связывает с армянским 10 изоглосс, тогда как с италийским только 5, со славянским – 1. Армяно-греко-арийское единство скрепляется 6 изоглоссами, из чего Сакеллариу делает вывод, что армяне отделились от этого единства раньше его распада (вывод, конечно, чрезмерный для такой статистики малых чисел и основанный на ригидной модели родословного древа).

И арии и греки разделяют со славянами локатив на *-su/-si*, и тех и других связывает с германцами образование степеней сравнения прилагательных на *-t^hero-*, *-ist^ho-*. Таким

образом, единство отразилось и в общих связях. Я уж не говорю об армянах и фригийцах – по-видимому, они просто входили в это единство, но некие особые связи были отдельно с германцами и отдельно со славянами, связи не просто контактные, а на уровне вкладов – может быть, субстратов или суперстратов. В лексике этому соответствует то, что В. В. Мартынов называет не *заимствованиями*, а *проникновениями*.

У И. М. Дьяконова (1982) греков и ариев (индоиранцев) объединяет грамматика и лексика, но между ними он помещает армянский вместе с рядом палеобалканских языков (фракийский, фригийский и пеласгский), которые он считает схожими между собой по всему ряду фонем и более близкими к греческому, чем к арийским. Однако все эти языки, включая арийские, отделяет от греческого принадлежность к группе «сатем» вместе со славянскими.

На таблице, отражающей степень близости разных индоевропейских языков друг к другу, приведенной к расстоянию в веках (рис. 1), М. Суодеш на основе калькуляции Р. Эскаланте (Swadesh 1960) оценивает расстояние от греческого языка до общего с ведическим (если принять последний за датируемый XIII в. до н. э.) в 20 веков, то есть относят разделение их (выделение из общего праязыка) к 33-му веку до н. э., то есть к третьей четверти IV тыс. до н. э. К равному времени и разделение греческого с армянским. Правда, в тех случаях, где глоттохронологию можно проверить по письменным текстам (разделение германских языков), даты глоттохронологии оказываются слишком омолаживающими (Renfrew 1989: 115 – 116). Но если принять данные канонической глоттохронологии за истинные, уже во второй половине IV тыс. до н. э. общий грекоарийский праязык должен был существовать. Если считать, что глоттохронология омолаживает, тогда нужно опускать грекоариев в более глубокую древность. Версия неканонической, современной глоттохронологии Грэя и Эткинсона помещает отделение греков с армянами от ариев с остальными индоевропейскими в 5300 г. до н. э. – в шестое тысячелетие. Но эти авторы и вообще отвергают грекоарийскую языковую общность, выделяя только греков и армян в группу, отделившуюся от общего ствола, тогда как арии оставались в нем. Это кажется мне нереалистичным. По приведенным данным единство ариев и греков слишком явное.

Где искать археологическую общность, как-то соответствующую этому языковому единству?

2. Корни ямной культуры. В археологическом плане происхождение ямной культуры проясняется лишь в последние годы благодаря массовым раскопкам курганов на Украине, на Дону и в Поволжье. Гимбутас имела дело с несколькими десятками комплексов, недавно мы их считали только сотнями, а сейчас количество погребений каждой из основных культур бронзового века степей измеряется многими тысячами.

Мерперт рисовал ранний период ямной культуры как общедревнеямный, охватывающий огромные пространства и монолитный. Но, как констатирует киевская исследовательница А. В. Николова (1994: 92), «Памятники, относимые Н. Я. Мерпертом к этому периоду, распались на ряд культурных групп или культур – хвалынскую, репинскую, суворовскую, новоданиловскую, константиновскую, нижнемихайловскую и др., охватывающих регион от Урала до Дуная ... Возникли предложения перенести данную характеристику (монолитность. – Л. К.) на памятники, относимые Н. Я. Мерпертом к следующему периоду, и собственно с них начинать историю развития древнеямной культуры, а все предшествующие рассматривать как субстратные...».

Подоснова ямной культуры – *репинская культура* IV тыс. (по новой хронологии примерно 3800 – 3200), известная в Подонье и Поднепровье, но, вероятно, распространенная шире (Синюк 1981; Спицына 2000). Для нее характерны (рис. 2 – 3) скорченные подкурганые захоронения с охрой, с индивидуальными небольшими кромлехами, оградками и закладками; посуда остродонная с высоким горлом и штампованным орнаментом по всему тулову. Содержание костей коня в пище – 80%. Погребения репинской культуры еще недавно трактовались просто как раннеямные, и в этом есть некоторый резон: ямная культура действительно продолжает репинскую, хотя и отличается от нее более скромной орнаментацией керамики, упрощенной и сглаженной формой сосудов, меньшим использованием камня в сооружении могил и курганов (Трифонов 1996).

Репинская культура интересна еще и тем, что из нее легко можно вывести не только ямную, но и *афанасьевскую культуру* Сибири (рис. 4 – 5), с ее оградками, закладками и остродонной, сплошь орнаментированной посудой (Грязнов 1999). Таким образом, афанасьевская культура генетически связана с ямной, но мы не знаем ее язык. Вероятно, она тоже арийская, и можно считать, что в последних веках IV тыс. арии были распространены от Днепра до Енисея. В понтокаспийских же степях они были уже во второй четверти IV тыс. – как репинцы.

По времени репинская культура близко подходит под условия, выдвинутые старой глоттохронологией.

Значит, посмотрим, как эта основа ямной культуры сложилась.

3. Мегалитическая подоснова. В 50-е годы на Днепре три киевских археолога раскопали Михайловское поселение (Лагодовська, Шапошникова и Макаревич 1962), два верхних слоя которого показывали развитие ямной культуры (репинской тогда еще не знали), а нижний содержал какую-то иную культуру, в которой археологи усмотрели частично истоки ямной культуры. Керамика была не очень похожа, но скорченные погребения с такой же керамикой находились под курганами, и в устройстве их часто применялся камень – закладки, кромлехи. В ямной культуре этих мест камень тоже иногда применялся – для перекрытия могилы. Позже стало ясно, что территория этой культуры охватывает только часть южной полосы степей. Культура была названа нижнемихайловской (рис. 6 – 7).

Вообще в южной части степной зоны – в Приазовьи и Нижнем Поднепровьи, захватывая степной Крым и Северо-Западный Кавказ, – проходит полоса поселений и курганных погребений с чернолощеной керамикой. Их заметил и отделил от расположенных севернее еще В. Даниленко, но он считал их местными по происхождению. Теперь здесь выделено несколько культур, и все они пришлые, не имеют местных корней.

Это *нижнемихайловская культура* в Поднепровьи (получившая название от нижнего слоя Михайловского городища), *кемиобинская* в Крыму и Приазовьи (рис. 8 – 9), *новосвободненская* на Северо-Западном Кавказе, в основном в Прикубани (рис. 10 – 11). Эту свиту культур (рис. 12) радиоуглеродная хронология (после калибровки по дендрохронологии) помещает во времена ок. 3400 – 3300 г. и синхронизирует с Трипольем С2 (Трифонов 1996: таблица), а по археологическим связям получается синхронизация с Трипольем В2 (Резепкин 1996), т. е. на полтысячи лет древнее. Всё это культуры мегалитические – с гробницами дольменного типа, с каменными ящиками, кромлехами, каменными закладками и т. п. Они прибыли из области мегалитических культур воронковидных кубков, то есть из Центральной Европы (Резепкин 1991). Правда, Резепкин избегает признания миграции, прибегая к термину «блок культур», введенному Бочкаревым (Резепкин 1991: 191 – 192). Имеется в виду, что культуры возникают не по одиночке, а единство на большой территории получается благодаря «внутриблоковым связям». Но если конкретизировать эти связи, то придем к тем же влияниям и миграциям.

Позже прибыла еще одна мегалитическая культура, уже с традиционной шнуровой керамикой – *усатовская* (время Триполья С2) (рис. 13 – 14). Эта культура трактуется то, согласно Пассек, как позднетрипольская (Збенович 1974; Дергачев 1980: 103 - 111), то как послетрипольская (Т. Сулимирский, А. Я. Брюсов). Последнее, на мой взгляд, правильнее, потому что это было общество совсем другого характера, со значительным вкладом нетрипольского населения. Таким образом, курган был принесен в наши степи с Запада – как разновидность мегалитических сооружений.

Правильно усмотрев родство этих культур и их западное происхождение, Николаева (1980), исходя из их территориального расположения – полосой с северо-запада на юго-восток – и из идеи соседства исходного очага миграции с территорией вторжения, приняла полосу за цепочку генетически взаимосвязанных культур, выводя их одну из другой по цепочке: усатовская – нижнемихайловская – кемеобинская – новосвободненская, а далее дольменная. Хронология и типология скорее говорят за их появление в Восточной Европе порознь, каждой – особым миграционным актом, хотя и в составе одного миграционного наплыва.

Нижнемихайловская культура (Лагодовська и др. 1962; Шапошникова 1985) состоит из нескольких групп и будет потом разделена минимум на две культуры – со скорченными погребениями и с вытянутыми (ср. Ковалева 1980; 1983). Очень интересна сама эпонимная крепость Михайловка – это поселение укреплено каменными стенами очень специфически – точно так же, как укреплялись поселения в культуре Михельсберг, распространенной по восточному побережью Рейна – со многими проходами через рвы, укрепленными с обеих сторон камнем. А михельсбергская культура (ее датировка по C₁₄ вторая четверть IV тыс. до н. э.) – это периферийная область воронковидных кубков.

Как и на воронковидных кубках, в Михайловке есть шнуровой орнамент. Я думаю, что в погребениях с охрой на Балканах позже удастся выделить пласт, связанный с нижнемихайловской культурой, или прямо относящийся к ней.

В *кемиобинской культуре*, датированной тем же временем, что и нижнемихайловская, и более поздним (она потом сосуществует с репинской и ямной культурами) скорченные погребения часто заключены в каменные ящики и очень распространены антропоморфные стелы (Щепинский 1985). Изображениям на них находят поразительно точные и детальные аналогии на стелах Франции – Т-образные личины, пастушеские посохи, боевые топоры, изображения стоп, борющихся людей.

Новосвободненская культура появляется в Предкавказье несколько позже, по новой хронологии 3400 – 3200, т. е. в репинское время. Она уже не могла сказаться на происхождении репинской культуры, но она очень интересна для характеристики всей среды родственных культур с чернолощеной керамикой и мегалитическими сооружениями. Поэтому остановлюсь на ней подробнее.

4. Майкоп и его окружение. Раньше ее называли позднемайкопской культурой. Дело в том, что в майкопской культуре еще недавно объединяли (а Трифонов еще и сейчас объединяет) все энеолитические (или раннебронзового века, смотря по терминологическим предпочтениям) памятники Северо-Западного Кавказа, различая два этапа: ранний – собственно майкопский, и поздний – новосвободненский. Столяр (1964) первым распознал, что это абсолютно разные культуры (см. также Формозов 1965: 64 - 152; Трифонов 1980: 106 - 109), но еще искал корни обеих на месте. Теперь установлено, что обе на Северном Кавказе пришлые, обе издалека. Одна, майкопская (она датируется по нов. хрон. 3700 – 3500 до н. э.) продвинулась с юга, из-за Кавказского хребта, другая, Новосвободненская (датировка: 3500 - 3200), пришла с северо-запада – из Центральной Европы, а по Трифонову – и она из Малой Азии (хронология – по Трифонову 1996а). Оба факта неместного происхождения хорошо доказаны.

Прибытие *майкопской культуры* (рис. 15 - 17) во второй четверти IV тыс. с юга выявлено специальной работой Андреевой (1977). Хорошие аналогии вещам Майкопского кургана, прежде всего керамике, находятся в Тепе-Гавра XII, Тель-Халафе, Амуке F и других теллях Киликии, Северной Сирии (финикийское побережье Леванта) и Верхней Месопотамии (рис. 16). Это культура Гавра IV (рис. 18 - 19). По времени она после убейдской но до культуры джемдет-наسر или ранне-династической культуры Месопотамии. Гамкрелидзе и Иванов (1984: 918) трактуют это движение как миграцию ариев, уже сатемизированных, основываясь на соответственных заимствованиях в картвельском и северо-кавказском, хотя для тех есть и более поздние источники (митаннийские индоарии и иранцы).

Сафронов (1982; 1988) и Николаева (1982; Николаева и Сафронов 1982) попытались перевести аналогии Майкопу на более поздний горизонт и связать майкопскую культуру с семитами (амореями), но их сопоставления не получили апробации специалистов. Сопоставительные таблицы Николаевой по искусству, важные как первый опыт полного обзора майкопского искусства, доказывают скорее несходство с искусством горизонта, намеченного исследовательницей в качестве дающего аналогии. Керамика памятника Тель-Хузра, анализированная Сафроновым, действительно близка Майкопу, но имела ли эта близость хронологическое значение? Ведь население, оставившее эту культуру, могло и позже оставаться в этих местах и пользоваться схожими сосудами. Что это за население?

Культуру гавра, намеченную Андреевой как исходную для майкопской, по ее расположению и хронологии, логичнее всего связать с предками хаттов и касков-абешла, а

бросок ее на северо-запад Кавказа означает появление там западнокавказских языков – речи черкесов (адыге) и абхазов. Родство этих языков с хаттскими показано лингвистами (Ардзинба 1979; Иванов 1985), принадлежность касков к той же семье установлена раньше (она видна и в этнонимах: *касски* или *кашки* клинописных источников – это *касогои* (летописное название черкесов, в армянском *гашк*, в грузинском *кашак*; другое их имя в клинописных памятниках – *абешла*, античное – *апсилы*; это же самоназвание абхазов *апшуа*, армянское *апшили*). Установлено также, что прародина северо-кавказских языков, в том числе и языков Северо-Западного Кавказа (западнокавказских) лежала южнее Кавказского хребта (Николаев и Старостин 1984). А по данным глоттохронологии известно, что разделение северо-кавказского языка на восточнокавказские и западнокавказские восходит к VI – V тыс., а в IV они уже существовали отдельно (Климов 1961; Николаев и Старостин 1984; Старостин 1985). Следовательно, разделение произошло еще до прибытия на Северный Кавказ и прибыли они туда уже порознь, видимо, с разными культурами (рис. 20).

Итак, в лице майкопской культуры на Северо-Западный Кавказ, видимо, прибыли предки черкесов (адыге) и абхазов.

Для характеристики общей обстановки на Кавказе замечу, что одновременная с майкопской *куро-аракская* земледельческая культура (рис. 21 – 22), занимающая всю центральную часть Кавказа и монографически исследованная К. Р. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили (1970), ассоциируется с восточно-кавказскими, т. е. нахско-дагестанскими языками (чеченцы, ингуши и др.) и в сер. III тыс. дает начало *Хирбет-Керакской культуре* Сирии и Палестины, ассоциируемой с другими языками этой группы – хуррито-урартскими (Ростунов 1985а; 1985б). Где-то между западно-кавказскими (хаты, каски, абешла) и восточно-кавказскими (нахи, хурриты) вклинивается горное население с особой ветвью кавказских языков – грузино-картвельской, которую одни считают отдаленно родственной северокавказским (западно- и восточнокавказским) языкам, другие – еще более отдаленно родственной (в рамках ностратической семьи) индоевропейским и семитским. С какой культурой связаны эти языки и местные ли они или прибыли с севера, – пока остается непонятным. Но для нашей темы это замечание попутное.

Нас занимала среда, в которую вторглись с северо-запада носители мегалитических культур – новосвободненской и дольменной.

5. Европейский характер Новосвободненской культуры. Ленинградской школой археологов-бронзовиков прибытие новосвободненской культуры из Центральной Европы предполагалось и раньше – по сходству керамики и дольменообразных гробниц. Сосуды Новосвободной, которые Сафронов с Николаевой отождествляли с шаровидными амфорами, действительно очень напоминают амфоры, но другие – бесшейные восточгарцские амфоры (*Ostharzamphoren*) (рис. 23). Прочие сосуды Новосвободной схожи с воронковидными кубками – это хорошо показано Резепкиным (рис. 24). Восточгарцские амфоры принадлежат к ранней и очень локальной группе саксо-тюрингской шнуровой керамики, воронковидные кубки – еще более ранние, распространены широко, каменные галерейные гробницы также.

Но продолжающиеся вот уже три десятилетия раскопки А. Д. Резепкина (1987; 1991; Rezepkin 1992; 2000) показали связь более наглядно: в новосвободненском царском кургане оказалась каменная гробница с росписью на стенах, близко схожей с рисунками на стенах гробницы в Восточной Германии (лук, колчан), и даже детали изображения (колчана) те же (рис. 25). В Восточной Германии это также гробница, но принадлежащая культуре саксо-тюрингской шнуровой керамики. В общем, эта культура позже эпохи Новосвободной, так что этими близкими аналогиями намечается не исходная для Новосвободной культура, а лишь очаг происхождения, район где можно искать корни. Видимо, культура саксо-тюрингской керамики с ее каменными гробницами и восточгарцскими амфорами происходит из той же группы воронковидных кубков, что и более ранняя новосвободненская культура. Предположить обратное движение невозможно, потому что ведущие типы Новосвободной не имеют местных прототипов, а в Центральной Европе аналогичные типы принадлежат к давней традиции, развивающейся от культуры воронковидных кубков к культурам шаровидных амфор и шнуровой керамики.

Связь новосвободненской культуры с кемиобинской подчеркивается тем, что на вилах новосвободненской культуры для доставания мяса из котла изображены те же два борющихся человека, что и на кемиобинских стелах. Формозов (1970), которому принадлежит это сопоставление, привлек к его объяснению кавказские легенды о борьбе двух братьев – злого и доброго, воплощающих два начала. Скорее здесь может идти речь о характерных для индоевропейской мифологии божественных близнецах, широко прослеженных Кристиансеном (Kristiansen 2004a; 2004b; ср. Ward 1968; O'Brian 1982). Но Кристиансен прослеживает существование этого культа и соответствующих ритуалов и изображений с середины II тыс. до н. э., тогда как здесь речь идет о середине IV!

По заключениям Резепкина (1996), новосвободненская культура, вторгшись на территорию майкопской культуры очень рано, возможно гораздо раньше 2500 г., некоторое время сосуществовала с майкопским населением и взаимодействовала с ним. Сам курган Майкоп, отличный от окружающей майкопской культуры, уже несет на себе признаки такого взаимодействия. Таким образом, пришельцы из Центральной Европы рано вторглись в западно-кавказскую среду и, как мы знаем по результатам, растворились в ней. Видимо, именно это произвело значительные изменения в речи западнокавказского населения. Как показали лингвисты, восточнокавказская речь гораздо архаичнее, в западнокавказской исчезли ларингалы, отпали многие сонанты перед согласными, разнообразие гласных свелось к двум – а и ъ. В качестве компенсации этой унификации предшествующие согласные стали смягчаться или лабиализоваться (Николаев и Старостин 1984; Старостин 1985: 74). Всего этого не произошло на Восточном Кавказе. Похоже, что на западе повлиял какой-то индоевропейский язык, в котором были соответствующие особенности речи. Впрочем, для оценки этого воздействия надо проследить, в какой мере они затрагивают язык хаттов и, если в полной, то нет ли у них, следовательно, другой причины.

6. Неожиданные параллели индоариям и грекам. Но вот что любопытно: в новосвободненской культуре, в общем плане родственной мегалитическим культурам Южной Украины с чернолощеной керамикой, оказалось поразительно много черт, которые мы привыкли считать арийскими (индоиранскими).

Вообще-то есть тут черты, которые свойственны не только ариям, но и другим индоевропейским народам. На той же гробнице изображен безголовый персонаж, распахнувший пятипалые руки и рассевшийся, широко раскинув ноги (рис. 26). Его трактуют как бога смерти (Резепкин 1987; Vasilkov 1994: 785). Однако есть основания полагать, что это женщина: она сидит в позе, в которой в древности изображали роженицу (первым это заметил посетивший раскопки Ф. Р. Балон; я опубликовал эту идею с ошибочной ссылкой на другого археолога – см. Клейн 1987). В такой позе многие народы изображали великую богиню-мать (Смирнов 2000), ведавшую рождением и смертью, то есть переселением из одного мира в другой (рис. 27). «Широко рассевшаяся госпожа» — называли ее в Сибири. У индоевропейцев она ассоциировалась с землей: все рождено землей, и все уходит снова в землю. Мать-Сыра Земля называлась она у славян. Индоарии почитали Мать-Землю Притхиви. Итак, это Мать-Земля широко раскрывает покойному свои объятия. У греков Мать-Земля — это богиня Деметра («Да-метр» этимологизируют как «Земля-Мать»).

Это, видимо, хозяйка мира мертвых. Безголовые боги известны в европейских культурах. Безголовое божество загробного мира существовало у греков. В греческой черной магии последних веков до новой эры безголовый демон, связанный со смертью и плодородием, неопределенно именовался «Ужасный». Даже боги не могли ни видеть его, ни знать его имя. Смысл этого вот в чем: убийство — тяжкий грех, но бог смерти, убивающий всех, свободен от этого греха: он убивает неузнанным. Имя хозяина загробного мира у древних греков — Аид, это означало «Невидимый»: он носил шапку-невидимку. В представлениях древних невидимость была как-то связана с укрыванием головы (Preidel 1904; Preisendanz 1926; Маккау 1962). По гимну Деметре, невидимой одно время была и Деметра.

Кто же всё-таки правит в загробном мире – Аид или Деметра? По канонической мифологии, Аид. Но Аид – позднее явление. Исходный вариант этого слова в греческом языке грамматически оформлен как абстрактное существительное собирательного значения (вроде русских «чернуха», «всячина»), то есть слово обозначало просто загробный

мир, а потом было персонифицировано. Еще Нильсон заметил, что у Гомера в загробном мире Аид царствует, но не управляет. Все действия там совершает его супруга Персефона. Она-то и есть подлинная правительница царства мертвых. А Персефона – дочь Деметры. Но обеих – мать и дочь – в Греции иногда звали Деметрами, так что, похоже, Персефона (если говорить о происхождении образа) – не дочь, а двойник Деметры. Если слово «Деметра» - греческое, то «Персефона» - нет, с греческих корней оно не раскрывается. И его даже усвоили-то греки в разных местах по-разному: Персефона, Перифона, Ферсефасса. Видимо, лишь придя в Грецию, греки познакомились с ней и сблизили ее со своей богиней Деметрой, кое-где отождествив их, а в основном сделав местную богиню дочерью Деметры. Персефона заменила Деметру в некоторых ролях. Таким образом, первоначально у греков в подземном царстве правила Деметра, богиня земли.

Безголовые боги известны также у кельтов. Сосуды с изображениями безголовых персонажей найдены в Малой Азии и в Иране. Особенно любопытно, что по всему Балканскому полуострову археологи находят очень древних, неолитических (IV тысячелетие до новой эры), глиняных идолов без голов. Идолы женские. У них были головы, но приставные: сохранились отверстия на месте шеи, иногда обнаруживаются и сами головы – отдельно. Видимо, в каких-то ситуациях, при каких-то обрядах голову надо было прятать, а идол должен был представлять без головы или с другой головой. Хотя это идолы, по-видимому, догреческие, но по некоторым подробностям культа установлено, что это изображения богини, которую греки, придя в Грецию стали называть Деметрой (или она сжилась с образом Деметры, а может быть, была ей родственна изначально).

На изображении вокруг нее по кругу против солнца бегут маленькие по сравнению с ней кони - сотворяют пиетический обход. Такой ритуал соответствует индоевропейскому. У индоевропейцев ритуальный обход совершали посолонь (у индоариев это называлось *прадакшина*, т. е. правостороннее), но в погребальных обрядах – наоборот, против солнца (у индоариев *апасавия*, т. е. левостороннее). Судя по облику коней (хвост с кисточкой), кони близки к куланам, то есть они дикие. В древности было представление, что людям принадлежат домашние животные, а вот дикие — богу (Гамкрелидзе и Иванов 1984: 488). Древнерусское слово «дивьи» (дикие) и означало «божьи» (от «див», «дий» - древнего индоевропейского слова, означавшего «бог»). Черные кони божества смерти известны грекам и германцам. У индоариев цветом смерти и траура был красный, и примечательно, что здесь кони красные.

В архаичной Аркадии Деметру Черную изображали с конской головой и гривой. Деметра считалась повелительницей или матерью близнецов Диоскуров («сыновей бога»). По всей Европе их почитали как всадников или коньков (у славян такие выставлялись на крыше). В Индии у таких же близнецов Ашвинов («Конских»), имевших титул «дети бога», был учитель Дадхьянч. По мифу он разгневал Индру, и тот поклялся отсечь ему голову. Чтобы спасти своего учителя от гибели, его голову спрятали, а ему на время приставили конскую голову. Индра отсек эту конскую голову (намек на ашвамедху?), а потом Ашвины вернули учителю голову человеческую (Шатапатха-брахмана 14, 1.1; РВ, 1.116, 12.25). Не происходило ли нечто подобное и с Деметрой? Мифологическая замена человеческой головы конской, видимо, была популярна у индоариев и у греков. Отражение ее можно видеть и в иранской ветви ариев. В могильнике потаповской культуры (из круга Синташты – Аркаима) нач. II тыс. до н. э. найдено погребение человека, у которого череп заменен конским (рис. 28. – Васильев и др. 1994: 115, рис. 11). Так что видимо эти мифологические представления, отражавшиеся в ритуале, были свойственны всей грекоарийской общности.

В литературе сопоставление мифа об Ашвинах и Дадхьянче с потаповским погребением уже не раз приводилось. По поводу одного из них (Anthony 1995) скептик Браунт возмущался: «Хотя контекст этого мифа не имеет ничего общего с погребениями или погребальным культом, попытка всё же увязать этот рассказ с содержимым одного-единственного погребения дает-таки некоторое указание на нищету фактов, доступных археологам в поисках индоариев» (Bryant 2002: 205). Как будто погребальный культ выростал вне контекста общих мифологических представлений народа и пранарода. Ведь приставить покойному конскую голову вместо человеческой не придет в голову ни мусульманину, ни христианину, ни буддисту!

Для этого нужна очень специфическая система религиозных представлений, основанная на специфической мифологии.

Но вернемся к росписи. На другой стене схематически изображен высокий персонаж с руками и ногами, но без головы, а рядом с ним – лук и колчан со стрелами. Руки широко раскинуты, они трехпалые, как лапы птицы, да еще с оперением снизу – как крылья. Трехпалые люди изображались на трипольской керамике на этапе ВII – СI (это последние века IV тыс.), причем в контексте, позволяющем видеть в них души людей.

По-видимому, и здесь это — душа умершего, продвигающаяся по направлению от входного отверстия («дырки для души») к богине-матери. Вот зачем отверстие! Это для души покойного вход в загробный мир. Возможно, изображен конкретный покойник, захороненный здесь: изображение тоже безголовое, а у скелета, захороненного в этой могиле, рана на черепе, то есть голова испорчена – «убита». Немцы до недавнего времени всех умерших насильственной смертью представляли безголовыми.

Но не менее вероятно, что изображен не сам убитый, а его прототип (образец и проводник для него и всех умерших) — первочеловек, умерший первым и проложивший пути в загробный мир. Именно таким выступает в индоарийских мифах царь мертвых Яма, в иранских — Йима, у нуристанцев – Ибра (предположительно из Йима-радж 'Йима-царь'), у германцев (но уже очень смутно) -- великан Йимир. Лук и колчан у многих древних народов (от египтян и ассирийцев до иранцев) символизировали царское достоинство, а знатных подданных, полководцев царя, хоронили со стрелами в руке, символика ясная: лук посылает стрелы (Веселовский 1921; Seligman 1934; Coomaraswamy 1943; Werner 1958; Eliade 1968; Марина 1981: 68). Лук и колчан, принадлежащие самому умершему, нарисованы на другой плите – напротив богини.

Есть общеарийские черты в этом комплексе – и они представлены в могиле. В ней найдено фигурное изображение пары собак (рис. 29) разной породы (одна с хвостом калачиком, другая – с прямым) и, видимо, разной масти (одна серебряная, другая – бронзовая с серебряным хвостом). Это соответствует в индоарийской мифологии двум собакам Ямы, хозяина мира мертвых: Шарбаре – «пестрой» и Удумбале – «черной». У Йимы в иранской мифологии тоже 2 собаки. Кстати, в ареале саксо-тюрингской шнуровой керамики, откуда прибыла новосвободненская культура, отмечается средоточие обычая класть в могилу собаку или пару собак.

Есть в новосвободненской культуре черты, специфически индоарийские – это ковчежец (продолговатый сосуд) под охраной священного колеса с четырьмя спицами, поднятого на шесте, как в Махабхарате (рис. 30) (Vasilkov 1994: 780 – 781). Это устройство могилы – под курганом, с каменными конструкциями, с галечной подсыпкой дна могилы, со входом с юго-востока, с жертвоприношением пищи в засыпи и др. (Vasilkov 1994: 778). Это также *мритапинды* – шары в могилах, воплощающие жертвоприношения богам. Это наборы игральные кости индоарийского типа – *чатурашра*, как в Индии и в катакомбной культуре, но самые ранние (рис. 31). С цифрами четвертого тыс. до н. э. – времени до самых ранних египетских пирамид!

Менее определенными оказываются иранские черты: изоляция покойника от земли каменными плитами здесь налицо, но она очень широко распространена и не может считаться специфически иранской.

Напрашивается вывод, что арии, вероятно еще не разделенные на индоариев и иранцев, а возможно – с другим разделением и в другом охвате (включая не только ариев, но и кое-кого еще) пришли в степи Украины и Предкавказья в первой половине IV тысячелетия из Центральной Европы с мегалитическими сооружениями и чернолощеной керамикой. Но возможно, что это индоарии, тогда как иранские арии ограничиваются только репинской культурой того же времени. В этом случае сосуществование двух видов ариев опустилось на ярус, и их общий корень нужно искать еще глубже. Напоминаю, что по Грэю и Эткинсону, разделение ариев на две ветви – иранцев и индоариев – относится к 2600 г., а отделение арийской ветви от общего ствола относится к 4900 г. (правда, эта ветвь по Грэю и Эткинсону включает и албанцев).

7. Арии в Майкопе и Триполье? Еще одна культура мегалитического круга, уже упоминавшаяся, – *усатовская* (Патоква 1979), на крайнем юго-западе региона примерно

одновременна с новосвободненской (чуть раньше) – во второй половине IV тыс. (3500 – 3300), но с другой керамической традицией – с традицией шнуровой керамики в смеси с керамикой трипольской традиции. Она наслоиась на трипольскую культуру так же, как новосвободненская – на майкопскую. И аналогичным образом усатовскую культуру долго именовали (и до сих пор многие именуют) поздне трипольской, потом – посттрипольской. Она действительно включила в себя богатое трипольское наследие, но целиком вывести ее из трипольской нельзя: совершенно другой быт, другое хозяйство, значительная часть обрядности и прежде всего – курганный способ захоронения, причем курган – с кромлехом. Вполне возможно, что именно она повлияла на обряд репинской культуры (на появление там кургана с кромлехом), хотя обе культуры одновременны, а определить усатовский этнос мы пока не можем: нет примет, по которым можно было бы об этом судить.

Ведь приметы новосвободненской – уникальны и поразительны.

Но что еще более удивительно, это что черты, которые мы привыкли считать арийскими, поскольку они дошли до нас именно с арийскими народами, оказываются в культуре собственно майкопской – в Майкопском кургане и подобных памятниках. Из общеарийских черт здесь оказываются на сосуде изображения священной горы с двуречьем и озером – Раевский распознал в этом космографию, характерную для общеарийской мифологии. Есть опять же индоарийские черты. Это круговая процессия (*прадакшина*) животных – идут друг за дружкой, как в Ухандогья-упанишаде собаки (рис. 32). Далее, на статуэтке показан шнур через плечо (рис. 33) – как очень важная деталь, а ничего больше (даже глаза и рот или одежда не показаны) – это явно *упавита*, знак причастности к варне, никогда не снимавшийся индоарием, но при похоронных обрядах перекидывавшийся на левое плечо (Ману, II, 44; III, 279; Эрман 1980, 215).

Этой странной картине столь глубокого обнаружения арийских черт объяснение может быть двойное.

Первое заключается в том, что в майкопской культуре сам Майкопский курган (новая датировка 3700 – 3500 гг. до н. э.) занимает особое, уникальное положение, знаменуя собой влияние уже пришедшей новосвободненской культуры. Это будет означать, что она появилась не позже других культур чернолощеной керамики, а одновременно с ними – еще в первой половине IV тыс. Не только курганный обряд (остальной майкопской культуре не свойственный), но и те черты, которые характеризуют ариев, оказались в Майкопском кургане именно как результат раннего новосвободненского воздействия. Это то объяснение, которое предлагает Резепкин, руководитель раскопок новых майкопских и новосвободненских памятников.

Другое возможное объяснение заключается в следующем. Возможно, что арийские явления в Майкопе надо трактовать как источники древнеарийского культурного комплекса – как те компоненты культуры, которые были потом переданы ариям из багажа древневосточных цивилизаций, представленных Майкопом, и стали арийскими с тех пор. Шнур через плечо из индоевропейцев носят не только индоарии, есть и иранские параллели (то есть у него общее индоиранское происхождение – Эрман 1980: 215), но он есть на статуэтках по всему восточному средиземноморью, в том числе и в Триполье (Dales 1963; Формозов 1965). Выражать почтение круговым обходом также издревле есть и на Востоке, но индоевропейское круговращение – посолонь, а восточное – наоборот (у индоариев оно сменяется на противоположное только в погребальной обрядности). На майкопских сосудах – восточная традиция.

Более того, даже некоторые новосвободненские черты арийского характера можно отнести за счет заимствований с востока – таковы две разномастные собаки в мифологии: их изображения широко распространены в доиранской Передней Азии. Но вот их приурочение к погребальной культуре, пожалуй, из Европы. Еще одно явление того же порядка – идеи индоиранской мифологии, усмотренные Рыбаковым в семантике росписей трипольской керамики: три тела первочеловека Пуруши. Вообще миф о Пуруше, уподобляющий части тела человека частям космоса, Топоров связывает с антропоморфными сосудами именно Триполья. На деле в наблюдениях Рыбакова и Топорова речь может идти не об индоарийских чертах трипольской культуры, а о трипольском наследии в индоарийской мифологии, переданном через усатовскую культуру культуре ямной (или ее западной части, а оттуда – в катакомбную).

Загвоздка, однако, в том, что если уж признать возможность такой передачи черт, впоследствии ставших специфически арийскими, через Кавказ с юга на север, то почему останавливаться на Майкопе? Можно ведь и новосвободненскую признать только передатчиком культурного комплекса, ставшего впоследствии арийским, а ариям оставить более поздние культуры. Против этого говорит очень уж большая концентрация этих черт в Новосвободной.

Таким образом, с одной стороны, в каждой из этих культур можно было бы предполагать тех общих предков, которые дали начало и ариям и грекам. С другой стороны, где в этой линии преемственности остановиться, на каком культурно-археологическом ветвлении, не очень понятно. Кроме того, не совсем ясно родство этих культур с репинской. Они ведь в общем одновременны с ней.

Значит, нужно опуститься еще на один уровень вглубь веков и посмотреть, что делается там.

1. Таблица Эскаланте и Суодеша – расстояние между индоевропейскими языками в пространстве признаков (можно взять у Ренфру – Renfrew 1987, p. 116, fig. 5.4)
2. Карта репинской культуры (Синюк 1981 Сов Арх 4).
3. Типы репинской культуры (Синюк 1981 Сов Арх 4).
4. Карта афанасьевской культуры (Грязнов 1999)
5. Типы афанасьевской культуры (Грязнов 1999)
6. Карта нижнемихайловской культуры (Археология УРСР, с. 160, карта 4).
7. Типы нижнемихайловской культуры (Археология УРСР рис. 69 на с. 253).
8. Типы нижнемихайловской культуры (Лагодовська и др. Михайловське поселення 1962, табл. 1 на с. 32).
9. Карта кемиобинской культуры (Археология УРСР, с. 240, карта 6)
10. Типы кемиобинской культуры (Археология УРСР рис. 70, 72 и 73)
11. Карта майкопской и новосвободненской культур (Формозов 1965, рис. 29 на с. 67).
12. Типы новосвободненской культуры (Формозов 1965, рис. 30).
13. Общая карта всех мегалитических культур Северного Причерноморья (сделать)
14. Карта усатовской культуры (Археология УРСР с. 160, карта 5; Дергачев 1980, рис. 43)
15. Типы усатовской культуры (Археология УРСР, рис. 50 на с. 191; Дергачев 1980, рис. 29)
16. Майкопский курган (основные находки) (Очерки истории СССР, рис. на с. 72 – 73).
17. Майкопская культура (Трифонов 1991, рис. 6 на с. 105)
18. Типы майкопской культуры (Формозов 1965, рис. 57 и 58).
19. Культура гавра (Андреева Сов Арх 1977, 1)
20. Миграция культуры гавра на Кавказ (Андреева 1977, 1)
21. Этническая ситуация на Кавказе по Клейну 1990 (= по Дьяконову: основные этносы и исторические названия народов (их связи с современными, Дьяконов 1968, ПредАрмНар с. 102, карта-вклейка).
22. Куроаракская культура – карта (Кушнарева и Чубинишвили 1970, рис. 20 на вкладке после с. 60).

23. Куроаракская культура – типы (Кушнарева и Чубинишвили 1970, рис. 44 на вкладке после с. 136).
24. Восточногарцские амфоры и их близость новосвободненским (Behrens 1973, Abb. 60, с, е).
25. Воронковидные кубки – аналогии новосвободненским сосудам (Резепкин 1991, рис. 13 на с. 190).
26. Росписи гробницы в Кладах (лук, колчан) и плита из гробницы Лейне-Гелич, Восточная Германия, с такими же росписями (Резепкин 1991, рис. 16 на с. 193; Rezerkin 2000 ?)
27. Роспись из гробницы в кладах – безголовое божество (Rezerkin 2000).
28. Аналогии изображению рождающей богини из Кладов – изображения на оттиске печати из Суз, на печати из Ура, на навершиях булавок из Луристана (по Смирнову 2001, рис. 2, 1 – 5).
29. Могила из потаповского могильника (человеческий скелет с конской головой) (Васильев и др. 1994, книга, рис. 11 на с. 115).
30. Раскопки Резепкина в Кладах – статуэтки собак (Знание – сила, Резепкин)
31. Колесо-штангарт из Кладов (Резепкин 1991, рис. 8, 4 на с. 181).
32. Набор для игры в кости из кург. 31 погр. 5 Кладов (Резепкин 1991, рис. 10, 1 и 10,7).
33. Прадакшина животных на серебряных майкопских сосудах из Пятого кургана (Кореневский 2001, рис. 1, 2 на с. 48 внизу – сосуд и прорисовка шестивия; Очерки истории СССР, рис. на с. 75).
34. Упавита – шнур через плечо на майкопской статуэтке из Мешоко и аналогий из Трои II и II – V (Формозов 1963, рис. 63,2 на с. 129 и рис. 64,3 и 4 на с. 130).

Обсуждение

ТОХТАСЬЕВ. Всё-таки глоттохронологию Вы принимаете или нет? Вроде Вы к ней относитесь критически. Но в некоторых местах Вашего текста есть опора на выводы глоттохронологии. Это ослабляет состоятельность Ваших собственных выводов.

КЛЕЙН. Я признаю, что в деталях глоттохронология ненадежна и привожу выводы глоттохронологии не как опорные факты, а только ради сравнения, параллельно. Ну, и какую-то общую ориентировку они всё-таки дают.

КАЗАНСКИЙ. Ведь другого способа синхронизации лингвистики с археологией нет! В этом смысле обращение к глоттохронологии оправдано.

ВАСИЛЬКОВ. Сегодняшний доклад распадается на две части. Первая часть – это панорама археологических культур, которые можно как-то соотнести с народами греко-арийской общности. Я в первый раз вижу такое полное и системное описание. Вторая часть – интерпретация новосвободненской культуры на фоне греческих и индоарийских параллелей. Я и сам опубликовал большую статью об индоарийских параллелях новосвободненской культуры. В основных идеях я совершенно согласен с Л.С. и мог бы привести дополнительные аргументы. В частности, лук, висящий на стенке без тетивы, это символ, связанный со смертью царя. В Греции и Индии (и только там) есть ряд мифологических эпизодов, когда герой для воцарения должен натянуть тетиву на лук умершего царя. Скифский царь – на лук Геракла, в Индии – лук Рамы, и т. п. Структура новосвободненского кургана, раскопанного Резепкиным, по многим параметрам сопоставима с гробницей (шмашан), описанной в индийской религиозной литературе – отделение гробницы от земли, засыпка галечником могилы. Некоторые разногласия есть в интерпретации росписи гробницы. Главную фигуру я не признаю женской и не считаю ее безголовой – на месте головы есть же бугор, а на нем некая решетка вместо лица. Точно так изображаются головы с лицом у энеолитических стел – небольшой выступ, бугорок. Мужское божество смерти – не Яма, а скорее Вайю (осетинский Вайюг). Наверное, Дадхьянча не стоило бы так прямолинейно связывать с единственным погребением. Тут скорее сказались шаманские представления об общих предках человека и животных. Шаман, убивая оленя, обнимает его и в результате встает одна фигура – человек с головой оленя.

СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ. Я благодарен докладчику за масштабную перспективу сопоставления археологических материалов с мифологическими и лингвистическими. Сопоставления эти представляются очень убедительными. У меня они рождают ряд мыслей. Так, не является ли четырехглазая собака Авесты контаминацией двух собак ариев? По поводу лука у ариев. В памирских свадебных обрядах жених, выступающий в образе царя, открывает стрелой занавеску невесты. В мусульманской могиле переживает дериват катакомбы – там ведь тоже есть боковая ниша.

ВАСИЛЬКОВ. Еще по поводу лука. В погребальном обряде индоариев у кшатрия с погребального костра лук отнимает брат покойного, чем документируется преемственность. Упомяну еще один предмет в росписи Кладов – то ли щит, то ли черепаха, с двумя штучками по бокам – это, видимо, мех с завязочками, а рядом птицеобразная фигура. На мой взгляд – это индийская Гаруда, перед которой мех со священным напитком. Пробраз Гаруды – это аист, поедавший змей. Что же до души покойного, движущейся к отверстию – это слишком смелое предположение.

КОНДАКОВ. Если всё-таки ямная, а скорее репинская культура была арийской, то можно предположить, что предками нуристанцев (они ведь выделились до распада арийской общности) были носители афанасьевской культуры. Йетмар ведь обнаружил в верховьях Инда наскальные изображения, схожие с окуневскими, которые в свою очередь некоторые исследователи (например, Мачинский) связывают с афанасьевской культурой.

ТОХТАСЬЕВ. Меня смущает заключение, что в лице майкопской культуры на Северо-Западный Кавказ прибыли абхазы и черкесы. Все эти северо-западные кавказские языки известны с XIX века, с шумерский – с середины II тыс. до н. э. Я читал работу 1981 г. Старостина – невероятные, фантастические выводы. Старостин был гениальным лингвистом, но занимался всеми этими языками, как математикой, без гуманитарной подкладки. И приходил к неверным реконструкциям. В хаттском – 4 гласных, а в более поздних – меньше? Невероятно. Мой учитель И. М. Дьяконов в 1971 г. писал, что материал скуден и ненадежен, а в 1986 г. вместе со Старостиным опубликовал на английском книжку о хуррито-урартском языке как восточно-кавказском, сопоставляя его с чеченским и ингушским. Ему была свойственна способность увлекаться, и вот Старостин, личность очень сильная, увлек его, а И. М. дал себя увлечь. Три с половиной тысячи лет отделяют хаттский язык от современных восточно-кавказских, а сколько от хаттского сохранилось лексем? 2 – 3 странички, да еще клинопись плохо передавала тогдашнюю фонетику. До сих пор нет общего для этих языков этимологического словаря. Я бы говорил об этих выводах гораздо более уклончиво, как и Климов.

В имени Деметры с греческого толкуется только часть слова. В гимне Деметры богиня не невидима, а только изменяет облик. Она не богиня земли, а богиня земледелия и плодородия. Наиболее близок к греческому был, по последним исследованиям, фригийский. А фракийских вообще было несколько.

КАЗАНСКИЙ. Вправе ли мы сопоставлять языки, засвидетельствованные в разные эпохи? Да, на этом строится индоевропейская методика. Так и реконструируется праязык. А если использовать только синхронные языки, то пришлось бы задействовать всего 3 – 4 языка (хеттский, лувийский и микенский). Конечно, при прочих равных лучше использовать языки одного времени. Школа Мейе агитировала за это. В области хаттского и северо-западнокавказских языков всё же проделана огромная работа. Ардзинба добавил более 170 сопоставлений. И даже не количество важно, а то, что Иванов установил, что в этих языках *-uwe* используется как показатель класса людей. Так что отметить всё это вряд ли есть основания.

По конкретным частностям у меня есть некоторые замечания. Мейе мог противопоставлять генитив на **-osuo* латинскому языку, но последние публикации (тексты соратников Павликолы) это противопоставление утратило смысл. То же я бы сказал и по поводу *-ios*. Начальные гласные в греческом и армянском и их отсутствие в других индоевропейских теперь должны истолковываться как разные преобразования ларингалов. «Проникновения» Мартынова лучше заменить «перекрестными изоглосами» Абаева.

Есть все основания предполагать, что индоевропейская общность не была монолитной, и во все стороны шла очень пестрая в социальном отношении масса. Кроме того, часть общей лексики относится к «поэтическому языку», так что нужно читать Рюдигера Шмидта, да и более ранние исследования Адальберта Куна. Все эти «невянущие славы», имена на «-клеос» и т. п.

ТОХТАСЬЕВ. Слова из русских говоров сопоставляются с древними не напрямую, а через реконструкцию! А любая кавказская реконструкция повисает в воздухе.

ТРИФОНОВ. Ко всем реконструкциям, особенно археологическим, я отношусь скептически. Но перспектива – очень многообещающая и блестящая. Я исхожу из чрезвычайной нехватки материалов, памятников. Например, для всех кавказских исследований очень важны материалы Малой Азии, а там между Трапезундом и Синопом нет ни одного раскопанного памятника ранее античного времени. Лакуна покрывает область хаттов. Это дефицит археологических материалов. А без нужных материалов нам не с чем сравнивать. Все новые идеи возникают исключительно из раскопок. В Анатолии в некоторых районах – огромный приток новых материалов – и новых идей. Масса проектов немцев, французов (русских нет). Скульптуры и храмы обнаружены в X тыс. до н. э.!

Ни одного воронковидного кубка не найдено между Кавказом и Европой. О культуре Гавра сейчас уже не говорят – приток новых материалов по-новому перегруппировал памятники. Так что не будем торопиться.

КАЗАНСКИЙ. У нас, лингвистов, тоже ощущается нехватка материалов, но беда не столько в том, что среди проектов в Анатолии нет ни одного русского проекта, сколько в том, что нет ни одного русского исследователя, кто бы занимался интерпретацией найденных там текстов.

КЛЕЙН. Действительно, материалов нехватает для надежных выводов. Но их будет нехватать всегда. Всегда будут выявляться проблемы и ходы, требующие еще ряда материалов, которых нет. Так будет и через пятьдесят лет и через сто лет. Но оцените, насколько больше сейчас материалов, чем было пятьдесят лет назад и сто лет назад, а ведь и тогда решали проблемы. Выдвигали гипотезы, и эти гипотезы помогали исследовать и находить новые материалы. Где были бы мы без них сейчас? Надеюсь, и наши гипотезы помогут. Если через сто лет будет в несколько раз больше материалов, это не повод для того, чтобы сейчас опускать руки и не думать, не строить гипотезы, не сравнивать их, не искать доказательства, а только копать, копать, копать...

По частным вопросам. Действительно, на Каказе и «между Кавказом и Европой» (Польшей, Западной Украиной) нет воронковидных кубков. Но ведь на Кавказе нет и урукских сосудов. А дериваты тех и других могут усматриваться. Вопрос в том, какие более схожи. Ответвление от воронковидных могло произойти не на Кавказе. Это вопрос о реальности дальних миграций. Головы стел действительно показаны лишь выступом, бугорком. Но то стелы. В камне нелегко вытесать цельную голову, да и вся фигура имеет вид прямоугольной плиты. А на стенке гробницы фигура показана более детально. Там не стела изображена. Впрочем стелам будет в значительной части посвящен мой следующий доклад, следующая глава обзора.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Ю. Е. Березкин.

К этногенезу индоевропейцев: Некоторые мотивы сравнительной мифологии

Доводы в пользу западно-центральноевропейского происхождения индоевропейцев всегда казались мне убедительней доводов в пользу причерноморского происхождения, поэтому общая концепция Л. С. Клейна мне нравится. Оценивать археологические и лингвистические разделы книги я не берусь, но у меня есть комментарии к некоторым местам, где говорится о мифологии.

"Загробная собака". Представления о связи собаки с миром мертвых (в качестве проводника или помощника душ, благорасположенного или свирепого стража, хозяина и пр.) распространены широко и явно древнее, нежели допустимый возраст общепризнанных языковых семей. Они характерны для Нового Света (точнее для отдельных его областей) и для разных районов континентальной Евразии. Есть отдельный ареал в пределах Меланезии – Новой Гвинеи. "Загробной собаки" нет только в Африке, в Австралии (где не было и самих собак, не считая динго), у австроазиатов и австронезийцев (для Меланезии вероятно влияние папуасского субстрата) (Березкин 2005). Основным интересом представляет распространение вариантов образа. В этом смысле иранский вариант, отраженный в "Авесте", с сходен абхазским подробностями, которых в других традициях нет. Не исключаю, что это может быть вызвано ранними контактами индо-иранцев (новосвободненцев) и западно-кавказцев (майкопцев).

Абхазы. Нарцэы-цха - мост в потусторонний мир. Туда приходит и садится собака. Приходит туда же и кошка, которая обмазывает узкий мост жиром, чтобы человек соскользнул и упал, когда будет переходить в другой мир. Собака же слизывает шершавым языком жир и спасает хозяина. Она также проводит его через мост (идет впереди). Многочисленные изображения собак встречаются в захоронениях (Чурсин 1957: 134 –135).

Иранцы. "Авеста", Вд, XIII. У ведущего в рай моста Чинват душу встречала прекрасная дева, сопровождаемая двумя собаками, охранявшими мост и вступавшими в бой со злыми духами, преследующими душу. Для грешника мост сужался до лезвия клинка, его душа падала в пропасть, влекомая безобразной ведьмой (Берестнев 1999: 46; Крюкова 1999: 17-20). В видимо поздней легенде о Заррингоше («Желтые Уши») есть пес, созданный Охрмаздом охранять физическое тело Адама от Ахримана, но который находится у Моста Чинват; там он лает, отпугивая дэвов от праведных; также помогает Михру выявлять демонов, пытающихся подвергать грешников большему наказанию, чем те заслуживают; также не дает переходить Мост Чинват тем, кто при жизни были жестоки с собаками (Воусе 1989: 146, прим. 14).

Узкий мост в загробный мир – мотив крайне неспецифичный, но в традициях, в которых этот образ связан с образом "загробной собаки", последняя обычно угрожает душам (финны, марийцы, восточные алгонкины). И лишь у иранцев и абхазов собака помогает перейти мост. Разумеется, за последние 5000 лет этот мотив мог проникнуть к западным кавказцам позже, чем эпоха Майкопа, но сам факт близости неоспорим.

Пуруша. Рыбаков и Топоров (при всей разнице между ними) были готовы приписать этот миф трипольцам на основании интерпретации росписей на сосудах. Убежден, что без свидетельств повествовательных текстов, относящихся к той же культуре или к близким к ней, интерпретация в подобном ключе схематических изображений неправомерна. Мотив возникновения частей мироздания, стихий и т. п. из частей тела первоначального существа распространен главным образом в пределах Южной, Юго-Восточной, Восточной Азии, Океании и Тибета. Вавилонский миф о создании неба из верхней части тела Тиамат (Афанасьева 1982: 110) – один из немногих примеров использования того же мотива в Западной Евразии, причем список объектов здесь предельно краток (земля и небо), а сама Тиамат, по-видимому, не имела антропоморфного облика. Два других западноевразийских примера – "Голубиная книга" и "Эдда". Для Балкан, Малой Азии, Закавказья ничего подобного не зафиксировано. Нет этого мотива и в "Авесте" (в "Бундахишне" речь идет о происхождении растений из тела быка) (Justi 1868: 16). Что к индоевропейцам данный мотив попал от какого-то субстрата, вполне вероятно, но конкретизировать такой субстрат трудно.

Дикий конь. Я с энтузиазмом воспринял гипотезу касательно существования у индоевропейцев культа коня еще до приручения этого животного. Существует серия повествований, в которых конь в той или иной степени отождествляется с противником бога-создателя. Начнем опять с западнокавказко-индоевропейских параллелей. Согласно абхазскому тексту, когда шло творение мира, на сделанного из глины и наполовину ожившего человека Черт наслал коней, чтобы они разнесли его, а то мол будет всю жизнь мучить их. Человек успел выхватить горсть глины из живота и бросить в коней, эти комья и стали собаками, отогнали лошадей (Барцыц 2005). Ближайшие аналогии находим у индоарийцев Памира и Гиндукуша. Согласно ваханскому варианту, Бог создал человека красивым. Увидев идеальную красоту еще неодушевленного человека лежащего в форме, лошадь от зависти лягнула его, нанеся человеческому облику порчу. Этим объясняется физическое несовершенство человека - бывают уродливые люди, даже у относительно красивых людей обязательно найдется какой-нибудь телесный недостаток. В наказание Бог обязал лошадь всю жизнь служить человеку и нести его на себе (Лашкарбеков 2005). Дардский (конкретно калашский) вариант из Восточного Гиндукуша таков. Когда бог создал первых людей, черт стал подстрекать лошадей растоптать Адама и его товарищей. Однако человеческие тела становились все прекраснее. Бог захотел вселить в них души, Черт подговорил души отказаться от вселения в темные недра человеческого тела. Бог был вынужден обещать освободить души, как только они этого захотят (Йеттмар 1986: 359). Конь считается дьявольским животным и у таджиков. В Самарканде детям не позволяли ходить к лошадям, так как сама лошадь – дэв. В Кулябе было распространено представление о лошади как происшедшей от дэва и о наличии у нее обычно невидимых людям крыльев, благодаря чему она может не уставая покрывать такие расстояния, какие не может одолеть ни одно другое животное (Сухарева 1975: 39-40).

В Европе негативные ассоциации конь имеет от Балкан до Балтики. Есть ли что-то подобное в Центральной и Западной Европе, пока сказать не могу.

Сербы. Бог сотворил овцу, Дьявол – козу, Бог - вола, Дьявол - коня, Бог - пса, Дьявол - волка и так всю живность; Богородица спрятала младенца Иисуса от Иуд в сене; вол, овца прикрывали его, а лошадь съела почти все сено едва не открыв Иудам ребенка; Богородица прокляла лошадь, велев быть сытой лишь раз в году накануне дня Св. Георгия (Вукичевич 1915: 109-111).

Западные украинцы. Бог обратил черта в коня, чтобы тот не мешал Адаму пахать землю; конь не выносит близости священных предметов; в коня вселилась душа еврея; конину нельзя есть; конь был творением Черта, имел рога, но был без зубов; корова была с зубами; они поменялись, корова получила рога, конь - зубы (Белова 2004, № 374: 375-376). Дьявол мог обращаться во всякое животное; когда превратился в лошадь, Господь так его "благословил", что он навеки остался лошадыю; лошадь ест и не может наестся (Булашев 1909: 401).

Литовцы. Лошадь происходит от вяльняса (черта) или от ужа, помышляет о том, как убить человека, вяльняс едет верхом на лошади, вяльняс принимает облик лошади, предметы из имущества вяльняса оказываются частями конского тела (ружье – нога, ляжка, ремень ружья – кишки, табакерка – копыто, трубка – большая берцовая кость, скрипка – череп, тарелки – копыта, угощение – конский навоз (Велюс 1981: 263-264).

Латыши. Бог попросил коня перевезти его через реку. Тот ответил, что лучше он за это время наестся досыта. Вол перевез Бога. Бог велел, чтобы вол после еды отдыхал, а коня на пастбище мучила муха, а когда он напасется, его станут брать на работу (Погодин 1895: 439).

От индоевропейцев данный мотив (вместе с конем и, значит, относительно недавно) перешел к европейским финно-уграм.

Финны. Черт попробовал что-нибудь создать, взял молотилку и создал лошадь, но не мог дать ей дыхания. Бог дал ей душу, поэтому лошадь стала служить людям, но сначала ее создал Черт (Погодин 1895: 446).

Велсы. Лошадь снится к плохому, создана дьяволом, но Бог вдохнул в нее душу. Лошадь (как и медведь, заяц, собака) нечистое животное, ее мясо запрещено в пищу (Винокурова 2004: 172-173).

Коми. 1) Богородица зашла рожать к коню, тот ее не пустил, она велела ему век страдать от тяжелой работы; коровы пустили, Богородица дала им легкую работу – кормить людей молоком. 2) Христос спрятался от жидов в копне сена, лошадь стала сено разбрасывать, Х. проклял ее, пусть ее мясо едят вороны; корова стала укрывать Х., тот велел ей жить при человеке, человеку питаться говядиной. 3) Христос спрятался от евреев в соломе, лошадь разбросала ее, Христос проклял лошадь, сделав ее мясо поганым, его едят татары и вороны. Свинья стала Христа прикрывать, тот сделал ее мясо лучшим [Лимеров 2005, № 70, 73, 74: 68-70, 74, 75-76].

Не только у греков (кони царя Диомеда), но и у осетин есть мотив коней-людоедов. В одной из сказок герой добывает дочь Солнца, а ее отец насылает на похитителя огнедышащих кобылиц-людоедов со стальными челюстями (Бязыров 1971, № 15: 156-173). Но самое любопытное, что не просто мотив "дьявольского коня", но точные параллели абхазскому, калашскому и ваханскому повествованиям о лошади, пытавшейся уничтожить только что созданного человека, есть у мунда. Ни у тибето-бирманцев, ни у дравидов центральной Индии, в фольклоре которых представлено множество общих с мунда сюжетов, подобных рассказов нет. Для мунда же они, напротив, типичны и зафиксированы даже у корку, живущих значительно западнее остальных групп.

Корку. Махадео (вариант Шивы) сделал из глины фигуры мужчины и женщины. Индра послал двух свирепых коней, они вышли из-под земли, растоптали фигуры. Махадео на протяжении двух дней делал новые попытки создать людей, но с тем же результатом. Тогда Махадео создал собаку, она отогнала коней, вылепленная пара людей стала предками корку (Howey 1923: 214).

Бирхор. Сингбонга создал крылатую лошадь, затем вылепил из глины человека, оставил на ночь сохнуть. Ночью лошадь растоптала фигуру, так как боялась, что человек станет запрягать лошадей. На следующий день Сингбонга вылепил новую фигуру и к ней приставил фигуру собаки. К вечеру собака высохла и ветер ее оживил. Ночью собака стала лаять и отогнала лошадь от человеческой фигуры. Сперва у человека не сгибались суставы, но Сингбонга это исправил (Elwin 1949: 16).

Мунда. Сингбонга сделал фигуры мужчины и женщины. Пока в них еще не было жизни, лошадь их растоптала, чтобы затем люди не заставили ее работать. Сингбонга вылепил новые фигуры и создал паука охранять их. Паук защитил фигуры паутиной, Сингбонга вдохнул в них жизнь (Elwin 1949: 19).

Санталы. Такар Джуу велит призвать Малин Будхи, та лепит человеческие фигуры и оставляет их сохнуть. «День-лошадь» растоптала фигуры, Малин Будхи вылепила новые. Такар Джуу сказал, что над притолокой – жизнь птиц, а Малин Будхи должна оживить фигуры жизнью людей, которую надо взять из-под коньковой балки. Поскольку Малин Будхи не смогла туда дотянуться, она взяла птичью жизнь, и фигуры улетели на небо, став двумя птицами. Эти птицы попросили Такар Джуу создать для них место, куда бы они могли сесть, и он создал землю, а на ней дерево. Самка отложила два яйца в гнездо под деревом, но Рагхон Буар (змея?) дважды съедал их. Тогда Такар Джуу приставил сторожа, из яиц вылупились мужчина и женщина (Elwin 1949: 19-20).

То, что у мунда лошадь крылатая, специально подчеркивается, и это явно перекликается с таджикскими представлениями о крылатой "лошади-дэве". Мунда – австроазиаты по языку, проникшие в Индию примерно в то же время, что индо-арии, но, очевидно, с востока (Fuller 2002: 206). То, что данный сюжет оказался в их мифологии столь глубоко укоренен, свидетельствует в пользу давнего с ним знакомства. Заимствовать они его могли только у индо-ариев (либо у какой-то не оставившей в Индостане потомков прото-дардской или прото-кафирской группировки). Соответственно высока вероятность того, что и у индо-ариев этот мотив был.

Монгольские и тюркские народы в полной мере разделяют индоевропейские представления о крылатых конях, но отрицательный образ коня им совершенно чужд. Если в европейских вариантах плохой конь противопоставлен хорошему волу, то у якутов в известном рассказе о споре быка и коня первый ассоциируется с лютым зимним холодом, второй – с благодатным летом (Кулаковский 1979: 73; Эргис 1964, № 37: 107). Понятно, что у степняков-кочевников лошадь должна была вызывать положительные ассоциации, но

ведь и ямники были коневодами. Ассоциация коня с нижним миром, со смертью и т.п. в период до его одомашнивания сняла бы это противоречие.

Олень. В Западной Евразии и в Северной Америке Млечный Путь в ряде случаев истолковывается как дорога, по которой олень бежал наперегонки с другим копытным животным. Не знаю, связаны ли исторически варианты из Старого и Нового Света, но важно, что и в тех, и в других олень во всех случаях оценивается и что в некоторых текстах его может заменять конь. У индейцев такая замена произошла недавно, и она означает, что объективные характеристики соответствующих животных ей способствуют. В этом смысле полезно сопоставить грузинский и дардский варианты.

Грузины. Млечный Путь – «След быка и оленя». Бык и олень решили бежать наперегонки. Олень побегал быстро, оставил за собой след пыли, но не добегал до цели, а бык спокойно дошел до нее. По одному из вариантов, творец велел оленям скитаться по лесам и скалам в поисках пищи (Вирсаладзе 1973, № 2: 48).

Калашы. Млечный Путь – пыль, поднятая лошадей и коров, которые бежали наперегонки. Они проклинали друг друга, в результате чего лошадь лишилась способности переваривать жвачку, а копыта Коровы стали раздвоенными [Ali Shah 1974: 73].

Если в древней европейской мифологии лошадь и олень наделялись отчасти сходными характеристиками, эти характеристики можно ориентировочно восстановить, сопоставляя "оленьи" и "лошадиные" образы евразийского фольклора.

Афанасьева В.К. 1982. Мардук // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия. С. 110-111.

Барцыц М.М. 2005. [Личное электронное сообщение].

Березкин Ю.Е. 2005. Черный пес у слезной реки. Некоторые представления о пути в мир мертвых у индейцев Америки и их евразийские корни // Антропологический форум. № 2. СПб: МАЭ РАН; Европейский университет в Санкт-Петербурге. С. 174-211.

Берестнев С.И. 1999. О роли собаки в религиозно-мифологических представлениях древних индоевропейских племен // Харьковский историко-археологический ежегодник. Древности 1997-1998. Харьков: Харьковское историко-археологическое общество "Бизнес-Информ". С. 41-49.

Булашев Г.О. 1909. Космогонические украинские народные воззрения и верования. Киев: Типогр. Имп. Ун-та св. Владимира. 515 с.

Бязыров А.Х. 1951. Осетинские народные сказки. Цхинвали: Ырыстон. 315 с.

Велюс Н. 1981. Velnio banda: 'стадо вяльняса' // Балто-славянские исследования 1980. М.: Наука. С. 260-269.

Винокурова И.Ю. 2004. Конь и потусторонний мир в традиционных представлениях вепсов (опыт сравнительно-исторической реконструкции) // Народные культуры Русского Севера. Вып. 2: Материалы российско-финского симпозиума (Архангельск, 20-22 ноября 2003 года). Архангельск: Поморский университет. С. 169-176.

Вукичевич М.М. 1915. Сербская легенда о двух царствах – Божиим и Дьявола // Живая старина, год 24, вып. 1-2. С. 101-114.

Йеттмар К. 1986. Религии Гиндукуша. Пер. с нем. М.: Наука. 524 с.

Крюкова В.Ю. 1999. Собака в священной авесте // Информ САО, Вып. 3: 17-20 (Авеста. Видевдат. Фрагард 13-ый), Вып. 4: 23-29 (Фрагард 15-ый).

Кулаковский А.Е. 1979. Научные труды. Якутск: Якутское кн. изд-во. 483 с.

Лашкарбеков Б. 2005. [Личное электронное сообщение].

Лимеров, П.Ф. 2005. Му пуксьом – Сотворение мира. Сыктывкар: Коми книжное изд-во. 524 с.

Погодин А. 1895. «Космические легенды балтийских народов» // Живая старина, год 5, вып. 3-4, с. 428-448.

- Чурсин Г.Ф. 1957. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абхазское государственное издательство. 264 с.
- Эргис Г.У. 1964. Якутские сказки. Т. 1. Якутск: Якутское кн. изд-во. 308 с.
- Ali Shah W. 1974. Notes on Kalash folklore // Cultures of the Hindukush. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag. P. 69-80.
- Boyce M. 1984. A Persian Stronghold of Zoroastrianism. Lanham, New York, London: University Press of America. 284 p.
- Elwin V. 1949. Myths of Middle India. Madras: Oxford University Press. 532 p.
- Fuller D. 2002. An agricultural perspective on Dravidian historical linguistics: archaeological crop packages, livestock and Dravidian crop vocabulary // P. Bellwood, C. Refrew, eds. Examining the Farming/Language Dispersal Hypothesis. Cambridge U.K.: MaDonald Institute. P. 191-214.
- Howey M.O. 1923. The Horse in Magic and Myth. London, Aylesbury: William Ridey. 238 p.
- Justi F. 1868. Der Bundelesh. Leipzig: C.W. Vogel. 47 S.

Глава V. Грекоарии и их происхождение

1. Антропоморфные стелы. Постепенное опускание вглубь времен, которое мы проделали в поисках протоарийской археологической культуры, находит соответствие в научной судьбе *антропоморфных стел*. В сущности к той же категории памятников относятся *каменные бабы* русско-украинских степей (Эварницкий 1890; Веселовский 1905; Уварова 1908 и др.). Несколько слов о них. В большинстве это половецкие статуи второй половины I тыс. н. э. (рис. 1), но первоначальное предположение, что они воздвигались над погребениями, не оправдалось. Раскопки показали, что они воздвигались в степи, поодаль от могилы, на старых курганах. Сказался тюркский обычай заменять покойника на поминках деревянной куклой, чтобы ела и пила вместе со всеми. Половецкий истукан – это вариант той же замены (Грач 1961; Кызласов 1964; Федоров-Давыдов 1966: 190 - 192; Шер 1966; Дашкевич и Тыярски 1982). Уже в послереволюционное время от массы каменных баб были отделены на тысячу лет более древние, *скифские статуи* (рис. 2) – с изображениями типично скифских реалий: меча-акинака с перекрестьем в форме бабочки, олччана-горита, ритона (Ольховский и Евдокимов 1994; Білосор 1996). Затем стали открывать более примитивные стелы, мало отличимые от простой плиты, но с выступом на месте головы и нередко с изображениями рук, пояса, некоторых черт лица. Видимо, эти антропоморфные стелы являются более древними, но их культурная принадлежность и более определенная датировка были неясны (рис. 3). Златковская (1963) относил их к разным культурам.

А. М. Тальгрэн (Talgren 1934) и Златковская обратили внимание на то, что подобные же стелы-менгиры, обнаружены в Румынии. Формозов (1965) присовокупил сюда и менгиры Западной Европы (рис. 4) – Франции, Северной Италии, Испании, совершенно идентичные румынским и украинским (Kirchner 1955 и др.). На западе их больше, и они более разработаны и реалистичны, восточные по сравнению с ними несколько упрощеннее, схематичнее. Нашими стелами занялся немецкий археолог А. Хойслер, опубликовавший, начиная с середины 60-х годов, ряд статей о стелах (Häusler 1958; 1964; 1966). Формозов и Хойслер перечисляют черты, общие для западных и восточных стел. Голова передается небольшим выступом, а остальное тело не выходит за пределы прямоугольной плиты; руки и ноги нередко изображены на ней спереди плоским рельефом; брови и нос срослись, и эта Т-образная фигура образует единственную деталь лица («совиное лицо»). Руки помещены на груди большим пальцем кверху, и он отогнут. Хойслер напоминает о культовом значении этого пальца (у немцев он называется «швурфингер» – ‘палец клятвы’). Очень часто показан пояс, а между руками иногда загнутый посох. Пояс и посох в древних культурах часто служили знаками статуса и власти. Есть и оружие – боевые топоры, булавы, лук. Оружие тоже может служить атрибутом власти, но характер ее неясен: царями именовали и богов.

Хойслер проследил в Северном Причерноморье целый ряд мегалитических явлений, сопутствующих менгирам-стелам и на западе: каменные гробницы с росписями и гравировками внутри, дольмены, петроглифы, чашечные углубления в камнях. Но какой народ оставил эти стелы, какой археологической культуре они принадлежат?

Формозов, как и многие другие (например, Бодянский 1964), считал, что эти стелы на территории Украины оставлены людьми ямной культуры. Хойслер возразил: ведь стелы в ямных погребениях всегда оказываются во вторичном использовании – лежа, в перекрытии могил, наряду с простыми плитами, как попало – то вдоль, то поперек, то лицом вниз, то вверх. Нижняя часть всегда без изображений – значит, была предназначена для вкапывания в землю, стелы стояли вертикально, но были снесены и использованы как материал.

Эстафету исследований перенял киевлянин Д. Я. Телегин. Собрав и обработав к началу 70-х годов сведения примерно о 60 таких стелах (у Хойслера были сведения о 30), он проследил, что их распространение в Причерноморье занимает только западную часть территории ямной культуры, а еще западнее выходит за ее пределы (рис. 5). Так что хотя бы поэтому стелы не могут относиться к ямной культуре. Телегин отнес их к предьямной нижнемихайловской культуре (Телегин 1971; 1991). Но и нижнемихайловская культура занимает лишь часть ареала стел. На юго-западе с нижнемихайловской соседил кеми-

обинская культура Крыма и его окрестностей. Открыватель ее А. А. Щепинский (1963; 1973) относил к ней и стелы, и Телегин согласился, что часть стел относится к ней. В кеми-обинской культуре некоторые стелы обнаружены на курганах – так, курган у с. Казанков был увенчан антропоморфной стелой. А эпонимный курган Кеми-Оба – четырехгранным менгиром. Но остальные стелы и в этой культуре – как в ямной: во вторичном использовании, для перекрытий.

А в нижнемихайловской? В 1960-е – 1970-е на р. Ингул в Николаевской области работала экспедиция под руководством О. Г. Шапошниковой, участницы раскопок Михайловки. Результаты десяти сезонов опубликованы (Древности Поингуля 1977; Археологические памятники 1980). Впечатление такое, будто археологи попали в какое-то царство стел – видимо экспедиция угодила в один из центров их распространения. На 240 ямных погребений в 40 из них могилы были перекрыты антропоморфными стелами. В нескольких случаях пояс и руки были нанесены красной краской и едва сохранились. Выходит те стелы, которые предстают перед нами силуэтными, без изображения деталей, могли иметь нарисованные руки, одежду и вооружение, но утратили их.

Экспедиция раскопала и нижнемихайловские погребения – почти всегда первые в кургане, с кромлехами, с чернолощеной посудой. Погребений этих немного, и в двух из них (у с. Старогорожена и с. Константиновки) оказались большие (двухметровые) антропоморфные стелы. Конечно, в перекрытиях могил, во вторичном использовании. Отчеты экспедиции опубликованы под коллективным авторством ведущих участников раскопок (О. Г. Шапошникова, В. С. Бочкарев и др.) Они считают, что и у стел тоже авторство было, так сказать, коллективным: что они создавались людьми разных последовательных культур – и нижнемихайловской, и ямной, и кемиобинской, и катакомбной. В доказательство приводятся следы почтительного отношения к стелам в некоторых могилах (но ведь суеверные люди и к чужим культовым предметам часто относятся с опаской), а также различия в облике стел разнокультурных погребений (но ведь различия в выборе могут объясняться разными предпочтениями, даже попросту разными размерами могил, а не другим изготовлением).

В 1986 г. по стелам защищена кандидатская диссертация Е. Ю. Новицкого (1986). Молодой тогда диссертант собрал только в Северо-Западном Причерноморье сведения о 83 стелах и 45 усатовских плитах с изображениями (рис.6). Не без влияния коллег из Ингульской экспедиции он тоже прослеживает «изменения» стел от культуры к культуре, а в основном относит их к ямной культуре, хотя признает, что находка изваяния в могиле датирует не его создание, а «в лучшем случае время его очередного использования».

В «Стратуме» за 2001-2002 г. В. В. Цимиданов (2003) отдельно рассмотрел «Погребения со стелами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья». Он признал, что стелы обычно находятся в перекрытии могилы, но для объяснения, не противоречащего гипотезе об их ямной культурной принадлежности, реконструировал обряд «переворачивания», символизирующий смерть: по Цимиданову, использующему идею Формозова, стелы, устанавливались рядом с могилой, а в ходе похорон низвергались и использовались в перекрытии. На одной из стел (но в отдельной находке, не в могиле) он обнаружил, что одно из изображений нанесено перпендикулярно остальным – значит, по его рассуждению, с расчетом, что стела будет повалена. Но в ранних изображениях вообще нет перспективы и нередко горизонта. Кроме того, для такого обряда бессмысленно было избирать столь долговечный материал. Сам же Цимиданов (2003: 380) с недоумением приводит случаи «других оппозиций» - стелы вкопаны вертикально, одна вверх, а другая вниз головой, или уложены в перекрытие одна вниз, а другая вверх лицевой стороной, или лежат в нем головами в разные стороны. Не ясно ли, что в перекрытии они использованы просто как материал, без внимания к их изобразительной функции, а стояли они в какой-то другой культуре?

Западнее кеми-обинской культуры располагалась затронутая Новицким усатовская культура, в курганах которой плиты с изображениями оказываются использованы, как стелы в ямных и прочих погребениях, - вторично, не по назначению.

Особенно любопытна каменная плита из кромлеха в кургане под Усатовом (рис. 7). Она обломана при установке в кромлех (или еще до того). На плите схематически прорисован олень, а возле него – человеческая фигура из двух смежных треугольников («песочные часы») с конечностями и головой – по стилю такая же, как в росписи на стенке Новосвободненской гробницы «Клады» того же времени. Но это не первые изображения на

Усатовской плите. До них на плите были изображены три коня, а вокруг всё пространство углублено, так что кони оказались рельефными. Человек и олень нанесены поверх этого фона (значит, позже) и перпендикулярно коням, то есть не считаясь с прежним изображением. Стало быть, кони принадлежат другой, более древней изобразительной системе. Вот та манера, в которой выполнены кони, и есть обычная камнетесная техника антропоморфных стел.

Выходит, что антропоморфные стелы в большинстве древнее усатовской (и даже какой-то предусатовской) культуры, как и нижнемихайловской и кемиобинской, и относятся к предшествующему ярусу культур – к раннему энеолиту, минимум к началу IV тыс. до н. э.

2. Танцующие человечки и Нальчикская гробница (экскурс на Кавказ). В числе изображений, которые размещены на стелах разных территорий и связывают их, есть парные «танцующие человечки» (рис. 8). На стеле из Казанков (Крым) они вроде бы схватились или хотят схватиться за руки, а противоположные руки подняты вверх (Щепинский 1958). На стеле из Ак-Чокрака (неподалеку от Казанков), наоборот, смежные руки подняты, а противоположные опущены. На стеле из Мореля (Франция) изображенная пара обнялась и тела их извиваются, а один в руке что-то держит. Две такие же фигурки, только литые, скульптурные, изображены на Новосвободненской вилке (мясном крюке). Они стоят, угрожающе подняв обе руки, друг против друга, и тут уже совершенно ясно, что они не танцуют, а дерутся. Конец схватки показан на стеле из Бахчи-Эли (Крым): один крепко стоит на ногах, сжав кулаки, а другой изображен вниз головой, с разжатыми ладонями. Рядом топоры: один вниз рукоятью, другой вверх. Вниз головой египтяне, индейцы Северной Америки и многие другие народы изображали убитых. Формозов (1970), сделавший блестящий анализ этих изображений, связал их сюжет с космогоническим мифом о двух братьях-близнецах, воплощающих злое и доброе начало, и об их смертельной борьбе. Такие мифы (как о Ромуле и Реме) очень распространены у индоевропейцев, записаны и на Кавказе, близ очага большинства человечков.

А заходит ли распространение стел на Кавказ? Да, они найдены в Майкопе, в Новосвободной и в Нальчике. Последняя находка особенно интересна. Открытая в 1968 г. Нальчикская гробница (рис. 9) с богатым инвентарем отнесена к новосвободненской культуре, причем нальчикская гробница имеет некоторые признаки еще более ранней, собственно майкопской культуры: погребения нескольких покойников в одной могиле, посыпка дна могилы галькой и т. п. Самая замечательная особенность Нальчикской гробницы заключается в том, что ее стены и перекрытие сооружены из 32 огромных (трех- и четырехметровых) узких каменных плит, из которых 4 представляют собой типичные антропоморфные стелы, из них три – с гравированными изображениями деталей, а еще 8 плит несут на себе гравированные узоры неопределенного рисунка. Эти, вероятно, также служили антропоморфными стелами, но их верхние концы отбиты при подгонке к стене гробницы (чтобы стояли вровень с ней, не выступая). Собственно, и остальные плиты по очертаниям напоминают стелы: такие же длинные и узкие, не очень удобные для строительства. Строить из них гробницу – всё равно, что выкладывать коробку из спичек. Не проще ли было высечь плиты пошире да покороче? У меня есть подозрение, что все они были стелами – все 32.

Что же получается? Антропоморфные стелы на Кавказе древнее самых древних новосвободненских памятников. Откуда они свезены к гробнице? Сразу приходит на ум давно известный Нальчикский могильник энеолита (Круглов и др. 1941). Собственно, это один большой плоский курган. Раскопанный на рубеже 20-х – 30-х годов, он занял уникальное положение среди кавказских памятников: больше таких не встречено (рис. 10). По времени это современник майкопского кургана: те же каменные браслеты, очень ранние украшения из раковин, но облик совершенно другой. Скорченные погребения лежат на левом или правом боку и на животе. Все с охрой. Форму могил проследить не удалось, но похоже, что погребения были коллективными, как в мегалитах. Над погребениями найдено много оленьих рогов. В энеолитических памятниках Украины и Крыма встречаются усатовские погребения оленей, а изображение оленя только что отмечено мною на усатовской плите как до-усатовское. Культурная атрибуция не уставновлена (Котова 2006: 132), но подозревается неместное происхождение (Кореневский 1998). Керамики кот наплакал, но та, что есть, чужда Кавказу и находит аналогии далеко на западе: миска напоминает баденские миски Венгрии и Австрии, горшочек – сосуды Франции. В 1980-е гг.

Ю. Ю. Пиотровский из Эрмитажа побывал с выставкой во Франции. Вернувшись рассказывал: «Видел там в музее погребение – как две капли воды Нальчик!».

Не думаю, что стелы стояли на Нальчикских могилах, но возможно, что их воздвигали соплеменники тех, кто там погребен. Так же, как современники и, возможно, родичи на Украине и в Румынии.

3. Святилища энеолита. Где же вообще первоначально стояли стелы и кто на них изображен – рядовые покойники, как у поздних тюрков, вожди и герои, как, возможно, у скифов, или боги?

Сначала предполагалось, что стелы сделаны для погребений: как же, ведь лежат в могилах. В некоторых случаях действительно можно обнаружить следы почтительного отношения хоронивших к стеле: ее укладывали особо, рядом помещали дары. Но, как я уже говорил, такое отношение нередко вообще проявлялось к чужим кумирам. А чаще употребляли в дело простые плиты. Формозов старался сохранить за стелами ту же функцию и после того, как выяснилось, что в могилах они использовались не по первоначальному назначению. Стояли, мол, в обрядовых целях неподалеку перед тем, как попасть в перекрытие или в кромлех. А изображен в этом случае покойник. Но не всякий: ведь стелы не в каждом погребении. Значит, выдающиеся личности – вожди, герои, жрецы. Но почему же тогда одна стела (в с. Алиман на Херсонщине) оказалась трехглавой?

По аналогии с французскими и итальянскими стелами, единообразно передающими некий стереотипный образ, большей частью женский, Хойслер полагал, что и стелами Причерноморья представлена «богиня дольменов», как ее называют археологи, - Великая мать, подательница плодородия и владычица загробного мира. А боевые топоры, по Хойслеру, выдают участие – на восточный манер – молодого мужского бога, то бишь сына или возлюбленного богини, всё более перенимающего ее власть. Первоначальная установка стел была, по Хойслеру, связана не с отдельными погребениями, а с целыми могильниками. Однако и у нас, и на западе стелы оказываются вместе группами по две, три, пять. Странно такое умножение в одном месте статуй одной богини.

Остается то объяснение, которое предложили Телегин (1971) и Щепинский (1973). Они поддержали идею Хойслера о древних святилищах, но поставили под вопрос связь этих святилищ с древними могильниками. Исследователи обратили внимание на остатки ритуального оборудования, находимого вместе со стелами и отдельно.

В насыпи кургана у с. Ближне-Боевого под Феодосией найдена каменная плита. Она находилась в переотложенном состоянии, то есть она древнее кургана. Скорее всего, это святилище просто случайно накрыто курганом, а совпали они потому, что и для святилищ и для курганов выбирали возвышенные места. В плите обнаружены чашечные углубления, соединенные желобками (такая обработка характерна для мегалитических камней Италии и Франции, есть сверху и на плите из Бахчи-Эли). В центре плиты – четырехугольное отверстие, подходящее по размеру для установки стелы. Ради эксперимента в него воткнули стелу, найденную в той же части Крыма (в Тиритакке) – стела держится, стоит.

В Дендре (Греция) в микенской могиле плита с чашечными углублениями найдена вместе со стелами. Здесь эти алтарные приспособления, как и стелы, оказались в могиле бронзового века, но изготовлены ли они для погребения или только использованы? Тот факт, что в Ближне-Боевом плита найдена без стелы, говорит о том, что их взаимосвязь, то есть целостность святилища, существовала в другую, более древнюю эпоху.

Под одним курганом на Херсонщине (в Каланчаке) обнаружена округлая пятиметровая площадка, обведенная ровиком, с юго-запада – проход. В ровике залежали на ребре 3 стелы, прислоненные друг к другу, а близ них и на их поверхности – красная охра. Стелы, видимо, стояли в центре площадки, но были припрятаны, прикопаны от врагов, и враги их не нашли. Но и свои не забрали (вероятно, погибли). А курган возведен много лет спустя.

В другом месте, у с. Долгинцевого (Криворожье), под курганом с погребениями в каменных ящиках была обнаружена округлая площадка гораздо большего размера (до 15 м. в поперечнике), вымощенная плитами. Почти в центре ее был водружен

полутораметровый каменный столб (менгир), а близ него был устроен каменный столик (алтарь).

У с. Александрия (на р. Ингульце) неподалеку от энеолитических поселения и могильника обнаружена каменная стела. Старики еще помнили, что она была вкопана в землю лицом на восток. Это исключительный случай.

Общий вывод Телегина и Щепинского таков: это были совершенно независимые от могильников святилища, где по одиночке или группами стояли стелы – кумиры разным богам (рис. 11). Отсюда различие в деталях оформления. Аналогии нетрудно найти. Посохом была наделена шумерская богиня любви Инанна, а в римское время он был атрибутом азиатской «владычицы зверей» Кибелы (рис. 12); боевой топор – атрибут германского бога Тора, да и русского Перуна, топор или булава – оружие арийского Индры; с луком изображали Аполлона, и т. д. В скоплениях иногда оказываются рядом изображения мужского и женского божеств – такие пары существовали в любом пантеоне. На стеле из Красногоровки (тираспольского района) у левой руки богини высечен ребенок – такие мадонны также существовали в разные времена.

Святилища под открытым небом напоминают скопление статуй, воздвигнутое Владимиром над Днепром всем богам – Перуну, Дажьбогу, Хорсу, Мокоши и другим. У греков и индийцев до самого исторического времени не было храмов – святилища находились под открытым небом, и богов почитали в виде ксоанов – деревянных столбов с атрибутами божеств – и, вероятно, каменных стел. Остатками первых таких святилищ и являются энеолитические стелы, занесенные мегалитической волной с запада в Причерноморье и на Кавказ.

Значит, новосвободненское население – это не первые индоевропейцы, прибывшие на Кавказ, и, возможно, не первые грекоарии. Первыми были ваятели стел, статуи-менгиров, люди Нальчика и всей той свиты культур раннего энеолита, которые протянулись по степям от Дуная до Кавказа и оставили такие памятники как Суворово, Утконосово и др. Это они пришли с культурами коня и оленя, с каменными боевыми топорами, с плоскодонной чернолощеной керамикой и мегалитическими могилами. Очень возможно, что грекоарийские черты речи были характерны для всей этой полосы культур или, по крайней мере, проходили в ней становление от праиндоевропейского состояния к грекоарийскому.

4. Средний Стог. Поиски протоариев, а особенно грекоариев вывели нас на ямную и более раннюю репинскую культуры, а также на новосвободненскую. Как ни странно во всей ямно-репинской секвенции культур, а особенно в новосвободненской выявились не столько общеарийские черты и смесь иранских с индоарийскими, сколько преобладание индоарийских черт. Значит грекоариев и уж во всяком случае их происхождение нужно искать в предшествующей эпохе – там, где корни репинской культуры.

В предшествующую эпоху, то есть, по традиционной хронологии во второй половине IV тыс. (а по новой хронологии в конце VI и в V тыс.), в том же регионе, в частности в Подонье и Поднепровье, известна культура *среднестоговская* (по калиброванным радиоуглеродным данным 5300 – 4200). Эта культура очень долго существовала (она частично сосуществовала с репинской) и занимала левобережье Украины (к востоку от Днепра) с заходом на Правобережье (Котова 2005; 2006). К ней многие возводят по прямой линии репинскую культуру, а через нее и ямную (Телегин 1973; Даниленко 1974; Ставицкий 2005).

Культура Среднего Стога соседствовала с Трипольем А и ВІ. Это более примитивные, чем трипольские, поселения и скорченные погребения, окрашенные охрой. В них яйцевидная остродонная керамика, напоминающая предшествующую неолитическую (*днепровско-сурскую*), но это сосуды с высоким и широким горлом, иногда выпуклым, в нижней части свободные от орнамента (рис. 13 - 14). По составу стада предполагается преимущественное коневодство (впервые в истории кости коня по количеству в несколько раз превосходят кости крупного рогатого скота – 63% всех костей). Позднюю стадию этой культуры Телегин назвал дереивской, Рассамакин и Котова выделяют ее в отдельную культуру, более позднюю, чем среднестоговская (калиброванные даты 4250 – 4100), и преемственно с ней связанную. В могиле этой культуры встречена передняя половина коня вместе с передними половинами двух собак (рис. 15). Это явно жертвоприношение,

сочетанием своим напоминающее ашвамедху. Но ашвамедха была общеиндоевропейским обрядом, зафиксированным, по крайней мере, у индоариев и кельтов, и деление жертвы (коня и собак) надвое, хоть археологически обнаружено преимущественно у катакомбников, по письменным источникам встречается у разных индоевропейских народов – римлян, хеттов.

В конце среднестоговской культуры появляется шнуровой орнамент. Таким образом, эта культура вроде бы образует хорошую материальную подоснову для репинской и ямной культур и вообще для ариев с их культом коня. Преимущественное коневодство, культ коня, ашвамедха как-будто идут оттуда. Однако курган в среднестоговской культуре, хоть и попадает, но не составляет господствующего обряда. Видимо, он в ней заимствован со стороны. Откуда? Откуда вообще в этом ареале курган?

Со Средним Стогом связывали горизонт каменных зооморфных скипетров – по форме напоминающих боевой топор-молот, но в виде головы животного (рис. 16). Находки этих скипетров протянулись по степной полосе от Румынии до Предкавказья (рис. 17). В животном, чья голова изображается, видели собаку, вепря, гиппопотама, носорога, коня и взнузданного коня. Остановились на последних вариантах, свидетельствующих о культе одомашненного коня. На некоторых скипетрах сохранились следы красной охры, говорящие о том, что лежали они в погребениях с окрашенными костяками. Поскольку в среднестоговской культуре, как и в репинской, высокий процент костей коня, то Даниленко связал их с этими культурами. Даниленко и Телегин объявили обе культуры исходным центром распространения коневодства в мире, а коневодство издавна связывается с праиндоевропейским языком. К тому же скипетры – это знаки власти, так что индоевропейцы столь раннего времени выступали с признаками развития предгосударственной власти. Среднестоговские находки деревянных палочек Даниленко интерпретировал как псалии (детали конской узды), а в соответствии с взнузданностью изображений коня по скипетрам реконструировал верховую езду за несколько тысяч лет до того, как она появилась на Древнем Востоке и в Древней Греции.

Всё это было почти повсеместно признано. Однако за последние несколько десятилетий это величественное построение рассыпалось. Прежде всего детальное изучение деревянных «цурок» показало, что псалиями они служить не могли. Затем из аргументации выпали скипетры. В 1990 г. я увидел, что это никак не скипетры: в них же нет проуха для рукояти. Заполирована только передняя часть «скипетра», а задняя – шершавая, для держания в руке. Животное потому и не поддавалось однозначному определению, что это не конь или собака или свинья, а мифический единорог (потому его и принимали за носорога, но рог не на носу, а на лбу). А так как в мифе Единорог усмиряется Девой, а рог ему заменяет половой член, то я (Клейн 1990) распознал в этих орудиях жреческий (или шаманский) инструмент дефлорации. В последнее время поставлено под вопрос и наличие коневодства – по составу табуна конь в среднестоговской культуре оказался не домашним, а диким (Levine 1990). Наконец, румынские археологи Додд-Оприцеску и Митря (Dodd-Oprițescu și Mitrea 1983) заметили, что на карте «скипетры» располагаются в Карпато-Дунайском бассейне и в Предкавказье, а между ними, на территории Украины, «скипетров» нет (рис. 17). А именно там располагается среднестоговская культура, добавили Дергачев с Сорокиным (1986).

5. Хвалынская культура. Одновременно с ней и несколько раньше на востоке, в Поволжье, существовала раннеэнеолитическая культура без курганов и без вытянутости скелетов. Это *хвалынская* культура в Поволжье (Агапов и др. 1979; Васильев 1980; 1981), которая расположена дальше других от моря – просто там чистые степи заходят гораздо севернее. Не путать с хвалынской курганной культурой позднего бронзового века (вариантом срубной), эта – энеолитическая, по недосмотру они названы одинаково.

Там, на востоке, в Поволжье, и мегалитизм менее заметен, но и там он есть. Для хвалынской культуры V тыс. до н. э. (по новой хронологии 4700 – 4200) характерны бескурганные скорченные погребения с охрой, часто коллективные – в траншее, круглодонная посуда с приземистым венчиком, утолщенным в виде воротничка, со штамповым орнаментом (рис. 18 – 19). Многое сближает эту культуру с ямной – в частности, скорченность покойников, охра, круглодонность сосудов, а также черепа и кости коров, реконструируемые как шкуры, положенные в могилу целиком вместе с ногами и

головой. Вот и Гимбутас и выводила свою «курганную» культуру из Поволжья и этой идеей увлекались многие советские археологи. Но кургана и в хвалынской культуре нет.

В общем она весьма похожа на Средний Стог, и Васильев (1980: 39, 43 – 44) объединил обе в стоговско-хвалынскую культурную общность энеолита. Предполагается, что хвалынская культура возникла в результате переселения части среднестоговского населения на восток из-за аридизации климата.

В предшествующее время, непосредственно на самом горизонте неолитических памятников, в этих местах переходными (субнеолиическими или первыми энеолитическими) культурами являлись днепро-донецкая культура (под Средним Стогом), а восточнее, в Поволжье (под хвалынской культурой) – самарская культура. Они тоже очень схожи между собой - обе с вытянутыми покойниками и с плоскодонной керамикой. Наиболее известным памятником днепродонецкой культуры является мариупольский могильник, а самарской культуры - могильник Съезжее, в котором обнаружены плоские двуглавые статуэтки животных с головами, направленными в противоположные стороны.

6. Курганные культуры раннего энеолита. Наконец, по керамике еще Даниленко выявил южнее Среднего Стога, в степях, под репинской и нижнемихайловской культурами уровень тоже самого раннего энеолита. Телегин определил его как *новоданиловский*, а затем Крылова и Ковалева нашли эту же керамику в подкурганных захоронениях, но вытянутых, не скорченных – как в самарской и днепродонецкой культурах.

Взяв за эталон погребение со «скипетром» в Суворове (Молдавия), Алексеева (1985, 1992) и Дергачев (1986) выделили в этом раннем энеолите *суворовскую* культуру, исходя больше из локальной группировки и не разделяя памятники хронологически, а в работах Рассамкина (2000) и Манзуры (2000) предстает целая свита культур в самой южной, приморской полосе степей – культуры (перечисляю с запада на восток) *суворовская*, *скелянская* (у Рассамкина – *квитянская*), *бережновская* (рис. 20 - 21), а Котова (2006) включила эти погребения в среднестоговскую культуру, хотя по поселениям та занимает гораздо более ограниченный ареал. Находки скипетров были отнесены в основном к этой свите культур. Культуры же эти датируются по находке трипольского сосуда в Кайнарах в погребении суворовской культуры – в этом случае стратифицированная культурная колонка Триполья позволяет отнести весь горизонт к трипольской стадии В1₂, то есть к последним векам V тыс. до н. э. Получается, что этот горизонт лежит значительно ниже того, на котором располагаются нижнемихайловская культура и большая часть среднестоговской. Он синхронен не с новосвободненской культурой, а с самим Майкопом – именно с Майкопом его синхронизирует (1996) Резепкин (но в этом случае сам Майкоп значительно древнее, чем его помещает Трифонов по данным радиоуглерода, потому что Триполье В1 датируется по тем же данным второй половиной V тыс.).

Однако затем, по датировкам еще нескольких скипетров, горизонт их сильно раздался во времени (Триполье А – Триполье В = 4200 – 3600 гг. до н. э.) и перестал быть горизонтом, выйдя за хронологические пределы этой свиты культур (Govedarica und Kaiser 1996; Манзура 2000: 254).

В степной суворовской культуре процент коня в пище как раз невысок, но в отличие от среднестоговской культуры погребения тут лежат под курганами, и в это время тут обильно расставлялись каменные стелы. Как и нижнемихайловская, кеми-обинская и новосвободненская культуры, эта более древняя свита культур (суворовская и другие) были культурами мегалитическими. Да и само изготовление каменных скипетров выдает умение ваять в камне. Форма могилы в суворове трапецевидная – это тоже характерно для мегалитических погребений Западной и Центральной Европы. Вся эта свита культур – культуры курганные.

Сейчас новоданиловские погребения (Джурджулешть, Суворово, Кайнары) определяются как бескурганные, и у Ярового (2006: 120) они образуют древнейший пласт раннееэнеолитических погребений. Яровой (2006: 121 – 122) относит скорченные подкурганные погребения (типа Хаджидер – Животиловка) к более позднему пласту, а вытянутые подкурганные («постмариупольские» у Ковалевой) – к еще более позднему, но все три пласта укладываются в ранний энеолит (по Яровому, с середины IV тыс. до середины III тыс.). Таким образом внедрение курганного обряда начинается в

Причерноморье с энеолитических памятников типа Хаджидер – Животиловка (с последней четверти IV тыс.).

Тенденция рассматривать эти культуры как пришлые с запада начинает обретать сторонников среди археологов. Так, Бритюк (2006) на основе анализа кремневой индустрии выделяет в раннем степном энеолите две традиции – одну местную, идущую от днепродонецкой и мариупольской общностей, другую – новоданиловскую, распространявшуюся по побережью Черного моря с запада на восток.

7. Корни ямной (репинской) культуры и западный вклад. Как видим, с ямной культурой то же, что и с остальными: корни уходят в разные культуры: одни в хвалынскую, другие – в Средний Стог, а третьи – курган – очевидно, в нижнемихайловскую культуру и глубже. Языковая преемственность могла быть в принципе связана с любым из этих корней. Ориентир должен быть лингвистический: этот корень непременно должен встретиться с тем, который идет от греков, от фригийцев и фракийцев. То есть, скорее всего, это самый западный из корней. Но какой из них самый западный, самый близкий к корням греков, фракийцев и фригийцев? Ведь это должно определяться не по конечному расположению народов и культур, а по их исходному, древнейшему расположению, с учетом древних миграций! Ведь вот индоарии сейчас на востоке, а были на западе общего ареала! И всё же рассмотрим то, что пришло явно с запада.

Курган, появившийся в Среднем Стоге, в лесостепи, вместе со шнуровой орнаментацией только на позднем этапе существования этой культуры (дереивская стадия), здесь, в степной полосе Причерноморья появляется очень рано вместе с мегалитическими сооружениями. По-видимому, он и сам возник из переноса идеи мегалитической гробницы в места, где камня недостаточно и гробницу стали сооружать из земли: в земле выкапывали могилу, в плане напоминающую дольмен или галерейную гробницу, а сверху возводили насыпь – вместо каменного сооружения.

Мегалитические проявления принесла с запада *культура воронковидных кубков* (рис. 23 – 26). Именно на стадии B₁ в трипольской культуре появились глиняные модельки боевых топоров культуры воронковидных кубков. О раннем появлении этой культуры на территории Причерноморья свидетельствуют вытянутые скелеты в могилах (на фоне позднейшей повсеместной скорченности), чернолощенная керамика, культовые захоронения животных (коров и собак).

Сафронов (1989: 203 – 205) прямо из культуры воронковидных кубков выводит всю западную ямную культуру, то есть нерушайскую в моей терминологии. Он нашел, что все 13 типов керамики Ярового (кроме типа XI – круглодонного) «находят полные, типологически безупречные аналогии в культуре воронковидных кубков» (в которой Сафронов, правда, соединил керамику из Баальберге, Ленделя, польской группы воронковидных кубков и шаровидные амфоры, но общий дух уловлен). С этим Сафронов связывает и появление первых курганов в ямной культуре и вообще в Причерноморье. Курганы эти принесла культура воронковидных кубков.

Возможно, первые пришельцы мегалитического облика появились на Украине еще раньше. Уже субнеолитический Мариупольский могильник устроен наподобие типичной галерейной гробницы Западной Европы, только без камня: земляная траншея, обшитая деревом, а в ней вытянутые костяки (рис. 27). Резепкин подметил, что единственный черепок, найденный там, - от чернолощеного сосуда. Самые ранние, домегалитические погребения культуры воронковидных кубков устроены тоже с деревянными конструкциями (рис. 28), и предполагают, что это и переросло в устройство каменных сооружений (Midgley 1992: 409 – 418). Очень схожий с Мариупольским могильник (Деча Мурешулуй) раскопан в Трансильвании. Таким образом, полоса редких памятников этого типа протянулась по степной полосе от Среднего Подунавья к Приазовью. В них попадаются крестовидные булавы из того же крапчатого порфирита, из которого сделаны «скипетры». В этих булавах можно видеть ранние прототипы тех катакомбных булав с четырьмя выпуклинами, в которых я опознал ваджру – оружие Индры.

8. Проблема совмещения культурной филиации с языковой. Мы продвинулись достаточно глубоко от ямной культуры – через репинскую и, далее, через

нижнемихайловскую с усатовской, кеми-обинской и новосвободненской – к суворовской с квитянской (скелянкой) и хвалынской, а за ними в глубокой древности брезжит полоса субнеолитических могильников (Мариупольский и Деча-Мурешулуй). Если в ямной культуре можно видеть ариев, то какие этносы индоевропейского генеалогического древа, его центральной ветви, скрываются за остальными? Если же в ямной культуре видеть иранцев, то где общие предки всех ариев? За ариями должен стоять тот узел этногенеза, когда они еще образовывали единство с греками и армянами. За этим узлом нужно прощупать узел, на котором от них еще не отделились фригийцы, а еще далее находится общеиндоевропейское состояние.

Вот первое ответвление общеиндоевропейского состояния логичнее всего видеть в неолитической полосе могильников с галерейными гробницами – от Мариуполя до Деча Мурешулуй. Между ними и ямной культурой лежат еще два горизонта культур (перечисляю сверху – от ямной): 1) репинская, нижнемихайловская с усатовской и новосвободненской, 2) раннеэнеолитическая свита курганных культур с вытянутыми погребениями (суворовская, квитянская или скелянская, бережновская) и бескурганная, но со скорченными погребениями хвалынская культура. Оба эти горизонта соединяет культура Среднего Стога. На каком из этих горизонтов уже отделившись от общей линии развития были греки и фракийцы, на каком фригийцы и армяне? Похоже, что этапов культурогенеза выявляется больше, чем этапов глоттогенеза. Значит, в принципе возможно, что арии или грекоарии или общий с фригийцами этнос охватывал не один, а два или даже три этапа культурогенеза. Более детально решать это можно лишь проследив и другие линии преемственности – от греков и фригийцев.

В ярусе раннеэнеолитических культур, возможно, скрывается общая культура всех ариев – тех, кто говорил на общем индоиранском языке. Это на две тысячи лет глубже той даты для распада этого праязыка, которую дает глоттохронология Грэя и Эткинсона (у них это ок. 2 600 г. до н. э.).

9. Импликации для лингвистов. Происхождение мегалитических культур с чернолощеной керамикой из района западной части Центральной Европы создает для предков ариев ситуацию соседства с предками германцев, кельтов и италиков, что очень хорошо объяснило бы общую для этих народов лексику, связанную с царской властью (gaja, gex, Reich). Она оказалась бы связанной с европейским распространением мегалитов – в принципе царских родовых усыпальниц.

Во всей этой линии генеалогии ариев нужно найти тот пункт, на котором от общего грекоарийского ствола отщепилась ветвь греков, т. е. пункт, до которого греки и арии проходили свой этногенез вместе. А после которого – врозь. До этого пункта греки и арии совместно формировали генитив ед. ч. м. р. на -(o)sio и косвенные падежи на -b^hi-, в чем вместе с ними участвовали армяне. Все они сообща формировали формы глагольной парадигмы – тематический и атематический аорист, аугмент, в чем, кроме армян, участвовали еще и фригийцы. Все они вместе – и арии, и греки, и фригийцы, и, вероятно, армяне (но последние, видимо, позже забыли это) – обзавелись относительным местоимением на -ios (а в этом к ним присоединились славяне).

Общего у них очень много. Больше у греков с ариями, чуть поменьше – у тех и других с армянами, еще меньше – у всех у них с фригийцами, которые вдобавок принадлежат к западной группе индоевропейцев в образовании медиопассива (у них – на -g, как у хеттов, кельтов и т. п., а у всех вышепоименованных – на -oi/-moi). Славяне присоединяются к греко-армяно-арийской общности гораздо меньше, чем фригийцы – лишь по некоторым показателям. Это по Гамкрелидзе и Иванову. По И. М. Дьяконову дело обстоит несколько иначе: индоариев с греками объединяет грамматика и лексика, а между ними помещаются фракийцы и фригийцы с армянами (у которых все фонемы схожи), но они ближе грекам, чем ариям. А всех, кроме греков сближает с балтославянами сатемизация.

Сатемизацию, однако, можно не принимать во внимание при определении родственных языков, потому что она явно проходила позже – когда греки уже отделились и ушли далеко, а арии оставались в Восточной Европе в окружении славян, балтов, и отделившихся, но еще не ушедших далеко фригийцев с армянами и фракийцев.

У Грэя и Эткинсона в их глоттохронологическом древе разделение ариев с греками и армянами (очевидно, вместе с фригийцами, которых авторы не просчитывали) падает приблизительно на 5300 г. до н. э. Эта цифра кажется мне завышенной. Недоверие вызывает и то, что по сути здесь не разделение греков и ариев, а отделение греков от общего ствола, в котором вместе с ариями остаются германцы, балтославяне, кельты и другие. Вероятно, авторы чересчур доверились авторитету К. Ренфру и постарались уподобить свою схему его древу и по структуре – выбрать раннее отделение греческого языка от остальных. Греки слишком схожи с ариями по языку – это достаточно показано поколениями компаративистов.

10. Грекоарии – единство в мифологии: кентавры. Сходство греков с ариями наблюдается не только в языке, но и в мифологии. Я уже приводил большой список таких аналогий. Здесь остановлюсь на одном потому, что он получил очень яркое выражение в археологическом материале энеолита. Этот сюжет – кентавры.

По мифу от царя лапифов Гера (которую Зевс якобы подменил облаком) родила Кентавра в виде человека, а от его сочетания с кобылами пошла порода полулюдей-полуконей, обитающих в лесу. На античных вазах и рельефах кентавры изображаются четвероногими – туловище лошадиное, а торс человеческий с руками и головой человека (рис. 29). В раннем греческом искусстве изображения кентавров возникают тогда же, когда и литературные упоминания о них – с VIII века до н. э. (Baur 1912; Buschor 1934; Schiffler 1976). Одна глиняная скульптура кентавра найдена в погребении конца середины X века или даже конца XI – начала X века в Лефканди на Эвбее (рис. 30), пара фигурок того же времени есть на Кипре.

Более, чем на полтора века моложе бронзовая группа, изображающая схватку человека с кентавром (рис. 31), и происходящая, вероятно, из Олимпии (хранится в нью-йоркском музее Метрополитэн). По поводу кентавра начала VII века на протокоринфском лекифе (рис. 32) высказывалось мнение, что таким же изображался и Тифон – соперник Зевса (Buschor 1934). Видимо разных чудищ своей мифологии греки героической поры изображали с чертами коня. Но у Тифона были змеевидные ноги. Так что в группе из всё-таки кентавр Хирон, а его соперник – Геракл (Hampe and Simon 1981: ???). Дополнительные аргументы в пользу такой идентификации: кентавр изображен раненым, а единственным раненым кентавром в мифологии является Хирон. Кроме того, у кентавра на руке шесть пальцев, а с шестью пальцами изображали магов и мудрецов, чем и был славен Хирон (Shear 2002). Седьмым веком датируются беотийские статуэтки бородатых кентавров и статуэтка из Коринфа, борьба Кеней с двумя кентаврами на бронзовом щите (в музее Олимпии) (Ibid., 115).

До недавнего времени считалось, что микенское искусство не знает кентавров и кентавроподобных чудищ. Значит, образ засвидетельствован уже на заре греческой письменности, но непохоже, чтобы он только тогда и возник. Гомер приводит события с кентаврами как очень давние, миф его времени разработан и разветвлен. Древность образа подтверждается и его географией. Миф помещает родину кентавров на крайнем северо-востоке Греции – в Фессалии, оттуда они попадают в Среднюю Грецию, где и действуют. Это области эолийского диалекта. У Гомера кентавры выступают не под этим своим именем, а просто как «звери», при чем это слово в остальных применениях звучит у Гомера на ионийском диалекте (θηρες), а когда идет речь о кентаврах – на эолийском (φηρες). Это означает, что они принадлежат к более древнему пласту эпоса.

Ныне обнаружены изображения кентавров и микенского возраста. Это две фрагментированные глиняные статуэтки (рис. 33) из Рас-Шамры (Угарита), по всем особенностям орнаментики позднемикенские (РЭ III). Это позволило присовокупить сюда и давно известные, но считавшиеся сомнительными, схематические изображения на печатях из Просимны и из Британского музея, а также на субмикенской пиксиде из Керамеика (Shear 2002).

Когда же и откуда изобразительный стандарт образа появился в Греции? Монстры, составленные из частей разных животных, обычны для Малой и Передней Азии (Arnold 1972). Среди разнообразных четвероногих монстров ассиро-вавилонского и хеттского искусства – львиных грифонов, сфинксов, крылатых быков и львов с человеческими лицами – попадают изредка и кентавры, причем крылатые (рис. 34). Они скачут,

натягивая лук. Это XIII век до н. э. В вавилонской астрологии такой фигурой символизировалось созвездие Стрельца – один из знаков Зодиака (рис. 35). Но это вряд ли был прообраз кентавра: что же, заимствуя образ монстра, греки проигнорировали лук и крылья? Видимо, у них был свой образ получеловека-полуконя. И как раз места, где миф помещает кентавров, далеки от ранних восточных влияний, а где эти влияния сильны (Крит, Эвбея, Коринф), событий с кентаврами нет. Вероятно, вавилонский образ повлиял лишь частично на облик, который был придан давно существующим греческим полулюдям-полуконям. А как они выглядели раньше?

В греческой мифологии есть еще один образ, соединяющий черты человека и коня, – это силены (или силаны). Но силены двуногие, только конские уши, хвост и копыта отличают их от людей, да еще иногда шерсть по всему телу (рис. 36). Эти собратья кентавров обожают музыку и танцы, дичатся людей и очень сладострастны, преследуют нимф но, подобно кентаврам, не брезгают и обычными женщинами (Hedreen 1994). Они наделяют мальчиков тестикулами и могут отнять их. Подобно вещим коням, они знают грядущее и, если их вынудить, могут провещать его богам и людям.

У силенов есть двойники – сатиры, отличающиеся от силенов тем, что черты животного у них козлиные. Но это лишь в поздних изображениях, с III в до н. э. В раннее время и сатиры имели конские хвост и уши.

По сюжетной разработке в мифологии образы силенов и сатиров проще образа кентавров, примитивнее и, видимо, внешне архаичнее. Но и кентавры выглядели раньше ближе к образу человека. На некоторых ранних изображениях кентавр выглядит как обычный человек, к которому со спины приставлена задняя половина коня (рис. 32, 37). Видимо, первоначальный кентавр был двуногим существом, вроде силена или раннего сатира, и лишь влияние восточных изображений сделало его четвероногим. Коринфская статуэтка VII века имеет противоположное осчетание: тело целиком звериное, а голова человеческая, но с лошадиными ушами – как у силена (рис. 38). Поскольку силены и сатиры точно так же похотливы, повидимому, всё это разные варианты одного образа, очень древнего.

Есть одна черта кентавров в мифе, которая сразу бросается в глаза: их необузданная страсть к женщинам. Почти все приключения кентавров начинаются с их присутствия на свадьбе, с их попыток умкнуть или изнасиловать невесту или молодую жену хозяина. Почему это амплуа выпало на долю кентаврам? Конской природой их это вроде бы не вызвано.

11. Гандхарвы и киннары. Привлечем на помощь их индоарийские параллели. Еще в середине XIX века основоположник сравнительной мифологии Адальберт Кун выпустил статью «Гандхарвы и кентавры», а еще через три десятилетия вышла книга Эларда Гуго Мейера «Гандхарвы – кентавры» (Kuhn 1852; Meyer 1883). Оба автора выдвинули положение, что гандхарвы древней индийской мифологии – это точное соответствие греческим кентаврам. Предположение было рискованное, потому что регулярного лингвистического соответствия терминов нет: греческим κ и τ не соответствуют в санскрите g и dh, а там, где в санскрите agv, у греков обычно не стоит αἰρ. Да и облик у гандхарвов другой – не полуконский.

Но через полвека идею Куна и Мейера подхватил и развил Жорж Дюмезиль в книге «Проблема кентавров» (Dumézil 1929; см. также Carrou 1936). Дело в том, что про своим функциям эти образы уж очень схожи. А Дюмезиль усилил их сходство изучением связанных с ними там и тут ритуалов. Что же до лингвистических соответствий, то имена иногда не подчиняются им. Дело в том, что имена сильнее других слов сохраняют старинные звучания (например, Всеволод, когда никто уже не говорит «володеть»), а в то же время у них чаще забывается первоначальный смысл. Например, «гендарв» могли подстроить под близкое по смыслу «Минотавр» – вот и получился «кентавр».

Гандхарвы, как и кентавры, обитают в лесу. Они целиком покрыты шерстью (рис. 39) и привлекают женщин неизъяснимым очарованием, очень сладострастны и искусны в любви, чудесно пахнут и одеваются в разноцветные одежды. Гандхарвы ухаживают за апсарами, как силены за нимфами. Брак по любви, без сговора родителей и приданого, назывался в Индии «гандхарва».

И в Индии, как в Греции, родительницей этих чудищ считалось облако; в Ригведе (10.123.3) гандхарва носит эпитет «набхойя» («Родившийся из облака») – точное соответствие греческому «нефелогенес». В Ригведе Гандхарва один (имя это упоминается в Ригведе в единственном числе 20 раз, а во множественном только 3 – Joshi 1977; 21 - 38), в Атхарваведе, более поздней, их много. Индологи трактовали Гандхарву как бога радуги, облака, луны, ветра, считали его духом покойника, небесным эльфом, охранителем весны. Дюмезиль увидел в нем прежде всего духа, ведающего обновлением природы – сменой года. Как все подобные духи, Гандхарва причастен к плодородию, бракосочетаниям, смерти, загробному миру. Однако такой набор функций получается довольно расплывчатым, и Гандхарва их почему-то делит с другими божествами и духами. Ранние материалы (Ригведа) позволяют определить функции Гандхарвы более точно.

Я. В. Васильков в своей остроумной работе о Драупади и гандхарвах (Vasilkov 1990) определил гандхарвов как мифологическое соответствие прошедшим инициацию неженатым парням из индоарийского «мужского дома». Здесь много верного. Конечно, в мире богов и духов отражались земные социальные явления. Но ограничиться этим – значит не уловить основную функцию Гандхарвы.

По Ригведе, незамужние женщины (девушки) являются собственностью Гандхарвы. Он всегда приходит на свадьбу и выступает соперником жениха (а это, как мы видели, и главная особенность поведения кентавров). Свадебное действие разыгрывается как передача невесты от Гандхарвы богу огня (возможно, домашнего очага), в от него – жениху. В брачную ночь жених берет в руки палку и говорит ей: «Ты Гандхарва!» Палку, умащенную благовониями и закутанную в ткани, помещают на постели между молодоженами. Некоторое время все лежат неподвижно, затем жрец обращается к палке со словами: «Уходи отсюда, дай мужу сделать его дело с супругой» (Ригведа, X.85.21 – 22). Иными словами, по главной сути своей Гандхарва – бог-охранитель девичества.

Подобно кентавру Хирону и Силену, Гандхарва обладает знанием тайных сил, зверей и растений, вед и речи, и он способен открыть их человеку. Такое ведовство естественно для него: ведь он владеет девушками в том периоде их жизни, когда они, недоступные мужчинам, созревают для деторождения.

В известном смысле Гандхарва охранял и юношей: своей ревностью и угрозой расправы (отнятия тестикул) оберегал их от соблазнов перейти прежде времени в более взрослое состояние. Что его функции распространялись и на юношей, видно из любопытного представления индийцев: обеспечивать юношу знаниями и навыками было делом гандхарвов и значило открывать ему «всю гандхарву», как это определяется в Махабхарате. Как и гандхарвы, силен или кентавр-воспитатель в Греции должен быть мастером на все руки. У кентавров эта функция воплощена в Хироне, воспитателе Ахилла. Да и само имя Хирон означает 'Рукастый'; аналогичное имя есть и у гандхарвов: один из них называется Хаста 'рука' (Meuser 1883: 208).

Гандхарва архаичнее кентавров (Ригведа создана в середине II тысячелетия до н. э.), и древний бог еще просвечивает в нем. У кентавров их тяга к свадьбам, к чинению препятствий жениху уже необъяснима. Каждый раз они как бы случайно появляются у людей к свадьбе и нападают на участников. А на деле здесь испорченная древняя связь. Кентавры не на чужие права посягают – они предъявляют свое истинное право, а в нем выступало преобразованное религией право первобытного коллектива на своих девушек. Это жених должен был завоевать для себя невесту, тем самым отнимая ее у всех. В религиозном оформлении – у гандхарвы-кентавра.

В конце микенской эпохи кентавра в роли охранителя и воспитателя юношества в Греции сменил Аполлон (Клейн 1998: 345 – 391), - новый бог, пришедший, возможно, из Малой Азии (его нет в общеиндоевропейском пантеоне). По-видимому, когда это произошло, главная функция кентавра, державшая сюжет мифа, была забыта, а от этого разрушилась первоначальная связь между отдельными эпизодами и характеристиками.

Как и кентавры (да и силены), гандхарвы «обитали» на севере (впрочем, в Индии это характерно для всех богов). Крайняя северо-западная провинция Индостана (теперь на границе Афганистана с Пакистаном) называлась Гандхарва. Ныне звучание изменилось: Кандагар.

В постеледический период, в эпосе, гандхарвы делятся на два вида: нары и кимнары (или киннары). У наров голова человеческая, а круп лошади, у киннаров –

наоборот: голова лошади, а тело человеческое. В Махабхарате упоминаются божественные лошади Гандхарвы, и «гандхарва» - это поэтический синоним коня (Dumézil 1929: 119). Видимо, какая-то связь с лошадью была у гандхарвов и раньше, хотя она и не отразилась в Ригведе – ведь та выражала лишь узкие взгляды одной племенной группы индоариев, точнее, их жреческих родов.

Я опущу наличие образа Гандаревы у иранцев. Отмечу только, что для авестийского Гандаревы характерны две вещи: умыкание женщин и содранная кожа. Отмечу также, что о глубоком индоевропейском происхождении кентавра-гандхарвы свидетельствует наличие в литовской мифологии бога Гонду, призываемого на помощь в браке.

12. «Керносовский идол». Такое полное соответствие индийских мифов греческим (и иранским) при отсутствии промежуточных звеньев может быть объяснено только древними контактами или происхождением из одного источника. А так как по лингвистическим основаниям реконструируется грекоарийское этническое единство и по комбинации разных данных оно предполагается в понтокаспийских степях, где-то в раннем бронзовом веке или энеолите, то в поисках каких-то археологических соответствий нужно обратить серьезное внимание на памятники степного энеолита.

Четверть века тому назад я заинтересовался одним памятником степного энеолита и проделал его анализ, но воздерживался публиковать, так как не все детали были мне ясны. Но после появления статей А. М. Смирнова пришла пора опубликовать мои результаты. Речь идет о «Керносовском идоле».

Под таким названием в 1976 г. вышла статья киевской исследовательницы Л. П. Крыловой (1976) о находке у с. Керносовка Днепропетровской области Украины. При сооружении силосной ямы бульдозер вывернул из земли каменную стелу, типичную для энеолитических изваяний V тысячелетия до н. э. На ней высечено полно изображений, типичных для этого времени. Исследовательница интерпретировала стелу как изображение жреца-шамана (рис. 40). Я считал, что это не изображение человека, но один из предметов, высеченных на стеле оставлся для меня загадочным. Именно таким предметам была посвящена одна из великолепных статей А. М. Смирнова (2000) об энеолитических стелах Франции и Причерноморья, в которых он интерпретировал ряд изображений на стелах, основываясь на более понятных изображениях Передней Азии. Стало ясно, что в общем эти стелы демонстрируют переднеазиатские истоки мифологии энеолитической Европы (что связано с истоками неолитизации Европы – передвижением в Европу земледелия и скотоводства из Передней Азии). Стелы Смирнов интерпретировал как статуи богини плодородия, ответственной за рождения и смерти, а непонятный для меня прямоугольник на этих стелах – как изображение «хижины для рождений», аксесуара этой богини, символизирующего матку (рис. 41).

Объяснение этого предмета проделано очень убедительно. Но керносовский идол никак не может быть богиней, потому что это явно персонаж мужского пола. Бородка еще может быть принята за острый подбородок, но свисающие усы богине не подходят, а ниже пояса четко изображен эрегированный фаллос. За пояс воткнут боевой топор, выше – еще ряд предметов вооружения и орудий: булава, кинжал, рабочие топоры-мотыги, лук с наложенной на него стрелой.

Сзади у изваянного персонажа свисает хвост, что и дало автору первой публикации повод толковать всё изображение как статую жреца-шамана с подвязанным хвостом (шаманы и в самом деле имеют такие детали костюма). Это толкование навеяно представлением, что древние статуи непременно должны изображать вождей и жрецов. Но на изваянии есть признаки нечеловеческой природы изваянного персонажа.

Сзади у изображенного персонажа показаны позвоночник, лопатки, кости таза (или почки) и ребра, то есть тело со спины как бы вскрыто. Это так называемый «скелетный стиль» изображения, особенно характерный для мегалитических культур. Он представлен и на других стелах – из Натальевки (персонаж тоже вскрыт сзади), Федоровки (сзади и с боков), Новочеркаска (ребра спереди). «Скелетный стиль» одни считают художественной манерой исполнения, свойственной первобытному сознанию: мастер, де, не владея правилами реальной передачи, требующей изображать только видимую поверхность, считал необходимым изображать и внутренние органы, коль скоро они важны для его

сюжета – как бы смотрел насквозь. Другие усматривают в «скелетном стиле» способ изобразить труп, причастность к смерти. Третьи считают, что так отражена предназначенность персонажа к жертвоприношению – как бы произведена разметка тех органов, которые будут вынуты.

Есть свидетельства того, что перед нами не «стиль», не «манера» передачи, а особенности самого изображаемого персонажа. В памирской мифологии у таджиков, принадлежащих к иранской ветви ариев, сохранились представления о некоем *баргуше* – красивом мужском существе, не имеющем кожи на груди и животе, так что все внутренности открыты (Стеблин-Каменский 1981). Еще примечательнее средневековые европейские представления о дьяволе. Он всегда уходит пятясь, потому что боится повернуться спиной: со спины он открыт, и все его ребра и внутренности видны, не защищены. Такими представлялись сверхъестественные существа, обитавшие в реальном мире. Способность ходить без кожи была одним из чудесных свойств. Наличие этого свойства говорит о том, что изображен не человек, а бог или подобное сверхъестественное существо (дух, демон). Содранная кожа связана с образом иранского Гендаревы.

Уши Керносовского идола треугольные, остриями вверх. Сочетание таких звериных ушей с хвостом выдает в нем образ, близкий к греческому Силену, а, как было сказано, с Силеном в древности совпадали по внешнему облику Кентавр и Сатир. Итак, перед нами древнейший вариант греческого Кентавра и, соответственно, индийского Гандхарвы, иранского Гендаревы. От греческого времени его отделяет четыре тысячи лет, от ведического три тысячелетия. За это время, несомненно, образ претерпел значительные трансформации.

К счастью, то, что запечатлено рельефными сценами на нем же, может подтвердить атрибуцию. Композиция организована не очень ловко, потому что сцены явно нанесены уже после того, как были изображены атрибуты божества – предметы вооружения, и мастер стоял перед задачей втиснуть в оставшееся пространство три взаимодействующие фигуры. Человекообразная фигура с хвостом (мы узнаем в ней самого персонажа статуи) держит в левой руке (или выпускает из руки) нечто длинное (палку или веревку), а перед ним мчатся два животных меньшего размера, видимо, собаки. Он как бы науськивает двух собак, хотя перед ними никого нет. Крылова полагает, что это «сцена охоты с собаками, хотя объект охоты отсутствует на картине». Странная охота! Таких сцен охоты, где бы не было объекта, первобытный человек не изображал, и это, конечно, не сцена охоты. Очевидно, для ваятеля важно было показать, что две гончие (они мчатся) подчиняются этому персонажу, а роль двух потусторонних собак у ариев и греков в выискивании людей, подлежащих смерти, хорошо известна. Иными словами, персонаж явно имел (постоянно) или получал (на время) какую-то власть над собаками-стражами загробного мира (церберами) и, следовательно, сам имел некую причастность к загробному царству. Недаром у него в руках наготове лук со стрелой – как у Аполлона, посылавшего стрелами мгновенную смерть, и часто именно перед самой свадьбой (я уже говорил о перенятии Аполлоном функций Кентавра).

Здесь можно вспомнить, что античные кентавры в мифе о Геракле связаны с загробным царством, а самые древние их изображения найдены в могилах, в частности глиняная скульптура кентавра с Эвбеи. Можно также вспомнить и то, что по заключению многих исследователей античной религии, смерть представлялась в древности браком с божеством смерти, а умерший воспринимался как избранный богом, полюбившийся ему и взятый им к себе. Праздновалась его свадьба с божеством. Свадьба – обычное изображение на саркофагах, женщины хоронились в свадебных нарядах, брачные божества – боги смерти.

На левом боку персонажа выше пояса изображена очень откровенная сцена брачного соединения хвостатого персонажа с женской фигурой, никаких сверхъестественных черт не имеющей. Сцена напоминает типичный для античного искусства сюжет – страстные объятия сатира и менады; как и на многих античных изображениях, мужской персонаж помещен здесь сзади женщины (*coitus a tergo*). Но древняя сцена более ритуализирована: руки женщины подняты с растопыренными пальцами, как бы в жесте адорации. Одна рука хвостатого персонажа тоже поднята, вторая занята в практическом осуществлении его замысла. Тут пристало заметить, что обе руки его непропорционально велики (ладони величиной с полтуловища), они как бы выделены, подчеркнуты. Этот персонаж – Рукастый, Рука! Не оставляет впечатление, что за три

тысячи лет до письменной фиксации мифа тут изображен кентавр Хирон, он же гандхарва Хаста. Если вспомнить, что Гандхарва при всяком браке претендовал на исполнение функций жениха перед самим женихом, то сцена показывает, что нечто подобное совершал уже далекий предшественник гандхарвов и кентавров-силенов-сатиров.

Ниже пояса под этой сценой помещена фигура быка с огромными рогами, напоминающими золотых майкопских бычков. На передней стороне стелы ниже пояса изображен жеребец (признак пола отчетлив), идущий за кобылой, а сверху над кобылой – большой замкнутый квадрат. Именно этот квадрат Смирнов убедительно интерпретировал как символ «хижины рождений» или матки. Контуры коней точно такие же, как на плите из усатовского кургана, где они являются ее древнейшим изображением, – со статичными столбообразными ногами, короткой шеей и опущенной головой. Зачем жеребец идет за кобылой в общем понятно. И в греческой и в индийской мифологии есть рассказы о спаривании, в котором божества принимали вид коней. Так, у индийцев отец царя мертвых Ямы и, значит, предок всего человеческого рода – Вивасват, обернулся конем и в этом облике овладел Саранью, принявшей облик кобылицы. От этого соединения родились близнецы Ашвины, «Рожденные от коня», женихи Ушас (Эос), сестры Солнца.

В архаической греческой области Аркадии (вспомним аркадо-кипрский диалект, наиболее близкий к микенскому) рассказывали, что Посейдон, воспылав страстью к Деметре, преследовал ее, пока она не обернулась кобылой; тогда он превратился в жеребца и настиг ее. Деметра родила ему дочь Деспойну и коня Арейона (Stiglitz 1967). Совершенно очевидно, что персонажу, представленному стелой, то есть Силену-Кентавру, первоначально приписывалось такое же происхождение. На память сразу приходит странная заинтересованность Посейдона в этих полуконях-полулюдях: из богов он почему-то особенно огорчен их смертью в сражении и тащит их трупы, чтобы похоронить их в Элевсине. Это становится понятным, если он их отец. Опять же и участие Деметры становится понятным: если она их мать, то учредить в их память мистерии для нее естественно. А уж в Аркадии, известной – еще раз подчеркиваю – архаичностью своих диалекта и культов, Посейдон и Деметра имели вид коней: Посейдон Гиппий («Конский») и Деметра Меланиппа («Черная Кобылица»). Как покровительница или мать близнецов Диоскуров, по имени буквально «сыновей бога», Деметра соответствует индийской кобылице Саранью, родившей близнецов Ашвинов, а они носили эпитет «сыновей бога».

У индоариев небесными водами повелевал бог Варуна. По имени у греков ему соответствует Уран, бог неба, считающийся дедом Зевса (Dumézil 1934). Но функциональным его соответствием был Посейдон, главный бог в микенскую эпоху. Как и Посейдон, Варуна связан не только с водами, но и с конем: ашвамедха – самое важное царское жертвоприношение закланием сотен других коней, было посвящено именно Варуне.

Оба эти бога в древности ведали облаками. Поэтому след их отцовства не ограничился конским обликом кентавров-гандхарвов, а выразился в мифе о происхождении от облака: кентавров, рожденных Нефелой (облаком) и набхойя – облакорожденных гандхарвов.

Конечно, тут возникает вопрос, откуда связь коня с Посейдоном и Варуной, откуда его связь с Деметрой. Но конь у всех индоевропейских народов связан с божествами воды и с загробным миром. Это видно по фольклору, по мифам, по гидронимике (названиям водных источников) и т. п., так что вопрос перерастает в более общий – об истоках и особенностях культа коня у индоевропейцев. На него пока нет ясного ответа. Вряд ли это связь с колесницами или даже с одомашниванием коня. Культ коня есть уже в культуре воронковидных кубков. Скорее всего вокруг Деметры на изображении бегут дикие кони. В одинаковой позиции с кобылой и жеребцом Керносовского идола на другой стеле оказываются олень с оленихой. Так что индоевропейский культ зарождался как культ дикого коня. Возможно, дело здесь в раннем представлении коня предком. Отсюда и сопряжение его с загробным миром и подземными водами, отсюда же и превращение его в брачные божества, в богов инициаций – Кентавра, Единорога. Всё это нуждается в дальнейших исследованиях.

Пока же удовлетворимся тем, что образ кентавра грекоарийской мифологии документирован изображениями энеолитического времени в Северном Причерноморье, что усиливает гипотезу о связи грекоарийского языка и этноса с энеолитическими культурами этого региона.

Но греки и арии входили в это единство не одни. С ними вместе были фригийцы с армянами и фракийцы, хотя, они как будто держатся в этой общности несколько слабее и, возможно, отошли от нее несколько раньше, чем греки отделились от ариев.

1. Каменные бабы – половецкие статуи (Федоров-Давыдов 1966 Кочевники...).
2. Скифские статуи (Ольховский и Евдокимов 1994 Скифские изваяния...).
3. Древнейшие антропоморфные стелы (Златковская 1963 – в Сов. Этногр. 1).
4. Мегалитические каменные статуи и менгиры Западной Европы (Формозов 1965 в Сов. Этногр. 6)
5. Ареал антропоморфных стел по Телегину (Телегин 1971 – в Археол. 4).
6. Карта стел по Новицкому (Новицкий 1986 Каменные изваяния...).
7. **Стела из усатовского кургана (Могайт Археология СССР: 109).**
8. Танцующие человечки по Формозову (Формозов 1970 – КСИА 123).
9. (3) Нальчикская гробница (Чеченов в СА 1970, 2).
10. **Нальчикский могильник (Круглов и др. МИА 3: 138, 149, табл. VII, 5; VIII, 1).**
11. Степные святилища энеолита (Телегин 1971 и Щепинский 1973 – в Археол 9).
12. **Посохи на стелах по А. М. Смирнову (Смирнов 2004, рис. 4 и 5).**
13. **Карта культуры Средний Стог (Археология УРСР карта 4).**
14. **Типы Среднего Стога (Археология УРСР, с. 229).**
15. Захоронение половины коня с двумя собаками из Среднего Стога (Телегин 1973, книга).
16. **Каменные зооморфные скипетры (Дергачев рис. 4, 1; 5; 6; 9,2)**
17. Карта скипетров (Дергачев и Сорокин 1986 – в Изв АН Молд ССР 1 или Dodd, Opritescu 1983 – в Carpa 15).
18. Хвалынская культура – карта (Васильев 1980 ст. в Энеолит Вост Евр или 1981 его книга Энеолит Поволжья)
19. Хвалынская культура – типы (там же).
20. **Карта курганных культур раннего энеолита (Манзура в Стратум 2000, 2, рис. 1).**
21. **Типы вещей из этих культур (Рассамакин там же, рис. 25).**
22. Схема происхождения ямной культуры – корни из репинской, а той из нижнего слоя Михайловки, из Среднего Стога и Хвалынской культуры (сделать).
23. **Культура воронковидных кубков – карта (Midgley 1992, 36)**
24. **Культура воронковидных кубков – карта ранних типов (Там же, 194).**
25. **Культура воронковидных кубков – типы юго-восточной группы (Там же, 73).**
26. **Культура воронковидных кубков – хронология по C14 (Там же, 229).**
27. Мариупольский могильник – общее устройство (Макаренко 1933, а скорее Столяр в СА, XXIII, 1955).

28. Деревянные конструкции могил в культуре воронковидных кубков – могила в Коненс Хэй, реконструированная Ливерсаджем, 1983 (Midgley, 412).
29. Изображения кентавров греческие разного времени (из любого альбома греч. искусства).
30. Кентавр из Лефканди на Эвбее (Themelis 1980 – в книге *Āgāis und die Levante* - 150 – 152, а лучше – Hampe and Simon 1981: tabl. 379, шифр H1828).
31. Бронзовая статуэтка схватки человека с кентавром из Нью-Йорка (Hampe and Simon 1981, tabl. 380 – 381).
32. Кентавр начала VII в. с протокоринфского лекифа (Buschor в Amer. Journal of Archaeol. 38, 1: 128 – 134).
33. Фрагментированные статуэтки кентавров позднемикенского времени из Рас-Шамры (Shear 2002, tabl. a, c).
34. Крылатые кентавроподобные фигуры ассиро-вавилонские (кентавроподобный сераф с луком с вавилонского рельефа XIII века (Британский Музей) (Sulimirski 1970: 396).
35. Символ Стрельца в Зодиаке (с любого Зодиака – можно из интернета)
36. Силен из греческой мифологии (???????????)
37. Кентавр с келермесского серебряного ритона VII в. (Раевский 1985, рис. 6).
38. Коринфская глиняная статуэтка кентавра VII века (Shear 2002: pl. 4e).
39. Индийские изображения гандхарвов (летающие гадхарвы – скульптурный фриз на индийском храме VIII века н.э. (Бонгард-Левин и Грантовский 1983, 41).
40. Керносовский идол (Крылова 1976 в книге: Энеолит и бронзовый век Украины).
41. Аналогии ему (на стеле) из Верхоречья (Смирнов 2001: 62, 2).

Обсуждение

Васильков. Месяца три назад мне довелось заняться стелами и могу сказать, что этот обзор по охвату – единственный в своем роде. Однако я их интерпретирую иначе, хотя меня радует, что многие наблюдения совпадают. Я сопоставил бы эти стелы с материальными памятниками Индии (самые ранние – III в. до н. э.). В ведах и брахманах они не упоминаются, но то жреческие тексты, а в народной культуре Индии они существовали веками. В скотоводческих районах (включая дардов и кафиров) велись войны из-за скота, как и в древней Греции, у скифов и тюрков. В героическом эпосе это отражалось и ставились памятники героям, мемориалы. Они анализированы в докторской диссертации Ярмоленко. Чаще всего изображался главный поединок героя, на панели внизу – объект поединка (скот или иногда женщины). Мотив похищения – главный. И апофеоз: в центре апсары несут героя на небо. Сверху он сливается с божеством или сам становится божеством. Не вижу оснований считать, что это не герои, а боги.

Волков. Некоторые племена северо-американских индейцев сооружают памятники поединкам племен.

Васильков. О гандхарвах. На индоевропейском уровне эту тему давно не рассматривали. Гандхарвы связаны с подобными памятниками. Есть признаки божества, но функция одна – героизировать умерших и обожествить. Гандхарвы сами крайне эротичны, но не пробуждают эротизм у юношей. Эволюция идет не от бога Гандхарвы в Ригведе к множеству, а от множества народных образов к жреческому богу. Это класс духов, связанных с половой зрелостью. В то же время они – музыканты. «Вся гадхарва» - это знание о музыке. И это духи умерших (между смертью и новым рождением).

У кафиров (калашей) есть свои деревянные антропоморфные памятники-мемориалы, и они называются «гандарвы», «гандалы». Таков же и керносовский идол.

КЛЕЙН. А хвост?

ВАСИЛЬКОВ. Скорее собачий, чем конский.

КЛЕЙН. Ну и что? Это же не способ героизации.

ВАСИЛЬКОВ. Кони на стелах энеолита объяснимы: ведь конина со времени репинской культуры – основное средство питания степняков. Прямоугольник – загон для скота...

КЛЕЙН. Смирнов доказал, что это не загон, а «хижина рождений» и символ матки. Доказано очень убедительно, с большим количеством передневожосточных аналогий. А. М. Смирнов был в студенческие годы моим учеником (ныне в Москве), но я могу только восхититься его наблюдательностью и меткостью, широтой охвата и смелостью идей. Его работы о стелах очень ценные.

ВАСИЛЬКОВ. Кроме того, стоит учесть мнение Формозова, что если стела во вторичном использовании, то это не обязательно другая культура.

ЯКОБСОН. Но чужие сакральные предметы считалось опасным трогать. Так что либо они десакрализовались, либо их сакральность не замечали, не знали о ней.

Сомнительнее другое. Существуют универсальные мифологемы – ось мира, всемирный потоп, сакральный половой акт в позе животного, символическое похищение невесты. Сходства, которые невозможно объяснить заимствованием, контактами – когда нет условий для контактов. Набор таких мифологем весьма ограничен, и невольно многие народности выбирают одно и то же. Наличие таких мифологем не всегда говорит об общности происхождения.

СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ. Связь гандхарвы с кентавром сложная. Сравнительная мифология опасна тем, что можно найти много всего, а достоверности нет. В любом таджикском озере есть водяная лошадь. Баргуш с открытыми внутренностями живет и отлично играет на музыкальных инструментах, и встретившие его женщины начинают мечтать только о соитии с ним, а его дети обладают выдающимися способностями. В финноугорских языках (коми) есть заимствованное слово «гандхарва» - обозначает страшное чудовище.

ТОХТАСЬЕВ. Мне показалось убедительным, что на стелах изображены божества. Греческие ксоаны – просто грубые изображения их, а было и нечто более определенное. Но могли быть и погребальные стелы. Идея с кентаврами очень увлекательна, но сравнительная мифология – дело опасное. «Кентавр» и «гандхарва» не могут быть сведены к общему корню, они вообще не имеют индоевропейской этимологии. Возможно, оба из третьего источника, и он – не индоевропейский. Что касается того, что они в Греции с севера, то все греческие чудища и боги – с севера. Герои – южнее, а всё доисторическое – на севере. Козлоподобность Силена – от Пана (аркадского божества), а что первоначально они имели лошадиный облик – очень правдоподобно.

КАЗАНСКИЙ. Связывать не только кентавра с гандхарвой, но и Урана с Варуной не все индоевропейцы решаются. Есть несколько статей специально против этих сопоставлений. Загвоздка состоит в том, что нет сил и средств доказать связь, а интуитивно мы чувствуем, что она верна. Это от недостатков нашей методологии.

Я бы не стал утверждать, что Аполлон – позднее божество, что его не было в микенской Греции. Не было имени, но были эпитеты, которые позже связаны с Аполлоном. Точно так же не стал бы утверждать, что главным богом в микенскую эпоху был Посейдон, а не Зевс. Главенство Посейдона – это, видимо, локальное явление Пилоса. Три находки *решена* есть в Афинском музее – мы просто не знаем, как они назывались у микенцев.

Трактовать «ферес» как эолийское и потому более древнее звучание, чем «терес», мне кажется, неверно. Оба термина могли иметь общее происхождение от более древнего звучания.

Сатемизацию я бы не стал отвергать как разграничивающую изоглоссу. В схеме Порцига, да и у других, это одна из важнейших изоглосс, показывающих инновационное развитие и имеющих хронологическое значение.

Закончить я бы хотел вопросом: неужели приход индоевропейцев нельзя уследить по разрушениям других культур, по геноциду?

КЛЕЙН. Индоевропейцы не раз отличались геноцидом прочего населения, хотя это не всегда имело место. Это трудно проследить, потому что разрушение отдельного поселения можно объяснить и нападением соседей той же культуры. Но когда есть масштабные разрушения, приход индоевропейцев становится вероятным. Так, Дергачев проследил изменение обстановки в трипольской культуре (строительство городищ, укреплений, уничтожение поселений). Он объясняет это нападениями с востока, хотя скорее это нападения с северо-запада. Опустошение в Передней Азии картировал Меллаарт.

Стелы я не все объясняю как изображения божеств. Несомненно в позднее время появляются и памятники героям. Но нельзя уравнивать материалы разных эпох – между ними

тысячелетия, у них разные уклады и разный облик. Я же отличаю по функции половецкие бабы от скифских истуканов, а те – от энеолитических стел. Ничего из того, что Ярмоленко и Я. В. Васильков находят на индийских памятниках, на стелах Западной Европы и Подунавья с Причерноморьем нет. Признаки божеств несомненны. Притянуть изображения на керносовском идоле к героизации грабительского похода можно разве что за уши. То, что Иван Михайлович добавил о баргуше, только сближает этот образ с кентавром. Кстати, поверить в изначальное множество гандхарвов мне трудно: в Ригведе-то всё-таки один гандхарва, умножаются они в поздних источниках.

Сравнительная мифология действительно дело рискованное, особенно когда идет по пути изолированных аналогий. Но когда появляются массовые сопоставления в деталях, то чем их больше, чем они конкретнее и чем плотнее их связь, тем надежнее выявленные ассоциации. Связь кентавра с гандхарвой детально разрабатывали такие ученые, как А. Кун, Э. Г. Мюллер и Ж. Дюмезиль (последние двое – специальными книгами). А у Керносовского идола говорят о привязке к этому образу звериные уши и хвост (никак не свернутый собачий), открытые внутренности, как у баргуша, эротизм, эрегированный фаллос, оружие (лук), подчернутая рука (Хаста). И это хронологически вписывается в общую увязку арийского культурного комплекса с греческим через ранний украинский энеолит.

Глава VI. Миграции фригийцев и происхождение армян

1. Происхождение армян. Армянский язык засвидетельствован с V в. н. э., но имя народа и исторические сведения о его территории в Закавказье и деяниях известны на тысячу лет раньше – с VI в. до н. э. (рис. 1). Как давно установлено, язык относится к числу индоевропейских. Хотя выглядят армяне, как переднеазиатские люди, и армянская речь звучит для русского уха по-кавказски, в ней распознаны регулярные соответствия индоевропейским языкам по грамматике и основному словарному составу.

Армянский язык несомненно родственен индоевропейским, и в их числе близок к арийским и греческому, а особенно к фригийскому (Hübschmann 1877; 1897; Bonfante 1937; 1982; Solta 1960; Георгиев 1960). Хотя хеттский и располагался близ армянского территориально, но с хеттским армянский не столь схож, как с названными балканскими. Дьяконов (1968: 205, прим. 39) представил несколько звуковых переходов, общих для армянского и фригийского с фракийским, а также ряд слов, общих для них, в том числе название фригийского верховного бога Сабазоса, которое в армянском значит просто 'бог'. Некоторые исследователи, отвергая особую близость армянского фригийскому, всё же признают, что известная близость налицо, и что прародина индоевропейского ядра армян лежала где-то на Балканах поблизости от прародины фригийцев (Haas 1939; 1961; Dressler 1964; Джаукян 1970; Гиндин 1971). В результате сильного смешения с кавказским (в основном урартским) субстратом (Капанцян 1940а; 1951) армянский утратил многие черты своего индоевропейского предка – род, звательный падеж, двойственное число и т. д., но сохранил основную грамматическую систему и многие корни индоевропейского языка-основы. Испытали армяне в древности и сильное влияние хеттского языка и культуры хеттов (Капанцян 1931 – 33; 1940б), а потом мидян и персов, но воздействие их всех сказывалось главным образом в лексике.

Георгиев (1958: 28) составил список общих грамматических форм для греческого, армянского и индоиранских. Сюда входят окончание родительного падежа на -osio (греч. -oio, арм. -ou, древнеинд. -asya); аугмент (также во фригийском), отриц. на *me, ряд слов. Порциг (2002: 298) добавляет, что только в греческом, армянском и арийских сохранилось старое индоевропейское название «змеи» - др.-инд ahi-, авест. aži-, греч. 'ἕχιδ, тогда как в других индоевропейских оно было заменено словами от *ang^{uis} (как русские «угорь» и «уж»). Порциг (2002: 230 и др.) выделяет целый ряд эксклюзивных армянско-греческих сходжений в лексике. Ряд индоевропейских слов только в этих языках начинается с гласной, а в других она отсутствует: греч. «астер» - звезда, «одонт» - зуб и др. Есть и эксклюзивные сходжения армяно-арийские, в том числе «эрг» - вед. «арка» - 'песня' (см. также Bailey 1956). Общую судьбу с индоарийскими языками характеризует и отсутствие названия домашней свиньи в числе сохранившихся в армянском индоевропейских элементов (Туманян 1968). Сакеллариу (Sakellariou 1980а: 61 – 67), сравнивая изоглоссы греческого с другими индоевропейскими, набирает со многими языками по отдельности по 1-3 изоглоссы, только с армянским – 10 изоглосс плюс с армянским вместе с некоторыми другими еще 3, с арийскими - 16 плюс с арийскими вместе с другими еще 6, а со всей арийско-армянско-фригийской совокупностью - еще 7.

В отличие от фригийского армянский сохранился в живом обиходе у нынешнего народа, но зато о фригийцах много писали античные авторы, а об армянах – очень мало: армяне жили далеко. Геродот (VII,2) повествует, что армяне, будучи выходцами из фригийской земли, имели фригийское вооружение. Евдокс Книдский добавляет: «в языке их много фригийского». Поэтому ранние стадии армянского этногенеза в большой мере зависят от ранней локализации фригийцев. Из античных сведений и данных лингвистики и восточных письменных источников исходил И. М. Дьяконов, строя свою концепцию происхождения армян и их самоназвания – «хайк», «хайя».

По Дьяконову (1968; 1961), фригийцы и их подразделение мисы (или мизийцы, Mysia) были известны восточным народам (ассирийцам) под общим именем *мушков* (где -к – формант множественного числа). Они, переселившись в Малую Азию с Балканского полуострова на рубеже XIII – XII вв. до н. э., застали Хеттскую империю в состоянии гибели и распада. Кто ее разгромил, не очень ясно (Bittel 1983), возможно как раз они. Заселив подвластные ранее хеттам земли, фригийцы-мушки беспокоили северозападные границы

Ассирии. Они влились в пост-хеттские государственные образования (все-таки родственные по языку) и, освоив хеттскую статусную идентичность, несомненно более высокую, противопоставляли себя окрестному хурритскому и семитскому населению уже как хеттов. «Хетты» стало их самоназванием. К IX – VIII векам (а вероятно, с сер. XII в.) они владели землями в долине Верхнего Евфрата к западу от озера Ван (рис. 2). Захватывая оттуда в конце VII – начале VI вв. до н. э. земли распавшегося урартского государства, населенные мелкими народцами и языками, они принесли туда свой индоевропейский язык (близкий фригийскому протоармянский), который вобрав в себя много местных элементов, особенно в произношении и лексике, стал *lingua franca* – объединяющим языком. Так сложился армянский язык. Из самоназвания «хетты» (*Hatti*), в протоармянском **Haṭjos* или **Haṭijos*, по нормам звуковых переходов армянского языка закономерно образовалось «хай-» - нынешнее самоназвание армян.

Грузины же называли армян по ближайшей к ним армянской области Сухму – получилось название «сомехи» (как и по сей день грузины называют армян), а в арамейском и персидском – по такой же области Арме. Так получилось название «армяне», перешедшее от персов к грекам и распространившееся далее по Азии и Европе.

Поскольку армянам пришлось не раз отстаивать свою территорию и самостоятельность от мощных соседей, в армянской науке была очень сильна тенденция доказывать исконность проживания армян в Закавказье: мол, они ниоткуда не переселились, миграции (из Фригии) осуществлялись только внутри Малой Азии, а элементы фригийского заимствовались в результате соседства (Ишханян 1982). Сторонники этой концепции подчеркивали обилие сходств армянского с местными языками Малой Азии, особенно хурритскими (Урарту), незначительность индоевропейских корней (Капанцян 1946; 1948; 1951; против см. Асмангулян 1953), и отвергали особое родство армянского с фригийским. Они с энтузиазмом встречали гипотезы об индоевропейской прародине в Малой Азии или Закавказье – ведь тогда армян ниоткуда не нужно выводить, они живут на своей исконной прародине. Поэтому концепция Дьяконова наталкивалась в Армении на ожесточенное сопротивление.

Ныне отдельные выступления сторонников автохтонности армян в Закавказье, конечно, возможны (автохтонность всё еще имеет хождение среди популистских политиков, всё еще звучит ультра-патриотически), но концепция Дьяконова завоевала общенаучное признание, и даже на Кавказе в основном уточняются ее детали - расположение основных племенных групп – западные мушки (фригийцы и мисы), восточные мушки (армяне), даты их миграций и т. п. (Косян 2002; Хазарадзе 2002). Но при всех уточнениях остается неясным, где жили протоармяне до проникновения в Закавказье – до XII в. до н. э. Ясно лишь, что они пришли в Малую Азию вместе с фригийцами откуда-то с Балканского полуострова. Дальнейшее проникновение вглубь веков приходится осуществлять, держась за фригийцев.

Впрочем, Мэллори в своем обзорном труде пишет: «Увязка фригийцев и армян с одной и той же широкой волной миграций запутывает их происхождение почти безнадежно» (Mallory 1989: 35). Всё же попытаемся распутать.

2. Историческое предание и лингвистика. Как бы там ни было, фригийцы явно входят в одну ветвь индоевропейцев с армянами, греками и ариями (Haas 1957; Георгиев 1958: 138 – 141; Gusmani 1959; Дьяконов 1980; Нерознак 1978; Diakonoff and Neroznak 1985). Учитывая, что черт, общих для этой группы, они имеют меньше других, а по некоторым морфологическим особенностям объединяются с западными соседями, особенно с балтами, видимо их первоначальная область лежала на крайнем севере ареала общих предков этой группы – глубоко в материковой части Балкано-Карпато-Дунайского региона (Haas 1970; Kempniński 1984). Но исследователи выводят их из разных районов – скажем, польский исследователь В. Пайонковский, специально занимавшийся пеонами, считал очагом протофригийцев территорию нынешней Румынии (рис. 3. - Rajakowski 1984, карта на с. 63). По данным топонимики, ономастики и мифологии (приход Пелопса, мифического родоначальника династии Атридов) реконструируется их незапамятно раннее нашествие на Грецию (Kretschmer 1950a; 1950b; Откупщиков 1986: 40 – 41, 47 – 48), о котором более реалистичного исторического предания не сохранилось.

В Малой Азии фригийцы, конечно, поздние пришельцы. В хеттское время их там не было: никаких фригийцев и фригийских слов хеттские источники не знают. Гомер (VIII – VII века до н. э.), чей географический кругозор в Малой Азии был весьма узок, знает фригийцев только неподалеку от Илиона – на северном берегу Малой Азии, к востоку от оз. Аскания (Никейского). Геродот же (V в. до н. э.) знает и эту фригийскую территорию и Великую Фригию в центре Малой Азии, со столицей в Гордионе. На обеих территориях есть позднефригийские надписи, по которым видны два диалекта фригийского языка, соответствующие этим двум территориям. Но древнефригийские надписи (с VII в. до н. э.) есть только в Великой Фригии – они сплошным пятном закрывают западную часть центра Малой Азии, между верховьями Сангария, Герма, Меандра и озером Татта (рис. 4).

Геродот сообщает (VII, 73), что фригийцы отселились из Македонии и что они там назывались бригами (βρυγες), а уже в Малой Азии получили наименование *фригов*, фригийцев (φρύγες). Это сообщение может быть конструкцией античных ученых, призванной объяснить сходство племенных названий: в Македонии и позже обитали *брюки* (brykes, brykaí, brykeoi), причислявшиеся к фракийцам, и звучали имена Brygias, Brygion, Brykeis. Но и Ксанф Лидийский, по Страбону, говорит о приходе фригийцев из Европы, от левого (западного) берега Черного моря – это другой вариант их размещения в Европе. Сам Страбон (VII, fr. 38) считает, что родина фригийцев – Пеония, т. е. земли Северной Македонии. А Геродот к своему сообщению о фригийцах добавляет, что вифинцы (т. е. северные фригийцы) называют себя стримонцами – выходцами с берегов Стримоны, из Македонии. То есть он передает местное предание.

По данным археологии, фригийцы осели в Вифинии, т. е. на северном побережье Малой Азии, примерно в IX веке – это установлено по появлению курганов, действительно из Македонии, судя по сходству этих курганов и их культуры с болгарскими курганами. Наконец, диалект северных фригийцев, по заключению Хааса, ближе к македонскому языку, тогда как южных (центрально-малоазийских) – к греческому.

3. Фригийцы – бхриги – мушк. Когда переселились в Малую Азию эти центрально-малоазийские фригийцы, не очень ясно, и оспаривается даже, назывались ли они исконно фригийцами или имя это перенесено на них с северных фригийцев.

Дело в том, что восточные народы (ассирийцы, евреи, хурриты) называли фригийцев Великой Фригии *мушками*, *Мешех*. В этом этнониме -к толкуется И. М. Дьяконовым как формант множественного числа, аналогичный армянскому (неясного происхождения), а без этого форманта этноним совпадает с греческим названием *мисов* (Μισοί) – греки, не имея ш, передавали его как с. У Гомера мисы обитают на европейской стороне Геллеспонта вместе с фракийцами, а относительно позднейших мисов Страбон (VII,3.10; XII,3.3) отмечал, что они пришли из-за Дуная. Может быть, они обитали там и раньше, но Гомер об этом попросту не знал. Южнее Нижнего Дуная римляне знали мёзов. Где они жили раньше, неизвестно, но, учитывая общее движение варваров на юг, вероятно, севернее, т. е. за Дунаем. Точнее указать трудно. «Исторические и археологические данные, – пишет Дж. Р. Мэллори, – слишком скудны, чтобы дать основание для убедительного решения проблемы происхождения фригийцев» (Malloy 1989: 33).

Итак, центрально-малоазийские фригийцы – восточные соседи мисов, прародину которых древние авторы по каким-то источникам указывают в глубинных районах Балкан, тогда как фригийцев – только в Македонии или Пеонии. Но обоих народов – в Европе. Оба были неизвестны хеттам. Напрашивается предположение, что обе племенные группы вместе вторглись в Малую Азию из Европы. Восточные народы раньше столкнулись с *мисами* или какой-то их частью и по их имени стали всех пришельцев этого типа называть *мушк*. Греки же различали тех и других.

Самоназвание фригийцев, по-видимому, начиналось с придыхательного bh, которое регулярно передавалось греками как ф. Узнавшие фригийцев еще на Балканах – как bhryges – греки продолжали их называть Φρυγες – фригийцами и в Малой Азии, а может быть, только там они впервые узнали bhryges – Φρυγες. На Балканах же bh утратило придыхание позже. Никаких данных, что греки называли фригийцев Великой Фригии иначе, нет. Нелогично считать, что они раньше узнали северных фригийцев, появившихся позже, около IX в., в неосвоенном греками углу Малой Азии (греки прибыли туда лишь к середине

VIII в.), тогда как южнее в Малой Азии греки появились на несколько веков раньше и могли в тамошних фригийцах опознать родичей своих северных соседей. Нет данных и о том, что «фригийцы» не было самоназванием – греки бы об этом не преминули поведать.

4. Хронология вторжения в Малую Азию. Когда же фригийцы впервые появились в Малой Азии? Дьяконов (1980: 360) привлекает для датировки участие фригийцев в Троянской войне XIII века до н. э., когда они были в союзе и родстве с царем Илиона Приамом, о чем повествуют не менее пяти веков спустя Гомер (Ил. II, 863 – 864; III, 184 – 188) и последующая греческая традиция. Я не нахожу возможным опираться на эти сообщения, поскольку не считаю Троянскую войну историческим событием. Это эпизод героического эпоса, а эпос – жанр, который нередко конструировал желанные события, а не передавал действительные. Как сложился этот сюжет, можно восстановить (подробнее см. Клейн 1986; 1994; 1998). Но имя одного из вождей, героев эпоса, Атрей, совпадает с именем царя Атрея, сына Пелопса и основателя династии Атридов.

Важнее другое. Тождество Фригия = Мушк, Мешех, доказанное для клинописных источников И. М. Дьяконовым с абсолютной убедительностью, позволяет углубить фригийскую историю до XII в. до н. э. включительно.

В начале XII века до н. э. Хеттская держава пала под ударами европейских пришельцев – «народов моря» и своего извечного врага *касков (кашков) – абешла (касогов и апсиров*, т. е. предков черкесов-адыге и абхазов). Каски, согласно предположению Биттеля, и были теми, кто разгромил столицу империи – Хаттушаш (Хаттусу) или участвовал в разгроме. Но каски враждовали с хеттами исстари, а пала Хеттская империя, только когда появились «народы моря», в этом движении и мушки. Уже через несколько десятилетий, ок. 1165 г., ассирийцы зафиксировали на своих границах мушков, которые перешли Евфрат и заняли низовья р. Арацани. К 1115 г. 20 тысяч их воинов во главе с 5 вождями спустились на юг в долину Верхнего Тигра, возбудив против ассирийцев местное население. Тиглатпаласар I разбил их и захватил низовья Арацани, а затем за несколько лет продвинулся до моря.

Мушки и в дальнейшем тут жили: в IX веке оседлых мушков этих мест упоминают надписи Тукульти-нинурти и Ашшурнацирпала. В начале VII века здесь восстали местные племена, возглавленные, кажется, Гурди (Гордием), т. е. тёзкой фригийского Гордия – с таким именем, очевидно, связывались и династические претензии.

Более того, есть и более древние сведения. В конце XIII века один из последних хеттских царей, возможно Анувантас III (ок. 1220 – 1190 гг. до н. э.) заключил договор с соседним небольшим царством Паххувой, в районе Армянского нагорья. Царем Паххувы в это время был Митас, но договор заключен, минуя этого царя, с людьми Паххувы и против него. Поскольку имя этого древнего царя совпадает с именем позднейшего фригийского царя Мидаса (тот в клинописных источниках тоже Митас, Мита), это рассматривается некоторыми исследователями как свидетельство того, что это фригийцы, и что они в это время были уже на Армянском нагорье (Gurney 1948; Garstang and Gurney 1959: 107). Дьяконов сомневается: как они прошли через территорию еще неразрушенной Хеттской державы. Но они могли пройти через земли касков – противников Хеттской державы.

5. Археологическая идентификация мигрантов. Археологическая идентификация этих мигрантов, как всегда, очень затруднена. Подвижное население всегда уловить трудно, и трудно установить связь с исходным очагом, найти этот очаг. В Малой Азии было выделено две археологические культуры, связываемые с фригийцами, обе чуждые предшествующему развитию Малой Азии, но в Малой Азии этого времени было немало пришельцев. Одна культура была названа «старофригийской» – с керамикой расписанной концентрическими кругами (заметим эту деталь) и стилизованными фигурами оленей и деревьев, она занимала территорию к юго-западу от Галиса и несколько со сдвигом к югу от центра позднейшего Фригийского царства со столицей в Гордионе. Дьяконов был не уверен в ее фригийской принадлежности (1968: 131), но всё же позднее предположил, что это те мушки, которые пришли раньше и потом дали начало армянам (1980: 363). На месте позднейшего Фригийского царства расположена другая – «новофригийская» культура (рис. 5), которая, по-видимому была культурой Фригийского царства, но она значительно позже и

не имела преемственной связи с первой. С какой же культурой фригийцы прибыли в Малую Азию? Похоже, что в Малой Азии это пока установить не получается.

Но посмотрим, нет ли в других местах зацепки, современной вторжению.

Будем исходить из того, что тогда, XII в. и даже, возможно, в конце XIII, фригийцы и их родичи мисы-мушки из Балкано-Дунайского региона (откуда точно – неизвестно), преодолев 700 – 800 км, не полностью осели в центре Малой Азии, а по крайней мере их первая волна прошла ее насквозь (еще св. 700 км, итого 1400 – 1500 км). Центральную Анатолию осваивала уже вторая их волна. Или наоборот: первая волна закрепилась в Анатолии, а вторая волна прошла дальше. Так эти западные пришельцы оказались у границ Ассирии, где тоже осели их племена, и, по крайней мере, несколько веков держались там (с этим Дьяконов связывает происхождение армян). Исклякло ли на этом миграционное движение фригийцев на восток в XII веке или их контингенты и энергия были еще не исчерпаны?

Дальше к востоку лежат земли, совсем не освещенные письменными источниками XII века и плохо просматриваемые археологией. Но, продвинувшись по этим землям еще более двух с половиной тысяч километров (а тохары прошли больше), т. е. пройдя весь Иран и Афганистан, мы оказываемся у границ Пенджаба. Здесь, в Пакистане, следы этого миграционного движения, по-видимому, улавливаются археологически и неплохо идентифицируются благодаря богатству и сохранности устного предания, а для XII в. это единственная возможность установить археологический облик ранних фригийцев. Пользуясь этим, можно найти исходный очаг всей фригийской миграции.

6. Носатые сосуды и Насатья. Арии прибыли в Индостан с севера без традиции трупосожжения и урнового погребения – они получили ее уже в Индостане. Но и там это не было исконной местной традицией – ее не было в хараппской цивилизации. Традиция эта появляется впервые в СЗ Пакистане (долина Свата и смежные с нею), и появление ее падает на хронологический отрезок XIII – XI вв. до н. э. (а по уточнению Мюллера-Карпе – на XI век). В это время там в курганных могильниках оказывается целый пласт погребений (Гхалигаи V) с прахом в урнах, в том числе в лицевых, «глазастых» и ящичных (рис. 6).

Финский индолог А. Парпола предложил такую индологическую трактовку этих урн с кремацией (Parola 2004). Погребения в долине Свата он связывает по месту с двумя семействами жрецов, создавшими гимны мандал II – VII Ригведы, – это семейства Атри и Канва. Семейства эти связаны не только с долиной Свата и Гандхарвой, но и с культом близнецов Ашвинов – Насатья. Культ этот новый в Ригведе, теснящий Индру. По мифу, боги спасли Атри из погребальной ямы и за это он обязан им приносить регулярно «горячую жертву» (*гхарму*) – горшок, который раскаляется на огне. Парпола считает, что характер жертвы говорит о том, что погребение, из которого был вытаскен Атри, было кремацией. В раскаленный докрасна горшок наливается коровье и козье молоко, и эта жертва предлагается Насатьям в ритуале *праваргья*.

Горшок этот боги (без Насатьев) задумали в честь Маха-вишну, который в споре с ними положил голову на свой лук со стрелой и натянул его. Подговоренные богами муравьи перекусили тетиву, и, распрямившись, лук снес голову Маха-Вишну. Она упала и стала солнцем. Боги восславили Маха-Вишну, и принесли его тело в жертву (погребение есть жертва), но она была безглавой и плохо действовала. Тогда боги придумали вместо его головы сосуд гхармы и назвали его: *махавиру* ‘великий герой’. Сосуд этот делается со сливом – «ртом» (высотой в три ширины большого пальца) и имеет нос (*nāsikām*) (Шатапатха-брахмана 14.1, 2, 17). Это уникальная особенность, не встречаемая нигде более среди описаний сосудов в ведической литературе. Парпола считает, что описание соответствует лицевой урне (рис. 7).

Однако носатый сосудик гхармы используется для предложения горячего молока Ашвинам, тогда как лицевые урны служат для погребения. Но наливание молока в сосуд мантры приравнивают к оплодотворению семенем. А ритуал праваргья кончается тем, что все орудия ритуала выложены на земле в форме человеческого тела – точно так же, как кости сожженного, чтобы покойный мог на том свете ожить вновь целым. Это сближает оба обряда. Поскольку Насатья, также как их греческие аналоги Диоскуры, связаны со спасением от смерти, с возвращением с того света, они исполняют и функции погребальных богов. Само слово *Nāsatyas* означает ‘спасители’, ‘охранители’. Но корень

pás- означает не только 'спасать', но и 'нос'. С этим связан миф об их рождении. Саранью, обернувшись кобылицей, убегала от Вивасвата, который обернулся жеребцом. Он настиг ее, но от быстрого бега не совладал с ней – семя упало на землю. Саранью только понюхала его – и тотчас забеременела близнецами Ашвинами-Насатьями – носорожденными. Поэтому нос – существенная деталь посвященного им сосуда, как «махавиры», так и урны.

Такова интерпретация Парполы. Сосуды эти он считает местными по происхождению, потому что вариантов их очень много. На мой взгляд это не аргумент в пользу автохтонности. Изложенная тонкая мысленная конструкция, возможно, вполне адекватно отражает взгляды жрецов на происхождение сосуда гхарма и лицевой урны, и эволюцию этих взглядов и терминологии, но нельзя же всё это принимать всерьез как объяснение реального происхождения типов и обрядов. Во всяком случае местных прототипов я не обнаруживаю.

7. Среднедунайские культуры бронзового века в Индии. Весь этот культурный комплекс, включающий вдобавок инкрустированную керамику и прочее, восходит, судя по поразительному сходству в деталях (рис. 8), к венгерским и румынским культурам среднего бронзового века (это культуры фюзешабонь, ватя, веспрем, кырна) с углублением в ранний бронзовый век (хатван, кишашпоштаг). Именно там традиция изготовления лицевых урн не только имеет глубокие корни, восходя к баденскому времени, то есть энеолиту, но и широко разветвлена. В названной свите культур среднего бронзового века вообще развита антропоморфизация погребальных урн – есть сосуды на человеческих ножках, сосуды-птицы, но с человеческими лицами (образ типа греческих сирен), есть сосуд с рельефным изображением глаз, рук и кинжала (рис. 9 - 11).

Пакистанский комплекс, как установил Стакуль (1971; 1973; 1974; Stacul and Tusa 1975), определенно сигнализирует о миграции – тут ни может быть никаких сомнений. Это то самое миграционное движение из бассейна Среднего Дуная, начальная фаза которого (продвижение к берегам Средиземного моря и проливам) археологически прослежена на Балканском полуострове (правда, для других культур – это ведь было очень широкое движение) и дальше в Восточном Средиземноморье – египтяне почувствовали его как нашествие «народов моря».

Выводы Стакуля можно подтвердить еще одним наблюдением. Арийская (то есть индоиранская) погребальная традиция на всем ее протяжении от Причерноморья до Средней Азии характеризуется неразличением мужских и женских погребений по позиции покойников – все лежат одинаково на одном и том же боку. Это характеризует всю степную зону. Только к западу и северу от нее, в ареалах культур шнуровой керамики и колоколовидных кубков – по всей Западной, Центральной, Северной Европе и в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы (фатьяновская и среднеднепровская культуры) господствует различие мужчин и женщин в погребальном обряде: мужчин кладут на правый бок, женщин - на левый (в культуре колоколовидных кубков – наоборот), при этом, чтобы смотреть в одну и ту же сторону они ориентированы головами в противоположные стороны (рис. 12 - Häusler 1975, Abb. 6; 1974, Karte; 1977). Только в одном районе это размежевание на зоны нарушается – в долине Свата (и на подступах к ней – в Тулхаре, а затем в тазабагьябской культуре). Г. Мюллер-Карпе, приступив к проработке материала итальянцев из долины Свата, обнаружил там строгую закономерность – такую же, как в Центральной Европе: для мужчин и женщин позиция покойников разная (Müller-Karpe 1983: 34 - 51).

Мюллер-Карпе, верный своему принципиальному отвержению миграций, естественно воспринял заключения Стакуля о среднедунайских аналогах скептически (Müller-Karpe 1983: 117), однако разработки Мюллера-Карпе очень полезны для уточнения хронологии миграции. Опытнейший мастер хронологических исследований, приняв хронологическое членение итальянцев, он подверг обоснованной критике их предположения о тысячелетней протяженности всей этой культуры и абсолютных датировках. На основе детального анализа структуры могильника (разбивка по поколениям, установление связи между ними) Мюллер-Карпе пришел к выводу, что раскопанные могильники не охватывают больше, чем три века, и что абсолютный возраст всех фаз этой культуры – от XI до VIII в. до н. э. (Müller-Karpe 1983: 70 – 76). Таким образом, инвазия должна прийти (в своем конечном пункте) на XI век.

8. Исходный очаг на Среднем Дунае. Исходные культуры занимают в раннем и среднем бронзовом веке среднее течение Дуная, часть нижнего и всё Потисье (рис. 13 – 15). В культурах Венгрии и Румынии Хатван и перекрывающей ее Фюзешабонь-Оттомани представлена инкрустированная керамика, но урновых погребений там нет. Народность культуры хатван была чрезвычайно многолюдной (Kalicz 1968: 110 – 190), народность культуры фюзешабонь отличалась воинственностью и создала тип вооружения, получивший у археологов название фракийского (рис. 16). Они не те, кто принесли урны в Индию, стало быть нет оснований считать их теми самыми бригами.

А вот в культуре раннего бронзового века Кишапоштаг сконцентрированы урновые погребения, в числе которых есть погребения в лицевых урнах. Культура Кишапоштаг тянется с севера на юг вдоль Дуная (вдоль его меридионального течения) по правому берегу.

В среднем бронзовом веке на месте культуры Кишапоштаг оказываются урновые погребения культур Ватя, Витенберг и Веспрем-Сексард (или паннонской культуры инкрустированной керамики). Культура Витенберг расположена восточнее, уже в Трансильвании. На карте находки витенбергской культуры расположены густо, что говорит о плотности населения. Археологи реконструируют воинственность и этих племен на основании большого количества бронзового оружия (боевые топоры с клевцами, длинные мечи нескольких типов и проч.). Среди мечей есть привозные из Микен, на сосудах – орнамент бегущей спиралью. Культуры Вербичоара и Кырна (или Жуто Брдо - Гырла Маре), тоже с урновыми погребениями, находятся южнее, занимая западную половину широтного течения Дуная – в Северной Сербии, Юго-Западной Румынии, и Северо-Западной Болгарии.

В культуре Вербичоара, продвинувшейся в Нижнее Подунавье из Среднего Подунавья, есть и белая инкрустация на керамике. Культура Вербичоара была потеснена другой культурой того же происхождения – Гырла Маре (Кырна), занявшей длинную полосу по Дунаю. В этой последней отмечается имущественная дифференциация, а по ряду показателей (женские статуэтки с колоколовыми юбками, солнечные повозки, сосуды в виде птиц) – связь с крито-микенским культурным кругом. Культура эта в XIV веке, как другие культуры Нижнего Подунавья, была сметена, как предполагают, прибывшими с востока, из понтокаспийских степей, завоевателями с сабадиновской культурой, которая там, на востоке выступает как схожая со срубной культурой. Здесь на основе смешения с местными культурами (в том числе и с витенберг) она образовала культуру Ноуа, занимающую значительную часть Румынии (включая Трансильванию).

Именно из культур Ватя и Кырна приведены Стакулем наиболее разительные аналогии пакистанским находкам.

9. Этническая идентификация в Индии - бхригу. С трупосожжением в индийской мифологии связан, на мой взгляд, один из родоначальников брахманов – Бхригу, сын Варуны – бога, ведающего западом и по имени совпадающего с Ураном греков. Именно Бхригу считается распространителем огня среди людей. Он сделал огонь пожирателем трупов. Он также родоначальник горшечников, то есть с его именем связывается какое-то важное усовершенствование керамического ремесла. Он сделал колесницу для Индры – возможно, и в колесничное дело фригийцы внесли усовершенствование. От Бхригу ведут свое происхождение мифические бхригу – божественные существа, передающие огонь людям и являющиеся его хранителями (PB I, 60,1; 58.6). Они мастера-колесничие и горшечники (Godman 1977).

По мифу, Чьявана, сын Бхригу, был накрыт холмом, муравейником, из которого выглядывал сквозь две дырочки. Девушка, которая ткнула в них веточкой, была наказана за это богами. В муравейнике, трактуемом как вход в подземный мир, можно узнать курган, а именно у лицевых и «глазастых» урн глаза отмечены двумя отверстиями, сквозь которые душа покойного могла смотреть наружу, видеть солнечный свет и приношения (Эрман и Тёмкин 1975, № 31). В мифе явно отражен этот способ погребения – в лицевых и «глазастых» урнах под курганом, и таким образом, он связан с именем Бхригу.

Индийские ученые уже давно связывали бхригу с фригийцами (Косамби 1968: 89 – 90), но это игнорировалось как обычная полудилетантская фантастическая увязка – таких было немало в индийской археологии. Но теперь она поддержана археологически. Имя Бхригу имеет придыхательное bh, отразившееся в греческом Φρύγες, – по-видимому, переход bh>b произошел у потомков фригийцев на Балканах после знакомства с ними греков и после отхода части населения в миграцию. В свое время И. М. Дьяконов (устное сообщение) выразил мне сомнение в возможности отождествления индийских бхригу с фригийцами. Его основание для сомнения таково: в греческом Φρύγες звук ú – долгий, тогда как в древнеиндийском bhṛgu – гласный сонант, так что подразумевается развитие bhṛgu >*bhṛīgu, где гласный i короткий. К тому же в греческом основа на -g, а в древнеиндийском – на -i. Однако требуемое строгое соответствие предполагает развитие из одного источника по известным звуковым законам, при заимствовании же в основе могла лежать и не столь строгая передача, с воздействием каких-то привходящих факторов.

Участие фригийцев в движении «народов моря» принесло в Индостан смутные сведения об этих народах. В Ригведе упоминаются живущие в дальних странах *турвашу* (то есть туруша, Таруиса, троянцы), *данавы* (т. е. данавой, дануна, данайцы, переосмысленные как дети Дану, хотя это никак не оправдано содержанием мифа), *луластью* (т. е. пелесет, пеласты, пеласги – филистимляне).

10. Увязка фригийцев Малой Азии с Дунаем. Остается еще добавить, что в культурах бронзового века Подунавья можно найти некоторые аналогии «старофригийской» культуре Малой Азии. На поздней керамике культуры Вербичоара очень популярен орнамент концентрическими кругами (рис. 17 – Morintz 1978, fig. 35; 41, 1, 2, 7), которым позже отличалась «старофригийская» культура Малой Азии. В керамической орнаментации культуры Кырна можно обнаружить и деревья (рис. 18 – Morintz 1978, fig. 17,5), входящие в орнаментальный репертуар «старофригийской» культуры Малой Азии. И общий характер керамики Среднего Подунавья и «старофригийской» Малой Азии очень схожи – достаточно сравнить типичный «старофригийский» сосуд из Алишара IV (рис. 19) с аналогичными сосудами культуры кырна (рис. 20), чтобы убедиться, что отогнутый венчик, ручки с шишечкой, расположение орнаментации одни и те же. Популярный в культуре вербичоара меандровый орнамент (рис. 21) позже используется на фригийских рельефах (рис. 22).

Конечно, для увязки двух культурных блоков эта ассоциация слабовата, не говоря уж об использовании ее для доказательства миграции. Но, во-первых, я рассматриваю эти наблюдения лишь как начало разработки данного звена всей цепи, а во-вторых, будучи вписаны во всю цепь связей, эти характеристики «старофригийской» культуры приобретают больший вес, чем рассматриваемые в отдельности. Таким образом, связь культур бронзового века Карпато-Дунайского бассейна имеет аналогии с обоими этапами реконструируемой миграции – с Малой Азией как с промежуточным этапом, давшим нам знание исторической народности фригийцев, и с Индией – как конечным пунктом миграции, где фригийцы выступают как мифические бхригу.

11. Место фригийской миграции в истории. Восстанавливая эту миграцию фригийцев (рис. 23), я лишь продолжаю в обе стороны ту траекторию, средняя часть которой (700 км. от Балкан до Закавказья) считается достаточно достоверной. Эта траектория увеличивается еще на 700 км в начальном, западном конце и, как уже говорилось, на 2500 км - в восточном. Но и во всем охвате эта миграция вполне реальна. Александр Македонский тысячу лет спустя проделал тот же путь не с лучшими средствами транспорта и в худших условиях: он был вынужден оставлять гарнизоны для защиты коммуникаций. Правда, в его распоряжении были персидские дороги, но ведь и войско у него было более громоздким. Миграция вандалов в Африку не была короче, не говоря уже о тохарах.

Движение это хронологически совпадает с движением «народов моря» в Малую Азию, Палестину и Египет – эти европейские народы тоже преодолевали немалые расстояния не только по морю, но и по суше (рис. 24 – 25). Выходит, фригийцы из Среднего Подунавья тоже участвовали в этих бурных событиях, но ушли в основном в другую сторону. Только ли туда?

Теперь пора вспомнить, что именно из ареалов урновых полей погребений раннего и среднего бронзового века Подунавья исходили те движения (Bouzek 1969. Abb. 25 - 26; Rutter 1975; Deger-Jalkotzy 1977; Bankoff and Winter 1984, ср. Hänsel 1981; Hüttel 1982), которые привели к появлению в конце позднемикенского периода (ПЭ III С) керамики и псалиев дунайского облика в Греции. При этом керамика из среднедунайского ареала Венгрии и Хорватии оказалась в Македонии (Вардаровца, Вардина, Сараце), где античная традиция помещает ранних фригийцев, а инкрустированная керамика из ареала Румынии и Сербии (культура Кырна, Жуто Брдо, Дубовац) оказалась в Аттике, где действовали потомки мифического фригийца Пелопса, по которому назван весь полуостров (рис. 26 – 27). Таким образом, то доисторическое фригийское нашествие на Грецию, о котором писал П. Кречмер, видимо, исходило из того же района и падает на то же время, что и миграция фригийцев в Индию. Это был один мощный поток, который вписывается в движение «народов моря».

Итак, с восстановлением этой фригийской миграции XII века, возможно, связанной с доисторическим нашествием фригийцев на Грецию (приходом Пелопса), мы получаем локализацию прародины фригийцев. И она оказывается не в Македонии (где мигранты, возможно, пробыли некоторое время), а в Венгрии, Западной Румынии, Хорватии и Сербии для середины II тыс. до н. э. (с XVI века), идентифицируя фригийцев с конкретным кругом археологических культур среднего бронзового века, а для традиции урновых погребений – и раньше, поскольку кишapoштаг – культура раннего бронзового века, а он начинается ок. начала III тыс.

Если иметь в виду происхождение армян от фригийцев, то можно ожидать обнаружения погребений с лицевыми урнами и инкрустированной керамикой венгерского типа в Армянском нагорье, скорее на территории Турции, чем Армении (поскольку сдвиг на северо-восток – это более позднее явление).

Если же иметь в виду общность происхождения фригийцев (и армян) с ариями, то надо бы поискать, можно ли усмотреть в происхождении культур Ватя, Вербичоара, Витенберг и Кырна какие-то степные корни. Чисто археологически сами эти культуры таких возможностей не предоставляют. Но Ватя развилась из культуры Кишапоштаг, а в сложении культур Витенберг и Вербичоара некоторую роль сыграла культура Глина III – Шнекенберг, занимающая значительную часть Трансильвании и юго-восточную Румынию и датируемая теперь последними веками III тыс. и началом II. Культура эта, с ее скорченными погребениями в каменных ящиках, содержит целый ряд компонентов южного, фессальско-македонского происхождения (аски, миски со втянутым краем, фляговидные сосуды), а особенно в ее основе лежит культура Чернавода II (Болгария), от которой в нее вошли выпуклины на керамике и зазубренные валики. Вот эту последовательность культур (Чернавода II – Глина III) есть возможность рассматривать как воспринявшую ряд элементов от подвижного степного населения – шнуровую керамику, боевые топоры, курганный способ погребения (Machnik 1985: 52 - 53). Перед этим культурным комплексом, на уровне конца баденской культуры, венгерские археологи помещают горизонт своих и румынских «погребений с охрой», рассматриваемый как экспансия «ямной культуры» - возможно, нижнемихайловской (Kalicz 1968: 57).

Это очень смутная намётка, но чётче пока ничего не видно, и нужно примириться с тем, что сравнительно надёжна только идентификация фригийцев со среднедунайскими культурами II тыс. Протоармяне должны были жить где-то по соседству и совпадать с какой-то из тех же культур. Было бы чрезвычайно заманчиво поискать какие-то следы дунайских мигрантов на востоке Малой Азии, но это археологически плохо обследованные районы. Возможно, там какие-то артефакты бронзового века дунайского характера еще найдутся. Очень больших надежд на это возлагать не приходится в силу известной неуловимости подвижных индоевропейских мигрантов вообще.

Глубже с фригийцами не продвинуться, но с греками и фракийцами можно продвинуться глубже.

1. Карта расселения армян в античное время (Очерки истории СССР).
2. Ранние армяне в Закавказье и Малой Азии (Дьяконов 1968: карта-вклейка после стр. 180).

3. Очаг протофригийцев по Пайонковскому (Pajakowski 1984, карта на с. 62).
4. Карта расселения поздних фригийцев (Дьяконов 1968: карта – рис. 20 на стр. 129) по находкам надписей в Малой Азии (фригийские – пустыми кружками и с поперечной полосой).
5. Карта расселения фригийцев в Малой Азии по комбинации всех данных (Дьяконов 1980: рис на стр. 356).
6. Результаты раскопок Стакуля в долине Свата – лицевые урны и прочее (Stacul in East and West XXI, 1971, fig. 1, 2, 3, 5, 9, 11, 13; 1973, fig. 2, 3, 6).
7. Носатые урны в Пешаваре (Stacul East and West XXIV, 3-4, 1974).
8. Аналогии из культур среднего бронзового века на Дунае (Stacul 1971; Est and West XXIII, 2 – 3, fig. 8, 15, 1973, fig. 4, 5, 7).
9. Антропоморфизация сосудов на Дунае – сосуд на человеческих ножках из Иванча, культура ватя (Kovacs 1977, Taf. 36).
10. То же – «сирена» из Тисафюред, культура фюзешабонь (Kovacs 1977, Taf. 45 – 46).
11. То же – урна-воин с кинжалом из Менде-Леанивар, культура ватя (Kovacs 1977, Taf. 47 – 48).
12. Различение покойников по полу у Хойслера (Häusler 1975, Karte 1).
13. Карта культур раннего бронзового века Подунавья (набросок есть).
14. Карта культур среднего бронзового века Подунавья (набросок есть).
15. Хронологические соотношения культур раннего и среднего бронзового века Подунавья (набросок есть).
16. Типичное вооружение воина культуры фюзешабонь-оттомани – так наз. фракийское (Kovacs 1977, Fig. 26).
17. Концентрические круги на керамике культуры Вербичоара IV – V (Morintz 1978, fig. 35; 41, 1, 2, 7).
18. Деревья в керамической орнаментации культуры Гырла Маре, урна из могильника Кырна (Morintz 1978, fig. 17, 5).
19. «Старофригийский» сосуд из Алишара IV (Дьяконов 1968, рис. 21 на с. 132).
20. Керамика культуры Кырна (Жуто Брдо – Гырла Маре): 1 – 4 из могильника Балта Верде, 5 – 6 из могильника Кырна (Morintz 1978, fig. 17).
21. Меандровый орнамент на сосудах из поздней керамики культуры Вербичоара: 1 - сосуд из Владешты, 2 – из Говора-сат (Morintz 1978: fig. 36, 9; 41, 1).
22. Богиня Кибела на фригийском рельефе (Дьяконов 1968, рис. 23 на с. 133).
23. Полный путь фригийской миграции (сделать карту, на которой одна стрелка ведет от среднего дуная (места культур ватя и кырна) в Македонию, другая из Македонии в Малую Азию (к Гордиону), третья из Гордиона к северным границам Ассирии, четвертая от границ Ассирии к области долины Свата). Одно ответвление (отдельная тоненькая стрелка) должно поворачивать из Македонии в Грецию.
24. Нападения «народов моря» на страны Восточного Средиземноморья во времена Рамзеса III по Шахермейру (Schachermeyr 1984 Abb. 8 или 1986 Abb. 35 на с. 337).

25. Распространение этнонимов «народов моря» в Средиземноморье по Г. А. Леману (Schachermeyr 1986 Abb. 36 на с. 338).
26. Керамика «лужицкого» облика Македонии и аналогии из Подунавья (Bouzek 1968, fig. 25).
27. Карта движений из Подунавья в Македонию и Грецию по археологическим данным, по Я. Боузеку (Bouzek 1968, fig. 26).

Обсуждение

Шувалов. А почему миграция фригийцев в Индию ведется через Малую Азию, а не через Северное Причерноморье?

Клейн. Потому что в Малой Азии фригийцы зафиксированы письменными источниками и археологией, а в северочерноморских степях – нет.

Шувалов. Меня, собственно, интересуют мотивы миграции – что могло привлечь фригийцев в Малой Азии, трудной для прохождения, тогда как в Северном Причерноморье – открытые для прохождения степи.

Клейн. Южные земли, более цивилизованные, вообще больше привлекали северных варваров – богатством, накопленной роскошью, источниками благ. А раз начавшись, движение обрело силу инерции: складывалась элита, которой дальнейшее продвижение обещало новые блага (добыча, престиж).

Медведская. Алишарский сосуд относится к VIII веку, это близко к геометрическому стилю, и с этим связаны все его особенности. Есть много аналогий и в Иране. Я не вижу особого сходства с венгерским средним бронзовым веком.

Балонов. Возможности прохода через землю касков мне кажутся маловероятными.

Казанский. Переход от трупоположения к трупосожжению загадочен, его причины нужно искать в идеологии, а перемены в идеологии могли наступить независимо в разных местах. Конечно, решающими оказываются сходства в деталях.

Трактовать хурритские языки как кавказские трудно после того, как выяснено распространение хурритских языков до Кипра в РМ III. Хетты свой язык называли неситским, и стало быть, себя - неситами, а хаттами называли только своих предшественников. У греков и хеттов «с» произносилось шепеляво. Поэтому хетты и выбрали для своего «с» клинописный знак «ш».

Я не вполне уверен, что можно отметить все контакты греков с Троей. Алаксандус – Алесандр, Кукунис – Кюкнос, совпадения в деталях их отношений и позиций говорят о контактах, отраженных в фольклоре. В раскопках Милета – Милаванды найдены в 1994 г. надписи минойского письма А.

Тохтасьев. Я сам видел в коллекциях Милета греческие сосуды начала X века, но север малоазийского побережья, с Илионом, греки захватили только в VIII веке, это верно. Хотя знали, конечно, и раньше. Карты и сведения о фригийцах нужно обновить. Принципиально это ничего не изменит, но всё же... Трудности с отождествлением фригийцев «бхрюгес» с индийским «бхригу» - разный вокализм. Но тут можно опереться на то, что в греческих источниках есть разные варианты написания, в том числе и «бхригой». Это подкрепляет точку зрения докладчика.

Клейн. Сначала отвечу на замечания Н. Н. Казанского. Хурритские языки я не трактую как кавказские. Скорее я восточно-кавказские языки отношу к большому хурритскому массиву, но это общее место. Что хетты себя называли неситами, это возражение должно быть адресовано не мне, а И. М. Дьяконову, это он возводил армянское «хайя» к самоназванию хеттов. Но в его защиту можно сказать, что учитывая наименование столицы Хаттушаш и образование имен ряда царей от термина «хатт», этот термин не утратил значения в самоидентификации хеттов. Язык был неситским, но государство, империя, религия – хеттскими. Контакты ахейцев с илионцами я, разумеется, признаю, этому уделено много места в моих книгах о гомеровском эпосе, я не признаю только историчности Троянской войны.

Теперь что касается сосуда из Алишара. Я ведь и сам отмечал слабость этой части своей аргументации. Фригийцы в Малой Азии археологически засвидетельствованы поздно, и они не очень ясно идентифицированы поплеменно. Ранние фригийцы, времени их вторжения в Малую Азию пока вообще не обнаружены. Мы должны удовлетвориться пока их фиксацией там письменными источниками, но ведь это промежуточный этап миграции. Это лишь детализация (и она – как никак – есть, пусть пока без достаточной археологической реализации). Суть же концепции – в том, что эта дальняя миграция хорошо зафиксирована в обоих концах – в исходном очаге (на Дунае) и в конечном пункте (на притоках Инда). Зафиксирована археологически – многочисленными аналогиями очень

специфических деталей керамики и совпадением в погребальном обряде (центральноевропейское размежевание мужчин и женщин далеко от Европы, без связующих звеньев). Есть и совпадение в этнонимах и в мифологическом оформлении обряда кремации в урнах. Обряда, которого в Индии не было и который принесен во всех деталях пришельцами из основного ареала этого явления – из Центральной Европы. Меня особенно радуют тонкие замечания С. Р. Тохтасьева в пользу отождествления фригийцев с бхригу, потому что это поддержка основной сути концепции.

Глава VII. Греки и фракийцы

1. Приход греков? Со времен открытия индоевропейского родства прародина индоевропейцев большей частью мыслилась на юго-востоке – то в Индии, то в южнорусских степях, то в Малой Азии – или на севере, у балтийского побережья, или на Дунае. Но не в Греции. Поскольку греки – индоевропейцы, их появление в Греции почти всегда мыслилось как приход. Время от времени в научной литературе появлялись статьи и книги под названиями “The coming of the Greeks”, “The arrival of the Greeks” («Приход греков», «Прибытие греков») и подобными (Haley and Blegen 1928; Георгиев 1948; Wace 1954; глава VII в книге Палмера – Palmer 1961; Schachermeyr 1968; Grumach 1969; Hammond 1972; Best 1973; Georgiev 1973; Hood 1973b; Hookers 1976; van Royen and Isaac 1979; Hiller 1982; Drews 1988 и др.). В нацистское время у немцев и австрийцев был больше в ходу другой термин – «индогерманизация Греции» (Schuchhardt 1933; Schachermeyr 1939). О приходе греков извне Греции говорил и мощный догреческий субстрат в греческом языке, возможно от неиндоевропейского языка, из которого в греческий вошла как раз лексика связанная с местными условиями Эллады и терминами высокой городской культуры, процветавшей в Греции до греков (Kretschmer 1896; 1933; 1940; Merlingen 1955).

Что греки пришли, было для многих несомненно. Но представление, откуда они пришли, менялось соответственно размещению прародины индоевропейцев. Очень популярно было прибытие из Малой Азии или через нее (Hencken 1955: 40; Mellaart 1958: 18 - ...; Pisani 1958: 41; Macqueen 1968: 185; Широков 1969; Hood 1978: 22; Гамкрелидзе и Иванов 1984: 899 – 909; Drews 1988; Renfrew 1989: 159 – 161, 168 - 177). Было немало сторонников и у степной гипотезы Э. Вале – Г. Чайлда – М. Гимбутас.

Менялось и время прихода греков, а вместе с тем и археологические культуры. Одни исследователи придвигали время прихода как можно ближе к историческим грекам (Hampl 1960: 59 - 60; Grumach 1969: 430 – XII век до н. э.). Другие считали, что греки прибыли с микенской культурой (Nilsson 1927; 1933; Palmer 1961; Best and Yadin 1968; Wyatt 1970; Muhly 1979; Drews 1988). Из этих исследователей Друз решил, что отличием вторгшихся протогреков было обладание не домашним конем или повозкой, как раньше считалось, а боевой колесницей, и что это отличало также другие миграции индоевропейцев – ариев. (Тем самым распад индоевропейцев и общность по крайней мере их части придвигалась очень близко к вторжению протогреков в Грецию и к началу микенской культуры – к XVI веку до н. э./середине XVII). Третьи отодвигали время вторжения еще дальше вглубь веков – ко времени первых пирамид или даже раньше (Георгиев 1958: 106).

Появились и те, которые сочли, что греки ниоткуда не приходили, а испокон века сидели в Греции (Valmin 1938: 430). Кроме греческих ультра-патриотов (такие находятся у всякого народа), к автохтонности стали склоняться те, кто поместил всю индоевропейскую прародину на Балканах, а также те, кто вообще отвергал миграции как видимость, и те, что увлеклись преобладанием внутренних законов развития над внешними стимулами. Как видите, таких тоже немало.

Сэр Джон Майрс в 1930 г. закончил свой фундаментальный труд «Кто были греки» выводом, что невозможно выделить момент возникновения или прихода греков: «греки были всё время в процессе становления» (Myres 1930: 538). Схожим образом выразился в 1973 г. Джон Чэдуик, сооткрыватель греческого языка в табличках микенской письменности:

«Мое собственное мнение, которое я выдвигаю с надлежащей осторожностью, но которого твердо придерживаюсь, таково: бессмысленно спрашивать «Откуда пришли греки?». Говорить о греках можно только после того, как греческий язык сформировался как опознаваемо отличная ветвь индоевропейского ... Изучение топонимики и заимствований пожалуй более сложно, чем думают, а надежных фактов мало. Единственно определенное историческое заключение, которое можно вывести о Греции из фактов этого типа, таково: по меньшей мере на одном языке тут говорили до греков; греческий – это продукт наложения индоевропейской речи на негреческую подоснову; на греческом в Греции уже говорили в

Микенскую эпоху; и, наконец, распределение греческих диалектов в Греции было радикально изменено после крушения Микенской цивилизации» (Chadwick 1973: 255).

То есть греческий язык сложился уже в Греции из скрещения индоевропейской речи пришельцев с неиндоевропейской речью местного населения, а пришли в Грецию не греки, а индоевропейцы еще в догреческом состоянии. Это мало что меняет в вопросе, откуда и когда они пришли, и совсем не делает этот вопрос бессмысленным. Только требует уточнить языковой статус пришельцев – насколько они были уже отделены от своих ближайших индоевропейских родичей (а это как раз вопрос почти бессмысленный, ибо ответ затруднителен и может быть лишь условным).

2. Аргументация автохтонистов. Применительно к началу микенской культуры, аргументацию автохтонистов наиболее полно и систематично изложил А. Хойслер (Häusler 1981; 1988; 1992b; 1998), который и вообще отстаивает повсеместный автохтонизм и отвергает любые миграции в археологии, когда речь идет об индоевропейцах в целом или отдельных индоевропейских народах (1992a). Особенно яростно (и не без оснований) Хойслер ополчился на степную понтокаспийскую концепцию происхождения индоевропейцев – известную как концепция Гордона Чайлда и Марии Гимбутас. Концепция эта, выдвинутая в археологии, собственно, Эрнстом Вале, зародилась и долго пестовалась, как Хойслер показал, в Гейдельберге (там преподавали археолог Эрнст Вале и согласный с ним германист-филолог Г. Гюнтерт и там некоторое время стажировалась Мария Гимбутас). А уж популярность этой концепции в англоговорящих странах обеспечили Г. Чайлд и М. Гимбутас. Придерживался ее, правда в модифицированном виде, и Дж. Р. Мэллори в своем известном обзорном труде 1989 г.

Концепцию эту Хойслер с успехом опроверг, поскольку она и в самом деле полна противоречий и слабо обоснована, а Гимбутас намешала в свою исходную «курганную культуру» около дюжины культур России и Украины (репинскую, хвалынскую, ямную, северокавказскую, несколько катакомбных и др.) только на том основании, что все они погребали мертвых под курганом. Но тогда сюда же можно причислить и ряд культур Центральной Европы (культуру воронковидных кубков, культуры шнуровой керамики и др.), что Гимбутас в сущности и делала, выводя все их из своей «курганной» культуры. Однако хронология опровергает всё построение: культура воронковидных кубков предшествует курганам понтокаспийских степей. Так что Хойслер преуспел в опровержении концепции Гимбутас, и это его заслуга (см также Конча 2004б).

Греки – индоевропейцы, и если праиндоевропейский этнос первоначально проживал в понтокаспийских степях, отсюда и греки должны были придти. Миграционную концепцию происхождения греков Хойслер рассматривает только как часть общей понтокаспийской концепции происхождения индоевропейцев, хотя в числе концепций греческого этногенеза есть и выведение греков (и даже именно микенцев) из Малой Азии, а есть и выведение их из Центральной Европы (Schuchardt 1944: 164). Впрочем, Хойслер высказывается и по поводу фактов о наличии в Греции шнуровых черепков, боевых топоров и прочего, что относится к более ранним временам, чем Микены, отводя эти аргументы как разрозненные фрагменты, не происходящие из комплексов и не образующие «фронта типов» (по Шахермейру).

Основное внимание Хойслер обращает на сравнение погребального обряда Микенской культуры с погребальным обрядом памятников «культуры охровых погребений» (в которой у него, как у Гимбутас, объединен ряд культур, хотя и вдвое меньше, чем у нее). Он указывает на то, что в «культуре охровых погребений» (ямно-катакомбной культуре) нет аналогий бескурганам А и В Микен, нет аналогий шахтным могилам с их укрепленными каменной кладкой стенами. Наличие или отсутствие кургана он вообще считает маловажным, непоказательным. Для него главное – это поза погребенных и их ориентировка. Он считает, что именно по этой детали погребального обряда различаются этносы, этнические традиции. Так, в погребениях всех культур шнуровой керамики и боевого топора мужчины лежат на правом боку, женщины на левом и ориентированы головой в противоположные стороны (это, добавим, чтобы смотреть в одну). А в понтокаспийских степях поза покойников не зависит от пола, все погребенные лежат на одном боку головой в одну и ту же сторону.

В микенских же могилах нет ни того, ни другого, – констатирует Хойслер. Здесь погребенные лежат в просторных шахтах на спине или на боку и головой в одну сторону.

Правда, в поздней фазе хойслеровской «культуры охровых погребений» (ямно-катакомбной) устанавливается круговой принцип расположения: могилы размещаются вкруговую своими осями по касательной к воображаемым окружностям кургана, а иногда это радиальный принцип – могилы размещаются осями по радиусам. В раннебронзовом веке этот принцип устанавливается и в Центральной и Северной Европе – от Скандинавии до Альп. И этот же принцип Хойслер видит в круге В в Микенах (Häusler 1998: 281). При всем напряжении внимания я его там не увидел (рис. 1) – на мой взгляд, из 24 могил этого круга ямы расположены там в основном меридионально, а четыре могилы перпендикулярно им. Ясно, что в двух противоположных секторах круга они неизбежно будут расположены и по радиусам. Из остальных могил только две или три в СЗ секторе можно считать проходящими по радиусам, если это не сезонный сбой ориентировки («зимний восход»).

В Мессении в каменных круговых кладках пифосы вмонтированы действительно по радиусам. В купольной гробнице ПЭ IIb в Волос-Капаки действительно могилы размещены частично по круговому принципу. Но сходство по этому принципу Греции со степным Причерноморьем Хойслер отмечает, так как в данном случае оно, по его мнению, не должно учитываться: широкое распространение этого принципа он считает социально обусловленной конвергенцией. Что угодно, только не миграция!

Хойслер проделал интересную работу, стараясь выявить региональные различия в положении погребенных в разных частях Европы. Однако эта работа имеет ряд недостатков и нуждается в проверке.

Во-первых, как мы видели на примере круга В в Микенах, будучи яростным полемистом, Хойслер иногда усматривает то, что ему хочется получить, и что в реальности просто отсутствует или, по крайней мере, сомнительно. Ни одно его обобщение о господстве того или иного положения и ориентировки покойников не сопровождается статистикой и приведением ссылок на реальные культуры и памятники.

Во-вторых, под его «культурой погребений с охрой» скрывается целая группа культур, в частности две ямных, несколько катакомбных и культура многоваликовой керамики. Всё это, как давно установлено российскими и украинскими исследователями, разные культуры. Утверждаемое Хойслером несходство Микенского комплекса с этой смесью не имеет значения, поскольку нужно сравнивать с каждой культурой в отдельности, а здесь выводы могут быть и другими.

В-третьих, ничем не доказано превосходство предпочитаемой им детали погребального обряда (позы и ориентировки покойников) над всеми другими в качестве этноопредлительного признака.

В-четвертых, он вообще не учитывает возможности того, что погребальный обряд очень часто как раз не переносится на новое место, а заимствуется у местного населения.

Это происходит по двум причинам.

Во-первых, многие первобытные племена веровали, что боги владеют не столько народом, сколько местностью. Поэтому, приходя в новую местность нужно озаботиться расположением местных богов – захватить их идолов и ублажать их. Местным богам поклонялись в захваченных местностях очень многие народы – от римлян до викингов и татар.

Во-вторых, в дальнее странствие отправлялся очень часто не весь народ, а какая-то его фракция, часто – молодежная: молодые воины. Эта фракция просто не владела всей культурой, всеми традициями данного народа. Она владела только теми традициями, которые воплощались в часто повторяющихся действиях – ежедневных, хотя бы ежемесячных или ежегодных. Похороны же в небольшом сообществе – это редкие действия. В этих и других подобных действиях молодые за свою жизнь в качестве полноправных членов общины не успели участвовать многократно, чтобы усвоить их полное знание и точное воспроизведение. Поэтому оказавшись в новой стране и новой среде в отрыве от своих сородичей они и не могут в точности воспроизвести положенный старый обряд. Миграция как правило расшатывает мигрирующую культуру, в частности и ее погребальный обряд (Клейн 1973; 1999).

Таким образом, автохтонистская критика миграций в данном случае бьет мимо цели. Кроме того, автохтонисты не могут ответить на простой вопрос: если греки испокон

веков жили в Греции, то почему они огромную часть терминологии, относящейся к раннеэлладской цивилизации и к местным природным условиям (фауна и флора) образовали не из коренных греческих корней, а из слов какого-то иного, негреческого языка, проще говоря заимствовали у тех, для кого это была родная природа, тогда как для греков – нет? Иначе говоря, гипотеза об автохтонности греков в Греции совершенно не может объяснить наличие в греческом языке мощного субстратного слоя лексики, относящейся к местным природным условиям и высокой культуре ранней цивилизации полуострова.

3. Выбор миграции. Так что приходится объяснять появление греков в Греции миграцией из других природных условий. Всё-таки говорить о приходе греков (или протогреков). Вопрос только в том, что есть несколько моментов в истории Греции, когда приход греков мог осуществиться, то есть когда налицо некий перерыв преемственности и появление новых форм. Всё это нужно умножить на разные исходные очаги, откуда новые формы могли быть принесены. В общем, гипотез о приходе греков множество, у всех выдвинувших и отстаивающих эти гипотезы находятся аргументы, сторонники каждой критикуют все другие.

В этом веере гипотез крайние сразу можно отбросить. Не потому, что они крайние, а потому, что они наталкиваются на непреодолимые препятствия. Отбрасываем автохтонистскую гипотезу по указанным основаниям (негреческий субстрат). И, с другой стороны, расшифровка табличек линейного письма В сразу углубила письменную историю греческого языка в Греции с VIII в. до XIII в. до н. э. (датировка табличек в Кноссе XV веком серьезно оспаривается). Стало быть, отпали сразу же все гипотезы, которые относили приход греков ко времени после XIII века. Это не значит, что отвергаются любые миграции после этого времени - было же вторжение фригийцев, дорийское нашествие. Но эти миграции нельзя считать первым приходом греков в Грецию.

В выборе времени и археологических обстоятельств прибытия греков в Грецию приходится опираться в основном на несколько соображений. Эти соображения:

- 1) оценка радикальности перемен на одном из рубежей развития культуры полуострова – признаки крупной иммиграции;
- 2) свидетельства разрыва преемственности с предшествующей культурой полуострова (это не одно и то же, что перемены в культуре);
- 3) констатация непрерывности развития культуры после этого рубежа - до момента первой надежной фиксации греческого языка;
- 4) возможность привязки пришлой культуры к культурам, связываемым с ближайшими индоевропейскими родственниками греков – ариями, фригийцами и фракийцами.

4. Пришельцы в Микенской культуре. Если учесть единство и непрерывность микенской культуры, к концу которой принадлежат таблички микенской письменности, то греческий язык и этнос в Греции можно надежно углубить по меньшей мере до ее начала, т. е. до сер. XVII в. до н. э. (по новой хронологии – до XIX века). Микенская культура резко отличается от предшествующей. Исследователь этого периода перемен в Греции С. Диц констатирует, что период шахтных гробниц характеризуется внезапным и радикальным изменением культуры. Это изменение произошло за сравнительно короткий интервал – в течение жизни двух-трех поколений, если не одного. Он трактует это как внутренний скачок в социально-экономической и культурной сфере, сопровождавшийся сильными влияниями извне – как из соседних культур, так и издалека (Dietz 1991).

Но многие исследователи трактовали эти перемены как результат внезапного вторжения и захвата власти в греческих центрах иноплеменниками. Среди этих исследователей – такие авторитеты, как Фрэнк Стаббингс и представленная им «Кембриджская Древняя История» (Stubblings 1973). Подобные трактовки были отвергнуты как проявления миграционизма, ставшего в последней четверти XX века жупелом. Но всё больше становится ясно, что это была здравая оценка ситуации. Ведь среднеэлладскую и микенскую культуры разделяет также горизонт разрушений (отмечены в четырех местах – van Royen and Isaac 1979, 45, 57), а сами шахтовые гробницы Микен стоят почти

изолированно среди памятников микенской культуры (рис. 2). В последнее время идею инвазии отстаивает своеобразный исследователь Янош Маккай. Этот венгерский археолог обратил внимание на то, что в охре в золотом сосудике в шахтной гробнице Гамма круга В – это первое появление охры в Греции (ссылка на Sakellariou 1989), что именно в микенской культуре впервые в Греции появляется наконечник копья с несомкнутой втулкой, металлические вилы-крюки царского (или княжеского) обихода и др., что за короткий период введены три новых формы могилы – шахтная, камерная и толос (тут он опирается на Diamant 1986), а также галечная подсыпка в могиле и стелы над могилой, что все эти новации, включая особенности устройства могил, имеют параллели на севере (Маккай 2000).

Хаммонд обращает внимание на то, что каменные круги микенских царских могильников очень напоминают кромлехи курганов (Hammond 1967: 116; 1972; 1976). Некоторые исследователи и считают микенцев первыми греками в Греции. Эта идея была выдвинута давно – еще такими классиками, как Хр. Цунтас и Мартин Нильсон (Tsuntas and Manatt 1897: 71, 248, 345; Nilsson 1927, 1933), подхвачена Леонардом Палмером (Palmer 1961), развита в статьях У. Вйэтта и Джеймса Мьюли (Wyatt 1970; Muhly 1979) и поддержана другими (Best and Yadin 1973; Reden und Best 1981); Роберт Друз посвятил этому целую книгу «Приход греков» (Drews 1988).

Были и такие, кто считал, что только движение XII века (идентифицированное в предшествующей главе как фригийское), было вторжением греков в Грецию (Hampl 1960: 59 – 60; Hood 1967; Grumach 1968 - 69: 430), но расшифровка микенских табличек в 1950-х гг., получившая к 60-м всеобщее признание, показала, что уже предшествующие этапы микенской культуры были грекоязычными. Так что речь может идти только о вторжении самой микенской культуры – в XVII веке.

Такая трактовка означала бы, что греки (если это греки) пришли с курганами типа марафонских, с традицией коллективных могил, с колесницами, с лошадьми степного типа (ведущими свое происхождение от тарпана), с дисковидными псалиями, мечом, выпрямителями древков стрел и т. д. Это действительно пришлый компонент в Микенской культуре. Но греки ли принесли его? Микенская культура сохраняет всё-таки сильную преемственность от культуры среднеэлладской (рис. 2) в керамике, ремеслах, погребальном обряде и т. д. (Dickinson 1977: 53; 1989; 1999; Dietz 1991: 7).

Хиллер (Hiller 1986) считает, что греки пришли раньше, а это было древнее (явно до дорийцев) нашествие каких-то северян на Грецию. Существенно, что захороненные в шахтных могилах отличаются своим физическим типом от окрестного населения – они выше и ширококостнее. 14 микенских скелетов знати в среднем на 5 см выше, чем окружающее рядовое население (Angel 1973; Dickinson 1973; 1977), а некоторые погребенные особенно выделялись ростом (Mylonas 1973: 426). Советские археологи полагали, что властители лучше питались, чем рядовое население, ели больше мяса, потому и были выше и толще (Блаватская 1966: 55). Это вульгарное объяснение не учитывает, что для такого поголовного изменения физического типа одноплеменников требуется несколько поколений и что в окружающем населении не все были рабами, а скорее всего в могилах вообще не было рабов. Так что разница явно этническая. Видимо, пришельцев было не очень много, и они лишь насадили в местных центрах свои династии, образовав тонкую господствующую прослойку – как норманны в восточнославянской среде. Норманны быстро ославянились, микенские пришельцы – огречились. Кем же они были?

Стаббингс (Stubblings 1963: XIV, II – III, 11; 1973: 633 – 640) предположил, что это были гиксосские князья, изгнанные из Египта. Ян Бест высказался категорически: «первые греки должны были оказаться идентичны гиксосам» (Best 1973: 29). Той же идеи придерживался японец Кувахара (Kuwahara 1980). Идея несуразная хотя бы хронологически. Опровержение аргументировал Друз (Drews 1988: 180, note 54). Антрополог Л. Ангел дает такой диагноз: аристократия в микенских могилах менее средиземноморская по расе, более «динароидно-смешанная альпийская, чем рядовое население, и с сильным северно-иранским влиянием» (Angel 1973: 389). Под «северно-иранским» он имел в виду степное население Северного Причерноморья. В курганных погребениях с охрой венгерских степей тоже встречаются исключительно высокие индивиды - до 190 см (Маккай 2000: 34).

Маккай, видимо, принял определение Ангела по его буквальному смыслу, во всяком случае сделал его исходным пунктом своей трактовки и увидел в пришельцах именно

ранних иранцев. Однако он остановился в затруднении: дисковидные псалии в микенской культуре – новация, более того, заимствование с далекого северо-востока – из Поволжья. Их нет на промежуточной территории – между Днестром и Северной Грецией. Отличный случай использовать это как аргумент иранского происхождения. Однако греческая терминология конской упряжи – хотя и негреческая, но не иранского происхождения (Маккау 2000: 41). Как мне представляется, Маккау тоже не нашел убедительного решения, а его северные параллели слишком разбросаны во времени и по культурам. Но он приблизился больше других к идентификации пришельцев.

5. Субстрат или суперстрат? Вопрос о фракийцах. Я думаю, что нужно обратить внимание в греческом языке на выявленный пласт индоевропейской лексики в нем, чуждой греческому, но схожей с его словами. Это пласт, который то называют «пелазгским», то связывают с *фракийским* этносом (Дечев 1952: 119; Георгиев 1954: 65; 1958: 87 – 104, 144 табл.; van Windekens 1956: 59 – 61; Haas 1959; Гиндин 1971; Sakellariou 1980b). Пеласгов реконструировали как особый народ, живший в Греции до греков (Будимир 1950; Windekens 1960), но теперь совершенно ясно, что это был один из «народов моря» пеласты (описка у древних греческих авторов), пелесет египтян, или филистимляне Библии, вышедшие из Среднего Подунавья в XII веке до н. э. (Kimmig 1964; Sandars 1978; Schachermeyr 1979; 1980). Приписывать им долгое и стойкое проживание в Греции не приходится, но если их языковые следы и удастся установить, то они должны оказаться близкими фракийским.

Геродот передает убеждение греков, что фракийцы – самый большой народ после индийцев (V, 3). В гомеровское время фракийцы считались варварским, чуждым народом: они были включены в троянское воинство. Но греки не рассматривали фракийский язык как варварский (Откупщиков 1988: 67): он был слишком близок греческому – казался как бы ломаным греческим.

Греки использовали множество фракийских названий лекарственных растений, поскольку фракийцы считались большими знатоками исцеления от болезней. С этим нужно сопоставить богатый слой греческой мифологии, ориентированный на север (Орфей, Аполлон с гиперборейцами, музы, боги на Олимпе и др.) и также связываемый с *фракийским* этносом (Cook 1925; Grégoire 1949; Georgiev 1975; Топоров 1977; Гоцева 1982; 1985; Jordanov 1984: 104 - 105). Аполлона с его ежегодным осенним выездом к гиперборейцам на запряжке лебедей видят (Ortengrann 1984: 39, 56 - 57) в относящихся к позднему бронзовому веку (культура Жутто Брдо) двух глиняных моделях культовой повозки на трех колесах из Дупляя (Восточная Сербия) – эти повозки, с мужской фигурой в качестве возницы, запряжены тремя водоплавающими птицами (рис. 4). Близость этих представлений греческим подчеркивает субмикенский (XII – XI вв. до н. э.) ритон из Карпи в виде повозки на трех колесах, но вместо водоплавающих птиц здесь головы быков (рис. 5). Нужно учесть также, что античная традиция сообщает об огромной влиятельности *фракийцев* в Греции (Filov 1937; Best 1978: 221; Откупщиков 1988: 44 - 47), о связи микенской культуры с *фракийской* (рис. 6 - Филов 1920; Фол 1972: 38 - 68; Fol 1984; Delev 1984; Best and de Vries 1984). Ходдинот отмечает, что ранний бронзовый век и средний бронзовый век начинался в Подунавье раньше, чем на Пелопоннесе (Hoddinott 1982). Болгарские археологи пишут о сходстве фракийских купольных гробниц античного времени (рис. 7) с микенскими (Venedikov 1974) – впрочем, это говорит лишь о влиянии культуры Микенской Греции на Фракию, что, однако, может быть связано и с тем, что верхушка микенской культуры была фракийской. А лингвисты удивляются обилию *фракийских* имен в микенских табличках (Soesbergen 1976; 1979; 1980; 1983; Duridanov 1985) и даже предполагают доисторическое нашествие *фракийцев* на Грецию (Сусберхен, правда, до прибытия греков).

Если учесть всё это, то можно заключить, что выявляемый слой лексики и мифологии является на самом деле не субстратом, а суперстратом и должен быть отнесен к этому вторжению с севера. О возможности трактовки палеобалканского субстрата в греческом или его части как суперстрата писали некоторые лингвисты (Devoto 1943: 364; Merlingen 1967, 2: 9; Откупщиков 1988: 41). Влахов (Vlahov 1984: 118) прямо объявил крито-микенскую культуру *фракийской*.

Греческий же этнос в Греции старше. Примечательно, что, как можно видеть по сопоставлениям Гиндина (1967: 169), топонимам Фракии часто соответствуют в Греции апеллативы восстанавливаемого пласта, родственного фракийскому (по Гиндину –

субстрата, на деле, вероятно, суперстрата), но не наоборот – нет соответствий фракийских имен топонимам Греции. Откупщиков (1988: 26) считает это странным и подозрительным. То есть фракийские имена в Греции остались (знать принесла свои имена), и они связаны с топонимами Фракии. Фракийские же топонимы очень слабо проникают в Грецию, еще реже гидронимы. Это потому, что фракийцы (или их близкие родственники), придя в Грецию, застали там и восприняли местную топонимику, не говоря уж о гидронимике. Вот и приходится сравнивать в основном апеллативы восстанавливаемого пласта в греческом языке (т. е. суперстрата) с топонимами Фракии.

Фракийский язык ныне не звучит, но от него осталось несколько десятков кратких надписей, да несколько сот слов, заимствованных соседними языками, и сотни имен. Их тщательно собрал австриец В. Томашек, затем пополнил болгарин Д. Дечев (Дечев 1952), а болгарин же В. Георгиев (Георгиев 1957; 1958: гл. 4. Фракийский язык: 112 – 145; Georgiev 1984) реконструировал фонетическую систему языка и определил его место среди других индоевропейских языков. И Дечев и Георгиев обнаружили во фракийском следы какого-то другого языка (с передвижением согласных), но Дечев принял это за результат иранизации языка неких аборигенов, а Георгиев за следы некоего субстрата или суперстрата, подобного армянскому, возможно, фригийскому. Взаимодействие этих языков понятно: все происходит с Балкан, там были возможны всякие взаимопроникновения и переслойки.

6. Фракийские судьбы. Вопрос о фракийцах с давних времен рассматривается в связи с античной историей – это ведь один из варварских народов, взаимодействовавших с древними греками. В нашей стране античники, естественно, рассматривали этот вопрос в связи со скифской историей и с историей скифского искусства – ведь фракийцы взаимодействовали со скифами, будучи их современниками. К северу от Дуная фракийцы именовались даками, к югу от Дуная одрисами и др. Представляет ли дакский особый язык, близко родственник южному фракийскому, или только диалект фракийского, – вопрос спорный.

На Нижнем Подунавье же, в конце XIX века, с образованием национальных государств Болгарии и Румынии, вопрос фракийского этногенеза приобрел остроту и злободневность: фракийцы (рис. 8) сразу же приобрели статус тех «знатных предков», которых элита каждого из этих народов пожелала включить в свою национальную историю: северных фракийцев – румыны (история даков и гетов, царство Буребисты), южных – болгары (государство одрисов, история бессов). С одной стороны, это привлекло к изучению фракийцев усилия, внимание и средства, с другой – затормозило свободное исследование, поскольку трудно стало соблюдать объективность.

Немедленно родились и автохтонистские концепции, по которым на территории каждого из этих государств происходило автохтонное, независимое развитие от энеолита или даже палеолита до средневековья, отмеченное прежде всего фракийской этничностью, столь интенсивно выявляемой классическими авторами. В лучшем случае допускается участие каких-то влияний или вторжений в энеолите и бронзовом веке, но не снимающих местную основу (Georgiev 1984). Как язвительно передает суть этой концепции молдавский археолог, «фракийцы были всегда, везде, они самодостаточны, вездесущи и неистребимы» (Бруяко 2005: 246). Концепция носит характер панфракизма – следы фракийцев находят от Испании на Западе до Палестины на востоке (рис. 9 – римский журнал «Мы фракийцы» за 1992 г., т. XXI, № 215, задняя страница обложки, карта к статье болгарина А. Фола «Индоевропейцы» и фракийцы» – Fol 1992). Хотя фракийский язык ныне нигде не звучит, а бывшие фракийцы были романизированы на севере и славянизированы на юге. А в Греции, видимо, грецизированы.

Автохтонистским концепциям длинной фракийской истории были, естественно, тут же противопоставлены миграционистские концепции и концепции короткой истории, выдвинутые противниками тех, кто выдвигал автохтонистские концепции, – противниками воинствующих националистов, консерваторов и государственников. Разрывы оказываются между фракийским гальштатом и гетами, между древними даками (фракийцами) и средневековыми волохами. То и дело «обнаруживаются зияющие пустоты» (Бруяко 2005: 248). В затруднительных условиях оказывались те, кто максимально придерживались фактов, то есть в одних случаях принимали реконструкции преемственности, а в других – видели миграции. Эти подвергались нападкам с обеих сторон, что и констатируется в обзорных трудах (Ткачук 1996: 24 - 25; Бруяко 2005).

На деле же в установлении преемственности «с участием» фракийцев в качестве основного звена имеется ряд камней преткновения как перед историческими фракийцами, так и после них. После них совершенно неясно, как провести от них прямую линию преемственности к населению, в значительной части включавшему гетов, даков и славян и испытывавшему радикальную романизацию. А перед фракийцами... Нужно же решить вопрос об их происхождении, а тут, как обычно, у фракийской культуры есть разные корни, и уходят они в разные стороны.

Поэтому очень существенную помощь может оказать ориентир, образованный идентификацией археологической культуры фракийцев в микенском прошлом.

7. Археологические соответствия. Вторжение в Грецию фракоязычного населения в XVII веке, приведшее к возникновению Микенской культуры, вероятно, как-то связано с грандиозными событиями в Северном Причерноморье. В XVII веке катакомбные культуры, т. е. индоари, были буквально сметены на всей территории причерноморских степей и части лесостепи за исключением Предкавказья. Это и выбросило их в Переднюю Азию и Индию. На их месте оказалась выявленная только в 60-е годы культура многоваликовой керамики (КМК или бабинская), очень многолюдная (известны сотни поселений) но кратковременная: уже в следующие века на части Левобережья Украины ее сменила продвинувшаяся с востока срубная культура (т. е. иранцы). Культура же многоваликовой керамики – с подкурганскими погребениями в каменных ящиках и срубам (первые срубы принадлежат ей), Бородинским кладом, дисковидными псалями и костяными пряжками (рис. 10 - 11) – рассматривается сейчас как важный компонент Микенской культуры времени шахтных гробниц (рис. 12). С. С. Березанская (1986: 38) устанавливает поразительное сходство Микенских шахтных гробниц с культурой многоваликовой керамики.

«Сходство проявляется и в устройстве могил, и в погребальном обряде, и в инвентаре. В принципе близки большие глубокие погребальные ямы, иногда с уступами вдоль краев. В КМК известна каменная обкладка стен погребальных ям, характерная для Микенских гробниц. Аналогична манера перекрытия могильных ям бревнами или каменными плитами. В обоих случаях очень распространен обряд тризны – захоронение животных, в частности лошадей. Сходно положение погребенных на спине с руками на тазе, или на боку, с кистями рук у лица. Среди аналогичного инвентаря, кроме [дисковидных] псалий, – кремневые стрелы с выемкой в основании, выпрямители древков стрел, бронзовые наконечники копий с длинной несомкнутой втулкой. Общей чертой является распространенная как в КМК, так и в Микенах техника плакировки [золота]».

Чуждый обряд зафиксирован и захоронением пары лошадей в Марафоне, явно предназначавшихся для повозки, хотя в могиле они без повозки – таких захоронений Смирнов собрал немало, все они – в срубной, андроновской и бабинской культурах. Жертвоприношение лошади обнаружено в микенском могильнике Адония к западу от Микен (Demakroulou 1996: 24 - 25). В шахтной гробнице здесь залегал скелет обезглавленной лошади, в другой могиле в дромосе - скелет лошади, а под ним челюсти 14 лошадей. Эту ритуальную практику Маккай (Маккай 2000: 41) сопоставляет с ритуалами Синташты, где в мужских могилах почти всегда лежат целые скелеты жертвенных лошадей и отдельные кости, челюсти в том числе (Генинг и др. 1992: 380).

Березанская указывает на сходство и с погребениями колесничих Синташты и других памятников Приуралья (петровская культура, новокумакский горизонт). Она считает их более ранними, чем Микены, а дисковидные псалии в степях исходными для типа, в чем с ней согласна немецкая исследовательница С. Пеннер (Penner 1998: 23 - 108). Это дает Березанской (1986: 37) возможность «выделить узкий (в одно-два столетия) предсрубный горизонт на огромной территории от Днестра до Урала, занятой тремя вполне обособленными, но в то же время сходными по культуре и, возможно, по этносу массивами – КМК, абашевской и памятниками синташтинского типа» (см. также Мимоход 2005).

И в самой культуре КМК исследовательница устанавливает наличие «богатых погребений воинов-колесничих в больших ямах с деревянными срубам, содержащих большое количество оружия, остатки колесниц, псалии и захоронения коней (Близница, Острая Могила, Вольная Украина 1/5, Заваловка и др.)». Памятники эти «протянулись длинной цепочкой от Микенских гробниц до Синташтинского могильника» (1986: 42). Березанская прямо говорит о миграции и о вторжении в Грецию: «В данной связи важно

признание того факта, что сами Микенские гробницы культурных истоков на территории Греции не имеют и оставлены пришлыми племенами» (там же).

Я бы отметил еще два ярких сходства Микенской культуры с Синташтой и Аркаимом. Во-первых, в Синташте выявлен грунтовый могильник С1 с прямоугольными ямами, заключенный в кольцо выложенных из дерна стен с глиняной обмазкой снаружи, диаметр кольца 24 м (рис. 13 - Генинг и др. 1992: 243 – 252, рис. 135а) – вся эта картина чрезвычайно напоминает знаменитые кольца А и В с шахтными гробницами Микен. Впоследствии на этом кругу в Синташте был возведен низкий плоский курган, несколько замаскировавший это сходство, но в реконструкции оно проясняется. Такой же могильник обнаружен в Аркаиме – это Большекараганский могильник (рис. 14) – ров по кругу и практическое отсутствие кургана, во рву больше дюжины могильных ям, в основном ориентированных меридионально, как и в Микенах, в ямах 28 или 29 скелетов.

Во-вторых, в Синташте есть и настоящие толосы (рис. 15 - Генинг и др. 1992: 360 – 365, рис. 316- 364) – это явно родоначальники толосов Микенской Греции (рис. 16 - 17), не имеющих прототипов в предыдущей истории Греции (ср. Pelon 1976). Правда, этот толос по сравнению с греческими маленький – 3,5 м, и сооружен из плит сушеного ила, но тем не менее есть всё, что нужно, - купол, могила, был и дромос (разрушен грабителями). Ложносводчатые купола из глиняных блоков есть и в Аркаиме (рис. 18).

Можно еще сопоставить некоторые изобразительные мотивы. С культурой многоваликовой керамики связывают по форме ритуальный роговой топорик из Дударкова Киевской обл. (рис. 19). На нем изображено дерево, над которым зубчатым колесом показано солнце, а под ним пасутся семеро животных – лошадь, осел или лань и вепри. Березанская, отмечая в изображении дерева пышную крону с волкотообразными завитками, сравнивает дерево с пальмой и полагает, что это свидетельствует о далеких южных мотивах, хотя сам сюжет (место собрания богов) сопоставляет с описанным в Младшей Эдде (Березанская и др. 1986: 40, также рис. 6, 20 на с. 21). Пальму это дерево действительно напоминает. Аналогичные растения можно увидеть на микенских изображениях – например, на накладной пластинке цветной пасты из Спаты, Аттика (рис. 20), на микенской керамике разного времени (рис. 21). Особенно похожа гравировка из Дударкова на пальмы, изображенные на мече из шахтной гробницы Микен – там они составляют фон для сцены терзания со львом (рис. 22). Однако пальма – субтропическое растение. В Греции пальмы хотя и водятся (финиковые), но вне зоны культивации не образуют основного элемента ландшафта. Так что похоже, что здесь действительно южное влияние, но оно проявилось как в Микенах, так и на топорике из Дударкова под Киевом. Осуществлялось оно скорее через Микены, но охватывало более широкую зону.

Вообще это и проявление стилистической тяги к завиткам, спиральям. Спиральный орнамент очень популярен в микенской культуре – спирали и волюты заполняют там всю свободную поверхность (ср. изображение ристаний на стеле из микенской могилы V круга А – рис. 23). Он есть и в культурах бронзового века Среднего Подунавья (рис. 24).

Правда, Березанская считает носителей КМК индоиранцами (1986: 40) и не связывает их вторжение в Микены с фракийским нашествием. Но возможность такой увязки напрашивается.

8. Идентификация протофракийцев. Была ли культура многоваликовой керамики следом экспансии фракийского этноса? У многих народов был период их необычайной экспансии на огромные территории. У фракийцев это и мог быть период многоваликовой керамики,

Этот новообразовавшийся этнос оказался необычайно способным к экспансии, хотя эта экспансия не идет ни в какое сравнение с панфракийской картой Александра Фола. Прежде всего этот этнос вытеснил катакомбные культуры (предполагаемых индоариев) из большей части их ареала. Это была западная его часть. Любопытно, что именно из этой части «катакомбники» ушли в Азию, хотя в восточной части ареала (в Калмыкии и на Северном Кавказе) катакомбное население осталось. Такое происхождение мигрантов в Азию видно из следующего. В парных погребениях поза имитируемого совокупления разная: на западе от Днепра – преимущественно лицом к лицу, на востоке – мужчина за спиной женщины. Так вот по всей полосе катакомбных культур Средней Азии покойники лежат лицом к лицу, т. е. как в западной части катакомбного ареала, а в

индийском предании риши, который сочетался с женщиной сзади, был наказан богами; в Камасутре этот способ определен как необычный. (Возможно, что такой способ – а posteriori – остался на Северном Кавказе со времен прихода новосвободненской культуры; в Европе этот способ характерен для северных петроглифов, потом для эротической культуры римлян.)

Если культура многоваликовой керамики – фракийцы, то как тогда выглядит в проекции на археологию проблема выведения фракийцев от некоего общего корня с индоариями и греками? Основным компонентом сложения этой культуры Березанская видит не катакомбный (от которого кое-что взято), а ямный, причем в западном (нерушайском) варианте ямной культуры, потому что там она жила особенно долго. Это одна возможность. Другую я уже указывал – это могла быть захваченная миграционным движением культура Глина-Шнекенберг, возможно, участвовавшая и в этногенезе фригийцев. Наконец, культура многоваликовой керамики, особенно с охватом периферийных групп, могла быть и многоэтнической, включая и иранский элемент.

Скажем, Синташта вряд ли принадлежала чистым фракийцам – уж очень там много также индоиранских черт (Генинг 1977). Участие не только фракийцев, но и самих иранцев в этом нашествии возможно. Бенвенист (Benveniste 1966) выдвинул предположение, что микенский термин для лука («токсон») заимствован из иранского. Оппонентами это заимствование было отвергнуто как нереальное, а между тем, ему соответствует появление в микенской культуре треугольных симметричных глубоковыемчатых наконечников стрел, да и выпрямителя. Надо искать и другие иранские заимствования в сфере власти, военного дела, коневодства и культа.

Некоторые сходства с иранской мифологией и обрядностью, видимо, восходят к тому же времени. Одну фонетическую черту греческий и армянский (который тогда, в XVII в., еще находился на Балканах) разделяют с иранским: s>h. Влахов (1978) находит и во фракийском языке некоторые иранские элементы.

Чем можно было бы проверить изложенное здесь предположение о фракийском нашествии на Грецию и о фракийском воздействии на Микенскую культуру? Искать фракийскую топонимику на Украине вряд ли продуктивно, ведь КМК существовала недолго и была радикально сметена срубной культурой. Но попытаться можно, и такие попытки делались. Если личные имена (Zgusta 1955) могут быть объяснены контактами иммиграциями исторического времени (Крыкин 1991), то гидронимия (Трубачев 1968; Откупщиков 1986; 1991; Проценко 1986), видимо, сохранилась с первобытного времени. Можно также поискать, нет ли в греческой мифологии отражения фракийской специфики в коневодстве (Фракийский всадник). Разумеется, было бы важно, чтобы лингвисты попытались найти механизм проверки наиболее фракийской (по характеру) части негреческого пласта в греческом языке – субстрат это или суперстрат. Для археологов же остается разработать детальнее параллели между культурой КМК и Микенской культурой. То есть проделать заново на более широком материале исследования типа бухгольцевского «Выпрямитель древков стрел из VI шахтной могилы Микен и элладские наконечники стрел» (Buchholz 1962). Не с элладскими наконечниками надо сопоставить этот выпрямитель, а с выпрямителями из степей.

9. Этногенез фракийцев. Однако идентификация культуры многоваликовой керамики как фракийской будет неполна без установления связи между этой культурой и теми, которые ведут непосредственно к фракийцам исторического времени. По Геродоту, фракийцы были самым большим народом после индов. Их племена населяли северную часть нынешней Греции, всю нынешнюю Болгарию (бессы, одриссы, трибаллы и др.) и Румынию (геты, как их звали римляне, или даки – как звали греки, вероятно, по названиям отдельных племен, впоследствии слившихся). Культура их развивалась в железном веке под сильным влиянием кельтской, скифской, иллирийской, греческой и затем римской, все эти народы сюда приходили в порядке торговли, мирной миграции и с войнами. Как мы знаем впоследствии сюда хлынули славянские массы, и в конечном счете вся территория Румынии романизована римлянами, а вся территория Болгарии была славянизирована.

Была даже теория (Рёсслера), что все даки были выселены из Дакии и на их место прибыло с запада Балканского полуострова романизованное население. Но

археологические раскопки и этнография показали, что и в Болгарии и в Румынии велик вклад местного доримского и дославянского населения.

Беда, однако, в том, что и в бронзовом веке на этой территории жило множество этнических групп, оставивших свои культуры, заметно различающиеся. Они смешивались, сменялись, давали начало новым культурам, а у этих новых чаще всего были разветвленные корни, уходящие в разные стороны, и сообразить, с каким из них передавалась языковая преемственность, без общей ориентировки невозможно. Сосредоточение на культуре многоваликовой керамики эту общую ориентированность дает.

В раннем бронзовом веке картина Балкано-Карпатского района такова. На западе Румынии существовала культура Оттомань, простирающаяся и на территорию Западной Венгрии как культура Фюзешабонь. Это была культура полей погребальных урн, наследница культуры хатван и в конечном счете баденской культуры. Широтное течение Дуная на большом протяжении (но не доходя до моря) было занято культурой Глина III – Шнекенберг, в которой покойники погребались на боку в каменных ящиках. Люди этой культуры разводили рогатый скот, больше крупный, и практиковали земледелие. Они украшали себя ожерельями из клыков кабана и медведя, делали глиняные модельки боевых топоров и укрепляли свои поселения. Как я уже отмечал в предшествующей главе, культура эта продвинулась в северное Подунавье с юга, из Болгарии (сложившись на основе культуры Чернавода II), Фессалии и Македонии (получив оттуда значительный вклад). Есть мнение, что в сложении этой культуры чувствуется и восточный, степной вклад (шнуровая орнаментация, боевые топоры).

В среднем бронзовом веке трансильванский центр Румынии был занят воинственной культурой Витенберг, с кривыми ножами, длинными мечами и разукрашенными боевыми топорами. Кремированные покойники лежат в больших урнах, покрытых нарядными мисками. Для этой культуры характерна оригинальная форма миски – венчик квадратный с поднятыми и загнутыми углами. Культура эта происходит из культуры Глина III – Шнекенберг.

На югозападе появилась еще одна культура погребальных урн – Вербичоара. На западе продолжала развиваться культура раннего бронзового века Фюзешабонь-Оттомань, причем в ней сформировалось оружие так называемого фракийского типа – длинный меч, втульчатые наконечники дротиков. Рядом с ней с территории нынешней Венгрии продвинулись на западную часть Румынии культуры Ватина, Периам-Печка и Гырла-Маре или Кырна. Культуры Ватина и Гырла-Маре распространились на восток, и культура Гырла-Маре (она же Кырна, в Сербии – Жуто Брдо) ассимилировала культуру Вербичоара. Для культуры Гырла-Маре характерен культ плодородия и солнца: найдены глиняные солнечные повозки, запряженные птицами (Дупляя); есть ручки сосудов и целые сосуды в виде птиц. Это и стилизованные женские статуэтки с колоколовидными юбками говорят о влиянии критомикенской культуры.

На месте культуры Глина-Шнекенберг на юге страны возникла не происходящая из нее скотоводческая культура Тей, с зольниками, чернолощеной керамикой и легкими наземными жилищами. Керамика ее - с черным лощением и с орнаментом на плечиках, шнуровым и врезным. А на востоке страны и в Молдавии в какой-то мере на основе культуры Глина-Шнекенберг развилась культура Монтеору с укреплениями, жилищами на каменном основании и очень оригинальной, я бы сказал вычурной керамикой. Покойники лежат в скорченном положении на боку, в ямах, иногда обложенных по краям камнями. Во всех этих культурах обнаружены псалии – части конской узды.

Английский археолог, автор обзорной книги «Фракийцы», Рэлф Ходдинот выделяет из этого многообразия две культуры – Оттомань и Витенберг – соединяет их в одну культуру и реконструирует на ее основе «протофракийскую империю», равную по значению микенской и хеттской империям, но более раннюю и распавшуюся к XIV веку (Hoddinott 1981: 40 – 61). Он видит в этой культуре проявления давних балкано-дунайских орнаментальных традиций, вокруг которых уже раньше кристаллизировался фракийский этногенез – священные рога, упрощенные до двуспиральных ручек и подвесок и даже глиняных якорей, языки пламени, превратившиеся в бегущую спираль. Эти орнаменты действительно в названных культурах есть, но они очень широко распространены в это время – от Микенской культуры до Кавказа, что Ходдинот и использует, говоря об экспансии «протофракийской империи» (присоединяется культура Монтеору) и ее

широчайшем влиянии. Аттестация культур Оттомань или Витенберг как протофракийских вполне возможна, но приведенная им аргументация явно недостаточна, а объединение их в одну культуру и вовсе не аргументировано.

Позже, но еще в том же среднем бронзовом веке (в середине II тыс. до н. э.), всю восточную половину Румынии, причем разные ландшафты – и степные, и лесостепные и горные - заняла культура Ноуа с бедной керамикой, небогатым металлом и обилием костяных орудий. Керамика украшена налепными валиками. Покойников хоронили скорченными в бескурганых могильниках, иногда под курганами. Основным занятием было разведение крупного рогатого скота – это пастушеская культура. Родственная культура Кослоджень переходит в Болгарию в культуру Пловдив-Зимница. Культуры эти появились в XIV веке, исчезли в XII. Сложилась эта культура на основе смешения местных культур Витенберг, Тей, Монтеору и других, но главный вклад внесли прибывшие с востока степные племена. Родственная культура на территории Украины и Молдавии – сабашиновская.

Где здесь место для обнаружения воздействия культуры многоваликовой керамики? Степной вклад выдают культуры Глина-Шнекенберг и особенно Ноуа. Первая могла сама послужить одним из компонентов культуры многоваликовой керамики, а вторая – впитать в себя нечто от этой культуры, но между ними есть некоторый разрыв. Культуры, способные занять место в линии преемственности между культурой многоваликовой керамики и историческими фракийцами это культуры Тей и Монтеору. Вписывается в эту линию и культура Ноуа-Кослоджень-Пловдив-Зимница – как второе звено. В меньшей мере подключены были к этому развитию культуры Болгарии, потому что в XIII - XII вв. произошел мощный сдвиг культур на юг. Это было великое нашествие народов Среднего и Нижнего Подунавья на Эгейский мир и дальше движение на юг и восток, к Египту, где они стали известны под названием «народов моря». Так что в результате этого сдвига фракийцы Болгарии скорее всего имеют более северное происхождение.

В позднем бронзовом веке и начале железного на юге нынешней Румынии и сопредельных землях Болгарии располагается культура так называемого «фракийского гальштата», в которой сильны западные, иллирийские черты, с северозапада проникают на территорию Румынии кельты, на северовостоке страны поселились бастарны, а в центре, в Трансильвании формируется культура исторических даков (или гетов). В Трансильвании же в I в. до н. э. – I в. н. э. возник центральный очаг гето-дакийского государства со столицей в Сармизегетусе (Daicovişiu 1963). Близ нее было выстроено святилище диаметром в 30 м, от которого остались концентрические круги из столбов с двумя выходами из внутреннего, центрального полукруга, четырем из среднего круга и тридцатью проходами из внешнего, низкого круга. Между этими проходами расположено по семь низеньких столбов (рис. 25). Числа - семь дней в неделе, тридцать дней в месяце, четыре сезона в году – придают этому сооружению календарный смысл. Но концентрические круги напоминают о структуре Аркаима и Синташты и о еще более ранних неолитических ронделах Центральной Европы.

10. Наследие протофракийцев. Вообще заманчиво было бы проследить какие-то параллели по мифологии, иконографии и специфическому быту культуры исторических фракийцев с археологическими культурами, задействованными во фракийском этногенезе по предложенной концепции.

Погребальную обрядность фракийцев анализировала и сравнивала с археологическими данными ареала на глубину до конца II тыс. до н. э. Р. Георгиева (1991). Она упоминает жертвоприношения людей и коней, в частности частей скелетов двух коней во рву кургана близ Констанцы (Румыния), упоминает надгробные стелы.

Иконографию мифологических образов исторических фракийцев свел воедино румынский исследователь В. Сырбу, основываясь на археологических находках IV – III вв. до н. э. (Сырбу 2006). Большинство сюжетов изображают всадника с копьем или луком – «фракийского всадника», бога или героя, часто на охоте. Затем изображаются две женщины с ритонном и фиалой в руках, или с луком и стрелой верхом на кошачьих хищниках (львицах?), в одном случае – на колеснице, управляемой мужчиной-возницей. У одной женщины в руках – лук и стрела, у другой – распускающаяся ветвь, а колесница – квадрига, запряженная крылатыми конями. Фигуры явно священные, видимо, богини. Направивается параллель с двумя богинями, Афиной и Герой, на одной колеснице в

Илиаде. На золотых шлемах, явно не предназначенных для военного применения, изображены выпученные глаза под дугообразно изогнутыми бровями. Это расценивается как апотропеический знак, выражающий всевидение. Есть процессии животных, в которых друг за дружкой следуют рогатая птица с рыбой в клюве и кроликом в когтях, олень, восьминогое животное и козел. Рогатая птица и восьминогое животное находят параллели в арийской мифологии (иранская Саена и индоарийский шарабха).

К списку Сырбу можно добавить изображение героя или героини в противостоянии с трехглавым змеем (уже приводившееся здесь в качестве аналогии к изображениям ямной культуры).

Возможно, что детальное изучение археологических культур бронзового века позволит найти и более точные, более узко фиксированные аналогии, но в общем они вряд ли дадут адресную привязку фракийцев к их языковым предкам. Ведь в этногенезе фракийцев приняло участие много культур разного происхождения, и источниками мифологических образов, как и деталей материальной культуры исторических фракийцев могли быть не только их языковые предки. Фракийский комплекс оружия сформировался не обязательно у фракийцев, а, скажем, у фригийцев, «фракийский всадник» мог почитаться и соседями, как «фракийский гальштат» вполне возможно на самом деле – иллирийский. Носили же еще в XIX веке сельские румыны и болгары, отнюдь не языковые потомки фракийцев, одежду, которую в древности носили именно фракийцы (Nachtmann 1995).

Вклад культуры многоваликовой керамики, очевидный в Микенах и труднее прослеживаемый на Дунае, должен был ощущаться во фракийской культуре античности – не меньше, чем вклад микенской культуры в эллинской. Но развитие эллинской культуры по прямой линии вело к современной греческой и к греческому языку. Фракийский же язык исчез, а культура растворилась в современной румынской и болгарской. Если бы мы не имели перед глазами всю картину миграций и взаимосвязей на протяжении эпох, то, двигаясь обратным путем от современных культур, мы вряд ли могли бы заподозрить важную роль населения с многоваликовой керамикой во фракийском этногенезе.

1. Круг В в Микенах (Häusler 1998: 277).
2. Схема: Отличия микенской культуры от общегреческой (есть набросок)
3. Схема: Преемственность микенской культуры от общегреческой (есть набросок)
4. Глиняная модель из Дупляя (Восточная Сербия) культовой трехколесной повозки, запряженной водоплавающими птицами - предположительно мифический выезд Аполлона к гиперборейцам (Oppermann 1984: 62, Abb. 24).
5. Глиняный ритон из Карпи (Крит) в виде трехколесной повозки с тремя головами быков, датируемый субмикенским временем (XII – XI вв. до н. э.) (Demargne Naissance 396 – 395 шифр Н 1905).
6. Схема: Сходства микенской культуры с фракийской (нужно сделать - Fol 1984: ?????).
7. Фракийские купольные гробницы античного времени (Oppermann 1984: 103).
8. Территория фракийцев в античное время (с карты римской империи). (Лучше: Oppermann 1984: 70).
9. Карта «Фракийское пространство» из римского журнала «Наши фракийцы» 1992 г. (Noi Tracii, 1992, p. 24).
10. Культура многоваликовой керамики – карта (Березанская и др. 1986, рис. 1 на с. 8).
11. Культура многоваликовой керамики – типы (Березанская 1986, рис. 2, рис. 5 и рис. 6, рис. 8, рис. 11).
12. Сходства культуры многоваликовой керамики с микенской (сравнит. таблица).

13. Синташта – грунтовый могильник С1 (Генинг 1992: рис. 135а).
14. Аркаим – Большекараганский могильник, «кург. 25» (Зданович, рис. 1 на с. 44 в книге Аркаим 1995).
15. Синташта СБ – толос (Генинг 1992: рис. 316 -).
16. Толос «гробница Агамемнона» в Микенах (Majewski 1963, рис. 26 на с. 132).
17. Толосы Греции (Renfrew 1972: fig. 4.2 on the p. 48).
18. Аркаим, яма 24 «кургана 25» Большекараганского могильника (Зданович, рис. 4 на с. 49).
19. Роговой топорик культуры многоваликовой керамики из Дударкова (Березанская и др. 1986, рис. 6, 20 на с. 21).
20. Накладная пластинка цветной пасты из Спаты, Аттика (Блаватская 1966: рис. 57, 1).
21. Микенская керамика с изображениями растений – амфора ПЭ I – II из Дендры (Schachermeyr 1976, Abb. 3), кувшин с ложным горлом из Агия Ирины (там же, Taf. 10а); скифос ПЭ III В из дома с идолами в Микенах (Abb. 55, 20), кратер ПЭ IIIС из Кораку (Schachermeyr 1980: Abb 34).
22. Изображение на мече из шахтной гробницы в Микенах (Vermeule fig. 19,5 на с. 96).
23. Надгробная стела из могилы V круга А в Микенах (Блаватская 1966: рис. 34 на с. 199).
24. Спиральные орнаменты культур среднего бронзового века Подунавья: урна из Девы, глиняный ритуальный очаг из Витенберга, бронзовый топор из Паулиша, бронзовый наконечник копья - случайная находка из Венгрии, бронзовый топор из Сирмабешеньё, бронзовый меч из кладов Апа, Венгрия, бронзовые подвески из Барки, Спишкого Штвртока и типичная подвеска из оттоманских погребений и кладов (Hoddinott 1981: 46 – 47 все рисунки этого разворота).
25. Святилище близ Сармизегетусы (Археология Румынии, рис. на с. 140).

Обсуждение

Шувалов. Микенская культура и культура многоваликовой керамики разделены значительным пространством – по сути весь Балканский регион. Они что же, проскочили эту территорию, не оставив следов?

Клейн. Могли и проскочить. Такие миграции в это время бывали – тохары, фригийцы.

Тохтасьев. Кроме того, в Болгарии масса курганов нераскопанных. Болгары их копать не умеют, сами мне жаловались. Там-то могут и оказаться следы.

Шувалов. А как насчет совпадения по времени с гиксосским нашествием? XVIII век – переломный в Египте и Вавилонии. Не вижу, почему гиксосов нужно отвергать.

Клейн. По хронологии не получается.

Тохтасьев. Ныне по-моему общепризнано, что гиксосы – это местные племена в Азии, как и касситы. Меня смущает другое. Почему пришельцы - это фракийцы? Это ведь могут быть и греки. На каких основаниях, собственно, реконструируется именно фракийское вторжение в Грецию?

Клейн. Если коротко, то по вещам и мифам (Пелопс и т. п.).

Балонов. Получается противоречие. Если согласиться с Березанской, то Синташта – фракийцы, а если с докладчиком, то арии. Куда же они пошли из Приуралья – в Индию или в Микены? А боевых колесниц там вообще не было.

Клейн. Не нужно упрощать. Боевых колесниц я не называл – просто колесницы. Березанская не говорила о фракийцах. О фракийцах поставил вопрос я. Она отмечала, что это была не одна культура, а три, скорее всего разноэтничных, хотя и родственных. Вторжение в Микены она приписывала иранцам, как и Маккай. Я признаю возможность иранского вклада, хотя и не считаю его

в данном случае основным. В западной части этого блока культур преобладал фракийский этнос, в восточной – индоиранский.

Тохтасьев. Почему тогда Синташта – не греки?

[Клейн. Потому что там больше индоиранских признаков. Речь может лишь идти о том, почему КМК – не греки. То есть почему микенцы – не первые греки, но аргументы против этого я уже приводил.]

Казанский. Елизаренкова в своей книге о словах и вещах сопоставляет Аркаим с Ригведой.

Тохтасьев. Докладчик напрасно принимает всерьез выводы фракологии, фракологической лингвистики. Я близко с нею знаком, сначала и сам принимал близко к сердцу всё, что в этой сфере появлялось, ездил на фракологические конгрессы, потом разочаровался. Ян Бест производит комическое впечатление, над ним даже болгары потешались. Над Влаховым тоже. Экс-министр культуры Фол – не ученый, не академик, а общественный деятель, министр. Панфракизма придерживаются только болгары и румыны.

С фракийцами дело обстоит плохо. Не десятки надписей известны, а считанные единицы, точнее десятки и даже сотни, но по одной-две буквы. Только сейчас открыли действительно десятки, но они еще не включены в научный оборот. В интерпретации господствует дремучий дилетантизм, а всё фракийское языкознание – это анекдот. Дечев заявлял, что фракийский – это продукт скрещивания иранского с этрусским. Георгиев, а за ним Дуриданов (возможно, под его давлением) отделил от фракийского гето-мизийский. Всё это вилами по воде писано. Достижения минимальны.

Обилие фракийских имен в микенских табличках Откупщиков действительно утверждал, но безосновательно (Дуриданов опроверг). Те элементы, которые Откупщиков в своей книге «Догреческий субстрат» называет фракийскими, на деле не фракийские. Да и сам Откупщиков склонен считать, что скорее преобладает карийское наследие в греческом. А что топонимов фракийских нет, так и греческих нет – в Греции нет ни одного крупного населенного пункта с греческим именем, разве что Микены и Афины.

В целом построение докладчика интересно, но в археологической части, хотя и она как-то расплывчата. Упомянутые фракийские купольные гробницы очень поздние, античного времени, их сходство с микенскими чисто внешнее, да и хронологический разрыв слишком велик для установления связи. Видимо античные архитекторы видели древние гробницы и решили повторить.

Казанский. Хотелось бы, чтобы докладчик в будущем подробнее развернул общую картину событий в древнем мире затронутого времени, охарактеризовав связи между событиями в разных регионах. Ведь, занимаясь этим временем, мы находимся в привилегированной позиции – можем совместить сведения текстов с археологией.

Фракийское языкознание сегодня действительно еще не очень надежно, скажем, ссылку на передвижение согласных нужно убрать. Такой серьезный исследователь как Освальд Семереньи предложил читать микенское do-e-go не как *δουλος* ('раб'), а как 'дориец', и это с восторгом принял Джон Чэдвик, который в итоге превратил дорийское нашествие в нечто типа революции рабов. Но всё же есть и реальные достижения, их сейчас обобщает Цымбурский. Главная сила труда Откупщикова в четком методе, а чрезмерный акцент на карийском – обычное увлечение исследователя. Об индоевропейском догреческом в Греции писали и другие лингвисты – Рейх, Мерлингген с его греческим.

Хорошо бы изложить отношение докладчика к концепции Ю. И. Андреева и к открытиям Н. Я. Мерперта в Юнаците. Для нас, лингвистов, это был маячок, освещающий раннее появление индоевропейцев на Балканах.

Клейн. Но чем доказывается, что это были именно индоевропейцы? В концепции Мерперта было выведение северо-европейских культур из ямной, а это ныне отпадает. Его раскопки в Эзеро и Юнаците решили проблемы хронологии, но этнические проблемы требуют более широкого охвата.

Что касается фракийского языкознания, к которому Сергей Ремирович относится столь скептически, то я нигде не солидаризируюсь с большинством выводов энтузиастов-фракологов, Беста в частности (Бест-то как раз и считает, что микенцы – это первые греки). Панфракийские построения Фола (он имеет сан академика – я видел сборник в его честь) я привожу сугубо иронически, это же ясно из контекста. Из лингвистических штудий для меня важны только соображения о родстве языков и фракийские элементы в негреческом компоненте греческого, а это признают и весьма серьезные лингвисты.

В археологической части моего доклада фракийские купольные гробницы античного времени лишь упоминаются как аналогии, но не выдвигаются как доказательства. Иное дело – круги-ограды и купольные гробницы Аркаима и Синташты, столь схожие с микенскими. Всё строится на культуре многоваликовой керамики, которая схожа как с Аркаимом и Синташтой, так и с культурой шахтных и купольных гробниц Микен. Это она пришла в Микены. Принесла ли она туда фракийский этнос с

иранским вкладом, решается оценкой фракийских элементов в греческой культуре, соображениями об их хронологии. Это Пелопс, Орфей, Аполлон...

Глава VIII. Греки и хетты

1. Искомая смена культуры. Но вернемся к рассмотрению культурной колонки Греции, к продвижению по ней вниз, вглубь времен, в поисках прихода греков. Итак, возникновение микенской культуры в XVII (или XIX) веке не похоже на приход греков.

Более глубокую и более резкую смену культуры в Греции избрали для фиксации прибытия греков еще Хейли и Блейген в своей знаменитой статье 1928 г. (Haley and Blegen 1928). Это по сути две статьи – лингвиста и археолога, помещенные встык.

Лингвист Хейли обратил внимание на негреческий субстрат греческого языка – слова образованные не из греческих корней и не по правилам греческого. Слова эти вошли в греческий язык, по-видимому, от предшествующего населения, потому что относились к местным растениям и животным, а также традиционным предметам материальной культуры. Такой состав этого чуждого в греческом пласта лексики наводил на мысль, что греки – пришельцы в этой местности и что эта чуждая лексика не суперстрат, не адстрат, а субстрат. Наиболее характерными для этих слов были суффиксы *-nth-*, *-ss-*, и слова эти потом вошли из греческого в другие языки, в том числе русский: аканф, плинфа, лабиринт, лаврисса, Парнас. Всё это было исследовано многими лингвистами до Хейли, в частности П. Кречмером (Kretschmer 1896; 1933; 1940). Еще в начале века А. Фик собрал все такие слова ставшие топонимами – это его книга «Греческие топонимы» (Fick 1905). А Хейли, проверив и подновив список, картировал их (рис. 1).

Археолог Блейген сообщил, что эта карта совпадает с ареалом памятников раннеэлладской культуры (рис. 2). Судя по ее близости культурам раннеминойской на Крите и западноанатолийской (позже такой близости не было – на Крите, например, минийской керамики нет), эта культура принадлежала населению, оставившему топонимы на *-s(s)-* и *-nt-* (*-vθ-*): именно они распространены широко в Эгейском мире – в Греции, на Крите и в Анатолии. Из этого Блейген заключил, что раннеэлладская культура и оставлена предшественниками греков в Греции. Поскольку большинство тогда считало, что этот субстрат не только догреческий, но и неиндоевропейский (Paoli 1885, Furnée 1972, и др.), Блейген счёл это население неиндоевропейским, как и родственное население Крита и Киклад.

А поскольку от этого рубежа до микенской культуры нет радикальных перемен в культуре Греции, и даже появление микенской культуры, по мнению Блейгена, не разорвало эту преемственность, оставалось признать, что конец раннеэлладской культуры и смена ее среднеэлладской и были первым в Греции появлением греков (и одновременно первым там появлением индоевропейцев).

Этот переход от РЭ к СЭ маркируется появлением минийской керамики ок. 1900 г. до н. э. по традиционной хронологии (по новой, 2500). Позже Джон Каски установил, что это было лишь завершением перемен, начавшихся раньше и занявших весь РЭ III (Caskey 1968; 1969; Marinatos 1968). Теперь ясно, что уже РЭ II (или культура Кораку, как ее назвал Ренфру – Renfrew 1972) означал последний период предшествующей цивилизации, завершившись около 2200 г. (по новой хронологии, около 3000). Он закончился пожарами почти во всех центрах Греции, некоторые города были покинуты и не восстановлены. В Лерне жизнь возобновилась, но на развалинах дома местного властителя был воздвигнут курган с кромлехом, остававшийся в неприкосновенности в течение последующего периода.

В целом, исчезла высокая культура раннеэлладского времени (РЭ I – культура Евтресис, и РЭ II – культура Кораку). Это поселения с крепостными стенами, с могильниками вне поселения, двухэтажными общественными зданиями, печатями, изысканными формами посуды, например, асками и так наз. соусниками, напоминающими суда (рис. 3). Она сменилась культурой совершенно иной, более низкого уровня. Это расположенные на смежных территориях археологические культуры Тиринф и Лефканди – с легкими апсидными домами, которые раскопщики прозвали «конурами», с бифрами (обмазанными глиной хозяйственными ямами), с захоронениями внутри поселка, под стенами и полами жилищ, с подкурганными погребениями в ямах, пифосах или каменных

цистах (рис. 4). Есть и усовершенствование: часть керамики, формы которой совершенно новые, стала производиться на круге (минийская керамика – рис. 5).

По мнению Хейли и Блейгена, поправленному Джоном Каски, это и был приход греков (также Palmer 1955; 1961; Marinatos 1968; 1973; Schachermeyr 1939; 1968; 1984; Sakellariou 1980a; 1991; Hiller 1982; 1986), и пришли они с севера, о чем говорят курганы, выпрямители древков стрел, апсиды домов и могил, глиняные якоря, каменные боевые топоры (рис. 6 - Hood 1973b; Howell 1973; Hiller 1982; 1986). Михаил Сакеллариу составил таблицу (рис. 7 – Sakellariou 1980a, 76 – 77), в которой показал в разных регионах Греции число местонахождений со следами иммиграции между РЭ II и РЭ III (таких оказалось 11), а также с керамикой РЭ III (таких 63) и только с керамикой РЭ II (таких 160). Как видим, РЭ III значительно ужался по сравнению с РЭ II. В основном затронуты изменениями Беотия, Аттика, Коринф, Аргонида, Аркадия, Лакония и Мессения. Сакеллариу считает, что первая волна пришельцев (в конце РЭ II была незначительной и двигалась морским путем, а вторая, в конце РЭ III, была массовой и катилась по материку).

Как отмечает Кросслэнд (Crossland 1973: 11 – 13), греческий язык очень хорошо сохранил свой строй, близкий праиндоевропейскому, не подвергся – в отличие, скажем, от анатолийских языков – разрушению под действием субстрата. Субстрат отразился здесь только в лексике, не в морфологии. Такую языковую ситуацию, как в Анатолии, по мнению Кросслэнда, можно ожидать, когда культура аборигенов значительно богаче пришлой: переняв ее язык, массы местного населения вносят в него свои языковые навыки, что сильно нарушает его структуру. Но ведь и в Греции культура аборигенов не была беднее пришлой. Мне представляется, что победа одного из столкнувшихся языков зависит не столько от соотношения культур, сколько от количественного преобладания носителей одного языка над другими, от их пола (дети усваивают язык от матерей), от языковой ситуации (который из языков более удобен для того, чтобы стать *lingua franca*).

2. Проблема исходного очага миграции. Откуда пришли мигранты, сказать проще: с севера, из области древнейших курганов. Но детализировать это нелегко. Гимбутас выводила всех индоевропейцев, а значит и греков, из понтокаспийских степей, и многие, в том числе Сакеллариу, следовали ее концепции. С дискредитацией этой концепции повисло в воздухе степное происхождение греков (или протогреков). Ни глиняных якорей, ни апсидных домов, ни бифуров, ни погребений в пифосах в степях нет.

Блейген в своей инициаторской статье 1928 г. выдвинул идею, что греки принесли в Грецию минийскую посуду с севера. Но многие археологи считали, что эта посуда возникла в Малой Азии. В 1958 г. Джеймс Мелларт на основе малоазийских аналогий и традиций предположил, что греки сначала переселились с севера в Малую Азию, обзавелись там этой посудой, а уже оттуда переправились морским путем в Грецию (Mellaart 1958: 26 – 32; 1964: 47 – 50). Кросслэнд отвергает эту гипотезу хотя бы на том основании, что в Малой Азии до исторической колонизации ахейцами нет никаких следов греков, и если археологические следы мы, возможно, просто еще не распознаем, то нет ведь и топонимики.

В том же году, однако, Л. Палмер пришел к заключению, что пришельцы в самом деле вторглись в Грецию из Малой Азии, но это были не греки, а жившая уже к тому времени в Малой Азии другая индоевропейская народность – лувийцы. Это их топонимика. В 1962 г. его концепцию принял греческий археолог Г. Милонас, а в 1969 и Мелларт признал его доводы убедительными (Palmer 1958: 93 – 97; Mylonas 1962; Mellaart 1969). Через три года после Палмера другой вариант той же гипотезы предложил А. Хойбек – он лишь заменил лувийцев их близкими родичами – хеттами (Heubeck 1961).

Оба варианта основывались на анализе негреческого субстрата в греческом языке – того самого, который выявил Фик, картировал Хейли, а Блейген совместил эту карту с ареалом раннеэлладских памятников

3. Проблема истинного субстрата. Дело в том, что неиндоевропейский характер догреческого субстрата, включая топонимику, издавна оспаривается. Еще А. Фик предполагал, что до греков в Грецию вторглись хетты, позже иллирийско-фракийские племена, а уж потом появились греки (Fick 1909). Э. Форрер считал, что эти суффиксы

принадлежат родичам хеттов лувийцам, которые и занимали огромные территории от Адриатики до Персии, являясь предшественниками греков (Forrer 1921). Его поддержал П. Кречмер, реконструировавший «настоящее малоазийское вторжение» в Эгейский мир (Kretschmer 1940: 253). Появление греков же они отождествляли с возникновением микенской культуры.

Так что Палмер и Хойбек имели за собой солидную лингвистическую традицию. Палмера, видимо, подтолкнуло появление археологической конкретизации в виде работы Меллаарта, а новшества Палмера – это ссылка на лувийский топоним Парнашша, – от слова «парна» 'дом', 'храм', – сопоставленный еще Э. Ларошем (Laroche 1957, 2: 5) с греческим Парнасом. Палмер из этого сделал вывод, что на Парнасе сначала находилось лувийское святилище. Прельстили его и лувийские аналогии словам нерасшифрованной критской письменности, а также некоторые параллели в культуре.

Хойбек же исходит из некоторых фонетических особенностей догреческого субстрата, которым есть соответствие в хеттском языке. Например, Одиссей именуется в некоторых диалектах Олюссей – как хеттский титул царя «табарна», в некоторых случаях пишущийся как «лабарна».

Эту концепцию много критиковали (Schachermeyr 1962a; 1962b; 1966; 1968; Откупщиков 1988). Указывали на немассовость и несистемность аналогий, на наличие подобных созвучий в других местностях, на отсутствие массивного малоазийского пласта в местной культуре.

Но теперь, в результате появления новых данных к этой концепции всё же придется вернуться, хотя и в несколько иной постановке.

4. Еще раз об исходном очаге: баденская культура. Хауэлл (Howell 1973) показал, что серая и желтая минийская керамика, по форме как бы подражающая металлическим кованым сосудам, возникла не в Малой Азии, а в Греции. Но это керамика, сделанная ремесленниками на круге, а в такой посуде нивелировались местные традиции и быстро распространялись технические новшества. Важнее рассмотреть остальную, хозяйственную керамику, домашнего производства. Ее характеристики другие: примесь дресвы, отогнутый и завернутый венчик, вертикальные ленточные ручки, обжиг без доступа кислорода (восстановительный).

Сириопулос (Syriopulos 1964; 1969) собрал все материалы среднеэлладской культуры, не только керамику, и Хауэлл проанализировал их. Когда рассматривают среднеэлладскую культуру в целом, то, имея в виду, что она должна оказаться греческой, исследователи невольно ограничивают круг аналогий ее типам и, так сказать, скашивают луч поисков на восток, особенно те, кто помещает прародину индоевропейцев в понтокаспийских степях. Из среднеэлладской культуры вычленивают курган, боевые топоры, булавы и выпрямители древков стрел. Им действительно есть аналогии в степях. Даже каменным ящикам погребений тоже есть. Но всё это не только там. Вся Центральная Европа должна быть подключена к этому кругу. Те, кто возражает против греческой атрибуции этой степной культуры или против этого времени или против этого направления поисков (ратуя за другие концепции), как раз и спрашивают – а где в степях бофры, где апсидные дома, где глиняные якоря, где погребения в пифосах и под стенами и полом жилищ? Хиллер находит аналогии только неподалеку на севере Балканского полуострова – в Фессалии и Македонии (Hiller 1982).

Оказалось, что аналогий всем этим типам много вдаль, и они сосредоточены не в степях, а в двух местах – в Трое и на Среднем Дунае.

В Трое это слои со II по V. В слое I керамика несколько иная, но со второго города начинается сплошное преемственное развитие, которое продолжается до пятого города (рис. 8).

На Дунае это круг культур, объединенный в баденский культурный комплекс. Это культура Баден в Австрии, она же Пецель в Венгрии, культура каннелированной керамики в Моравии, родственные культуры Костолац в землях бывшей Югославии, Коцофень в Румынии (Kalicz 1962; Petre și Govora 1970). Для этих культур характерны каннелированная керамика, сделанная с примесью дресвы и обожженная без доступа кислорода; бофры – хозяйственные ямы, обмазанные глиной. Погребения иногда кремированы, чаще скелеты

лежат скорченные в ямах, каменных ящиках и в глиняных сосудах, нередко под полом и стенами жилищ. Есть и лицевые урны, чрезвычайно похожие на знаменитые троянские, обнаруженные еще Шлиманом (в Трое II и позже). Каменные боевые топоры и булавы, выпрямители древков стрел тоже в дунайских культурах встречаются. Есть также глиняные модельки повозок (рис. 9 – 10). Курганов нет.

Население (карта – рис. 11) было боевым, подвижным и многочисленным (поселения гораздо гуще, чем в предшествующих культурах этой местности). Склонность его к экспансии сказывается в продвижении культур этого типа в сторону Италии и в сторону Греции и Анатолии.

Сходство с культурой Трои столь разительно (рис. 12), что исследователь баденской-пецельской культуры Н. Калиц предположил происхождение ее основного компонента из Трои (Kalicz 1962). До него наиболее убедительную версию происхождения этой культуры выдвинул Э. Неуступны – из культуры воронковидных кубков Германии и Польши, которая, продвигаясь на юг и наслонившись на лендельскую культуру, образовала баденскую (Neustupny 1959; 1973). Неуступны (рис. 13) проследил все стадии этого развития (стадии А – Е). Но Калиц, потрясенный своими находками лицевых урн, совершенно подобных троянским, собрал все аналогии и решил, что вклад Трои значительнее. Значит вот и предки баденцев.

Это представлялось возможным тогда, когда развитие радиоуглеродной хронологии только начиналось, калибровки по дендрохронологии еще не было, еще шли дебаты, насколько вообще радиоуглеродный метод заслуживает доверия. Господствовала короткая хронология европейского бронзового века и неолита, по которой баденская культура была намного моложе Трои II и Ранне-Элладского III. Польский археолог Здзислав Сохачкий еще в 1981 г. датировал баденскую культуру XXVIII – XIX веками (Sochacki 1981). Но теперь оказалось с полной достоверностью, не только на основе радиоуглеродного датирования, но и на чисто археологическом основании – после раскопок Г. Георгиева с Н. Я. Мерпертом в Эзеро (Болгария) и Ренфру в Ситагрой (Греция), – что вся система взаимосвязанных культур Балкано-Дунайского региона дает новое соотношение дунайской колонки с эгейской, что баденская культура старше даже Трои I (Renfrew 1970; Howell 1973: 90 – 91). Это отметил уже Мэллори (Mallory 1989: 239), хотя он присоединил к баденскому комплексу культур не только Коцофени, Черनावоду и Эзеро, но и усатовскую и ямную культуры с их курганами (рис. 14), что не вяжется с реалиями археологии. Эвжен Неуступны на баденском симпозиуме датировал баденскую культуру шестью веками – с середины IV тыс. по XXIX век до н. э., и эта датировка ныне принята всеми.

Таким образом, правы оба – и Неуступны, и Калиц, только Калиц прав относительно генетических связей культур, но не прав относительно их направленности. Тут всё наоборот. Не баденская культура происходит из анатолийской, а анатолийская есть результат нашествия носителей баденской культуры на Малую Азию.

5. Хетты и другие. Хетты, палайцы, лидийцы и ликийцы – индоевропейские народы Малой Азии (рис. 15 – 16), открытые, так сказать, на кончике пера – в результате раскопок Винклера в Турции и обнаружения табличек с клинописью, а затем их расшифровки Б. Грозным.

На сегодняшний день наука располагает хроникой событий в истории Хеттского царства и зависимых от него царств с XVIII или даже XX века до н. э. и системой сведений об этих языках, достаточно полной, чтобы знать, что они индоевропейские и определять их место среди других индоевропейских языков (Pedersen 1938; Benveniste 1962; Иванов 1963 и др., но ср. Kammenhuber 1961). Лингвисты почти единодушно полагают (Adrados 1982b), что эта группа языков отделилась от индоевропейского ствола раньше других (кое-кто даже склонен считать эту группу отдельной от индоевропейского ствола, хотя и родственной ему). Эти языки не входят ни в одну индоевропейскую группу, но разные пучки изоглос объединяют их то с одной, то с другой, то с третьей. Скажем, в чем-то они близки кельто-италийской группе, в чем-то славяно-балтийской, в чем-то грекоарийской (Гиндин 1970). Находят и их сходства с тохарами.

Фиксированный памятниками письменности для XVIII века до н. э., теперь хеттский язык – древнейший из известных нам индоевропейских языков, точнее, зафиксированный в

наиболее древнем состоянии. О хеттском народе этого сказать нельзя. В отличие от индоариев и иранцев, мы не можем продвинуться глубже этой фиксации ни на шаг. Что было с хеттами до XX века до н. э. и где они жили, можно только гадать.

Впрочем, на век-два продвинуться вроде бы всё-таки можно.

Около 2100 г. в тех населенных пунктах Центральной Анатолии (Малой Азии), Кюльтепе, Богазкеой и Аладжа, которые через 300 лет стали известны по письменным источникам как города ядра Хеттской державы, появилась внезапно гончарная керамика с ангобом и блестящим лощением, по формам напоминающая металлическую (Mellaart 1966, 2). Это скорее всего уже исторические хетты. Богазкеой – это столица Хеттской державы Хаттушаш или Хаттуша. Империя была названа хеттской по предшественникам индоевропейцев в этой местности – хаттам, народу, родственному западнокавказским – абхазам и адыге. Хаттов пришельцы чрезвычайно почитали, заимствовав у них многое из их более высокой городской культуры – технические достижения, организацию и термины государственной власти, мифологию и значительную часть лексики. Индоевропейский язык пришельцев также перестроился под воздействием местного субстрата. Государство свое они звали империей Хатти, столицу свою – Хаттусой, но свой язык пришельцы называли несийским, стало быть себя – неситами в отличие от хаттов, продолжавших жить вокруг, особенно на северном побережье Малой Азии. Неситами – по городу Неша или Неса, известному ассирийцам как Канеш (ныне Кюльтепе), где, очевидно, был первый центр их власти в Центральной Анатолии. Потом и себя они стали называть хаттами. Это уже исследователи стали их называть хеттами, отличая от первоначальных хаттов.

Но от появления баденской культуры у Боспорского пролива до 2100 г., когда история начинает видеть хеттов, добрая тысяча лет.

6. Катастрофы в Малой Азии. Что происходило в Малой Азии в начале этого интервала, с широтой отражено в великолепной работе Дж. Меллаарта (Mellaart 1966), который баденскую культуру не учитывал. В части, касающейся Малой Азии (Анатолии), описана сначала ситуация вокруг Трои. Троя I была только провинциальным городом культуры, раскинувшейся в Малой Азии и Македонии, на островах и берегах Адриатики и проливов. Центром же этого государства была не Троя, а город Полиохни на острове Лемнос. Это была чисто морская культура. По соседству в Малой Азии были другие подобные культуры, более континентальные (культура Иортан). Культуры эти существовали примерно с 3200 г. до 2750.

Внезапно мирная жизнь на западе Малой Азии окончилась (рис. 17). И на материке и на островах. Троя I разрушена, Троя II и Бейджесултан сожжены. Опустошены берега, на месте 50 поселений культуры Трои I – около дюжины поселений времени Трои II. Около 2600 г. частично сожжена и островная столица – Полиохни. В спешке там построена крепостная стена. Прерваны связи с Европой, откуда в Азию поступало олово для бронзы – в Аккадской империи при Саргониде бронза сменилась чистой медью – на время вернулся медный век, энеолит.

Суть событий для Меллаарта ясна: нашествие варваров с моря, с запада. Но кто они были, остается для него загадкой: археологически они для него неуловимы. Но, добавляет он, для варваров обычно усваивать более высокую культуру аборигенов. Для специалиста по Эгейскому миру Меллаарта, да еще когда баденская культура считалась более поздней, пришельцы могли оставаться неуловимыми. Но теперь мы можем опознать их прямо в культуре Трои II – в ее лицевых урнах (антропоморфных сосудах с поднятыми ручками), в каменных боевых топорах, в погребениях под полом и в сосудах.

Троя II возводится как мощная крепость, но уже Троя IIа сожжена. Около 2300 г. снова полная катастрофа (рис. 18). Троя IIг разрушена и сожжена, и в это же время разрушены и сожжены на обширной территории западной и южной Малой Азии поселения – столица Полиохни, города Тарс, Бейджесултан, Ахлатлибел, Герей, Полатли. Письменный источник Нарамсина (2290 – 2250 гг.) упоминает дьявольские орды, разрушившие город Пурусханда на западном краю его империи. В долине Коньи из 100 поселений раннебронзового века только 6 заселены снова, а на юго-западе – менее 100 из 300. Зато сильно возросло число поселений на юго-востоке – в Киликии. И Мелларт публикует карту обширных опустошений после 2300 г. (Mellaart 1966, map VI). Но троянская

культура распространилась тем не менее далеко на восток от Трои. А от этой катастрофы до начала II тысячелетия, когда анатолийские индоевропейские языки были засвидетельствованы письменными источниками, равномасштабных катастроф уже нет. Значит, по крайней мере последняя катастрофа, ок. 2300 г., погубившая Трою II, произведена приходом лувийцев, - справедливо решил Меллаарт.

Напрашивается соображение, что хетты пришли раньше лувийцев, поскольку оказались глубже в Малой Азии, и что первое время они жили в ее западной части, где после них оказались лувийцы, принесенные второй волной нашествия.

Ввиду однотипности событий, видимо, и первую катастрофу можно объяснить тем же вторжением индоевропейцев, только в тот раз это были другие племена – в частности, хетты, палайцы. Вторжение лувийцев оттеснило их в глубину Малой Азии. Есть и другая возможность - что хетты и палайцы были вторыми, и прошли после сделанных опустошений вглубь Малой Азии, а вернувшиеся к своим поселкам лувийцы стали их отстраивать. Это менее вероятный вариант, но и он возможен. Менее вероятным я его считаю потому, что в самой Трое после разгрома крепость стали восстанавливать, но зарытые клады драгоценностей Трои II не откопали. Значит, прежние обитатели не вернулись.

Меллаарт же в первой волне нашествия подозревал протогреков, поскольку в части первых пришельцев, вытесненных из Малой Азии второй волной нашествия и бежавших от него через острова на юг Греции, он видел первых греков в Греции. Позже он отказался от этой идеи в пользу лувийцев Палмера.

Такова картина, открывшаяся после исследований Меллаарта.

7. Хетто-лувийская экспансия в Европе. Но причем тут догреческий субстрат в греческом языке, догреческая топонимика Греции? А вот причем. Догреческая топонимика, содержащая эти самые суффиксы, не ограничивается Грецией и Малой Азией. Она распространяется на весь Балканский полуостров и на Италию. Это показала карта, составленная в 1954 г. заново Ф. Шахермейром (рис. 19). Таким образом, карта топонимики с известными суффиксами не совпадает с раннеэлладской культурой, как это полагали Блейген и все его последователи, а совпадает с тем ареалом, куда направлялась экспансия культур баденского круга. А в этот ареал входит среднеэлладская культура.

Таким образом, эту грандиозную миграцию никак нельзя считать приходом греков, поскольку ни в Малой Азии, ни в Италии нет доисторической греческой топонимики. И раз та рассматриваемая топонимика, которая есть во всех этих местах, имеет в глазах лингвистов возможности быть связанной с анатолийскими индоевропейскими языками – хеттским, лувийским и др., нужно серьезно рассмотреть возможность того, что эта миграция была миграцией хеттов и других анатолийских индоевропейцев в Анатолию. Экспансия баденской культуры не имела четкой направленности в Анатолию (да и с чего бы ей быть туда направленной?). Она растекалась по всему приморскому югу Восточной Европы (рис. 20), но в Малой Азии пришельцы поселились надолго, а в остальных местах были смяты и вытеснены или ассимилированы последующими пришельцами, оставив только топонимику и кое-что еще.

Возникает вопрос: а почему они не оставили по себе аналогичную топонимику в исходном очаге – на Среднем Дунае? Во-первых, я не уверен, что не оставили – просто, возможно, там не искали и не нашли (как до того в Италии). Во-вторых, топонимику народ оставляет не там, где он больше или изначально жил. От народа остается топонимика там, где его предшественники полностью и быстро сметены, не успев передать свою топонимику пришельцам, где возникает много новых урочищ, требующих названия, и где этот пришлый народ живет до сих пор или преемственность не нарушена потом радикальной и быстрой сменой населения. На юге эти условия оказались реализованы, на севере – нет.

А как же с отсутствием следов хеттолувийского воздействия в греческом языке и культуре? Ведь эти следы должны быть достаточно мощными, если учесть огромный вклад среднеэлладской культуры в ахейскую. Но до сих пор искали в Греции в основном следы малоазийской культуры и малоазийского состояния хеттского и лувийского языков. Они есть, но незначительны. Однако хетты и лувийцы пришли в Грецию совсем не в этом качестве, не в этом облике. Они пришли в Грецию с севера, не заходя в Малую Азию, еще

как совершенно незадетые хаттским воздействием индоевропейцы, чьи диалекты были тогда не так уж далеки от протогреческого, также более близкого к праиндоевропейскому состоянию, чем ахейский диалект крито-микенской цивилизации.

Нужно сначала мысленно очистить хеттский язык от предполагаемого воздействия хаттского субстрата, реконструировать протохеттский язык, а уж следы его воздействия искать в греческом. То же касается и протохеттской культуры. Это совершенно новое поле исследований.

8. Проблема хетто-лувийского наследия у греков. Рассмотрим всё же связи языков и культур на тех направлениях, которые наметились в результате предполагаемой хеттской атрибуции баденской культуры и баденской миграции на юг – в Грецию и Анатолию.

Прежде всего, это связи хетто-греческие. Став субстратом греческого языка и одним из источников греческой культуры, хетто-лувийские язык и культура должны были оставить некие следы в греческом языке и культуре. Оставить, конечно, должно было именно индоевропейское ядро хетто-лувийского языка и культуры. Но как уловить именно такие следы?

Что касается лингвистики, то Гиндин (1972), обобщая выводы ряда лингвистов (Камменгубер и др.) по этому вопросу, пишет, что есть только одна поздняя изоглосса, объединяющая хетто-лувийский с греческим, – это мультипликативный суффикс *актс-/anki-*; нет ни одной изоглоссы, связывающей хетто-лувийский с армянским и ни одной – с греческим и армянским одновременно. По Порцигу (2002: 279 – 280), это не совсем так. Только в хеттском и греческом индоевропейское *tī* ассимилировалось в хеттское *zī* и восточногреческое (ионийское и аркадо-кипрское) *σι*. Только в греческом и хеттском направление «вниз» обозначается наречием греч. *κατά* и хеттск. *kattan*, тогда как в общеиндоевропейском для этого была частица **ni* (ср. русск. «вниз», нем. *nieder*). Перед исконным *г* как в хеттском, так и в греческом и армянском выступает протетический гласный. Гамкрелидзе и Иванов (1984: 902 – 903), ссылаясь на работы Г. Неймана и П. Кречмера, сопоставляют гомеровское *ἴσχυρ* 'бессмертная кровь богов', позже просто 'кровь', с хеттским *ešnar* 'кровь'; гомеровское *δέλας* 'сосуд', имеющееся уже в микенском греческом *di-ra*, с хеттским *tarišana-* 'сосуд'; греческое *θύρσος* 'тирс' (жезл вакханок, увитый плющом) с иер. лувийским *tuwarsa* 'виноградная лоза' и др. Есть и кое-что еще (Gusmani 1969). Всё-таки это немного. Что ж, значит, до выделения анатолийской группы диалекты, которые в нее вошли, располагались не рядом с предками греков и армян. Тем любопытнее эти изоглоссы, которыми греческий мог быть обязан хетто-лувийскому субстрату.

Обратимся к религиозным памятникам. На Крите в Арменах (к западу от Кносса) в позднеминойской III скальной могиле 24 обнаружен ларнак с изображениями (Hiller 1977, Taf. 22a). На одном из них итифаллическая и рогатая мужская фигура с копьем или посохом в руке стоит на олени (рис. 21). Боги, стоящие на животных – типичная черта хеттского пантеона. Бог на олени – это, по Гёрни, бог деревни с титулом «Дух-Покровитель» или «Провидение» (рис. 22). Его священным животным был олень, и он изображается стоящим на олени с зайцем и соколом в руке (Герни 1987: 124, рис. 2). На стеатитовом рельефе он изображен с посохом в левой руке. К сожалению, считать это безусловным доказательством связи через субстрат нельзя. Боги, стоящие на животных, считаются в хеттской культуре наследием культуры Сирии и Месопотамии, видимо, через культуру хаттскую (Герни 1987: 186), а древний культ оленя засвидетельствован в Анатолии статуэтками, часто встречающимися в могилах III тысячелетия до н. э. На позднеминойском Крите (рубеж ПМ III А – ПМ III В) это могло быть и влияние Хеттской империи в эпоху ее связей с Ахиейвой – такое же, как Львиные Ворота в Микенах, схожие со Львиными Воротами в Хаттусе (рис. 23 – 24).

Но если стояние на олени – черта азиатская, то само наличие бога, ассоциируемого с оленем, – это черта индоевропейская. По исследованиям Калверта Уоткинса (Watkins 1999), как по имени (Рунза, Рунта или Курунта), так и по оленьим признакам в облике этот бог совпадает с кельтским Богом-Оленем Кернунносом, которого можно видеть на изображениях парижского алтаря (рогатая антропоморфная фигура с надписью «Cernunnos») и котла из Гундеструпа (рис. 25 – 26). А в таком случае может иметь

некоторое значение и явно культовая статуэтка-сосуд в облике оленя из серебра и олова, происходящая из IV шахтной гробницы Микен (рис. 27) и обилие оленьих рогов в Нальчикском могильнике, выдающем связи с баденской культурой.

Поскольку обрывки хеттских мифов дошли до нас в хеттском же изложении, можно поискать их отражение в греческой мифологии. Здесь прежде всего обращает на себя внимание миф о смене царств на небесах.

Бог Алалу царствовал на небесах 9 лет, затем его победил Ану (ан по-шумерски 'небо'). Он тоже царствовал 9 лет, но был свергнут сыном, Кумарби, а когда Ану взлетел на небо, Кумарби, бог грозы, схватил его за ноги и откусил ему детородный орган. В отместку Ану сделал его беременным тремя богами, но Кумарби успел выплюнуть проглоченное и богов родила Земля. Кумарби зовется отцом богов. Первый издатель этого текста Г. Гютерболк заметил поразительное сходство с «Теогонией» Гесиода. Бог неба Уран и богиня земли Гея рожают Крона и титанов. Крон оскопляет своего отца и из вытекшей крови рождаются эринии и Афродита, а Крон с Реей порождают богов, и Крон их проглатывает всех, кроме Зевса. Тот заставляет Крона выплюнуть всех богов, которые затем бьются с титанами и одолевают их. Зевс становится отцом богов.

Три поколения богов в обеих версиях, они сменяются посредством насилия, бог неба оскоплен в обеих версиях, бог грозы становится отцом богов (Webster 1958: 64 – 90). Гесиод именует богов старших поколений *πρότεροι θεοί* – 'минувшие боги', а у хеттов они называются *kaḡiileš šiupeš* 'прошлые боги' (Гамкрелидзе и Иванов 1984: 903). Хеттский миф безусловно старше того, который зафиксирован Гесиодом. Но предполагать наследие хеттского субстрата и здесь опасно, потому что Кумарби – хурритский бог, весь миф, по предположениям специалистов по сравнительной мифологии, несет на себе признаки в конечном счете шумерского наследия, то есть пути через Анатолию, или можно предполагать независимое заимствование через финикийцев и Кипр (Littleton 1970). С другой стороны, религиозные мифы – это не развлекательные сказки, заимствование от народа к народу здесь наиболее вероятно в случае прямой преемственности, то есть исторически обусловленного сосуществования на одной территории, при котором население с исходным мифом обладает достаточным авторитетом для влияния на народ-реципиент.

Еще один хеттский миф – «Песнь об Улликумми». Это рассказ о заговоре Кумарби против своего сына Тешуба, который отнял у него место царя богов. Кумарби оплодотворил гору и она родила чудовищного каменного сына, который был отнесен в море, посажен на плечи богатыря Упеллури и рос чрезвычайно быстро, так что море стало ему по пояс. Победить его Тешуб смог только отрезав древним резаком от земли. И здесь есть сходства с греческой мифологией. Улликумми напоминает Тифона, великана головою до неба, который объявил войну Зевсу от имени своей матери Геи; Упеллури напоминает Атланта, а отделение от земли – Антея. Здесь связь через субстрат столь же заманчива и столь же недостоверна.

Хеттский миф об исчезновении и поисках Телепину, бога землепашцев и сына бога грозы. За ним посылали богов, орла, но они не могли отыскать его. Богиня Ханнаханна (имя означает удвоенное слово «Ханна» 'бабушка' и заменяется идеограммой, означающей 'великая') послала на поиски пчелу и велела ей ужалить Телепину и вернуть домой. По Герни (1987: 166 – 167), этот миф намекает, что пчела была посвящена этой богине, а этому соответствует у греков сообщение Лактанция, что жрицы Кибелы, «Великой Матери», звались «мелиссами», т. е. пчелами. Греческий миф о мизийском царе Телефе, по Барнетту (Barnett 1956) и по Гамкрелидзе и Иванову (1984: 903), обнаруживает совпадение с малоазийскими мифами о Телепину и с мифом о детях царицы Канеса (совпадают и имена героев: сына Телефа зовут Тархон – ср. хетто-лув. Tarhunt). Но всё это могло перейти к грекам и после колонизации Малой Азии.

По-видимому, на этом пути очень мало перспектив обнаружить преемственные связи с догреческим хетто-лувийским субстратом Балканского полуострова. Слишком далеко и быстро ушли анатолийские хетты и лувийцы от тех баденских мигрантов, протохеттов и протолувийцев, которые вторглись в Анатолию и Грецию. Воздействие тамошних местных, хаттских и хурритских, народов было слишком сильным. Ведь все боги хеттского пантеона носят хаттские и хурритские имена, а лексика за исключением самого основного фонда – не индоевропейская. Можно полагать, что в Греции дело обстояло схожим образом, но там местная высокая культура, воздействовавшая на пришельцев,

была не хаттской и не хурритской, а той, которая и оставила этот мощный догреческий субстрат – с лабрисами, аксаминтами, плинфами и прочими благами, за которыми вклад пришельцев с Дуная нелегко разглядеть.

9. Хетты и арии. Из других территориально близких к хеттам языков достаточно полно представлены арийские. Связи хеттов с этими народами должны отразиться в языковых и культурных связях, но нелегко определить, к какому времени относятся контакты, в них отложившиеся.

Порциг отмечает особые лексические связи хеттского с арийскими. Только в этих двух языковых общностях индоевропейское название зимы *gheim- распространено суффиксом -t-: др-инд. hemantá, хеттск. gimanz(a). Однако он отмечает: «Разумеется, возможно, что данное новшество восходит к раннеисторическому времени соседства обоих народов» (Порциг 2002: 278). Имеются в виду, очевидно, контакты на границах с Митанни в середине II тыс. Но при этом нужно предполагать, что именно оттуда протоиндоарии вторглись в Индию. Точно так отмеченные им контакты хеттского с армянским языком могли иметь место в конце II – начале I тыс. во время обитания протоармян в позднехеттском ареале. Другие лингвисты особо отмечают связи хеттского с древнеиндийским (Fronzaroli 1958; Gusmani 1968; Гиндин 1972).

В области религии давно отмечены особые хетто-индоарийские контакты. Еще П. Кречмер и В. Бранденштейн выводили Индру из хеттского Инары (Kretschmer 1928; Brandenstein 1936). Г. Оттен и М. Майрхофер (1965) наоборот, выводили хеттского Акни из индоарийского Агни, а у В. В. Иванова (1962) мы находим предостережение против излишнего увлечения такими поисками: это не может касаться всего комплекса огня, так как у хеттов был и свой старый культ огня. Сомнительно, чтобы Индра был дериватом хеттского божества: он занимает слишком видное место в пантеоне уже митанийских ариев. А предположению о более древних контактах противоречит новационная позиция Индры в Ригведе – он в ней сравнительно новое божество, и, в отличие от Митры и Варуны, его важная роль не отражена в Авесте.

Более интересны и загадочны особые связи хеттской культуры с зороастрийской традицией иранцев, совершенно не затрагивающие ни индоарийскую культуру, ни дозороастрийские культы иранцев. Эти странные явления выявили Э. Бенвенист и Л. А. Лелеков (1979). Хеттский обряд человеческого жертвоприношения с разрубанием человека пополам сопоставляется с персидским ритуалом, описанным у Геродота (VII, 39 – 40). Эти ритуалы отражены в мифах как Малой Азии, так и Ирана. Хеттские ритуалы с варкой жертвы связываются с толкованием некоторых терминов Видевдата. Лелеков отмечает обилие греческих и европейских параллелей при отсутствии ведических. Поскольку нет буквально никаких исторических ситуаций, которые могли бы привести к контактам зарождающейся зороастрийской традиции с хеттским культурным кругом во II тыс. до н. э., я думаю, что объяснение этих связей нужно искать в более глубинной истории ритуальной практики, в частности погребений, жертвоприношений и культа огня, которые зародившись в баденской культуре дали ответвление в хеттский очаг и в те степные понтокаспийские культуры, которые, переместившись в Среднюю Азию, определили зороастрийскую традицию.

10. Итог. Таким образом, решая вопрос о происхождении греков, мы его пока не решили, зато, так сказать, попутно приблизился к решению другой вопрос – родственник, о происхождении хеттов. Обычно лингвисты рассматривают вопрос о выделении хеттов из индоевропейской общности как связанный с их ранним уходом в Малую Азию, отделившим их от остальных индоевропейцев. Но арии и тохары ушли дальше, а отделение меньше. Теперь, когда удалось связать хеттов с баденской культурой, а баденская культура возводится по происхождению к культуре воронковидных кубков, вопрос о раннем и кардинальном отделении хеттского языка нужно связывать с вопросом о резком разделении между культурами баденского круга и противоположной частью культуры воронковидных кубков. Калиц реконструирует их постоянно враждебные отношения, постоянную отчужденность.

Коль скоро хеттский язык связан пучками изоглосс порознь с языками разных индоевропейских групп, включая балтославянскую, можно предположить, что

отчужденность была не всегдашней и не абсолютной. Временами в ходе самой ранней своей истории анатолийские языки (и народы), протохетты, вступали в какие-то контакты с народами этих индоевропейских групп. Поэтому обнаружение археологической культуры протохеттов IV тыс. до н. э. (т. е. за добрых полторы тысячи лет до засвидетельствования хеттов письменностью) может пролить свет и на глубинный этногенез этих групп, в том числе славянобалтийской.

1. Карта догреческих топонимов Хейли (Haley and Blegen 1928 AJA, plate I).
2. Карта раннеэлладской культуры по соусникам, статуэткам со сложенными руками, двуручным кубкам и одноручным кубкам – Renfrew 1972 fig. 20.5 on the p. 453; косыми крестиками помечена раннеминойская II керамика).
- 3а. Типы раннеэлладской культуры – соусники культуры Кораку (Renfrew 1972, fig. 7.1 on the p. 101).
- 3б. Кружки культуры Тиринфа (Renfrew 1972, fig. 7.4 on the p. 106);
- 3с. Дом черепиц в Лерне (Renfrew p. 108 fig. 7.5а)
4. Постройка с апсидой среднеэлладской эпохи (в Македонии) – (Renfrew 1972, fig. 7.8).
5. Минийская керамика (Lacy 1967, Fig. 65с - 65 d).
6. Распространение в Греции северных форм в раннем бронзовом веке (Mallory 1989: 70, fig. 43)
7. Таблица следов иммиграции в Грецию, по Сакеллариу (Sakellariou 1980а, 77): а) местонахождения со следами иммиграции, b) местонахождения с керамикой РЭ III, с) местонахождения с керамикой РЭ II (без керамики РЭ II).
- 8а. Культура Трои II – V (мои наброски, взяты с таблиц Blegen Troy vol. I).
- 8б. Продолжение.
- 9а – 9с. Баденская культура и ее варианты – баденские формы по Калицу (Kalicz 1963 tabl I; VII, 4а,б; V,6;
- 9d. Баденская культура про Сохацкому ().
11. Карта Баденской культуры из Сохацкого.
- 12а – е. Сопоставительная таблица Баден/Троя (Калиц – Kalicz на с. 43, 45,47, 49, 51)
- 13а – е. Происхождение баденской культуры по Э. Неуступному (Neustupny 1959 в Slovenska Arheologia, с. 260 - 284)
14. Карта экспансии баденского круга по Мэллори (Mallory 1989: fig 135).
15. Карта Хеттского государства (карта Малой Азии в хеттское время – Дьяконов 1968, вклейка после стр. 102).
16. Культура хеттов II тыс. до н.э. – хеттские боги, со скального рельефа в Язылы-кая (Дьяконов, рис. 11 на с. 56).
17. Опустошения Малой Азии после разрушения Трои I (карта Меллаарта – мой набросок с карты Mellaart 1966, map VIII и V)
18. Опустошения Малой Азии после 2300 г. (карта Меллаарта – то же. map VI)
19. Карта догреческой топонимики Шахермейра (1954) (по Bronze Age Migrations 1973 Rengrew fig. 26.1, p. 268).
20. Бог на олене в Арменах (Hiller 1977, taf. 22а).
- 21а. Бог на олене хеттов (Герни 1987, рис. 2 на с. 123);
21. Он же на Шиммельском ритоне (Watkins 1999, fig. 3).
22. Львиные ворота в Микенах (Majewski 1963, с. 130).

23. Львиные ворота в Хаттусе (Герни 1987, фото 11 на вклейке).
24. Парижский алтарь с надписью «Кернуннос» и с рогатой фигурой (Watkins 1999: fig. 6).
25. Рогатое божество на котле из Гундеструпа, предположительно изготовленном в Карпато-Балканском регионе в I – II вв. н. э. (Watkins 1999: fig. 7).
26. Статуэтка оленя из серебра и олова из IV шахтной гробницы Микен СЭ III/ПЭ I (Majewski 1963, гус. 109 на с. 182).

Обсуждение

Панченко. Альберони называет Зороастра азербайджанцем (территориально). Не могло ли это в таком случае как-то отразиться на арийско-хеттских связях?

Клейн. Версия об азербайджанском происхождении представляется мне экзотической. Предпочитаю придерживаться традиционного толкования этой фигуры как среднеазиатской или иранской.

Стеблин-Каменский. Это очень поздний перенос родины Заратуштры на запад, в Закавказье – из местного патриотизма. За ней ничего не стоит.

Тохтасьев. Неужто хетты и лувийцы шли разными волнами?

Казанский. Они явно разделились до XIX века, но как рано – трудно сказать.

Клейн. Многие исследователи не только постулируют разные волны, но и предполагают их разные пути на Кавказ: лувийцев – через Боспор, хеттов – через Кавказ. Я так далеко не захожу.

Тохтасьев. Большинство исследователей всё-таки считают, что весь негреческий компонент греческого, вся топонимика – не индоевропейские. Не стоит использовать ее как аргумент для хеттской идентификации пришельцев.

Казанский. Откупщиков принадлежит к немногим сторонникам индоевропейской идентификации.

Клейн. Я больше полагаюсь на общие изоглоссы хеттского с греческим.

Шувалов. Какова была роль олова в миграции баденской культуры?

Клейн. Не думал об этом вопросе в данной связи.

Казанский. Олово клада, найденного в Австрии, происходит с Британских островов.

Волков. Вообще олово Европы добывалось в трех местах – в Британии, на Дунае и на Днепре. Но британское стали импортировать на континент весьма поздно в бронзовом веке.

Клейн. Меня не столько интересовали очаги добывания, сколько пресечение потока олова из Европы в Месопотамию в результате разрушений в Анатолии.

Тохтасьев. В работе по гидронимии (речь шла о происхождении славян) Удольф занимался тем же вопросом, но по отношению к индоевропейскому языку. Он составил карту, по которой всё вроде так и получается. Очаг происхождения индоевропейского – в Центральной Европе.

Казанский. Начал это Краэ, который по гидронимии установил ареал древнеевропейского языка. Калыгин предположил, что это промежуточный этап, общий для кельтских и германских.

Кузьмин. Что баденская культура связана с Анатолией, это археологически показано неплохо. Но с чего взято, что это хетты? Из догреческой топонимики?

Клейн. Нет, догреческие топонимы – это повод для рассмотрения, главное – это археология: баденские источники анатолийской культуры и среднеэлладской культуры, разрушения в Анатолии и Греции, стало быть миграция из Подунавья, а после этой миграции хетты объявились в Малой Азии.

Шувалов. А кто доказал, что великим событиям, потрясениям, отраженным в археологии, непременно должны соответствовать великие сдвиги языков? Разве не могли быть просто бескровная инфильтрация или культурное влияние?

Клейн. Могли, но не в данном случае. Слишком велики масштабы, слишком разительны результаты.

Балонов. Мне кажется, что кельтский бог-олень Кернуннос – не совсем точная параллель хеттскому богу на олене. Ведь у хеттов олень – ездовое животное данного бога, т. е. то, что индийцы называли бы его «ваханой». А Кернуннос – сам бог, имеющий оленьи черты, в частности рога, да и латинское его имя (тайное кельтское имя до нас не дошло) означает «рогач».

Клейн. Важна всё же ассоциация бога с определенным животным, а формы ее могли быть разными.

Казанский. Жаль, что в лингвистических материалах ни разу не упоминались растения. Многие названия эндемных растений Греции и Анатолии имеют формы, происходящие из одного корня, но образованные по-разному, их не возвести к одному языку. Хеттский титул царя *табарна/лабарна* был, вероятно, первоначально личным именем, как Цезарь (Клейн. Ну, и что?). Хеттская ономастика претерпела такие же изменения, как и римская – нет двусоставных индоевропейских имен. Не считаю надежным привлечение мультипликативного суффикса, да и приставки *kata-*. Все эти общности греческого с хеттским, как и *icho-*, скорее всего результат контактов с микенского времени. Точно так и с мифологией. Ведь еще Зайцев в дискуссии с Ивановым заметил, что в мифологических соответствиях совпадают не только теонимы, но топонимы – где они действуют. Никуда не деться от «ориентализирующей революции». Единственное, что из аргументов Палмера держится, это *Dictinna* = гора *Dikta* + анатолийский суффикс *-inna*.

Клейн. Ну, мифологические совпадения, вы же слышали, я и сам оценивал как вряд ли плодотворный путь поисков, именно из-за контактов микенского времени. А вот общая ситуация направляет нашу мысль именно в сторону баденской культуры, и, мне кажется, стоит вести поиски связей греческого с протохеттским. Слабое место тут есть в другом: коль скоро восстанавливается идея о хеттолувийском нашествии, причем не из Анатолии, то хотелось бы видеть одновременное хеттолувийское нашествие на Грецию и Анатолию. И действительно СЭ культура и культура Трои VI появились на юге в одно время. Но первые баденские проявления в Греции и Анатолии – это культура Тиринф и культура Трои II – V, а они появились в разное время: культура Тиринф на полтысячи лет позже, чем культура Трои II. Конечно, и это в принципе возможно: сначала вторглись в Анатолию, а потом в Грецию независимо (не из Анатолии). Но интуитивно тут ощущается какая-то неловкость...

Глава IX. Неуловимые протогреки.

1. Проблема и спектр возможностей решения. Поиски протогреков завершились обескураживающим результатом. Пройдя всю колонную секвенцию сверху вниз – от времени достоверного существования греческого языка в Греции вглубь веков до первой крупной катастрофы, известной археологам, – мы не нашли места, к которому бы можно было привязать вторжение протогреков. Все разрывы постепенности заняты вторжениями других народов (рис. 1). Будто и не было греков в Греции.

Выход из этой ситуации можно искать в нескольких направлениях.

1. Первая возможность: продлить поиски вглубь веков и попытаться отыскать приход греков в событиях более древних, чем первая катастрофа, учтенная в нашем списке. Уйти в неолит или мезолит. В принципе это возможно. Именно это и предлагал В. Георгиев.

Но такой выход наталкивается на три трудности.

А. Во-первых, тогда нужно признать гораздо более раннее разделение индоевропейцев. Что ж, и это возможно. Колин Ренфру поместил прародину индоевропейцев хоть и не в Греции, но близко – в Малой Азии, а проникновение малоазийцев в Грецию отнес к неолиту. Против этой идеи сразу же высказался Кросслэнд, возразив, что в этом случае должны были бы выявляться массивные древние контакты праиндоевропейского с хурритами и семитами, а этого нет. Гамкрелидзе и Иванов еще до Ренфру выдвинули идею происхождения индоевропейцев из Малой Азии и даже попытались сконструировать подобные ранние связи праиндоевропейского, но И. М. Дьяконов (1982) показал, что эти связи сконструированы искусственно, что на деле достоверных связей на уровне распада праиндоевропейского нет.

Б. Во-вторых, даже если счесть разделение индоевропейцев очень ранним, происшедшим еще в неолите, то они ведь не разделились сразу на нынешние народности. Разделение было многоэтапным, длительным процессом, и нужно предусмотреть более поздний распад одной из ветвей – грекоарийской лингвистической семьи – мы вынуждены поместить его гораздо ближе ко времени, в котором языки этой семьи зафиксированы письменностью. Греческий язык и греческая мифология слишком близки индоарийским, чтобы их проживание в контакте можно было отдалять на многие тысячелетия от момента фиксации. Это, разумеется, очень неточное утверждение (слишком много или не слишком много), но тем не менее достаточно определенное, чтобы с ним считаться.

В. В-третьих, как тогда быть с догреческим субстратом, включающим лексику, связанную с высокой цивилизацией, с городской и дворцовой жизнью («аксаминф» – 'ванна', «плинфа», «лабиринт», «кифара»), с государственным управлением? Греки заимствовали эту лексику у своих предшественников в Греции, а такой быт никак нельзя углубить там (и нигде в Европе) ранее раннеэлладской цивилизации, раньше рубежа четвертого и третьего тысячелетий.

2. Вторая возможность выхода из трудной ситуации: можно признать правоту тех, кто считал, что греки ниоткуда не приходили, что они испокон веков живут в Греции, что они – исконное, автохтонное население. Грубо говоря – что они всегда тут жили. Ну, если не с палеолита (хотя почему бы и нет?), то с времен формирования индоевропейского родства. Тем самым нужно предположить, что индоевропейская общность сформировалась на территории Греции и прилегающих областей, и сформировалась очень давно. Но, во-первых, это противоречит тому же наличию догреческого субстрата в Греции; во-вторых, тогда нужно показать распространение индоевропейской общности миграциями из Греции во все страны, где засвидетельствованы индоевропейцы. А это у археологов никак не получается. Проще предположить, что вообще индоевропейская семья складывалась без праязыка и миграций – конвергенцией, как у Шмидта, Трубецкого, Марра или Пизани.

Такое понимание или его отдельные стороны мы находим в применении к проблеме происхождения греков у некоторых исследователей. МакНил выступил за то, чтобы отбросить идею праязыка и миграций (McNeal 1972), Дэвид Френч – отвергал

инвазии в Грецию, считая развитие автохтонным на протяжении всего бронзового века (French 1973), как и В. Георгиев (Georgiev 1973).

Наиболее последовательную позицию занял А. Хойслер, давний сторонник повсеместного автохтонного развития индоевропейских народов, позволяющего обойтись без миграций. Взявшись за проблему Греции, он расположил в последовательности все проблемные пункты на колонке культур Греции, все миграционные гипотезы, к этим пунктам относящиеся, и, собрав все критические замечания, выдвигавшиеся против этих гипотез (а ни одна из них не является абсолютной истиной), объединил эти возражения, получив генеральное «нет». Свою позитивную идею он добавил только одну (это его старая идея фикс) – что преемственность или ее отсутствие надо устанавливать по способу погребения, особенно по позе покойников. Если эта поза сохраняется – есть преемственность. Иная поза – чуждый народ, его вклада в местную культуру нет (Häusler 1981). Это по сути единственный этнический признак по Хойслеру. Признак этот используют многие археологи, но никто, кроме Хойслера, не считает его абсолютным. Все знают, что и способ погребения способен изменяться, сменяться другим, а то и перениматься у другого народа (вместе с религией).

Учитывая огромную близость языков индоиранских с греческим, необходимо предположить, что либо арии и иранцы жили возле Греции, а потом ушли к себе в Индию и Иран (но ведь Хойслер найдет и там преемственность – и есть такие хойслеры среди исследователей этих стран), либо греки жили поблизости от иранцев и индоариев, а потом переселились в Грецию (но это дальняя миграция!), либо те и другие жили по соседству друг с другом в третьем месте (и даже, быть может, составляли один народ), а потом разделились и отселились каждый к себе – на свои нынешние места жительства.

3. Третья возможность справиться с трудностью, возникшей из-за обилия вторжений в Грецию, не лежит на поверхности, но тем не менее существует. Если все пригодные для вторжений моменты в истории Греции расхвачаны для других народов, то можно предположить, что протогреки вторглись в Грецию вместе с каким-либо другим народом, уже получившим свою привязку к какой-либо из катастроф. Вместе или вскоре после него – ведь нарушение стабильности и обороноспособности в результате вторжения агрессора облегчало проникновение в страну и другим народностям. Очень часто в миграцию и инвазию втягивались многие племена, первоначально не столь мобильные и не проявившие себя в первой волне вторжения. Вспомним движение «народов моря» или нашествие гуннов, в результате вскоре которого угры оказались в Венгрии.

4. Четвертая возможность как бы развивает третью. Мы нередко воспринимаем катастрофу как одноактное событие, взрыв, но такой она видится издалека, с расстояния времени. А на деле это был нередко процесс, в котором происходили многие события, для современников представлявшиеся отдельными катастрофами – это для нас они сливаются в одну большую катастрофу. Наиболее разительный пример – это смена раннеэладской цивилизации среднеэладской с ее минийской керамикой. Мы уже видели, что процесс этот растянулся на весь период РЭ III. Две большие катастрофы потрясли Грецию этой эпохи – одна в начале периода, другая в конце, и обе мы связывали с вторжением хетто-лувийского этноса – в рамках и по логике хетто-лувийской гипотезы, хотя она не требует двух катастроф. А все их рассматривают как одну большую катастрофу. Но это на таблице две эти катастрофы проходят параллельными линиями очень близко одна от другой (снова [рис. 1](#)). В жизни их разделяло примерно пятьсот лет. Это расстояние от нас до Ивана Грозного. Чего только не могло произойти за полтысячи лет!

5. Пятая возможность преодолеть отсутствие в Греции катастрофы, которую можно было бы объяснить как вторжение греков, это вообще отказаться связывать приход греков непременно с катастрофой. Ведь могло быть и просто придвижение протогреков к границам эладской цивилизации, а затем постепенное проникновение в страну. Так славяне проникали в Византию, видимо, еще более мирно – в лесную полосу Восточной Европы.

Как видите, использованы далеко не все возможности истолкования в рамках тех условий, которые навязаны нам ситуацией.

2. Невидимые миграции. Всё было бы легче, если бы от протогреков осталась хорошо выявляемая археологическая культура, если бы они имели четкие

опознавательные признаки – специфически греческий способ погребения, греческую керамику (подобно античному времени), греческий способ сооружать жилища и т. д. И мы могли бы зафиксировать его прибытие в Грецию по археологическим находкам. Но этого нет, и мы вынуждены искать косвенные свидетельства - катастрофы. Почему?

Эту проблему рассматривали особенно тщательно два археолога – Р. Гахман в применении к готам (в книге 1970 г. «Годы и Скандинавия») и Ф. Дж. Трич в применении именно к «приходу греков» (в статье «Грабители городов и передвижения народов», опубликованной в трудах Шефилдского коллоквиума 1970 г. – сборнике 1973 г.).

Столкнувшись с невозможностью археологически ухватить те передвижения готов, о которых сообщают письменные источники, или которые необходимо предположить исходя из распространения языков, немецкий археолог Гахман обратился к обзору разных исторически засвидетельствованных миграций и поразился их разнообразию. Среди них нашлись и такие, которые не дают корреляции между материальной культурой и языком, религией или политическим объединением.

«Сколь широк разброс среди причин, хода и результатов миграций, столь разнообразно следовало бы себе представлять проекцию протекания этих процессов на археологический материал. Археологическое документирование переселений может зависеть от культуры мигрантов и от новой среды, от культурного уровня и количества мигрантов, как и тех, кого они встретили на новой родине, от готовности чужаков приспособиться к обычаям, господствующим на новой родине, или от их упрямого держания за старые традиции даже в новой неподходящей среде»

Он скептически относится к попыткам непременно найти соответствие этносам в археологическом материале.

«Было бы ошибкой начать такое сопоставление в молчаливом ожидании, что при таком сопоставлении наконец появится возможность сделать любой вид изменений населения каким-то образом археологически фиксируемым. Следует скорее предположить, что есть изменения населения, которые археологически не выявляются или выявляются так, что из этого никаких обязывающих выводов о миграциях сделать невозможно» (Nachmann 1970: 281 – 282, 283).

Гахман устанавливает, что в Германии в разные времена появлялись пустые земли, и эта незаселенность растягивалась иной раз на пятьсот лет. «Доселе известные случаи как правило не позволяют точнее выяснить, куда ушли мигранты. Неясным остается большей частью и откуда потом пришли новые обитатели» (Nachmann 1970: 302). Не легче и с миграциями в заселенных землях. В ряде случаев в миграцию втягивался разноплеменный сброд. «Тщетные поиски исходной области бессмысленны, коль скоро четко ограниченной родины всех участников движения на юго-запад и не было» (Nachmann 1970: 311).

Еще более пессимистические выводы следуют за дальнейшим парадом примеров.

«Наконец, встречаются и такие случаи, когда миграции произошли, а археологический материал не дает их выявить. Или это только состояние исследований, когда от доказанных для России, Балкан и Севера герулов нет ничего? Где саксы, которые с лангобардами отправились в Италию и после короткого пребывания там вернулись? Где следы викингов в Винланде? Где аланы в Испании? ... Видимо, часто беспокоит, что у археолога отсутствуют объективные критерии для опознания исторически доказанных миграций. Просто миграция в археологическом материале не проявляется» Вывод Гахмана такой: «Как нет единого типа «переселений народов», так не может быть и определенного метода археологического доказательства миграций» (Nachmann 1970: 327).

Гахман советует изучать подобные примеры и, подобрав наиболее близкие условия тому случаю, над которым исследователь задумался, рассматривать его по отобранной более понятной модели.

Ф. Дж. Трич из Бирмингема исходил как раз из анализа греческих условий, хотя и другого времени – Темных Веков. Он отметил, что большинство греческих рейдов этого времени совершались по морю.

«Маленькие группы людей, состоящие в основном из главарей с их бандами последователей появлялись в разных местах. В других мы видим маленькие группы, изгнанных из дома и ищущих нового. Обычно это не армия, пришедшая вторгнуться... Почти в каждом случае мы находим в Эгейском регионе небольшие банды главарей и искателей приключений, рвущихся вперед и добивающихся для себя нового дома или княжества или

героических подвигов. Часто их приглашали как союзников или наемников, чаще нет. У них был в их среде особый почетный титул: *ptoliportos* «грабитель городов». Это было верхом романтической славы!» (Tritsch 1973: 235).

Трич приводит гомеровских героев, носивших этот титул: Ахилл, Нестор, Оилей, Отринтей, Геракл. Реальной целью было получить добычу – золото, серебро и бронзу, лошадей и прежде всего красивых женщин.

«Имея в виду это состояние дел, мы должны, я думаю, быть более осторожными, говоря о 'передвижениях народов' или мигрирующих племенах вообще. Такие термины скорее сбивают с толка, ибо предполагают ситуацию, похожую на наши Средние Века» (Tritsch 1973: 236). В Троянской войне как ахейские, так и троянские армии состояли из многоплеменных отрядов. Такою же была при Кадеше и хеттская армия с ее вспомогательными контингентами дарданцев, карийцев, ликийцев и людей из Арцавы.

«В Греции мы слышим о 'дорийском нашествии'. Но наш источник это только Геродот, чья информация, пожалуй, односторонняя. Мы не можем найти археологических фактов. ... Только распространение дорийских диалектов по всему Пелопонессу – вот что дало нам такое доверие к Геродоту, который сам признает, что получил эти сведения из Спарты, где эта идея была выдвинута, чтобы оправдать спартанские притязания на главенство над всем Пелопонессом. Но нет надобности постулировать крупномасштабную дорийскую миграцию, чтобы объяснить распространение дорийских диалектов. Распространение языка как родного и общепринятого по широкому пространству не всегда происходит подобным образом. Не было вторжений арамейцев как народа, никаких 'арамейских миграций', когда арамейский постепенно стал *lingua franca* юга Малой Азии и всей Ассирийской империи в девятом и восьмом веках, и не было этих миграций позже, когда он стал государственным языком Персидской империи» (Tritsch 1973: 237).

Трич считает, что корень проблемы состоит скорее в изучении обстоятельств, расшатавших государственную систему страны, подвергшейся вторжениям или инфильтрации пришельцев, и бросивших страну к их ногам.

Оба автора не отрицают значение миграций, они лишь отрицают простой и стандартный подход к ним, когда действует романтическое представление о снявшемся с места народе, переселившемся враз в другую страну. Такие миграции тоже бывают, но чаще миграции выглядят иначе. И вырисовывается облик, так сказать, разрозненной миграции, скорее инфильтрации небольшими группами, которую мало шансов уловить археологически, особенно если мигранты быстро перенимают местную культуру в новой среде. Оба автора привлекают пример дорийцев. Этот пример особенно важен для нас, потому что это те же древние греки на границах Греции, примитивнейшие из греков, не очень далеко отстоящие от протогреков, по крайней мере по своей организации, мобильности и агрессивности. Но и с дорийцами всё не так просто, как это представляется Тричу. Поэтому стоит рассмотреть этот пример повнимательнее.

3. Ближайшая аналогия – приход дорийцев. Приход дорийцев в Южную Грецию, на Пелопонесс, не только засвидетельствован исторической традицией (она действительно может складываться по разным причинам), и не только распространением дорийского диалекта на Пелопонесе и островах (рис. 2), но и тем, что этого диалекта там за несколько веков до того не было. В табличках линейного письма Б, найденных на Крите и Пелопонессе, представлен ахейский диалект, который сохранился, хоть и в видоизмененном облике, в двух, так сказать, заповедниках – в Аркадии и на Кипре. Его видоизмененный вариант – это аркадо-кипрский диалект агтичного времени. Значит, когда-то действительно дорийский или протодорийский диалект звучал только за пределами ахейской Греции, как, впрочем, и два других диалекта – ионийский и эолийский или предковые для них. Вряд ли они развились из ахейского.

Общее представление всех специалистов – что на дорийском диалекте первоначально говорили северно-греческие племена, более дикие, чем те, что были вовлечены в Микенскую цивилизацию, оставшиеся на время за бортом ее развития, как и племена Эпира, говорившие на северо-западном диалекте. О первоначальном очаге дорийцев спорят, но в общем все согласны в том, что его надо помещать где-то на восток от Эпира, от северо-западного диалекта, т. е. в Фессалии, Македонии или смежных областях (рис. 3).

Ясно только одно – что передвижение диалекта на юг было не распространением, а именно передвижением (на севере дорийцев не осталось), а как быть с носителями диалекта – переселились ли и они, когда именно и как – это неясно. Вот уже несколько веков идут исследования, и археологические данные о таком переселении собрать (или истолковать) не удается.

История вопроса изложена у Ф. Шахермейра в его книге «Греция в эпоху миграций. От конца микенской эры до дорийцев» (Schachermeyr 1980: 425 – 442).

В 1844 г. Карл-Отфрид Мюллер собрал все античные сведения о приходе дорийцев и «возвращении Гераклидов». В 1893 г. Бузольт связал эти события с нашествием «народов моря» на Египет. В 1920 г. М. Нойберт в статье «Дорийское переселение» решил, что погребения в каменных ящиках чужды Греции, и их ввели дорийцы. У. Виламовиц, Эд. Мейер и Франц Митнер в 20-е – 30-е годы XX века предполагали сходство дорийцев с гор Пинда и путешествие их по морю на Крит, а оттуда уже на Пелопонес. Правда, Эдуард Мейер признал: «Распространение дорийцев представляет проблему, которую невозможно решить с полной достоверностью» (Meuer 1928: 2: 570). При этом Мейер отделил движения дорийцев, этих «пастухов-воинов», от передвижений «народов моря». В 1934 г. появился труд Т. К. Скита «Дорийцы в археологии», в котором он разыскал те культурные элементы, которые в предгомеровскую Грецию прибыли с севера и двигались с севера на юг, и объявил эти элементы дорийскими. Но это отдельные элементы, в культуру они не складываются. В 1949 г. появилась статья В. Милойчича «Дорийское переселение в свете доисторических источников». Он проследивает развитие бронзовых предметов вооружения и их распространение в Греции постмикенского времени, считая, что военную историю этого времени определяли дорийцы.

Далее был ряд трудов о крушении микенского мира и переходном времени (книги Р. В. д'А. Десборо и А. М. Снодграса, Н. Хаммонда), о дорийцах в разных областях Греции (книги Э. Кирстена), о гомеровской Греции (книги Боузека и др.). В этих книгах нашествие дорийцев всё более отодвигалось от конца микенского мира и от нашествия «народов моря» к нашему времени.

В 1979 и 1980 гг. Фриц Шахермейр выпустил два тома своего многотомного труда о доисторической Греции, в которых рассматривается дорийское переселение – «Крит во время переселений от начала минойской эры до доризации острова» и «Греция в эпоху переселений от конца микенской эры до дорийцев». В обоих томах автор стремится соединить античное историческое предание и сведения восточных и критомикенских письменных источников с археологическим материалом, который он знает досконально.

Он проследил, насколько серьезно были задеты нашествием «народов моря», то есть дунайских европейцев позднего бронзового века (эпохи полей погребений), Греция, Крит и другие острова Средиземного моря. Около 1200 г. до н. э. государства Крито-Микенского мира были разрушены и опустошены, а в Микенах, на Крите и в других центрах осели князьки из «народов моря» со своими дружинами. Они постарались побыстрее освоить местные достижения культуры и техники, так что через некоторое время возобновилось производство местной керамики, хотя и с некоторыми изменениями стиля, местной металлургии и т. п. Наиболее цепко пришельцы держались за свои привычные одежды, так что их пребывание на юге можно выявить по обилию центральноевропейских фибул в сочетании с булавками, перстнями и височными кольцами (неминойский и немикенский набор) (рис. 4).

После примерно века некоторого мира и процветания под эгидой этих пришельцев (крети или критян, филистимлян, видимо отраженных в греческом предании под именем пеластов или пеласгов) и других, конкуренция привела к раздорам, чем воспользовались северные соседи.

После 1050 г. поднялись горные пастушеские племена северных окраин Греции – не только дорийцы, но и племена Северо-Запада (рис. 5 - 6). Племена эти были не затронуты ахейской цивилизацией и сохраняли не только свои диалекты, но и старые способы погребения, архаичные одежды и обычаи. Они практиковали отгонное скотоводство и лишь немного земледелия (для земледелия в горах были очень скудные возможности). Придомным хозяйством занимались женщины, а мужчины пасли скот, охотились и воевали. Но дорийцы, столь же дикие, как и другие горцы, отличались от них своей организацией. Очень рано у них возникли три филы, связавшие родовой

солидарностью крупные массы людей. Их знать всегда зарилась на богатства долинных поселений, и как только обороноспособность последних ослабла, горцы не преминули воспользоваться этим.

Вначале в среду равнинного населения вторгнулся горский князек со своей дружиной и устраивал себе укрепленное гнездо, потом подчинял себе окрестности. Без крепкой государственной власти с ним было трудно справиться, потому что он пользовался поддержкой всей своей филы. Вскоре поблизости возникало второе гнездо, третье. Затем вся фила переселялась вниз и подчиняла себе всю местность. В остальном горцы вели себя так же, как и иностранные варвары – тотчас осваивали местную культуру и технику, а их князьки становились местной знатью. От долинных соседей они быстро перешли к расположенным дальше на юг самым богатым местностям – бывшим центрам ахейского мира. Будучи сильнее других горцев, они овладели именно всем югом – Критом и Пелопонессом.

Чем же археологически документируется их присутствие?

«К сожалению, - пишет Шахермейр, - это не получается, ибо дорийцы, видимо, имели очень досадное для нас свойство – как только они завоевывали чужие земли, сразу же перенимали там местную утварь, особенно керамику, и даже использовать дальше местные формы могил и обычаи погребения. Так по крайней мере в области Кносса, где вызванное дорийцами усиление заселенности не отмечается ни новой керамикой, ни новыми формами погребений и самое большее, это что в одежде дорийские традиции, возможно, не совсем оставлены» (Schachermeyr 1980: 407).

В керамике, однако, по его наблюдению, можно отметить густоту орнаментации и некоторые мотивы орнамента из области культуры Бубусти, видимо, принадлежавшей дорийцам в их первоначальном очаге (рис. 7 - 8). Вероятно, это результат того, что дорийские ткани прибыли на юг. Стало много меандров, стиль в целом стал суше и намечился переход к протогеометрическому.

Похоже, что это следы прибытия дорийцев. Но без знаний о дорийском вторжении археологи бы его, конечно, по этим следам не заметили.

4. Следы протогреков. Первое появление греков в Греции, их нашествие с севера отличалось от дорийского нашествия прежде всего тем, что дорийцы поселялись среди своих единоплеменников, а первые греки встретили здесь чужую народность, с чужим языком, хотя и, возможно, не совсем непонятным. Кроме того, дорийцы расселялись в той же стране, а первые греки прибыли издалека. По этим показателям первые греки занимают среднюю позицию между дорийцами и «народом моря». Между тем, те и другие быстро перенимали местную керамику, а нередко и местные погребальные обычаи и поэтому археологически трудноуловимы.

Учитывая это обстоятельство, можно ожидать, что и первые греки не оставили много специфических археологических следов – артефактов, типичных для их жизни на первоначальной родине. Они тоже перенимали местную керамику. Показательно, что в греческом языке целый ряд слов, связанных с керамикой, не имеет индоевропейских корней, то есть заимствован. Это «глина» (keramos), «горн» (keramion), виды сосудов – kantharos, aryballos, lekythos, depas, phiale (Grumach 1968 – 69). Так что следы прихода греков нужно искать прежде всего по косвенным показателям – разрушениям и опустошениям при вторжении, во-вторых, по изменению местной культуры в направлении, как-то определенном пришельцами, а кроме того – по слабым, рассеянным остаткам принесенного с собой инвентаря.

Два подозрительных горизонта разрушений в Греции – в конце РЭ II и в конце РЭ III – уже отмечены. Они разделены полутысячей лет (продолжительность РЭ III) и, по крайней мере, один из них связан с нашествием народов баденского круга (будущих анатолийцев: хеттов или лувийцев). Протогреки могли надвинуться на Грецию вместе с этими народами или вскоре после них или незадолго перед ними или совершенно отдельно от них, если их можно привязать к свободному от баденских ассоциаций горизонту разрушений. Проблема может быть решена выявлением непричастного к баденскому кругу комплекса северных находок в Греции и позицией этого комплекса на элладской стратиграфической шкале.

Первым попытался выявить такой комплекс З. Фукс в книге 1937 г. «Греческие комплексы находок бронзового века и их внешние отношения». Он увидел в некоторых

формах и орнаментах греческой керамики, начиная с РЭ II, влияние культур северной и центральной Европы (это было тогда модно в Германии), в частности он уподоблял амфороподобные гидрии «первобытной лаковой» (Urfirnis) центральноевропейским шнуровым амфорам (рис. 9), хотя и признавал, что эти формы имеют очень глубокие корни как на Дунае, так и в Эгейском мире. Фукс решил, что это раннее влияние завершилось вторжением с севера в конце РЭ III. Главным же доказательством было резкое увеличение, начиная с РЭ III, просверленных каменных широкообушных топоров (рис. 10). Правда, в отличие от керамики Фукс не привел ни каталога находок топоров, ни карты (карту дал Мэллори). Да есть топоры и в баденском комплексе.

Чего уж точно нет в баденском комплексе, это кургана. Экспансию ямной культуры на запад подняла на щит М. Гимбутас (Gimbutas 1961), затем объединившая все курганные культуры степей за исключением срубной в одну Курганную культуру (Gimbutas 1963, 1970; 1973), которую она объявила праиндоевропейской и всех индоевропейцев стала выводить из экспансии этой культуры, примешав сюда и баденский комплекс (объявив его продуктом курганного). Такая неразборчивость в конце концов лишила ее выводы поддержки специалистов, но она еще долго увлекала дилетантов и специалистов смежных отраслей и смежных археологических специализаций. Одним из таких увлеченных специалистов оказался Хаммонд (Hammond 1972; 1976), другим – Сакеллариу (Sakellariou 1980a; 1991). В своих толкованиях Хаммонд повторяет идеи Гимбутас, но в своей практической деятельности на севере от элладской цивилизации – в Албании и Македонии – он раскопал и привлек раскопанные ранее курганы с кромлехами, каменными ящиками и другими конструкциями, синхронные с РЭ II – СЭ. Есть курганы и в Греции (рис. 11). Раннеэлладские могильники были бескурганными, так же как и баденские. Выходит, курган был занесен в Грецию протогреками.

Наиболее же недвусмысленным свидетельством пребывания в Греции северных пришельцев не-баденского облика являются черепки шнуровой керамики. Шнуровой орнамент был распространен в северной и центральной Европе на сосудах культур воронковидных кубков и шнуровой керамики, а в степях – в культурах михайловской, репинской, ямной, среднеднепровской и катакомбных. Уже Фукс указал на связь топоров с одиночными черепками шнуровой керамики из Греции (Евтресис) и Македонии (Fuchs 1937: 148 – 150).

Эти черепки из Греции затем собрал и анализировал de visu В Милойчич (Milojčić 1955). Их всего горстка – 4 из Евтресис, несколько в Хагия Марина (рис. 12), позже найдены и в других пунктах. По одному из Евтресис еще раскопщиком Х. Голдмэн определена точная дата – конец РЭ III. В. Милойчич и Э. Ханшман углубили датировку до конца РЭ II (Milojčić 1958; Roman 1974: 172). Милойчич полностью отверг предположения Фукса о миграции культуры шнуровой керамики из Центральной Европы. Формы керамики, топоры, шнуровые черепки и прочее не образуют «фронта типов», не складываются в единую культуру, а рассыпаются по широкому диапазону времени; согласно короткой хронологии Милойчича, шнуровая керамика Германии должна быть позже ранне-элладского III; кроме того он решительно возражал против того, чтобы реконструировать миграции из таких дальних районов, без промежуточных звеньев, на основе «типологии семимильных сапог». Да и по тесту эта керамика была непохожа на центральноевропейскую.

Но хронологические возражения отпали после «радиоуглеродной революции», антипатия к реконструкции дальних миграций ушла (что же делать, коли такие миграции бывали); а цельную культуру искать при миграциях типа дорийской не приходится.

Синклер Худ в 1973 г. всё-таки рассматривает снова эти черепки как свидетельства «проникновения северян в Грецию в конце РЭ». О черепках из Евтресис он пишет: «Поселение Евтресис было разрушено пожаром в конце РЭ III. Возможно, черепки шнуровой керамики, найденные там, происходят от сосудов, принесенных людьми, которые разрушили поселение» (Hood 1973: 60). Он устанавливает чрезвычайное сходство орнамента одного из этих черепков с орнаментацией горшка из Бережновки: на обоих спускающиеся с венчика бесшейного сосуда треугольники, заполненные горизонтальной штриховкой и окаймленные бахромой с одной стороны (рис. 13). На этом основании он считает, что в Грецию пришли люди первого этапа курганной культуры Гимбутас, то есть этапа нижнего слоя Михайловки (он синхронизировал Михайловку I с Бережновкой).

Теперь мы знаем, что Бережновка значительно раньше Михайловки I, и ни та, ни другая не могут быть исходным очагом для шнуровых черепков РЭ III, потому что первая

древнее на полторы тысячи лет, а вторая на тысячу. По той же причине не может быть источником и усатовская культура – древнее почти на тысячу лет. Конец РЭ II ближе на полтысячи лет. Но вот центральноевропейские культуры шнуровой керамики как раз могут приниматься в расчет с хронологической точки зрения, и может быть источником нерушайская культура и ее ответвления в Венгрии, Румынии и Югославии.

По поводу же возникшего противоречия между типологической аналогией и хронологией, нужно сказать, что эта аналогия не может быть решающей по двум причинам: 1) нельзя строить общие заключения по одиночному совпадению, да еще в котором одна сторона представлена небольшим фрагментом – слишком велик риск ошибок в самих источниках; 2) в шнуровой керамике спускающийся заширившийся треугольник – слишком частый мотив, а и бахромы – не редкость.

Если исходить из датировки черепка из Евтресис и из отсутствия курганов в РЭ III, то протогреки, если это они, вторглись в конце ранне-элладского III уже в страну, захваченную их протохеттскими или протолувийскими предшественниками. Тут стоит отметить, что разрушения РЭ III не идут в сравнение с размахом разрушений предшествующей катастрофы – в конце РЭ II. В конце раннеэлладского III разрушены только Евтресис и Кораку, все остальные – за 500 лет до того. Это похоже на дорийский способ инфильтрации, при котором разрушений и должно быть немного. И прямых следов немного: черепки в Евтресис, в Айа Марина и еще кое-где, курган на месте дома правителя в Лерне (рис. 14 – Caskey 1966). Курган очень точно центрован по центру здания и несомненно поставлен с намерением унизить жителей Лерны, показать власть пришлого вождя над ними. Правда, курган этот воздвигнут после катастрофы, окончившей РЭ II, но в слое разрушения тоже найден черепок шнуровой керамики (Sakellariou 1968: 296). Есть мнение Хаммонда, что этот курган вообще был связан со среднеэлладскими, т. е., возможно, воздвигнут только в СЭ – очень много времени спустя после катастрофы РЭ II (Hammond 1967: 90).

Подробно ситуация с этим курганом проанализирована голландским археологом Яном Бестом в докладе 1980 г. «Лерна и Фракия» (Best 1984). Исходя из того, что курган не имеет погребения (это кенотаф) и курганы вообще очень широко распространены, Бест рассмотрел окружение этого кургана – пристроенный к нему деревянный дом с апсидой (рис. 15 - 16), сменявшие его каменные дома с апсидами (рис. 17), вещи Лерны IV – слоя РЭ III: керамику (в том числе пузатую амфору с двуспиральным налепом и др.), костяную продолговатую накладку с семью выпуклинами, пряслице с троянским орнаментом, глиняные «якоря». Установив распространение этих типов в культуре, охватывающей Трою II – IV, Терми, Полиохни, Михалич, Эзеро и Нову Загору, то есть, если обобщить, Троаду, прилегающую часть Болгарии и острова Эгейского моря, Бест решил, что пришельцы, разрушившие Лерну III (слой РЭ II), прибыли именно из этого района. Коль скоро Микенская культура после открытий Вентриса (расшифровка письма В) оказывается несомненно греческой, то миграцию, принесшую курган в Лерне, Бест, учитывая ее исходный очаг, счел протофракийской. На мой взгляд, протофракийцы в раннем бронзовом веке располагались значительно севернее.

Исходя из сделанного в главе о хеттах анализа среднеэлладской культуры, я не вижу в материалах, приведенных Бестом, ничего противоречащего моему определению среднеэлладской культуры как протохеттской. Что же касается кургана Лерны, то он в этот культурный комплекс Лерны IV, анализированный Бестом, как раз вписывается плохо. Деревянный дом с апсидой непосредственно примыкает к нему (рис. 16), а каменные дома даже врезаны в его полу (рис. 17). Невозможно представить себе, чтобы покой могилы, пусть и кенотафа, пришлого вождя был нарушен его соплеменниками столь святотатственным образом. Явно дом с апсидой был построен не тем населением, которое воздвигло курган. Население, строившее дома с апсидой и обладавшее культурой, анализированной Бестом, действительно родственно троянскому и в конечном счете восходит к баденской культуре, являясь протохеттским, а те, кто воздвиг курган и принесли шнуровую керамику и боевые топоры, пришли с севера отдельно.

Но если следовать прямым свидетельствам, предоставленным раскопками и раскопщиками, то что можно сказать об этих слабо выявляемых археологически пришельцах с севера? Эти пришельцы, вероятно, протогреки, появились на рубежах Греции вскоре после занятия страны их предшественниками, хеттами или лувийцами, перенявшими местную цивилизацию. Новые пришельцы начали беспокоить страну со

смешанным, а может быть, уже хеттоидным населением, с севера, а затем и просачиваться на эту южную территорию уже описанным манером. Надо полагать, этот процесс имел свои приливы и откаты, но дело закончилось через полтысячелетия полным освоением территории протогреками и разрушением останцов местного сопротивления. Вероятно, ситуация трехъязычия (догреческий, протохеттский и протогреческий) облегчила превращение языка завоевателей в *lingua franca* Греции и затем в единый греческий язык.

Так можно представить себе занятие страны греками, пришедшими с севера. Откуда именно они пришли?

5. Кто были греки? Курганы к середине III тыс. были распространены достаточно широко – и в Центральной Европе, и на Балканах и в степях Восточной Европы. Маккай приволит протогреков из Среднего Подунавья, из сопредельных областей нынешних Сербии, Румынии и Венгрии (рис. 18). Однако лингвистические ориентиры исключают Центральную Европу: греки должны были соседствовать с ариями и армянами, поскольку когда-то говорили на одном языке. Об этом свидетельствуют объединяющие их и только их морфологические изоглоссы: генитив ед. ч. м.р. на -(o)sio, косвенные падежи на -b^hi-, а с фригийцами – также и тематический и атематический аорист, аугмент. Вопрос заключается в том, где сидели в это время названные соседи. Из предшествующего рассмотрения можно заключить, что арии обитали в понтокаспийских степях, и им принадлежали ямная, а затем катакомбные культуры и срубная с андроновской, а фригийцы – в Венгрии и Румынии, им принадлежали культуры с лицевыми урнами и инкрустированной керамикой. Фракийцы, ближе всего по языку стоявшие к грекам, были связаны с культурой многоваликовой керамики, которая сложилась на базе нерушайской культуры Молдавии и Румынии. Таким образом, нерушайская культура, имеет больше всего шансов оказаться культурой протогреков. Нерушайская или ее ближайшие ответвления в степях Сербии и Венгрии.

По-видимому протогреки пришли в Грецию из-за Нижнего Дуная, пришли с нерушайской или родственной ей культурой. Ок. 2500 г. в степях обитало население катакомбной культуры, в дунайской части степей – нерушайская культура погребений с охрой, именуемая чаще всего буджакской, или в раннем варианте – днестровской, в позднем буджакской. У этой нерушайской культуры способ погребения – тот же, что у ямной (курганы с ямными могилами и скорченными костяками с охрой), но керамика иная, балканская. Был ли это результат инфильтрации настоящей ямной культуры или даже репинской культуры с востока на территорию культуры Фолтешти-Чернавода I, т. е. румынского варианта усатовской культуры, трудно сказать. Напоминаю, что в усатовской культуре покойники погребаются в курганах с кромлехом, а в Лерне в результате прихода нового населения, ок. 2500 г., и был воздвигнут курган с кромлехом на месте дома правителя. Вот Б. В. Горнунг (1964) и предлагал считать усатовскую культуру протогреческой. Но усатовская культура окончилась на 700 - 800 лет раньше

Нерушайская же культура, сложившаяся на основе какой-то из культур этого региона (усатовской или культуры шнуровой керамики или культуры шаровидных амфор или всех троих вместе), испытала сильное влияние ямной культуры, то ли общеарийской, то ли, скорее, уже иранской. Последняя версия могла бы объяснить общую для иранцев и греков изоглоссу – судьбу праиндоевропейского s, его переход в h. Более поздние контакты с катакомбным населением на Нижнем Дунае, видимо, индоарийским, могли сказаться на мифологии греков и индоариев, как я уже отмечал, обладающей значительной общностью.

Сделать эту картину более определенной смогут только новые раскопки курганов в Греции и Нижнем Подунавье, а также поступление новых письменных источников из Средиземноморья.

6. Веер гипотез. Для глотто- и этногонического истолкования этой ситуации возможно несколько гипотез.

По первой, общий очаг ариев и греков – это свита культур с мегалитическим наследием и с традициями чернолощеной керамики и шнуровой керамики, распространенных по берегам Черного моря. Во второй половине IV тыс.

новосвободненская, кемиобинская и репинская культуры, а также культура усатово – чернавода – фолтешти представляли диалекты грекоариев.

Затем возникшая на основе репинской культуры ямная дала начало всем ариям, из оставшейся на западе части ямной культуры образовались (через культуру Глина-Шнекенберг) армяне и фригийцы, сложившаяся там же культура многоваликовой керамики была фракийской, а вторжение буджакской (нерушайской) культуры, сложившейся на основе культуры усатово – чернавода – фолтешти, в Грецию дало начало грекам. Если так, то исходное единое состояние этих языков было раньше и где-то на территории Центральной Европы. По этой схеме фракийцы, армяне и фригийцы должны быть ближе по языку ариям, чем грекам. Именно такое соотношение языков диагностирует И. М. Дьяконов (1982).

Греки заимствовали название моря (*θαλασσα*) из языкового субстрата, то есть напрашивается идея, что протогреки были народом континентальным, а и усатовская и буджакская культуры - приморские. Впрочем, это заимствование могло быть сделано еще в Причерноморье. Но в Грецию могли вторгнуться те части буджакского населения, которые долго проживали в степях Северной Румынии и Венгрии, вдали от моря, и отвыкли от употребления соответствующего термина.

Вторая гипотеза несколько сдвигает к нашему времени разделение этой ветви индоевропейцев. По ней, репинская культура середины IV тыс. была общей культурой неразделившихся греков, ариев и армян (с фригийцами и фракийцами), а на первой стадии ямной культуры произошло разделение. Те люди, которые ассимилировали население Балкан и Дунайского бассейна, образовав культуру «погребений с охрой» (буджакскую), стали греками, армянами и фригийцами, а оставшиеся в Причерноморье – ариями.

Третья гипотеза предполагает, наоборот, очень раннее разделение. Если предположить, что уже население Новосвободной было индоариями (отсюда и обилие индоарийских компонентов), а затем эта этническая традиция была передана через новотитаровскую культуру катакомбным культурам, то синхронная с новосвободненской репинская культура уже была иранской, как и вся ямная культура. В этом случае усатовская культура была греко-фрако-фригийской, а разделение грекоариев на ветви произошло еще до прибытия в Северное Причерноморье. Этой версии противоречит наличие заимствований из общеарийского словарного фонда (до его разделения) в финноугорских языках.

Выбрать одно из этих трех решений не позволяет лакуарность наших знаний. Нужно детализировать судьбу усатовской культуры (культуры фолтешть – чернавода). Мы плохо знаем буджакскую культуру, которую, вероятно, предстоит разделить на несколько. Мы имеем лишь поверхностные знания о курганах Румынии, Болгарии, Югославии и, главное, Греции. Там стоят тысячи курганов, и тамошние археологи по многим причинам совершенно их не копают. А в них кроется разгадка этой проблемы.

Кому принадлежала культура догреческого населения, т. е. культура РЭ I – II, сказать трудно.

Судя по апеллативной лексике с теми же суффиксами, которые проступают в топонимах, это не были индоевропейцы: слова в массе не истолковываются с индоевропейских корней. Это доиндоевропейский субстрат, возможно, родственные малоазиатско-кавказским неиндоевропейским народностям.

В свою очередь, и это не древнейшие обитатели Греции: разрыв традиций был и при переходе от неолита к бронзовому веку – в середине IV тыс.

1. **Схема: хронологическая колонка Греции и цезуры, претендующие на трактовку, позволяющую видеть в них смену культур (сделать).**
2. **Дорийские области в Греции (карта fig. 20 из Palmer 1961 с. 145)**
3. **Карта Греции с обозначениями предположительного исходного очага дорийцев (Шахермейр – Schachermeyr 1980, Abb. 116).**
4. **Фибулы и булавки, предположительно принадлежавшие «народам моря» на Крите (Schachermeyr 1979: Taf. 26).**

5. Распространение северо-западного диалекта в Греции (Schachermeyr 1980: 387, fig. 114).
6. Распространение северо-западной керамики (там же, p. 389, fig. 115).
7. Канфары из Мармарьяни с орнаментом типа Бубутси (Schachermeyr 1980: 312, Abb. 100).
8. Мотивы керамической орнаментации текстильного характера на лепной керамике из Мармарьяни (Schachermeyr 1980: 313, Abb. 101).
9. Сходство гидрии РЭ II и шнуровой амфоры по З. Фуксу: матовоокрашенная фессалийская гидрия из Лианоклады и шнуровая амфора из Утлебен в бассейне Заале (Fuchs 1937 abb. 7a - 7b на стр. 96 - 97)
10. Каменные сверленные боевые топоры-молоты из Греции: «топор фессалийского типа из Аттики» (Fuchs 1937 Abb. 13 на с. 119).
11. Распространение курганов в Греции и Албании в раннем и среднем бронзовом веке (Mallory 1989: 70, fig. 42).
12. Шнуровая керамика из Греции (Milojčić 1949 – Germaina 33)
13. Шнуровая керамика Греции и ее аналогии в степях (Hood in Bronze Age migr. 1973, pl. 8, 1 – 4).
14. Дом Черепиц – дом правителя в Лерне III и возведенный на нем курган (Best 1984, fig. 11).
15. Остатки деревянного дома с апсидой в Лерне IV (Best 1984, fig. 3c).
16. Деревянный дом с апсидой, примыкающий к кургану в Лерне IV (Best 1984: fig. 1)
17. Каменные дома с апсидами РЭ III в Лерне IV (Best 1984, fig. 3a).
18. Приход протогреков по Маккаю (Маккаю 2000, map).

Обсуждение

СУХАЧЕВ. Для меня очень сомнительно совпадение археологической культуры с языком. Культура одна, а языков может быть несколько, и наоборот. Между ними очень слабая корреляция. Для распада индоевропейского IV тысячелетие – слишком поздняя дата. Индоевропейская общность – значительно раньше.

ВАСИЛЬКОВ. Достаточно ли надежно «народы моря» привязаны археологически к культурам Дуная?

КЛЕЙН. После работ Киммига – надежно. Это дунайские поля погребений.

ВАСИЛЬКОВ. Неуловимость дорийцев и протогреков говорит об определенной архаичности культуры. То же мы наблюдаем у иранцев и индоариев. У них была обрядовая керамика. Которую они изготавливали сами. А в быту пользовались серой расписной керамикой, полученной уже в Индии и Иране. Речь идет о мобильных скотоводах, а их культура – очень скудная. Всё остальное они захватывали у своих более зажиточных оседлых соседей. То же и в Новосовободной – два рода керамики: грубая привозная и майкопская.

СУХАЧЕВ. Я хоть и лингвист, но 10 лет копал с Хлопиным. Я помню, что серая керамика, производившаяся в закрытых печах с небольшой температурой обжига, требовала большого мастерства. А при нашествии, при катастрофе возобновлялось производство более грубой посуды. У кочевников же хорошей керамики не было. У них применялись деревянные сосуды и бурдюки. Из керамики – простые пиалы, портативные и легко перевозимые. Более сложные формы – это заимствование у оседлого населения.

Мне представляется убедительным предположение, что не было крупных миграций, а были мелкие передвижения групп, состоявших даже не из сотен, а из десятков человек.

ТОХТАСЬЕВ. Откуда пришли дорийцы – более-менее ясно, вся традиция говорит о Дориде на севере Греции. Правда, там дорийского диалекта не осталось, потому что все ушли. Очень хорошую аналогию приходу дорийцев и протогреков на Пелопонес может дать наблюдение за внедрением славян в Византию, ослабленную войной с персами. Одни славяне просачивались, другие вторгались. Фессалонику, например, осаждали. А славянских памятников к югу от Дуная нет.

Между тем упоминается масса славянских племен в Греции (на Пелопоннесе, например, милинги). Картина схожая с приходом греков.

Панченко. Л. С. упомянул заимствование греками названия моря из догреческого субстрата, объясняя это материковым прошлым протогреков. У греков всё-таки было и индоевропейское название моря – *ποντος*, родственное славянскому *путь* 'путь'. Я бы привлек другие греческие термины. В греческом языке «вверх» означает движение вглубь материка, а «вниз» - движение к морю. Это явно движение по рекам. Значит, протогреки жили где-то в местности с крупными реками, каковы наши степи или Скандинавия.

Клейн. Это могут быть и Подунавье и притоки Дуная. Но с равным успехом и небольшие реки самой Греции, хотя большие реки Европы вероятнее (как водные пути, затем сменённые морем).

Что касается смены культур, то крупные катастрофы, означавшие разрушения и радикальную смену культуры, в Греции происходили неоднократно. А что до соотношения археологической культуры и языка, то корреляция как раз весьма значительная – этому учит весь наш опыт. Заковыка в том, что при большой вероятности, сказывающейся на массе случаев, в каждом отдельном случае совпадение не гарантировано. Есть только вероятность, при том без количественного выражения.

Славяне в Византии как модель прихода протогреков уже использована некоторыми исследователями. Я предпочёл дорийцев, потому что они ближе к приходу протогреков этнически, социально и демографически. Но как иллюстрация археологической неуловимости некоторых миграций славяне тоже показательны.

Глава X. Миграция тохаров в свете археологии

[Предлагаемая работа была выполнена в 1986 – 87 гг. и обнародована устно в качестве доклада на семинаре в Институте этнографии и антропологии АН СССР в Ленинграде. Я собирался развить выдвигаемые здесь положения, но все время другие занятия откладывали эту работу и, соответственно, публикацию в печати. Поскольку просвета в занятости не было видно, отъезжая на год преподавать в Америку в 2000 г., я решился на публикацию в том предварительном виде, какой работа имела к этому времени. Внес лишь незначительные дополнения (упоминания позднейшей литературы). Статья была напечатана в «Стратуме» (Клейн 2000). Здесь дополнил ее текст с учетом новых публикаций и ответил на последовавшую критику коллег.]

1. Под именем тохаров.

1. Индоевропейцы арси и кучан. Тохары – эталонный случай для реконструкции миграций, потому что факт дальней миграции бронзового века здесь несомненен. Столь ранней потому, что в более позднее время, начиная со скифской эпохи и до поздних кочевников, мощные миграционные волны катились по степям с востока на запад, а здесь, как ни крути, приходится говорить о миграции с запада на восток.

Индоевропейские языки, называемые в лингвистике *тохарскими* (Тохарские 1959), были открыты в самом конце XIX века. Они зафиксированы индийской письменностью в Синьцзяне, в бассейне Тарима, для VI – VIII вв. н. э. (рис. 1). Там же в древних росписях пещерных монастырей местная знать изображена как блондины с белой кожей и голубыми глазами, так что индоевропейская речь здесь – это речь европеоидного населения или слоя. До сих пор у местных уйгуров сильна доля европеоидности (Чебоксаров 1977).

Языки эти близко родственны друг другу, принадлежат народам схожего происхождения. Самоназвание одного из них, восточного (обозначенного у лингвистов тохарский А), было *арси* (от названия города Арги, кит. Яньцзи), а уйгуры в индийской письменности называли его туграми (тохарами). Самоназвание другого, более архаичного (у лингвистов тохарский В), – *кучан* (от названия города Куча), и тюрки называли его *кюсян*, а пишущие по-индийски авторы опять же тохарами (Краузе 1959). Т. е. сами себя эти народы тохарами не называли, и так их не называли китайцы. Китайские раннесредневековые источники помещали царство Тухоло (Тохар) гораздо западнее – среди среднеазиатских государств, в Бактрии (Цзи Сянь-линь 1959). Там же знали Тохаристан и арабы (с IV в. н. э.). Язык Тохаристана – иранский.

Таким образом, пишущие по-индийски авторы почему-то распространили название обитавших в Среднеазиатском междуречье ираноязычных тохаров и на далеких восточных индоевропейцев, а за индийскими авторами это обозначение стали применять и европейские ученые. На деле же, судя по столь разнородным источникам, как китайские и арабские, настоящие тохары жили западнее, в Средней Азии.

2. Настоящие тохары. За полтысячи лет до того, в последние века до н. э. – первые века н. э., римские авторы помещали тохаров (греч. *Тохарοι*, *Тахорοι*) именно в Средней Азии, и там же китайские источники знали Давань, а по Пулиблэнку (Pulleblank 1966) Давань – это поздняя передача раннекитайского Тах-(у)ар. Столицей этого государства был г. Гуй-шуань или Кюй-шуань; это позднейшая Кушания, откуда происходят основатели Кушанской империи, ставшие распространителями буддизма. Индийские источники (буддийские тексты, пураны, эпос) упоминают народ тухара (тушара) рядом с яванами (греками-ионийцами), но не знают кушанов, которые ожидалось бы в таких контекстах. Похоже, что для индийцев ранние тохары это кушаны.

Пулиблэнк привел некоторые данные в пользу предположения, что настоящие тохары переселились в Среднюю Азию вместе с юечжами (яттями) в начале этого периода с северной периферии Китая и уже здесь восприняли иранскую речь, а до переселения оба народа вместе с усунями (асианами) говорили на том же языке индоевропейской речи, что и арси и кучан. Имена кушанских царей (Канишка, Хувишна и Васишка) интерпретируются (Иванов 1967) как содержащие суффикс, типичный для языка кучан, демонстрируя традицию, принесенную с востока. Это языковое родство могло бы объяснить индийский

перенос названия. Однако Бэйли и Хеннинг объясняют эти имена как иранские, так что, возможно, что в переносе сказались созвучие тюркского кюсян, т. е. кучанский, с названием кушан. Во всяком случае, усуней китайские источники описывают как людей "с голубыми (зелеными) глазами и рыжими бородами, похожих на обезьян" (видимо с непривычно для китайцев волосатым телом), а в места их первоначального обитания иранская топонимика не заходит. В таком случае усунь (асиане) – того же корня, что и арси и кучан.

2. Серы на шелковом пути

3. Условные тохары на рубеже эр. Далее соответственно лингвистической традиции только арси и кучан здесь будут именоваться тохарами.

Уже тогда, на рубеже эр, эти тохары (т. е. арси и кучан) находились под влиянием индийских (буддистских) миссионеров. Индийские названия реки Ганг и священной горы Сумеру поступили в китайский язык в эпоху Хань, т. е. в последние века до н. э. – первые века н. э., и судя по их звуковому оформлению (Хэн, Сюйми) – через тохарские (Ганк, Ган, Сумер), а не через хотанский или уйгурский (Цзи Сянь-Линь 1959). Слово "мед" (mi, mat < *miät) заимствовано китайским не позднее III в. до н. э. из тохарского B mit < *miät (Поливанов 1916; Иванов 1959). Значит, в это время тохары (арси и кучан) жили по соседству с Китаем и Индией, т. е. скорее всего уже в Синьцзяне, на Тариме.

4. Греческие сведения о серах. Ок. 200 г. до н. э. греки (Птолемей) отличали от царства синов со столицей в Тине (Циньский Китай) царство серов, от которого на запад вел путь торговли шелком. Очагом серов был бассейн Тарима. Цейлонские послы описывали серов как обитавших за Гималаями, рослых, рыжеволосых и голубоглазых. По местности, времени и облику это, видимо, были те же условные тохары. "Серы" – явно не самоназвание, а кличка по основному предмету торговли: греч. σήρικον от кит. sir, sirkek "шелк" (из греческого термина, принятого за производный от этноса, вычленен этноним).

5. Без этнонима. Китайские хроники описывают походы китайцев в последние века до н. э. в бассейн Тарима с целью захвата торгового пути на запад и сопротивление, оказанное китайцам местным населением. Но все эти хроники не приводят этноним этого населения. Отсутствие такового, вынудившее пишущих по-индийски уйгуров распространить на него чужой этноним, а греков – назвать его по примете, говорит о том, что в этот период тохары пребывали в раздробленном состоянии. Формирование тохарских этносов относилось к более раннему времени, что, впрочем, явствует из степени расхождения тохарских языков к середине I тыс. н. э.

3. Европеоидные соседи Китая.

6. Северные соседи Китая на рубеже эр и европеоидный компонент. Китайские хроники последних веков до н. э. – первых веков н. э. знают на севере целый ряд народов европеоидного облика (Грум-Гржимайло 1899, 1909, 1926; Дебец 1931; Гумилев 1959). Из них ближайшими северными соседями серов были усунь, известные античным авторам под именем асианов или асиев, и юечжи – античные ятии, инд. яду. На север от последних обитали сюнну (хунны), у которых, судя по китайским описаниям, была европеоидная примесь, а еще севернее жили динлины, о которых вопреки Грум-Гржимайло и Гумилеву, таких сведений нет (Maenchen-Helfen 1939). Динлины упоминаются с конца III в. до н. э. между верхним Енисеем и "северным морем" (Байкалом), и соответственно название "Динлин" получили Саяны. Динлины массами переселялись в Китай. Киселев (1949) и Членова (1967) отнесли к динлинам таштыкскую культуру Минусинской котловины, но эту культуру скорее следует отнести гянгуням (кыргызам-хягас), западным соседям динлинов. Некоторая степень европеоидности таштыкского населения видна по его маскам, но маски показывают и сильную монголоидную примесь. Дальнейшее усиление последней за счет инфильтрации (динлинов?) привело к формированию смешанного облика енисейских кыргызов (хакасов) раннего средневековья.

То есть кроме неназванного китайцами населения Таримских оазисов, известного грекам под именем серов, на северных границах Китая существовало и другое европеоидное население, по меньшей мере это усунь (асиане) и юечжи (ятии), а европеоидная примесь была и еще у некоторых соседей Китая.

7. Древность европеоидного компонента. Несколькими веками раньше, в VII – VI веках до н. э., в самом бассейне Хуанхэ китайцы вели борьбу с европеоидными племенами ди (древнее произношение, по Карльгрену, Пулиблэнку и Яхонтову, "дьок" (d'ioк), а еще раньше, возможно, "льок"). Китайцы смешивались с ними – отсюда у древних китайцев выступающие носы и пышные бороды, а у некоторых их героев – и голубые глаза (Гумилев 1959). Китайские источники путают ди с динлинами, видимо, из-за сближения в позднем звучании названий, и основываясь на этом, Грум-Гржимайло построил гипотезу об оттеснении ди на северо-запад и превращении их в динлинов, но Гумилев, вероятно, прав в том, что это разные народы.

Который из народов, располагавшихся на рубеже эр на северных границах Китая, вторгнулся раньше, в VII – VI веках, под именем "дьок" в сердцевину Китая, и был ли это один из них или какой-то иной европеоидный народ, неизвестно.

В Минусинских степях в это время проживало тоже чисто европеоидное население, тагарской культуры, от которого и происходит европеоидный компонент таштыкского населения. Перед тагарской культурой, в позднем бронзовом веке, там обитали люди карасукской культуры, тоже европеоидные, хотя и с европеоидной примесью. А перед ними люди афанасьевской культуры, опять же европеоидные. Сплошная традиция европеоидности из глубины бронзового века Южной Сибири и Центральной Азии ведет ко времени обитания тохаров в Центральной Азии.

4. Индоевропейский вклад в китайских языке и культуре

8. Европеоидная лексика в китайском. Лингвисты установили ранний вклад индоевропейцев в формирование китайской культурной лексики, преимущественно терминов скотоводства, при чем Конради подтвердил заимствование анализом ситуаций с реалиями (Conrady 1925; Jensen 1936). Кое-что включено в этот вклад по ошибке: "крупный рогатый скот" ngizu, ngu, go < *gui < *gud при kut "вол" перешло в китайский из шумерского gud, а не из индоевропейского *guou. В остальном в этом индоевропейском вкладе выделимо два пласта. Один пласт состоит из названий лошади (ma, tak, ср. монгол. mori), гуся (ngan, ср. япон. gan), кисломолочного продукта или масла (lac < *kлас, где знак < означает внутреннюю реконструкцию, без обращения к другим языкам). Эти названия не имеют соответствий в тохарской терминологии, но происходят из речи западных окраин индоевропейского ареала (ирл. maгc, сканд. maгг; древнеиндоевроп. *ghan-s, нем. Gans, слав. goⁿсь; латин. anser < *hanser; греч. γαλαγς γαλακτος, латин. lac < glас, гот. kлас). Второй пласт содержит названия собаки (hьп < *ki^wen) и меда (*miet) и имеет источник в тохарских терминах (ku, kwem; mit).

Первый пласт распространен (за исключением lac) и в родственных китайскому языках, т. е. возможно, заимствован еще на уровне, близком к сино-тибетскому. Второй пласт, предположительно тохарский, отмечается только в китайском языке, т. е. содержит более поздние заимствования. Арийских заимствований в этом раннем вкладе, в обоих его пластах, нет.

9. Древний европеоидный вклад в китайской культуре. Историки культуры установили, что коневодство, колесницы, мифы и ритуалы, связанные с конем, заимствованы китайцами в бронзовом веке с запада, в частности представление о колеснице Солнца, везомой конями, о созвездии Большой Медведицы как Повозке, и др. (Izushi 1930; Eberhard 1956; Минао 1959а; 1959б; Dewall 1964; Pulleyblank 1966; Кожин 1968, 1969; Piggott 1974; Васильев 1974, 1976). Это источник индоевропейский и, судя по языковым контактам, не арийский, тогда как тохарская его принадлежность не исключается.

5. Выбор археологической культуры для тохаров в Азии

10. Три культуры. Три археологические культуры бронзового века Южной Сибири в принципе могут претендовать на соответствие такому источнику: афанасьевская, андроновская, карасукская (все – с европеоидным населением). Правда, повозки в них не зафиксированы, но наличие их крайне вероятно по косвенным соображениям (родственность культурам с повозками, в афанасьевской – находки псалиев, см. Кожин 1970, в карасукской – возможно, распределители вожжей в виде моделей ярма). Из этих

культур андроновская не подходит, так как идентифицируется с ариями (иранцами). Остаются афанасьевская и карасукская.

Нужно еще предусмотреть возможные предковые европейские культуры для той, которая будет избрана в качестве тохарской в Азии, будь то афанасьевская или карасукская.

11. Европейско-сибирские археологические связи. Из двух южно-сибирских культур археологи склоняются к афанасьевской (рис. 2). Ее предлагали Даниленко (1974: 137, 234 – 235) и Сафронов (1983: 84), подробно обосновал гипотезу Вл. Семенов (1987; 1993), за ним повторил Посредников (1990). Семенов называет продвижение тохаров к Тариму "древнейшей миграцией индоевропейцев на восток" и связывает эту миграцию с западным происхождением афанасьевской культуры – из ямной. В пользу этого родства Семенов приводит ряд сходств: перекрытие могильной ямы плитами, кромлех, наличие охры, остродонную керамику и др. Керамика в ямной культуре не остродонная, а яйцевидная, хотя некоторое сходство есть. Но афанасьевская культура не выводится прямо из ямной, а ямная культура с более вескими основаниями может считаться очагом арийского этногенеза (исходным для иранцев и их родичей).

Таким образом из культур Южной Сибири остается карасукская культура. Существенно, что если афанасьевская восточнее Енисея не заходит и Семенову приходится как-то объяснять привязку к ней тохаров из Синьцзяна, то для карасукской Енисей – это крайний запад. Культурные комплексы карасукского типа (рис. 3 – 4) распространены на восток до Хингана, а находки карасукского облика встречаются широко в Северном Китае (рис. 5. - Новгородова 1970, карта на рис. 1). Новгородова специально отмечает миграционную активность карасукцев (Новгородова 1987).

Из культур Восточной Европы на роль культуры, исходной для тохарской миграции, ямная вряд ли подходит. Выдвигалась на эту роль катакомбная общность (Литвинский 1963), но, как я показал, по крайней мере одна из катакомбных культур бронзового века наших степей может быть идентифицирована как индо-арийская (Клейн 1980; Kleijn 1984), да и связи не подходят: о связи катакомбного комплекса с афанасьевским еще может идти речь, но не о связи с карасукским. Лингвисты предлагали абашевскую культуру, исходя из ее географического положения и только (Горнунг 1963: 87 – 89; Лелеков 1982: 36), но это предложение оспаривал археолог (Тереножкин 1961: 245). Действительно, никаких археологических связей с культурами Южной Сибири.

12. Два стиля. Сопоставим же некоторые формальные компоненты афанасьевского комплекса с карасукским и их европейские связи.

Развивая старую идею (например, Bussagli 1955; Кожин 1966) и применив оригинальную методику формализации, Шер (1980) выявил два стиля в наскальных изображениях упряжек Средней и Центральной Азии. В обоих повозки изображаются в плане, как бы в развертку. Но в одном тягловые животные показаны профильно, колеса небольшого диаметра сплошные, рама треугольная, в упряжке быки (рис. 6). В другом, по сохранности и стратиграфии более позднем, в упряжке лошади, они показаны в плане (как бы в развертку – аналогично повозке), колеса большие со спицами, рама округлая или подчетыреугольная (рис. 7 – 8). Первый стиль Шер связывает с доокуневским временем, предположительно – с афанасьевским, второй – с карасукским (Шер 1980), также срубным и гальштатским (Шер и Голендухин 1982). Только повозки второго стиля являются собственно колесницами.

13. Первый стиль – афанасьевский вклад. В первом стиле нередки изображения парных упряжек из животных разного вида (несовместимых), например, быка с конем, а погонщик, нередко хвостатый, идет пешком. Шер связывает эти изображения с индоевропейским мифом о свадебном "трудном задании" – запрячь вместе несовместимых животных (это под силу только богу или сверхъестественному герою). Миф засвидетельствован у греков, слабее – у индоариев. К афанасьевской культуре Шер относит и стелы (ранее считавшиеся карасукскими, потом окуневскими) – с изображением круглоглазого персонажа, у которого во лбу третий глаз. Членова (1983) связывает эти изображения с греческим мифом о гигантах-киклопах ("киклоп", собственно, и означает по гречески "круглоглаз").

Давняя идея об исходном очаге афанасьевской культуры в Северном Причерноморье ныне реализуется в идентификации этого очага с репинской культурой

рубежа IV – III тыс. (совпадения формы и орнамента керамики, а также способа погребения). Проявления мегалитизма роднят ее также с причерноморскими энеолитическими стелами, на которых (Керносово, Федоровка) серия изображений с хвостатым антропоморфным персонажем, в том числе брачная сцена. В этом круге культур Причерноморья начинался общий этногенез греков и ариев (Клейн 1987а, 1987б, 1990), а мегалитическая идея привнесена туда от западных индоевропейцев (кельто-италиков, германцев). Эти связи позволяют отнести к афанасьевской культуре первый пласт индоевропейских заимствований в китайском, в частности ознакомление с конем (афанасьевские находки есть и в Западной Монголии – см. Новгородова 1981: 208).

Это не тот индоевропейский вклад в китайской культуре, который по лексике связан с тохарским языком. Таким образом, и по этим основаниям предположение об афанасьевской культуре как тохаров не находит подтверждения.

14. Второй стиль – карасукский вклад. Второй стиль Шера в своем распространении выходит за пределы карасукской культуры на запад (в Казахстан и Среднюю Азию) и на юг (в Туву и Монголию), будучи, видимо, общим достоянием нескольких этносов (рис. 9). Шер отмечает его и в срубной культуре и в гальштате. Но в ранних проявлениях этот стиль находит отражение в реалиях иньского Китая, которые в свою очередь возводятся к карасукским корням. Колесница появляется в Китае ок. XII века до н. э. внезапно и неподготовленно (Li Chi 1957). Ее особенности выдают не ближневосточное, а северное, степное происхождение и по хронологии связываются с карасукской культурой (Кожин 1969б, 1977). В отличие от Ближнего Востока в Китае часто встречаются квадриги и тройные упряжки: в одной из могил Аньяна лошади положены в той же композиции "развертки" ("плана"), что и на центральноазиатских изображениях второго стиля, и тот же ракурс отражен в иньских и чжоуских иероглифах, обозначающих колесницу (Кожин 1977; Новгородова 1978, 1984), тогда как на Ближнем Востоке изображения профильные (Кожин 1977; Новгородова 1978, 1984).

Учитывая это воздействие карасукской культуры на Китай и европеоидность карасукского населения, допустимо отнести второй, тохарский, пласт индоевропейских заимствований в китайском к карасукскому времени и предположить, что карасукская культура – это тохары, а ее двучастность (Новгородова 1970; Членова 1972) отражает разделение общетохарского языка на два языка – А и В.

15. Место карасукской культуры в этногенезе. Тагарское население в Минусинских степях антропологически не родственно предшествующему населению этих мест, обладавшему карасукской культурой, хоть и европеоидному тоже, а восстанавливает физический облик гораздо более древнего населения афанасьевской культуры (Кызласов 1960; Членова 1967). Это значит, что карасукская культура выпадает из эволюционной цепи, из традиции. Пришлая в этих местах, она была вытеснена вернувшимися аборигенами или их родичами. Куда? Предположительно в Западную Монголию и Синьцзян, где распространены находки карасукского типа (Новгородова 1970) и где в конце бронзового века прослеживалась европеоидное население (Новгородова 1981). Таким образом, появление в Синьцзяне тохаров и родственных им этносов, видимо, было связано с продвижением карасукской культуры с Енисея в южном направлении.

Но откуда она пришла в Южную Сибирь, или, если это культура тохаров, то с какой европейской культурой она была связана по происхождению?

6. Лесное прошлое тохаров и фатьяновская культура

16. Финноугорский субстрат тохаров. О предшествующей истории тохаров говорят их засвидетельствованные языком контакты с финноугорским населением. Они не сводятся к тохарским заимствованиям в финноугорских языках (вост.-финск. *mete* "мед" из раннетох. *met*, *A miät*, *B mit*; финноуг. *nimi* из раннетох. *n'em*- *A nom*, *B nem*; финноуг. *ves'* "золото" из тох. *A wäs*, *B yasa* (см. Pedersen 1950; Aalto 1959; Гамкрелидзе и Иванов 1984) и к финноугорским заимствованиям в тохарских (по Краузе, *A kälk* "идти", *B käläk* "следовать" из фин. *kulkea* "идти"). Эти контакты более существенны и выражаются в глубоком преобразовании индоевропейской фонологии и грамматики под воздействием финноугорской. Это палатализация (как в славянских и балтийских), приведшая к оглушению звонких и к динамическому ударению и – как следствие – к редукции безударных слогов. Это и появление многих вторичных падежей (локализационных). Это

также образование термина для "лица" путем словосложения "глаз + нос" (Joki 1973; Иванов 1959). Отсюда следует, что у тохаров в прошлом было не просто соседство с финноугорским населением, а финноугорский субстрат (Krause 1951; Иванов 1986; Lane 1970). В то же время по изоглоссам наименьшие связи отмечаются у тохаров с ариями (Бенвенист 1959). Вывод: тохары двигались из Европы на восток по лесной полосе далеко от степей (ареала ариев) и долго жили в финноугорской среде.

17. Фатьяновская культура – лингвистическая ситуация. Такая ситуация имеет только одно археологическое соответствие: фатьяновскую культуру первой половины II тысячелетия до н. э. (на это уже обращал внимание Лейн). Фатьяновская культура соответствует лингвистической ситуации тохаров (рис. 10). Последователи Косинны связывали ее с завоеваниями германцев. Принято считать, что от нее осталась балтская топонимика (Kilian 1955; Моора 1958; Крайнов 1972: 268 – 270; Топоров ??????, Откупщиков ??????), но на деле эта топонимика проходит полосой значительно западнее и объяснима более поздним расселением балтов (рис. 11).

Возможно, что разделение прототохарского на два языка, проявляющееся в двучастности карасукской культуры, восходит к установленной Кожиным двучастности фатьяновской культуры (балановская и атликасынская группы).

18. Фатьяновская культура – археологические характеристики. Фатьяновская культура сопоставима с карасукской по археологическим данным. Круглодонная бомбовидная с отчлененной невысокой вертикальной шейкой карасукская керамика не имеет местных корней в Сибири, выглядит там чуждой и появившейся внезапно, а для фатьяновской те же формы (рис. 12 - 13) и та же выделка (ленточный способ) в предшествующий период были обычны (см. Кожин 1964). Есть стилистические сходства и в вещах. Грибовидные навершия карасукских кинжалов и ножей повторяют грибовидный обушок фатьяновских боевых топоров (рис. 14), а в одном случае на фатьяновском топоре обушок оформлен в виде головы медведя – можно усмотреть в этом истоки традиции скульптурных наверший в виде голов животных на рукоятках карасукских кинжалов (рис. 15). Для гипотезы о происхождении карасукской культуры из фатьяновской подходят и датировки: фатьяновская культуры – первая половина II тысячелетия, карасукская – вторая половина.

Правда, свинья засвидетельствованная для тохарских языков и для фатьяновской культуры, пока не обнаружена в карасукской культуре, но это может найти объяснение в специфике карасукских памятников (погребения). Наличие свиньи свидетельствует об оседлости тохаров, как и сохранение в тохарских языках индоевропейского термина для рала. Но и карасукская культура представляется оседлой и не только скотоводческой, но и земледельческой (в ней есть бронзовые серпы).

Разумеется, в карасукской культуре проявилось и много традиций, оказавшихся ранее в Сибири (от афанасьевской до андроновской), а также много и нововведений. А многие фатьяновские особенности в ней утеряны в результате миграционных потрясений и смены среды (см. Клейн 1973; 1999).

19. Положение тохарских языков в ИЕ семье. Первоначально тохарские языки были отнесены к языкам centum и поставлены рядом с западными индоевропейскими. Ныне в них открыто больше признаков группы satem, чем группы centum, да и западная локализация группы centum поставлена под сомнение. Повидимому, сатемизации тохары подверглись уже продвинувшись на восток, в Поволжье. По своему положению в распаде индоевропейской общности, определяемому грамматическими и лексическими изоглоссами (van Windekens 1976; Adams 1984), тохары близки к балтославянским и германским языкам (Иванов 1958; Георгиев 1958а; Порциг 1964), возможно, также к фрако-фригийскому и армянскому (Pokorny 1923). Георгиев даже объединяет их с балтославянско-германской подгруппой в одну северную группу индоевропейских языков (Георгиев 1958б: 277 – 282). Хульд отвергает принадлежность тохарских к западному блоку, считая, что роль медиопассива на -г преувеличена. Скорее вместе с индоиранскими языками тохарские входят в восточную группу, но занимают в ней самое северное положение и тесно связаны с языками северо-западными и югозападными (Huld 1996).

Проиллюстрировать всё это можно совпадениями в основной лексике: тохарские (привожу без различия А и В): тасар "мать" (ср. "матери"), грасар "брат" (эти лексемы

близки также к латинским и греческим), wu "два", tri "три", štwer "четыре" (ср. "четверо"), pāh "пять" (др.-русс. "пе^нть"), parve "первый", mīsa "мясо", lap "голова" (ср. "лоб"), ak "глаз" (ср. "око"), walke "долгий" (ср. "велик"), śana "жена", reki "речь", spām "спать", smī "улыбаться" (ср. "смеяться") и др. С литовским и индийским схоже тохарское tano "зерно" (в литовском хеттском и древнеиндийском дуона, данаш, дхана- означает хлеб). С германскими (и частично латинскими) схожи тохарские расer "отец" (лат. pater, нем. Vater), okt "восемь" (лат. okto, нем. acht), kam "зуб" (нем. Kamm "гребень"), kñuk "шея" (др.-герм. knock, англ. neck, нем. Neck) и др. С греческими схожи kukāle "колесо" (греч. κύκλος), por "огонь" (греч. πῦρ) и др. Но предки греков и италиков находились в начале II тысячелетия до н. э. еще поблизости от предков славян и германцев в Центральной Европе.

Видимо, исходный пункт движения прототохаров на восток лежал в восточной части и на севере Центральной Европы.

20. Происхождение фатьяновской культуры Так же решается и вопрос о происхождении фатьяновской культуры. Крайнов выводил ее то из среднеднепровской, то из прибалтийской шнуровой. Хойслер убедительно показал несостоятельность этой концепции, но сам готов выводить фатьяновскую культуру из местных культур ямочно-гребенчатой керамики (Häusler 1976), что совсем несуразно и архаично. Кожин (1964), выделивший в фатьяновской культуре ярославско-балановскую группу, некорректно именовал ее шнуровые амфоры шаровидными; Крайнов также использовал это наименование. На деле эти шнуровые амфоры свидетельствуют о родстве фатьяновской культуры с "амфорным" кругом культур шнуровой керамики, центр которого расположен на территории Восточной Германии и Чехии. Ее амфоры больше всего напоминают "восточно-гарцские амфоры" (Ostharzamphoren), а орнаментация на доньшке – шёнфельдскую керамику (Häusler 1975: 497). Есть у фатьяновской культуры и вклад культуры ладьевидного топора Швеции: в Скандинавии проходило постепенное уменьшение доньшка кубков – оно становилось редуцированным ("дими́нутивным", по терминологии шведских археологов); бомбовидные сосуды фатьяновской культуры представляют собой следующую стадию уменьшения доньшка – оно сходит на нет. Фатьяновские топоры очень близки шведским ладьевидным (рис. 16).

Формирование фатьяновской культуры, видимо, представляет собой материальную основу выделения тохарских языков из индоевропейской общности или завершения этого процесса (рис. 17). Возможно, выделения из некоей группы этой общности, поскольку вряд ли к этому времени таковая общность еще сохранилась.

21. Другие индоевропейцы на границах Китая. Что же касается более ранней индоевропейской миграции на восток, принесшей в Южную Сибирь афанасьевскую культуру, то это могла осуществить мало известная ветвь ариев, оставившая на Памире дардов, но могли за этим стоять и какие-то родичи кельтов, италиков и греков, некая вообще не сохранившаяся группа западных индоевропейцев. Еще более вероятно такое предположение относительно современных открытий в Синьцзяне (чемурчекская культура), где обнаружены поразительные аналогии мегалитическим западноевропейским культурам энеолита (Ковалев 2005).

7. Лингвистические данные, противоречащие гипотезе.

22. Новые лингвистические соображения. В 2000 г. вышла книга «Историческая фонетика тохарских языков» (Бурлак 2000). В ней по сохранившимся словам обоих языков реконструируется предковый для них прототохарский, а уж он сопоставляется с праиндоевропейским. Из сопоставления его с праиндоевропейским выясняется, что выделение прототохарского из праиндоевропейского сопровождалось рядом существенных преобразований (Бурлак 2000: 180 – 181). Вся система согласных перестроена, ларингальные и гуттуральные различия исчезли, в большинство сочетаний согласных вставлены разделительные гласные и т. д. Это приводит к выводу об огромной роли субстрата, более того – к идее, что прототохарский язык – это пришлый индоевропейский язык, усвоенный местным неиндоевропейским населением, говорившим на языке, не имевшем ни скоплений согласных, ни разнообразия гуттуральных и ларингальных. Анализ прототохарской фонетики не позволил автору сблизить этот субстрат с угорским языком.

Неясно, где проходило усвоение индоевропейского языка иным населением – уже в местах обнаружения тохарских языков или где-то поближе к праиндоевропейскому. Возможно, есть надежда идентифицировать субстрат по неиндоевропейскому местоимению первого лица в тох. A nāṣ (м. р.) и ṅuk (ж. р.), тох B ṅaś (м. р.) и ṅiś (ж. р.). По любезной подсказке В. Кулешова, единственный территориально близкий язык, в котором есть похожее местоимение, это нивхский – с местоим. перв. лица nuṯ. В нивхском также есть термин для колеса kukuš, который можно связать с тохарским kukāle "колесо" (ср. греч. κύκλος). Судя по топонимике, нивхи в прошлом населяли большую территорию на Дальнем Востоке - Приамурье и Сахалин и вполне могли быть тем этносом, который послужил субстратом для тохарского. Но какое-то внедрение пришлых индоевропейских групп необходимо предположить и обнаружить в области, где происходил переход от субстратного языка к индоевропейскому.

8. Критика фатьяновско-карасукской концепции Вл. А. Семеновым.

23. Различия фатьяновской и карасукской культур. Опубликованная в 2000 г. как статья (Клейн 2002), моя фатьяновско-карасукская концепция происхождения тохаров встретила с солидной критикой со стороны Вл. А. Семенова, сторонника афанасьевской идентификации тохаров (Семенов 2002б). Семенов, ссылаясь на В. С. Титова (1982), применил к сопоставлению фатьяновской и карасукской культур критерий «лекальности», то есть требование, чтобы исходная культура, участвующая в миграции (фатьяновская) и конечная культура (карасукская) полностью совпадали. А они совпадают лишь кое в чем (бескурганность, одиночность погребений, круглодонность керамики, выделка керамики выколачиванием), по большинству же параметров – не совпадают. Они не совпадают по антропологическому облику населения (фатьяновцы – долихокраны, карасукцы – брахикраны), по позе погребенных, по составу стада, деталям устройства могилы и т. д. Кроме того, между ними хронологический разрыв в 100 – 200 лет и большое расстояние без промежуточных памятников.

24. Возражения критику. Критерий «лекальности» первым в русской научной литературе сформулировал я (Клейн 1973), Титов лишь повторил его без ссылки на меня, так как во время его публикации я находился в тюрьме и ссылаться на меня было опасно. Но ни я, ни Титов не считали этот критерий годным для применения. Я этот критерий, как и несколько других употребительных, прямо отвергал. Титов (1982: 92 – 93) писал, что применение их не приносит результатов и причина этого "состоит в том, что все критерии миграции, которые назывались выше, – это критерии априорные, выведенные отнюдь не из изучения реальных исторических миграций, прослеженных и археологически, а критерии чисто логические, теоретические". У меня их неприложимость к миграциям подробно обоснована тем, что в реальности по целому ряду причин культура на новом месте почти никогда не бывает полным повторением исходной (Клейн 1973; 1999). Сказываются и трансформация культуры в результате миграционной встряски, и уход в миграцию только части культуры, и включение в нее попутного населения и автохтонов на новом месте.

Таким образом, сохранение на новом месте лишь некоторых признаков исходного облика – это как раз правило. Искать нужно не сугубо схожие, а наиболее схожие. Хронологический же и территориальный разрывы и сам Семенов не считает препятствиями: «Миграция могла быть длительной». Он хотел бы лишь видеть промежуточные звенья. Но их подобные культуры часто не оставляют – много ли их между афанасьевской и ямной культурами?

9. Критика фатьяновско-карасукской концепции А. А. Ковалевым.

25. Новая археологическая ситуация. Недавно опубликована работа А. А. Ковалева (2004) с критикой моей идентификации тохаров. На Центральной Равнине Китая и в нагорьях, окружающих ее с С и СЗ Ковалев выделил по нескольким типам бронзового вооружения культуру Чаодаогу, датируемую XIII – XI вв. до н. э. Типы эти – втульчатый топор с выступом на обушке, кинжал с плоской гардой, ножи с гардой без подрезки и специфические изображения голов горного козла и барана. Этот комплекс отличается от собственно китайского оружия, состоявшего из бронзового плоского танового клевца, кельта, втульчатого копья, и ножа с уступом, восходящего, вероятно, к сейминско-турбинской традиции.

Прототипы культуре Чаодаогу Ковалев нашел в нагорьях Луристана и Курдистана, в Загросе, т. е. в 3 – 4 тыс. км к западу, в Передней Азии. Сочетание втульчатого топора и кинжала восходит к эламской традиции (Сузы и Иран рубежа III – II тыс. и сер. III тыс. – первой трети II). Предполагаются промежуточные формы, более близкие к китайским бронзам позднего бронзового века (рис. 18).

На территории между этими очагами промежуточных форм нет. Основы для предположения о диффузии нет. Значит, заключает Ковалев, нужно предполагать миграцию.

26. Новая идентификация тохаров. По Ковалеву, единственная параллель этой миграции в лингвистике – тохары. Культурные и религиозные термины, заимствованные из тохарских языков в общетюркском и китайском и относящиеся к домостроению, колесничному делу и хозяйству, выдают влияние тохарского языка на Востоке.

По мысли Ковалева, скорее всего, тохары – это юечжи. Афанасьевская культура отсутствует восточнее Центральной Монголии. Не связана с Центральной Равниной Китая и карасукская культура. Карасукская не продвинута в Китай, ее китайские проявления – это иллюзия, связанная с путаницей в относительной хронологии.

Таким образом, тохары могли бы быть связаны с сейминско-турбинской культурой или с Чаодаогу. Сейминско-турбинскую аттестацию отстаивает Напольских (1997), точнее из сейминско-турбинской культуры он выводит паратохаров, а пратохаров – из афанасьевской. Ковалев предпочитает сейминско-турбинскую культуру как исходную для Чаодаогу. На его взгляд, влиянием сейминцев объясняется тохарская лексика в уральских языках и облик культуры Чаодаогу.

27. Лингвистические контакты и их трактовка. Но каким путем тохары шли на восток? Как пишет Ковалев, Напольских рассмотрел сепаратно разные угорские языки уже после распада угорской общности и отобрал тохарские заимствования в угорских языках, 9 слов. На них и построена его тохарская атрибуция сейминско-турбинской культуры. Из этих 9 слов 6 Ковалев ставит под сомнение: возможно, они из арийских или славянских языков. В двух случаях заимствование отрицается Ковалевым, так как противоречит историческому контексту. Зато лингвистика, как полагает Ковалев, констатирует уральское влияние на тохарскую грамматику. Кроме того, отвергая тохарскую лексику в финноугорских, Ковалев не отрицает финноугорские заимствования в тохарских. Прародина уральцев и, позже, угров – леса к востоку от Урала. Так что, полагает Ковалев, вопреки Клейну из заимствований нельзя вывести, что тохары шли на восток по лесной полосе, а можно лишь, что арии - по степной (тесные лингвистические контакты финноугров с ариями установлены).

Тохары же двигались южнее, где ассимилировали население с каким-то агглютинирующим языком, возможно, уральской семьи, продвинувшееся на юг со своей прародины (это показывают их контакты с дравидскими Алтын-депе). Таким же субстратом для тохаров мог быть и дравидский, если признать дравидским население культур бронзового века южного Туркменистана и Пакистана. В своей работе Ковалев использует лингвистические построения К. Менгеса, предположившего соседство и даже родство урало-алтайских и дравидских языков, и У. Хеннинга, выдвинувшего предположение о тохарской языковой принадлежности кутиев (гути).

28. Оценка предложений Ковалева. Соображения Ковалева вызывают у меня ряд возражений:

1. Культура Чаодаогу выделена только по металлу. Нет ни керамики, ни погребений, ни жилищ, ни поселений – ничего. Это просто комплекс металлического вооружения, связанный с определенными мастерскими и традицией, но не связанный с этносом, пока нет культуры. В Передней Азии (Иране) тоже нет определенной культуры, а есть металлические изделия, к тому же не собирающиеся в четкий комплекс, потому что разбросаны во времени. Связь между этими очагами не ясна. Какая-то связь есть, но была ли то миграция или перенос оружейной традиции, мы не знаем.

2. Ковалев неплохо доказал слабость тохарских заимствований в финноугорских языках, но обратные заимствования (из финноугорских в тохарские) ведь и сам признал. А по Краузе они носят характер финноугорского субстрата в прототохарских. Если хоть какие-

то заимствования тохарские в финноугорских признать (а они признаны), то финноугорский субстрат подкрепляется. А это означает всё-таки лесной путь. К тому же сейминско-турбинская культура также относится к лесной полосе.

3. Нашествие финноугров на Китай и Центральную Монголию до встречи с тохарами не выявляется. У дравидов очень слабые притязания на контакт с финноуграми. Дравидское воздействие на тохаров - сугубо умозрительное предположение и не подкрепляется ни одним фактом. Лучше считать, что его не существует. Ведь ни одного заимствования дравидского в тохарских или тохарского в дравидском нет.

4. Нет ни малейшего намека на связь луристанских бронз и подобных памятников с индоевропейской праязыковой областью, не говоря уж о том, чтобы найти их связь с северо-западной частью этой области, где помещают исходный пратохарский очаг, скажем, Гамкрелидзе и Иванов. Луристанские бронзы связаны скорее всего с каким-то иранским этносом. Козел и баран – культовые иранские животные (фарн).

10. Самокритическое послесловие

29. Происхождение фатьяновской культуры. После всех возражений на критику я сам заметил у себя одно противоречие, несколько подрывающее карасукско-фатьяновскую гипотезу. Противоречие связано с происхождением фатьяновской культуры. На карте показано ее происхождение по Крайнову – с территории Южной Прибалтики. Это неплохо вязалось бы с выделением прототохаров из праиндоевропейской общности, как оно сейчас понимается лингвистами. Но в тексте я более склонен к выведению фатьяновской культуры из шведской культуры боевого топора – по керамике и ладьевидным топорам. Если это подтвердится дальнейшими исследованиями, то отождествлять фатьяновскую культуру с прототохарами окажется невозможным – она скорее окажется чем-то вроде норманнов до норманнов.

Если и искать подходящих кандидатов на тохарские языки в Центральной Азии вне карасукско-фатьяновской гипотезы, то это могут быть как раз открытые Ковалевым в Монголии стелы и могилы «французского» облика.

1. Карта Тарима – размещение тохарских языков А и В и настоящих тохаров в Бактрии.
2. Тохарская миграция по В. А. Семенову: ямная – афанасьевская – тохары (карта-схема Клейна).
3. Карасукская культура – керамика (Новгородова 1970, рис. 19 на с. 69).
4. Карасукская культура – кинжалы (Новгородова 1970, рис. 2 на с. 34).
5. Карасукская культура – карта (Новгородова 1970, рис. 1 на с. 17).
6. Два стиля изображений повозки – профильные изображения с быками и разными упряжными животными (Шер 1980, рис. 107 на с. 195).
7. Два стиля изображений повозки – в развертку (Шер 1980, рис. 109 на с. 197).
8. Два стиля изображений повозки – в развертку (Новгородова 1978, рис. 3 на с. 195).
9. Два стиля изображений повозки – в развертку, аналогии с разных территорий (Новгородова 1978, сводная таблица на с. 197).
10. Фатьяновская культура – карта (Крайнов 1972, вклейка рис. 2).
11. Балтская топонимика по К. Буга и М. Фасмеру в обработке Х. Моора и фатьяновская культура (Моора 1958).
12. Фатьяновская культуры – сосуды (Крайнов 1972, рис. 38 на с. 93).
13. То же (Крайнов 1972, рис. 39 на с. 94).
14. Фатьяновская культура – ладьевидные топоры (Крайнов 1972, рис. 14)
15. Сопоставление карасукской культуры с фатьяновской (Клейн 2000, рис. 1).
16. Фатьяновская культура – карта топоров (Крайнов 1972, рис. 8 на с. 24).

17. Реконструируемая миграция тохаров по лесной полосе: фатьяновская – карасукская - тохары (Клейн 2000, рис. 2).
18. Тохарская миграция по А. А. Ковалеву: культура Чаодаогоу, луристанские бронзы и сейминско-турбинская культура (карта-схема Клейна).

Обсуждение

КОВАЛЕВ. 1. Поиски археологической культуры тохаров. Тохары непосредственно соседствовали с Иньским Китаем, о чем говорят языковые контакты. Для XIII – XIV вв. до н.э. нельзя искать тохаров далеко от нагорий, примыкающих к Великой Китайской равнине. Какие это могли быть археологические культуры?

Ни афанасьевцы, ни чемурчеки не могли быть предками тохароязычного населения – ареалы их культур не доходят тысячи километров до местообитания предков исторических китайцев, начиная с иньцев. Более того, нет и следов воздействия этих скотоводческих культур на население Центральной Равнины в эпоху неолита и ранней бронзы. Да и хронология их слишком ранняя. Говорить о контактах китайцев и инокультурных «северных» народов можно только начиная с периода Эрлитоу, то есть с 18-17 веков до н.э. И контакты, как я уже показывал в своих статьях, вначале были с сейминско-турбинским населением (Ковалев 2002), а затем – в иньское время (с XIV - XIII веков) – с «чаодаогоуским».

А карасукская культура? Идея о каком-то «влиянии» карасукской культуры на иньский Китай – традиционное научное заблуждение, связанное с неизученностью древних культур Центральной Азии. Одни карасукские бронзовые ножи в Минусинской котловине датируются по радиоуглероду с калибровкой не раньше конца XII века (эпохой Западного Чжоу), т. е. слишком поздно, а другие – действительно иньского времени, не встречаются в карасукских комплексах. Они в карасукской культуре тоже заимствованные, скорее всего из Китая. Ножи с подрезкой или без гарды типа карасукских (каменоложских), кинжалы с подрезкой и трубчатой рукоятью датируются в комплексах на территории Китая также пост-иньским временем (составных коленчатых ножей в китайских комплексах не найдено). В то же время ножи с гардой без подрезки, топоры с выступами на обушке и описанные мною в статье 2004 года предметы с головами баранов и козлов неоднократно встречены в комплексах периода Шан-Инь, а на Енисее только в двух комплексах – и то в виде местных реплик. Карасукская культура не продвинулась в Китай. Так что никаких карасукцев на границах тогдашнего Китая не было. Они сами являлись объектом влияния со стороны чаодаогоусцев и других жителей нынешних китайских земель. «Модели ярма» в карасукской культуре появились в результате опосредованного влияния иньского Китая.

В иньском времени на этих нагорьях располагалась культура Тевш – это могилы в плане в виде бычьей шкуры (со втянутыми к центру могилы стенками), а погребенные все лежат на животе (это положение возницы при китайских колесницах в культуре Луньшань). Больше мы их нигде не знаем.

2. Бассейн Тарима - тохарская местность. Кроме названных культур необходимо включать в обсуждение атрибуцию древнейшей европеоидной культуры Таримской впадины, где и найдены тохарские письменные документы. Ни афанасьевцы, ни чемурчеки (при всей их близости к мегалитическим культурам Франции) дальше Алтая на восток не заходят. А в нынешней пустыне вокруг озера Лоб-нор, раскопаны десятки погребений своеобразной культуры, датирующейся не позднее середины 2 тысячелетия до н.э. Это европеоидное население (раскопки давней экспедиции Свена Гедина). Культура, судя по всему, бескерамическая. Посуда – плетеные остродонные и круглодонные корзинки. Погребения устроены на горизонте среди целого «леса» установленных вертикально деревянных столбов, кольцевыми оградами. Погребенные уложены в гробы, имитирующие вроде бы лодки, а в головах у них установлены предметы типа весел, воткнутых в землю. Большую роль в погребальном ритуале играют бычьи рога. Откуда эти люди, имеющие, согласно данным антропологии, «кавказоидный» облик? Если из понтокаспийских степей, то, учитывая уровень сохранности органики в наших степях, от таких погребений там могло вообще ничего не остаться. Кто это? Бурушаски? Может быть, и субстрат тохаров.

3. Субстрат. Что касается соображений Л. С. Клейна по поводу уральского субстрата в тохарском, то Напольских доказал, что связи уральских языков с тохарскими сильно преувеличены. Он пишет, что в финно-угорских схожие с индоевропейскими названия металла означают украшения, а в тохарских первое значение этих терминов – золото. Сейминско-турбинское население передало эти термины финноуграм для обозначения бронзы. А уральские народы заимствовали как значение металла вообще. Но исторический контекст противоречит трактовке Напольских. По нему, термин, обозначавший ворону, заимствован из тохарских во все финно-угорские языки – как это так? Конечно, было всё наоборот: из какого-то финно-угорского субстрата в тохарские. Так обстоит дело с лексикой.

Этот предполагаемый субстрат прежде всего проявляется точно так же, как предполагаемое влияние дравидского или кавказских языков – в грамматике тохарского языка. Все, что говорилось о

влиянии уральских языков на строй тохарского, может быть с тем же успехом объяснено ролью в качестве субстрата любого другого языка агглютинирующего типа. Если же субстратом тохарского был именно один из языков уральской семьи, то искать его сегодня на территории нынешнего обитания уральских народов бессмысленно. На то он и субстрат, чтобы исчезнуть под наслоениями пришлого языка. Менгес считает, что языки уральской группы проживали южнее – это и мог быть субстрат для тохарского. «Уральские» народы в древности могли расселяться далеко к югу, охватывая в том числе и алтайскую лесостепь, и казахские степи, а также и Внутреннюю Азию. Остатки этих народов ныне известны в Саянах.

Но субстратом могли оказаться и другие агглютинативные языки: эламский, хурритский, дравидский... Дравидские параллели не мною придуманы. На них обратил внимание еще Краузе, а возможная близость к дравидскому эламского языка еще более усиливает вероятность дравидского влияния на прототохарский. Впрочем, я не исключаю и влияния иных языков тогдашней Передней Азии. Хеннинг указывал на имя хурритского царя Киклип-адал. Вторая часть имени (-адал) – хурритская, но первая (Киклип-) может происходить от тохарского кукул- - колесо. После Хеннинга никто этим вообще не занимался. У кутиев есть тохарские заимствования, и в митанийских документах Насатя звучат как Насаатианна – с тохарским суффиксом двойственного числа. Хотелось бы, чтобы лингвисты проверили хотя бы те параллели, о которых говорится в моей статье.

КАЗАНСКИЙ. Идея распространения колесниц от хурритов мне кажется странной. В труде Киккули все термины колесничного дела и ристаний – индоарийские. Я помню на занятиях у Старостина лекции Кожина о конях и колесницах. Распространение единое, но всё же с востока на запад.

ВАСИЛЬКОВ. Если субстрат и не финноугорский, то нивхский – вряд ли: слишком далеко. Какое-то взаимодействие с финноугорскими очевидно. Не обратиться ли к самодийским? К первому пласту индоевропейских влияний на китайский (афанасьевскому) есть одно добавление. В 1979 г. сообщалось на конференции о неизвестном ранее индоевропейском языке бангана в Северной Индии, где-то в предгорьях Гималаев, собственно не о цельном языке, а о его сохранившихся фрагментах, как бы субстрате. Это язык кентумный, с корнями, которые ведут в кельто-греко-латинский мир. Для молока там термин «лакта»!

КУЛЕШОВ. Слова Бурлак о несовпадении с угорским субстрата в тохарском это ее реакция на странные работы В. В. Иванова, который сопоставлял консонантизм тохарского с современным венгерским как представителем угорских. Есть ведь такие же совпадения венгерского с латышским – а уж между ними никаких контактов не было. Все изучение тохарских сводилось до сих пор к выявлению его индоевропейской составляющей, а его неиндоевропейская лексика еще не выявлена и не обработана.

Список Напольских - очень шаткий. Колесо по-удмуртски – гыги, т. е. индоевропейское, но не обязательно тохарское. Колесо во многих языках заимствовано из индоевропейских, в нивхском тоже – килкус.

КАЗАНСКИЙ. Я бы не стал так уверенно говорить об исключительном движении только с востока на запад в течение последних тысячелетий. Были и движения с запада на восток - Баудо в мансийской культуре обнаружил сохранявшиеся иранские сосуды, из Персии. Стоило бы проверить по более поздним исследованиям Старостина утверждения Поливанова о китайских заимствованиях: у Поливанова есть среди заимствований свинья, а Старостин это опроверг (Кулешов: 'Свинья' ушла, но 'мед' остался!). Аргумент о двойственности (раз культура двучастна, то и языка два – А и В) слабоват – Вы сами, Л. С, внушали мне, когда я учился у Вас шестиклассником, что таких аргументов лучше избегать. Считается, что индоевропейцы генетически плохо переносят молоко без закваски (греч. галактос, лат. лак-), сейчас это вроде не столь однозначно, но всё же сливочное масло древние греки и римляне потребляли только по предписаниям врача! Палатализация как в славянских и балтийских, динамическое ударение – это всё лишнее: много есть и в других языках древности. Да и что мы можем знать об ударении в тохарских?

КЛЕЙН. К своей карасукско-фатьяновской концепции происхождения тохаров я и сам отношусь как к рабочей гипотезе, и я очень благодарен всем за обстоятельную критику. Мне представляется, что выдвижение рабочих гипотез и их обсуждение продвинет нас в понимании этой трудной проблемы. В блестящем и пространном выступлении Ковалева есть много наблюдений, которые могут послужить опорными пунктами для дальнейшего исследования. Экспансия карасукской культуры в Китай отвергнута убедительно. Однако мне представляется, что для заимствований из тохарских в китайский незачем непременно предполагать их близкое проживание и соответственно искать пратохарскую культуру по соседству с Китаем. Контакт мог осуществиться и в результате нашествия издалека, а искать следы тохаров в самом Китае – задача типа поисков протогреков в Греции.

Всё же финноугорский субстрат в тохарских остается (я имел в виду не грамматику, а прежде всего лексику). Относить ли его за счет фатьяновской культуры или за счет сейминско-турбинской, но путь по лесной полосе нужно предположить.

Частное замечание: почему Ковалев считает могилы в виде бубнового туза и погребения на животе уникальными? Аналогии есть – это такой же план очертаний могилы энеолита и бронзового века в Причерноморье (майкопские и другие) и погребения на животе в Нальчикском могильнике. Весло, воткнутое в землю, было элементом древнегреческого культа Одиссея, близкого к культу Посейдона.

Указание Я. В. Василькова о кентумном языке в Гималаях кажется мне чрезвычайно важным, но это скорее для трактовки новых археологических открытий Ковалева в Монголии – культур, близких к мегалитическим культурам Франции. Это вообще очень важные открытия. Которые способны пролить свет не столько на этногенез народов Азии, сколько на этнический облик кельто-италиков энеолита и раннебронзового века и на этническую атрибуцию мегалитических культур.

Упоминание дихотомии предположительно тохарских языков и культур – это, конечно, не аргумент, а параллель, которая может приобрести значение только в случае доказательства (другими аргументами) идентификации этих культур и языков с тохарами. Тогда могут вылезти А и В.

Здесь немало моих учеников разного времени – от школьного кружка (как Н. Н. Казанский и А. А. Ковалев) до университета (как тот же А. А. Ковалев, А. Г. Козинцев, В. А. Трифонов, Л. Д. Резепкин и др.), но это вовсе не значит, что я продолжаю быть для них учителем – они сами давно стали мастерами, и многому я учусь у них (да я всегда учился у своих учеников). Вероятно, это и помогает мне удерживать интерес аудитории, которой я бесконечно благодарен за внимание и активное участие.

Заключение: концепции и импликации

1. Результаты и три концепции. Теперь можно суммировать результаты проделанного обзора и оценить с точки зрения этих результатов выдвинутые в последние десятилетия общие концепции происхождения индоевропейцев.

За это время в стране было выдвинуто три детально разработанных концепции происхождения индоевропейцев – все в 80-е годы: двухтомник Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова (1984), критические статьи И. М. Дьяконова (1982) об их концепции и монография В. А. Сафронова (1989). В конце 80-х вышла также книга Колина Ренфру в Англии, развивающая другой вариант той же концепции, которую предложили Гамкрелидзе и Иванов, а в середине 90-х концепцию Ренфру модифицировал М. Звелебил. Предложения Звелебила о механизме индоевропеизации, особенно развитые в его последующих работах, очень интересны, но географические пути распространения языков остаются у него те же, что у Ренфру. Продолжалось в 1980-е годы также развитие концепции Гимбутас, но с модификацией – у Мэллори, однако он и сам признал, что реализация его концепции повисает в воздухе, а критический разбор его концепции в статье С. В. Кончи (2004б) обосновал эту самооценку. Так что остается концепция Гамкрелидзе – Иванова и Ренфру, многократно критикованная, но вот недавно поддержанная глоттохронологами, а с ней близка и концепция Сафронова. Как проделанный здесь обзор соотносится с этой концепцией?

Результаты, полученные ретроспективным прослеживанием генеалогии нескольких индоевропейских народов с давней письменной традицией, совершенно не вяжутся с гипотезой Гамкрелидзе – Иванова и Ренфру, с их помещением исходного очага праиндоевропейцев в Малой Азии. Это можно установить по каждому основному выводу.

1. Индоарии прослеживаются в степях Украины и Предкавказья с рубежа IV – III тыс. и оказываются чрезвычайно распространенными и влиятельными всё третье тысячелетие и часть второго. Надежно установлено обитание индоариев в Северном Причерноморье на рубеже IV – III тыс. до н. э. и обитание там же их предков (возможно, общих с греками и армянами) на рубеже V – IV тыс., тогда как, по Гамкрелидзе и Иванову, индоарии должны, не заходя в Северное Причерноморье, отправиться из Верхней Месопотамии через юг Ирана напрямик в Индию.

2. Иранский этногенез сложнее. Но с большой степенью вероятности устанавливается, что первое появление иранцев в Средней Азии – это продвижение степных культур с севера – из Казахстана и Причерноморья около середины II тыс. до н. э. (срубной и андроновской культур), а может быть раньше (ямной культуры, давшей отпрыски в БМАК). Тогда же или несколько позднее они проникли и в Иран. А по Гамкрелидзе и Иванову, иранцы появляются в Иране очень рано – «не позже конца IV тыс.», хотя они ничем там себя не проявили – до конца III тыс. (БМАК) жили инкогнито?

3. Позволительно реконструировать огромный взрыв фракийского распространения в начале второго тысячелетия, как-то откликнувшийся в Приуралье Синташтинскими памятниками и прямо приведший к Микенскому культурному подъему в начале II тыс., почти за две тысячи лет до подвигов Спартака.

4. Реконструируется сказочный бросок фригийцев далеко на восток, приведший к образованию фригийского государства в центре Малой Азии, к сложению армянского народа в Закавказье и забросивший фригийцев-бригов в Индию за тысячу лет до Александра Македонского.

5. Греки в Греции обитают, по наиболее резонному истолкованию археологических данных, с первой половины III тыс., причем пришли они туда с севера, хотя и не совсем ясно, с какой культурой. У Гамкрелидзе же и Иванова греки прибыли в Грецию из Малой Азии, и на западе Малой Азии (в Милете и других колониях) они раньше, чем в Греции, хотя раскопки показали их в Малой Азии только с XIV в., а в Греции та же микенская керамика раньше – с XVII века. В хеттских документах до XIV века нет никаких упоминаний об Аххиява, хотя, по Гамкрелидзе и Иванову, они жили там с рубежа III – II тыс. А главное, они выделились из грекоарийского единства после хетто-лувийцев, т. е. когда Анатолия

была уже заселена хетто-лувийцами, и непонятно, как же они из общего с ариями очага к востоку от прародины прошли через Анатолию в Грецию – они должны были пройти через территорию хетто-лувийцев.

И уж во всяком случае их культура не могла быть в этом случае ниже, чем культура догреческого населения. Ведь они шли из самых передовых областей в более отсталые.

6. Хетты и родственные анатолийские народы весьма определенно связываются с баденской культурой и можно реконструировать их нашествие в III тыс. до н. э. на Малую Азию и Грецию. В Греции они, повидимому составляли субстрат греков и дали часть догреческой субстратной лексики. Но это были не те хетты, которых мы знаем в Малой Азии, а совершенно другая народность - протохетты, с гораздо более индоевропейской речью и культурой, еще не испытавшими воздействия хаттов.

7. Корни древнейшей культуры (рубеж V – IV тыс.), которую можно ассоциировать с общими предками ариев и греков, уходят в Центральную Европу – к мегалитическим культурам, к культуре воронковидных кубков и к родственной культуре шнуровой керамики. Кстати, и круглая ваза (или вар) как модель мироздания восходит к ронделам культур лендель и воронковидных кубков – круглым святилищам с четырьмя выходами. Их там сейчас известно около 60. Там и лежала, стало быть, прародина индоевропейцев в V тыс. и, видимо, несколько раньше, если под прародиной понимать тот очаг, из которого индоевропейцы стали расселяться, разделяясь на основные известные нам языковые семьи.

Таким образом, гипотезу Ренфру приходится отвергнуть, хотя в ней есть интересная и плодотворная идея увязки этногенеза Европы с неолитизацией Европы в порядке диффузии. Особенно плодотворным представляется мне нынешнее развитие этой концепции в работах Звелебила и других на основе привлечения данных палеогенетики. Но сколь верно подключение индоевропейского глоттогенеза к этой концепции, как раз остается неясным.

Гипотеза Гамкрелидзе – Иванова также не выдерживает сопоставления с позитивными археологическими данными о древнем прошлом нескольких избранных индоевропейских народов (я уж не говорю о собственной археологической аргументации этих авторов – она обрывочна, противоречива и основана на археологических концепциях, ошибочность которых давно установлена). Тем не менее, труд Гамкрелидзе и Иванова остается вехой в истории науки, он сделан очень добротно, построен ясно и логично, полон отлично проработанного лингвистического и этнографического материала. Даже не принимая концепцию авторов, можно, снимая ее, пользоваться проработанным ими материалом. Там четко видно, что определено гипотезой авторов, а что составляет ядро фактов. И они хорошо организованы. Это огромное достоинство.

Позиция И. М. Дьяконова представляется мне более убедительной с археологической точки зрения (лингвистическую часть его рассуждений я должен оставить тем, кто может в нее углубиться). Я бы даже сказал, что в той мере, в какой анализ проведен в моем исследовании, ничто не противоречит идее И. М. Дьяконова о дунайско-балканской прародине индоевропейцев. Каждый из выявленных маршрутов прибытия индоевропейских народов на места их позднейшего обитания не прослеживается назад дальше Среднего Дуная.

А вместе с Дьяконовым я готов признать и возможность переднеазиатского (включая и Малую Азию) источника индоевропейской речи для гораздо более древнего времени – для раннего неолита. Но это лишь одна из возможностей. Вторая – что из Передней Азии в Европу пришло только новое хозяйство (земледелие и скотоводство), а вот вместе с людьми и их речью или в порядке диффузии идей – это другой вопрос. И насколько я могу судить по современной литературе, сейчас на основе использования антропологической палеогенетики этот вопрос решается для разных частей Европы по-разному: южная и Дунайская Европа была, видимо, заселена пришлым из Азии населением, а остальная Европа, мезолитическая, перенимала новые формы хозяйства в порядке контактов с земледельческими соседями и их воздействия. По исследованиям же митохондрий вообще в генетическом пуле европейцев восточных генов было мало – не более одной пятой. Чья речь при этом возобладала на севере – аборигенов или пришельцев, об этом палеогенетика ничего не говорит.

Можно было бы сконцентрироваться на вопросе о роли субстрата в германских, балтских и кельтских языках. Есть ряд работ лингвистов, которые утверждают, что почти вся морская лексика этих языков, во всяком случае германских (и даже балтийско-финских), лексика рыболовства, мореплавания и судостроительства, имеет неиндоевропейское происхождение и, видимо, заимствована из местного (предположительно мезолитического) субстрата (Feist 1914; Sauswerde 1996 и др.). Если это так, тогда индоевропейская речь на север пришла. Но относительно германских есть и критика этого утверждения со стороны других лингвистов (Pokorny 1936; Neumann 1971; Witczak 1993, 1996). Ввиду дискуссионности приходится отложить этот аргумент.

Есть и антропологический довод в пользу долгого автохтонного существования носителей германских и балтских языков в Северной и на севере Центральной и Восточной Европы. Это преобладание светловолосого и светлоглазого населения ныне в этих областях – в Латвии кое-где до 76%, в Швеции – до 95% (рис. 1). На формирование таких расовых особенностей, связываемых с северным климатом (недостатком солнечной радиации) требуются десятки тысячелетий. А ввиду рецессивности генов, отвечающих за слабую пигментацию, при расовом смешивании гены темной пигментации побеждают. Поэтому столь сильное проявление светлой пигментации в современном населении говорит о том, что примесь темноокрашенного населения была здесь в течение последнего десятка тысячелетий ничтожна (Sidrus 1996). Это особенно разительно по сравнению с соседними с востока территориями того же широтного пояса. С другой стороны, победа пришлого языка в исходном очаге, на севере, возможна и при очень незначительном проникновении пришлого населения в регион (при его функции *lingua franca*).

А греческий эпос описывает основных героев (Одиссея, Ахилла, Менелая) как светловолосых (Маккау 2000: 63 – 64). То есть индоевропейцы приходили на юг светловолосыми. Между тем, - и тут, соглашаясь с Дьяконовым, я делаю еще одну оговорку, - есть очень большой шанс поместить именно на севере Европы очаг формирования праиндоевропейской речи, потому что в археологических исследованиях всё время проскальзывает необходимость иметь в виду участие культуры воронковидных кубков в самой ранней истории то одного, то другого индоевропейского народа. Предъявленные здесь данные подтверждают справедливость давней идеи о локализации прародины индоевропейцев эпохи распада на севере Центральной Европы и связи их с культурой воронковидных кубков.

2. Три прародины. Это та идея, которую в 80-е годы отстаивал В. А. Сафронов, но его конкретизация этой идеи и его модификация ее (углубление до культуры Винчи), я думаю, мало обеспечены приведенным им материалом и очень гипотетичны. Сафронов в полной мере использовал идею Дьяконова о двух прародинах индоевропейцев – поздней, эпохи перед распадом, и ранней – эпохи начала формирования в Передней или Малой Азии. Он даже предложил три прародины (еще и среднюю – в культуре Лендель) и семь этапов формирования. Таким образом, его концепция выглядит компромиссной – соединяющей три: концепцию Гамкрелидзе – Иванова, контр-концепцию Дьяконова, и старую гипотезу Гейгера, разработанную Косинной (о севере Центральной Европы). Это грандиозная затея, тем более, что книга Сафронова является первой русской археологической монографией вообще на эту тему! Мэллори (1997) в точности повторил его название – «Индоевропейские прародины». Между тем, книга Сафронова не стала археологическим эквивалентом труду Гамкрелидзе – Иванова. Ее упоминают (как не упомянуть!), но археологи не используют ее в работе и не анализируют. Осторожно обходят. Хочу объяснить, почему.

Идея рассмотреть последовательно разные этапы истории праиндоевропейцев безусловно плодотворна, хотя в ее конкретном выражении, возможно, и выглядит преждевременной. Намеченные Сафроновым культуры – это те, которые стоит рассматривать в этом плане, но ограничиваться ими не стоило бы. Мне импонировала смелость Сафронова и его готовность реконструировать древние миграции с запада, от которых другие археологи отшатывались. Подмеченные им связи, установленные соответствия требуют внимания и учета, но и проверки. Их надо вычленивать из книги и рассматривать порознь, не в его системе, так как система эта не держится.

Поскольку Сафронов, пока был в Ленинграде, работал в моем семинаре, я чувствовал некоторую ответственность за его научную продукцию. И когда Сафронов

предложил мне поддержать книгу своим отзывом (он решил приложить несколько таких отзывов к изданию книги), я отказался, на что он сильно обиделся (другие не отказались, и в конце книги приложена пачка хвалебных отзывов от авторитетов). Но я не мог поступить иначе. Я ведь поддержал бы только общую тенденцию книги, ее идею, но не реализацию этой идеи, а сказать нужно было бы и об этой стороне.

Монография Сафронова выполнена не на должном научном уровне. Его привязки языков к культурам основываются на анализе генетических связей между культурами, а связи эти в культурном материале, как я уже говорил в начале, очень многозначны и расплывчаты, предоставляя исследователю возможности субъективного, произвольного выбора. Сафронов свято верил в то, что там, где он нашел наиболее мощную струю культурной преемственности, там кроется и языковая преемственность. Но тот вклад в культуру, который он оценивал как наиболее значительный, не всегда таков, а главное – нет никакой уверенности, что с ним была связана и языковая преемственность.

К тому же Сафронов одни сопоставления культур проводил, а другие лишь декларировал. Содержательного анализа культур, нацеленного на этническое опознание, в его книге нет. Таблицы сделаны очень неряшливо, эскизно и часто без указания источников или с очень неполным указанием – только места находки (так что прямая проверка невозможна). Нет хорошего справочного аппарата. Изложение сумбурное и часто поверхностное, аргументация неполная, односторонняя. Очень вредил Сафронову недостаток общей осведомленности, владения языками (названия культур и памятников нередко искажены – «Лендьел», «Тель-Хуэйра», «Зальцмюнд», «Баальберг», «Бодрогкерештур» вместо Лендель, Тель-Хуэра, Зальцмюнде, Баальберге, Бодрогкерестур); в книге можно прочесть «Бжесць Куявская» (с. 125) и «в Бжесць-Куявске» (с. 152); вместо «импринтинга» автор ссылается на «импретинг» (с. 144). Но Сафронов был наблюдателен, прозорлив, и его идеи часто оказывались здоровыми и интересными. К сожалению, он всякий раз слишком увлекался озарившей его идеей. Жаль, что ему не хватало осторожности, тщательности и самоконтроля в работе.

Опирайтесь на его книгу как на изложение обоснованной концепции для дальнейших разработок невозможно, пользоваться этой книгой для получения компетентной информации затруднительно и рискованно (ср. критику в работе: Трифонов 1991: 135, прим. 34, с. 161, прим. 71), хотя детального критического разбора до сих пор нет. Но заглядывать в его книгу полезно – как в источник блестящих сопоставлений и оригинальных идей. В частности очень ценными мне кажутся его соображения о западных корнях ямной культуры и о происхождении ее прутского варианта, т. е. нерушайской культуры.

3. Эзотерическая археология. Работы Сафронова сильно выигрывают при сравнении с писаниями его украинских симпатизеров во главе с Ю. А. Шиловым. Сафроновские работы при всех недостатках всё-таки принадлежат к тому, что принято считать наукой. Украинские же труды (я имею в виду только труды определенного жанра) совершенно отчетливо стоят за ее пределами. При этом внешне они неотличимы от научных произведений – Ю. А. Шилов и Н. А. Чмыхов защитили диссертации, издали монографии (вторая монография Шилова «Прародина ариев» – капитальный том в 46,5 авторских листов), популярная книга Шилова издана «Молодой Гвардией» тиражом в 100 000 экземпляров, статьи Шилова помещает солидная археологическая периодика и печатают серьезные популярные издания (академическая «Природа», «Знание – сила»). Между тем, это если не макулатура, то во всяком случае мистификация публики и дискредитация науки, размывание границ между мистикой и наукой.

Ю. А. Шилов, уроженец украинского села, окончил Московский университет в 1972 г., а в 1977 г. окончил аспирантуру при киевском Институте археологии. Вместе с Н. А. Чмыховым он является учеником В. Н. Даниленко, заслуженного украинского археолога, имевшего огромные знания и опыт по археологии Украины, но плохо знавшего зарубежную археологию и совершенно не владевшего научной методикой. Взамен он обладал романтической увлеченностью и непоколебимой самоуверенностью. Труды его приходится пользоваться, потому что в них собран уникальный материал, но выводы его как правило сделаны на дилетантском уровне. Дилетантский подход он прививал и своим ученикам. Даниленко увлекся идеями болгарина В. Георгиева о прародине индоевропейцев в низовьях Днепра и концепцией Чайлда о распространении индоевропейцев из

понтокаспийских степей по всей Евразии. Часть своих бездоказательных выводов (ямная культура – прототохары, в энеолите – всадники, и т. п.), Даниленко успел опубликовать в своих монографиях (1969, 1974), а часть осталась в неопубликованной до конца XX века монографии «Космогония первобытного общества», которую Шилов относит к уровню синтеза «наивысшему в предшествующей историографии Азово-Черноморских степей энеолита и бронзы» (1969: 21).

Шилов задался целью решить задачу, поставленную Даниленко: как формулирует ее Шилов, «надо расшифровать мифы, отраженные в изображениях, святилищах и могилах предполагаемых ариев, и сопоставить их со священными текстами Ирана и Индии» (Шилов 1995: 5). Первая книга Шилова – «Космические тайны курганов», вторая – «переработанная» из первой – «Прародина ариев». В числе своих научных ориентиров, своих вдохновителей Шилов перечисляет также Рериха, Блаватскую и Рыбакова, чья пресловутая работа 1965 года «Космогония и мифология земледельцев энеолита», по мнению Шилова, была стимулирована неопубликованной рукописью Даниленко. Шилов защищает основательность гаданий Рыбакова от нападок методичного Формозова. Он отстаивает раскопки бульдозером, который якобы позволяет выявлять очертания каждой досыпки курганной насыпи, хотя тем, кто вел раскопки, ясно, что бульдозер – очень грубый инструмент, скрепер лучше, но и им нужно пользоваться осторожно, переходя к лопате и более тонким инструментам при малейшем намеке на находки. О своих раскопках бульдозерами, Шилов (1995: 37) выражается так: «Уровень исследования Высокой Могилы и некоторых других курганов Нижнего Поднепровья (он скромно умолчал имя раскопщика. – Л. К.) остается пока что непревзойденным».

Специальная глава посвящена методам кабинетного исследования (1995: 40 – 48). Шилов отмечает, что «господствует описательно-источниковедческий метод с последующим более или менее глубоким сопоставлением с данными этнографии, лингвистики и др. наук». Он считает, что это не избавляет от субъективности. Статистико-комбинаторный метод он тоже считает «неэффективным» и предлагает не расчленять «фиксацию и интерпретацию», то есть сразу добиваться понимания – интуицией. «Но, - признает он, - интуиция – дело внутреннее. Каковы ее эквиваленты в научной аргументации?». Шилов выдвигает «способ ключевых фактов», высвечивающий «содержание и сущность массовых источников». В выявлении «ключевых фактов» он опирается на своеобычно понимаемую «семиотику» – разгадку смысла вещей и комплексов с помощью Ригvedы и ведической мифологии. Суть в том, чтобы построить теоретическую модель мифологической системы ариев, в существовании которых на Днепре Шилов не сомневается, и из этого исходить в трактовке материалов.

На этой «теоретической модели» построена вся концепция Шилова. Шилов вообразил, что каждое погребение самых разных культур на территории Украины (от субнеолитического Мариупольского могильника и кемиобинской культуры до срубной) построено как символизация и инсценирование какого-либо гимна Ригvedы, охватывая их все, поскольку в этих гимнах отражена мифологическая система ариев. Дальнейшая интерпретация заключалась в изыскании умственных ходов, позволяющих подвести ту или иную деталь погребального обряда под какую-нибудь мифологему Ригvedы. «Уходя, по мере разработки темы, всё дальше от эмпирических основ, от чувственно осязаемых археологических источников, и всё больше приближаясь к теоретической модели некогда протекавших процессов», исследователь, орудуя своим «оптимальным семиотическим ключом», легко находит в любом очертании и обломке его семиотический смысл по Ригvedе. Он начинает видеть то, чего не видит никто другой – реальные очертания видит по-иному, по-своему. Вот теперь можно и фиксировать.

Однако в его непревзойденную и безошибочную интуицию почему-то не верят многие коллеги, требуют объективной фиксации независимыми наблюдателями и фотоаппаратом, статистической проверки и прочих традиционных банальностей. Начинается череда конфликтов и мытарств (она описана в его книгах), которые гонимый исследователь с успехом прошел.

Не буду останавливаться на проверке многочисленных фигурных досыпок курганов, которые Шилов находил в каждом кургане, подвергнутом его раскопкам, а также фигурных каменных выкладок, в которых большинство не усматривает особого порядка и целенаправленности. Те фигуры, которые зафиксированы не только им, большей частью очень отдаленно напоминают какие-то реалии или иконографию мифологем.

Но вот трактовки, которые предьявляет Шилов, просто анекдотичны. Под рисунком 14 в книге «Космические тайны курганов» (изображена кемиобинская могила и другая с пятнами выкида) подпись гласит: «Образ Адити и ее сыновей в IV слое Высокой Могилы» (рис. 2). Под рис 19 в той же книге (изображены курганы с ровиками, один из них продолговатый, в плане напоминающий подошву) подпись: «Образы Вритры, Индры и Вишну в курганах у поселка Чаплинка и села Скворцовка» (рис. 3). Под рисунком 9 (изображение: два кургана в плане с боковыми подсыпками) подпись: «Курганы с мужской символикой» (рис. 4). Имеется в виду, что в боковых подсыпках, абсолютно нефигурных, он увидел очертания полового члена. В монографии 1995 г. этот снимок переиздан (№ 48) с такой подписью: «Фаллосоподобные курганы с признаками арийского 'Семена' – Ваджи».

«Прозрения» Шилова вообще очень конкретны. Так о «жреческом роде Бхригу, одного из создателей гимнов Ригvedы», он сообщает: «У села Семеновка Белгород-Днестровского района Одесской области удалось обнаружить захоронение жреца из этого рода! Так что мы имеем редкую возможность рассмотреть одно из конкретных воплощений Матарившана» (Шилов 1990: 187).

Ю. А. Шилов отнюдь не мошенник и не фальсификатор. Он свято верует в свои истины. Если его фиксации неточны и, возможно, ошибочны, это не вина его, а заблуждение, вызванное желанием увидеть – при отсутствии надежных методов проверки. Прозреть и увидеть. Вот он и увидел то, что хотел видеть. А как он видит, иллюстрирует одна им же приведенная быличка:

«То, что район курганов необычайно активен магнитно и радиационно – вполне очевидно. Есть очевидцы, наблюдавшие здесь НЛО. А при раскопках группы из 3 ... курганов бывшего села Старая Черновка мне довелось убедиться и в магической активности района. Случилось это после обнаружения могилы колдуньи прошлого века – гроба с пожилой женщиной, за головой которой, вопреки христианскому обычаю, стоял горшок с угольями. После того, как бульдозер срезал крышку гроба и я сообразил, с чем мы столкнулись, из горшка возник вихрь («ведьма полетела»), говорят про такое в народе) и закружил по кургану.

Вечером того же дня наш бульдозерист Б. С. Опришко (ничего не знавший о потревоженной им могиле; я же не придавал ей должного значения, оставаясь в плену присущего нам материализма) остался ночевать у себя на даче и был разбужен около полуночи троекратным стуком в окно и повторением своего имени. Это было настолько явственно, что Борис Сергеевич (крепкий мужчина лет 55) даже вышел на улицу, а утром расспросил соседей, не приходил ли кто? Однако по голосу и приснившейся в те же минуты женщине он понял, что позвали его «с того света». Утром следующего дня, в пятницу, Опришко получил наряд на работу в карьере и едва не погиб там, сорвавшись с бульдозером с обрыва. Ему удалось удержаться на склоне, не получив травм. Он рассказал мне о своих злоключениях в понедельник, в последний день раскопок указанной группы. Теперь я отнёсся к останкам колдуньи серьезнее и порадовался благополучному завершению истории. Увы, Борис Сергеевич скончался через 2 – 3 дня после раскопок. Скончался без видимых причин: пришел домой после работы, прилег отдохнуть – и не встал» (Шилов 1995: 624).

Что пожилой сельский бульдозерист разволновался, увидев порушенный скелет «колдуньи», и в результате испытал бедствия, доведшие его до могилы, понять можно. Но что археолог смотрел теми же глазами... В таком вот мире живет кандидат исторических наук Ю. А. Шилов. Он не задумался над тем, почему остался невредим он сам, главный виновник раскопок. Его ментальность оказалась очень прочно связанной с представлениями его родного села. Ни университет, ни аспирантура ее не преодолели.

Я не питаю никакой враждебности лично к Ю. А. Шилову. Он энтузиаст и подвижник, перевернул гору материала, собрал уйму фактов. Более того, в его монографии археолог, работающий над той же темой, может найти для себя интересные факты и сводки фактов. Но придется совершенно отметить всё, что Шилов нагромоздил по поводу этих фактов, да еще и отсеивать сами факты (многое просто недостоверно и ненадежно). Здоровые мысли (они посещают Шилова) теряются в горах наукообразного бреда.

По концепции Шилова была дискуссия в киевском журнале «Археология» (1996, 2), коллеги отнеслись, конечно, критически. Есть и другие критические работы о его методологии (Шведко 1996). Его критикуют как ученого. Но перед нами не ученый, а ясновидящий, вещатель, и монография его – не научное исследование, а теологический трактат нетрадиционной религии. Однако оперирует он материалами науки, приводит обширную библиографию, действует в поле науки, он среди нас. И он не один.

Рядом с ним трудился его старший соученик и соратник Н. А. Чмыхов, такими же методами реконструировавший в орнаментике катакомбных сосудов (по примеру Рыбакова) календари, а затем по ним с привлечением астрономии построивший и хронологию бронзового века. Много календарей и детальная хронология. Его тоже не понимало и не принимало научное сообщество, и он, хоть и защитил диссертацию и выпустил несколько книг, но умер сорока лет от инсульта прямо на заседании ученого совета.

Это самые видные представители украинской эзотерической археологии, но работающих в этом ключе и принимающих всё это всерьез становится всё больше. Видимо, методика научных исследований нужно преподавать в Университетах в первую очередь, нужно выпускать книги по ней, созывать конференции. Иначе мы дождемся того, что мистическая археология возобладает – она легка и заманчива, и чудаками-изгоями окажемся мы сами.

4. Методы преодоления искушений. Меня могут упрекнуть в излишнем внимании к произведениям, далеким от подлинной науки. Стоило ли отвлекать серьезных исследователей на разбор псевдонаучных опусов? Разве что для забавы...

Нет, если я уделю столько места критическому рассмотрению опусов Шилова, то это потому, что в силу сложности проблематики, неразработанности методологии и субъективной увлеченности каждый из нас сталкивается с подобными искушениями. Можно сказать, что частица Шилова живет в каждом из нас, и нужно тщательно продумать суть его ошибок и предусмотреть меры противодействия этим искушениям. Уж коль скоро шиловская «Прародина ариев» издана и заняла место на полке литературы по этногенезу, по синтезу археологии с этнографией и лингвистикой, нужно извлечь из этого уроки. Попытаемся перечислить типичные ошибки его методики увязок и сформулировать для себя и для молодых исследователей вытекающие из этого анализа правила.

1. **Объективность фактов.** Многим наблюдениям Ю. А. Шилова другие археологи не верят. Обилие фигурных досыпок курганов, осмысленных каменных выкладок, значимого расположения обломков в могиле и т. п. – земляные и каменные черепахи, жабы, змеи, фаллосы, беременные женщины – всё это остается индивидуальным достоянием Шилова. Дело в том, что в рушенной земле разного состава, изрытой животными землероями, в расплывшихся насыпях и в разбросах камней часто можно увидеть какие-то фигуры – как в меняющихся облаках. Очень трудно отличить случайные спонтанно образуемые фигуры от значимых. Во всех случаях обнаружения, как вам кажется, осмысленных очертаний, сочетаний или деталей нужно проверить, в самом ли деле налицо именно такие очертания у фигуры, именно такой смысл, или это ваше субъективное впечатление, а другие этой фигуры и этого смысла не усмотрят. Способы проверки: опрос разных людей без заведомого сообщения им своей гипотезы; фотографирование объекта; поиск аналогичных объектов (выявление стереотипности); учет других возможных объяснений.

2. **Уместность референтной базы.** Для своих трактовок этих фигур и вообще материала Шилов выбрал арийскую мифологию, а также хеттскую и шумерскую. Он применяет их без разбора ко всем археологическим культурам Северного Причерноморья энеолита и бронзового века. Выбор мифологической системы для аналогий должен быть обоснован. Вот обоснование Шилова: «Связь Ригvedы с курганами подтверждается тем, что ее разделы или 'циклы' ('круги') именуются тоже мандалами» (Шилов 1995: 574). Ну и что? Обоснование должно быть научным и убедительным. Нужно показать родство культур, преемственность между культурами и притом их исключительную близость. Кроме того, не может одна мифологическая система годиться для любой культуры. Конечно, есть влиятельные мифологии, но каждая мифология обладает сильным объяснительным потенциалом для интерпретации явлений какой-то одной культуры, и эта связь должна быть доказана, а для всех других культур объяснительный потенциал этой мифологии тем меньше, чем дальше от нее эта культура по месту и времени.

Я выбрал Ригvedу для объяснения катакомбных памятников степного бронзового века раньше Шилова, но лишь после того, как увидел целый ряд специфических аналогий катакомбной культуре в древней Индии.

3. Доказуемость. Многие аналогии и увязки Шилова сугубо индивидуальны – они суть продукты наития. Никто другой не мог бы выдвинуть ничего подобного, потому что никакой закономерности, никакого правила, а значит никакой науки за ними не стоит. Нужно очень тщательно продумывать механизм увязки – конкретную основу объяснения. Известно, что индоарии рассматривали погребение как жертву божествам. Но с чего взята идея, что они рассматривали погребение как инсценировку тех или других мифов Ригведы (притом, любых и практически всех)? Известно, что арии использовали в своих гимнах большое число метафор и, значит, часто обращались к символизации. Но чрезвычайно трудно установить, что именно они символизировали в той или иной вещи – в куске охры, в обломке кости, в булыжнике. Возможности были чрезвычайно широки, и гадать на сей счет чаще всего просто глупо и бесплодно. Почти наверняка ошибешься. Нужна развернутая система дополнительных подробностей, косвенных доказательств, чтобы иметь право высказать осторожное предположение.

Исследуя мышление первобытного человека, нельзя стараться войти в его шкуру и перенять его способы мышления – как изучая психику животных, незачем становиться на четвереньки. Искать общеприемлемые для современных ученых доказательства – вот отличие научного подхода от мистического наития.

4. Эксплицитность. Анализируя катакомбное захоронение младенца в погр. 18 Великоалександровского кургана 1, Шилов (1995: 86, рис. 38) обращает внимание на то, что прямоугольная меловая подсыпка под покойным вроде бы раздваивается в торцовом конце площадки (рис. 5). Он сразу же решает, что изображены ноги человеческой фигуры, хотя ни головы, ни рук у фигуры нет. Но выше пояса лежат три пятна охры – вот, обрадовался Шилов, – это груди и сердце женщины (хотя сердце почему-то на плече). Между ними лежит скелет младенца – вот, разве не ясно, что изображена беременная (хотя тогда младенец должен был бы быть ниже грудей, а не выше). Есть и еще пятна охры, но они не учитываются – не вписываются в полюбившуюся картину. Далеко снаружи вся композиция обведена подпрямоугольным ровиком с двумя ямками в головном конце – Шилов тотчас принимает его за вторую антропоморфную фигуру, но она наложена на первую – стало быть, изображали «второе состояние» роженицы. Возле южного угла ровик прерывается – ну, разве не ясно? Здесь «обнаруживается миф о рождении Индры через бок своей матери Адити» (Шилов 1995: 714). Младенец сопровождается в числе прочего двумя серебряными колечками в полтора оборота – они «могли символизировать змеевидных демонов (Вьянсу и Вритру), подстерегавших рождение Индры» (1995: 86). Наконец, в погребении 3 соседнего (!) кургана 3 возле колена взрослого покойника найден комок охры – в довершение анекдотичности интерпретации, «этот комок символизировал, очевидно, распрямление, вставание на ноги покойника – Индры для победы или вследствие победы над Вьянсой» (1995: 89).

Просто уму непостижимо! Как можно такие шаманские камлания выдавать за научную интерпретацию, печатать в научной монографии!

Ю. А. Шилов вдохновенно изрекает свои атрибуции, увязки, открытия как откровения, как самоочевидные вещи. Он обрушивает на слушателя и читателя ворох готовых результатов своей интерпретации и очень возмущается, когда встречает непонимание и неприятие. Между тем, недоразумений было бы меньше, если бы его предложения были бы эксплицитны – то есть имели бы вид прозрачных умозаключений, в которых все логические звенья были бы отчетливо и последовательно сформулированы: «исходя из..., а так как..., следовательно...». Тогда несомненное в его суждениях сразу бы отделилось от гипотетического и недостоверного. Может быть, слабость и даже абсурдность многих суждений стала бы очевидной ему самому. Нужно выявлять логический механизм заключений.

Скажем, попытаемся построить логическую цепочку выводов для доказательства того, что серебряные колечки, обычные украшения для этой эпохи, в данном случае символизируют именно двух названных демонов. Ну?...

У Шилова (1995: 436) есть возражение против логической цепочки выводов. По его мнению, «основной критерий проверки исследований первобытной культуры: выводы должны выстроиться не в логическую цепочку, а в круг взаимообусловленных звеньев». Знаком ли он с выражением логиков «порочный круг»?

5. **Основательность.** Если даже заключения выстроены в логическую цепочку, но она одна, то она крайне ненадежна, потому что случайная ошибка в любом звене рвет всю цепочку. Гораздо надежнее параллельные аргументы, когда с разных сторон, разнородными доказательствами подтверждается одно и то же. Именно поэтому я стремился развернуть батареи параллельных доказательств своих гипотез, скажем своей гипотезы об индоарийской атрибуции катакомбных погребений. А чем доказывается основной тезис Шилова «Поднепровье – прародина ариев?». Толстенная монография посвящена своеобразной реализации этого тезиса - выведению из него тысяч следствий в виде трактовок раскопанных материалов, но ни одна трактовка сама по себе не держится и подтвердить обратным путем сей тезис не может (вопреки надеждам Шилова на «круг взаимообусловленных звеньев»). Его подразумеваемое обоснование – в столь же голословных утверждениях его учителя Даниленко и гипотезах некоторых языковедов. Что добавляет монография Шилова к этим гипотезам? Никак не основания.

6. **Осторожность.** Буквально все определения Шилова выглядят скороспелыми гипотезами, к тому же высказанными обычно не как гипотезы, а безапелляционно. При выдвижении гипотезы нужно иметь в виду возможность выдвижения других гипотез по тому же поводу. Когда сформулирован целый веер гипотез (правило Чемберлена), то выбор одной из них становится отдельной задачей и решиться на него очень часто просто нельзя: нет достаточных оснований.

В нескольких погребениях Шилов (1995: 148) замечает черепа не на положенном месте, а возле правой руки или таза. Он сразу же констатирует случаи «жертвоприношений покойникам собственных голов» (или он хотел сказать «покойником»?). Для любых трактовок таких казусов нужно сообразить, что в основе их могут лежать разные причины, нужно учесть много возможностей. Возможно, череп откатили животные-землерои, которые обычно облюбовывают могилы. Возможно, череп откатился под воздействием дождевых вод. Возможно, головы отчленили хоронившие сородичи по каким-то предубеждениям против данных покойников. Возможно, голова была отчленена задолго до похорон, но по каким-то обрядовым причинам ее нельзя было приставить на положенное место, и т. д. Если и можно сделать выбор, то только после сбора и учета ряда дополнительных подробностей.

Надеюсь, эти предостережения помогут археологам справиться с собственными искушениями и уяснить себе причины своего естественного недоверия к некоторым сочинениям коллег. Труд Шилова аккумулировал в себе типичные недостатки и в этом смысле стал как бы эталонным.

По моим сведениям Ю. А. Шилов покинул археологию и сменил профессию; стал писателем. Но книги его живут – читаются, цитируются в научной литературе, особенно украинской.

5. Политизированная археология. В связи с арийской проблемой необходимо отметить еще одно современное направление изучения индоевропейской тематики археологическими средствами. Это беспардонное подлаживание этногенетических концепций под нужды региональной националистической политики элитой новых государств, родившихся на периферии России из бывших союзных республик. Рассмотрим эту тенденцию на примере Узбекистана. Главное действующее лицо – Ахмадали Аскарлов, профессиональный археолог, ученик В. М. Массона, давно работающий в археологии Средней Азии и сделавший ряд интересных археологических открытий в поле (упомянутых в предшествующих главах). Вполне грамотные статьи Аскарлова печатались в советских изданиях, у меня нет к ним особых претензий.

Теперь, став академиком Узбекистана, Аскарлов напечатал серию статей, в которых обвиняет всех, кто придерживается индоиранской принадлежности андроновской культуры в «европацентризме» и колонизаторской ангажированности и не только настаивает на том, что андроновская культура – это тюрки, но и объявляет тюрков арийцами. Всё это подытожено в статье «Арийская проблема: новые подходы и взгляды» в сборнике «История Узбекистана в археологических и письменных источниках» (Ташкент 2005 г.). Статья написана ужасающе ломаным русским языком, и теперь стало очевидно, что таким языком академик Аскарлов писал всегда, но прежде его правили русские редакторы, а

теперь он хороших русскоязычных секретарей и советников не имеет и пишет так, как говорит. Мы услышали подлинного Аскарова.

Перечислив карикатурные признаки арийца, якобы воображаемого археологами (курган вроде Солохи, могила с «насильственно убитыми боевыми коньями» и золотой колесницей и т. п.), он считает, что именно эти признаки, этот образ арийца советские археологи положили в основу своих поисков, стремясь обосновать состоятельность теорий лингвистов о происхождении арийцев «и определить их первоначальной родины, т. е. они начали искать топонимов, подтверждающие о том, что степы Северного Причерноморья были первоначальной родиной индоиранских племен...». А в 1960-х годах укрепилась гипотеза об отождествлении ариев с носителями андроновской культуры, и о западном импульсе происхождения андроновцев (ссылки на Дьяконова, Смирнова, Кузьмину и др.). Ученые приводили доводы, «согласно которых как бы убедительно доказывают генетические родства между срубно-андроновскими племенами и савромато-саками... Однако, такая гипотеза намекает на расовом и культурном единстве народов, составляющих индоевропейской системы языков... В действительности, под такой гипотезы лежит политический аспект теории «европацентризма», согласно которого европейские страны имеют «законную основу» завоевать азиатских и африканских народов».

Далее следует суть новой концепции: «Вопреки индоевропейской теории, столь широко распространенной в былой советской науке, нами выдвигается положение о тюркоязычной принадлежности населения Великой степи, считавшихся ранее ираноязычными». Аскаров считает невозможным, чтобы в бронзовом веке тюрки ограничивались Горным Алтаем, а степь принадлежала иранцам. «Материальная культура, бытовая жизнь, антропологический облик населения Великой Степи близки друг к другу, во многих случаях являясь идентичными, неужели носители культуры Горного Алтая говорили по-тюркски, а населения окружающих их зон были ираноязычными?». Аскаров сам не замечает, насколько несуразны его доводы. В своем запале против индоевропейцев он ссылается на то, что «на самом деле, на основе археологических источников можно судить не о языке носителей срубной и андроновской культур, а лишь о хозяйственной и бытовой их жизни...». И тут же из некоторого сходства археологических культур Горного Алтая и Великой Степи заключает об их языковой идентичности. Где же логика? Строго говоря, на каком языке говорило население Алтая в бронзовом веке, мы не знаем. А андроновской культуры в Горном Алтае нет. Так что и фактическая основа для аргумента отсутствует.

Далее, Аскаров исходит из того что соседями Китая были хунну и динлины, а «На самом деле тюрк и уйгур были в составе племенного союза динглинг». С Китаем соседит Южная Сибирь, а там глазковская и андроновская культуры. «Именно из этих андроновских общин во II тыс. до н. э. вышли арийцы. Следовательно, что арийцы произошли из тюркских кочевых скотоводческих племен». Термин «арий» первоначально звучал «в социальном плане, позднее когда ассимилировался с местным населением означал новое этническое содержание и под влиянием господствующей местной языковой среди арийцы постепенно теряли свой родной тюркский язык и в конечном счете иранизировались». Происхождение династии Ахеменидов «непосредственно связано с проникновением на юг тюркоязычных арийцев из Евразийских степей».

Эта малограмотная ахинея навеивает подозрение, что раньше не только язык, но и содержание за Аскарова правили его научный руководитель и его русские коллеги. Дело не в том, что выдвинута гипотеза тюркской принадлежности андроновцев – когда-то она выдвигалась и Черниковым, а Чернецовым выдвигалась и угорская, но сейчас, после обстоятельной демонстрации в работах Кузьминой совпадений андроновских культов и быта с индоиранской терминологией уже невозможно отрицать индоиранскую в общем принадлежность андроновцев (споры можно вести только о детализации). Дело еще и в том, что методы доказательства у Аскарова убогие, без строгой логики. А главное: Аскаров по-старинке, по-советски придает концепциям политическое звучание и подает свою собственную концепцию как патриотическую позицию, противников же обвиняет в колониализме и «европацентризме». «К сожалению, - пишет он, - в исторической науке утвердилось мнение о том, что тюркоязычные племена пришли сюда как «переселенцы», «завоеватели», «оккупанты». Подобное утверждение не имеет научной основы».

А вдруг всё-таки имеет? Что тогда? Узбекиам уйти из Узбекистана? Например, венгры признают, что в Венгрии они пришлые. В их истории есть период, который так и называется: «Период завоевания родины». Это честно. А выкручиваться, чтобы доказать, что тюрки с палеолита жили там, где они живут сейчас, нечестно и не нужно. Если кто и притяжал на их земли, то совсем не по этим причинам. И объявлять тюрков арийцами смешно. Они не арийцы, как не являются арийцами и немцы несмотря на все претензии нацистов.

Не знаю, столь же ли академик слаб в узбекском языке, сколь в русском, но в научной методологии он точно не преуспел. К счастью, не все в Узбекистане думают так, как Аскарлов (он это и сам признает), иначе пришлось бы заключить, что плохо поработали русские археологи, воспитывая национальные кадры для Узбекистана.

6. Веер гипотез. В данной работе я старался обойтись минимумом гипотетических положений и найти сбалансированное сочетание смелости и осторожности. В итоге я, поставив более узкую, чем у Сафронова или Гамкрелидзе и Иванова проблему, но более широкую, чем у Шилова и Аскарова (а именно: происхождение одной ветви индоевропейцев), нашел лишь предположительное решение ее некоторых частей, но зато в моем построении можно отделить надежные выводы от гипотетических.

Из всех предложенных здесь решений проблем этногенеза наиболее гипотетичным остается решение проблемы грекоариев, от которого зависит и конкретизация смежных узлов проблемы. Дело в том, что многие предложенные решения взаимосвязаны и зависят одно от другого, поскольку членившееся древо языков одно. Они образуют одно решение на всех – генеральное решение проблемы и, соответственно, генеральную гипотезу. Поэтому если есть несколько решений проблемы грекоариев, то получается не одна, а несколько генеральных гипотез.

По первой, средней, общий очаг ариев и греков – это свита культур с мегалитическим наследием и с традициями чернолощеной керамики и шнуровой керамики, распространенных по берегам Черного моря. Во второй половине IV тыс. новосвободненская, кемиобинская и репинская культуры, а также культура усатово – чернавода – фолтешти представляли диалекты грекоариев.

Затем возникшая на основе репинской культуры ямная дала начало всем ариям, а на этапе катакомбной и срубно-андроновских культур произошло разделение на иранцев и индоариев. Из оставшейся на западе части ямной культуры образовались (через культуру Глина-Шнекенберг) армяне и фригийцы, сложившаяся там же культура многоваликовой керамики была фракийской, а вторжение в Грецию нерушайской культуры, сложившейся на основе культуры усатово – чернавода – фолтешти, дало начало грекам. Если так, то исходное единое состояние этих языков (небольшая культура грекоариев) было раньше и где-то на территории Центральной Европы. Они уже пришли в Причерноморье как грекоарии. По этой схеме фракийцы, армяне и фригийцы должны быть ближе по языку ариям, чем грекам. Именно такое соотношение языков диагностирует И. М. Дьяконов (1982).

Греки заимствовали название моря (*θαλασσα*) из языкового субстрата, то есть напрашивается идея, что протогреки были народом континентальным, а иусатовская и нерушайская культуры – приморские. Впрочем, это заимствование могло быть сделано еще в Причерноморье. Но в Грецию могли вторгнуться те части нерушайского населения, которые долго проживали в степях Северной Румынии и Венгрии, вдали от моря, и отвыкли от употребления соответствующего термина.

Вторая гипотеза, укорачивающая, несколько сдвигает к нашему времени разделение этой ветви индоевропейцев. По ней, репинская культура середины IV тыс. была общей культурой неразделившихся греков, ариев и армян (с фригийцами и фракийцами), а на первой стадии ямной культуры произошло разделение. Те люди, которые ассимилировали население Балкан и Дунайского бассейна, образовав культуру «погребений с острой» (нерушайскую или буджакскую), стали греками, армянами и фригийцами, а оставшиеся в Причерноморье – ариями. Тогда арии – это классическая ямная культура (не включающая нерушайскую), а дальше идет образование на ее основе культур катакомбной и срубноандроновских – деление на индоариев и иранцев.

Это решение больше всего удовлетворяло бы нашему интуитивному пониманию, что распад общеарийского народа (индоиранцев) должен помещаться не очень глубоко. По общему впечатлению о близости языков древнеиранского с индоарийским, фракийского с фригийским, их обоих с греческим и арийским, а также по данным глоттохронологии, разделение этих языков не может уходить в такую глубину – на несколько тысячелетий от Авесты и Ригведы. Но остается слишком мало ступеней, чтобы провести линии преемственности от нерушайской культуры к культурам бронзового века Венгрии, ассоциируемым с фригийцами.

Третья гипотеза, растягивающая, предполагает, наоборот, очень раннее разделение. Если предположить, что уже население Новосвободной было индоариями (отсюда и обилие индоарийских компонентов), а затем эта этническая традиция была передана через новотиторовскую культуру катакомбным культурам, то синхронная с новосвободненской репинская культура уже была иранской, как и вся ямная культура. В этом случае усатовская культура была греко-фрако-фригийской, а разделение грекоариев на ветви произошло еще до прибытия в Северное Причерноморье. Эта версия устроила бы тех, кто предполагает греко-фрако-фригийское родство (выраженное в греко-армянском) более тесным, чем грекоарийское. Но тем, кто считает грекоарийское родство более сильным, чем греко-армянское, эта версия не подойдет. Кроме того ей противоречит наличие заимствований из общеарийского словарного фонда (до его разделения) в финноугорских языках.

Выбрать одно из этих трех решений не позволяет лакунарность наших знаний. Нужно детализировать судьбу усатовской культуры (культуры фолтешть – чернавода). Мы плохо знаем нерушайскую культуру, которую, вероятно, предстоит разделить на несколько (и это деление уже началось). Мы имеем лишь поверхностные знания о курганах Румынии, Болгарии, Югославии и, главное, Греции. Там стоят тысячи курганов, и тамошние археологи по многим причинам их почти не копают. А в них кроется разгадка этой проблемы.

7. Некоторые перспективы. Обнаружив так много признаков центрально- и северноевропейского происхождения в культурах понтокаспийских степей, археологи невольно начинают думать, что не так уж сумасбродны были Сафронов и Николаева, предлагавшие мегалитические истоки для целого ряда культур бронзового века. Вообще нужно допустить, что были вторжения индоевропейцев в Причерноморье и до грекоариев. В самом деле, почему нужно предполагать, что засвидетельствованные письменностью языки – единственные, которые были принесены? Почему нужно считать, что все прибывшие в Причерноморье языки сохранились? Почему нужно считать, что расселение индоевропейцев имело характер взрыва, разового выброса волн избыточного населения? По всем другим очагам этнической экспансии (семитскому, тюркскому) мы знаем, что такие очаги действовали длительно, и волны нашествий оттуда шли одна за другой (Клейн 1974).

Признав такую возможность, логично искать, не окажутся ли еще в каких-то культурах признаки происхождения с запада. В частности, высокие выпуклые шейки керамики Среднего Стога и траншейные могилы хвалынской культуры тоже подозрительны – не являются ли они признаками, которые, возможно, восходят к региону Центральной и Северной Европы, к той же культуре воронковидных кубков, к ее самым северным и самым западным вариантам? Это, конечно, на уровне даже не предположения, а лишь допущения.

Если такая сугубо рабочая гипотеза подтвердилась бы и Средний Стог тоже оказался бы индоевропейским, то его можно было бы мыслить как индоевропейскую подоснову ямной культуры, создавшую для ариев (будь то уже иранцы или еще арии) языковой субстрат. В этом субстрате, по источнику его культуры, логично было бы видеть некую речь, близкую к речи германцев, балтов и славян. Это не означает непременно: вот прямые предки германцев, балтов и славян, но, возможно, ответвление от того же корня.

Из-за роли коня в Среднем Стоге подозрение в северно-индоевропейской принадлежности этой культуры по языку может вызвать недоумение. Вроде бы проще связывать Средний Стог с ариями. В этом плане не лишне заметить, что в мифологии и обрядности славян и германцев конь занимает (по сравнению с коровой) неожиданно видное место – помощный зверь, Сивка-Бурка Вещая Каурка, коньки на кровлях, Хенгист и

Хорса и т. д. И это видное место не мотивировано ролью коня в позднейшей культуре германцев и славян (в ней значение крупного рогатого скота гораздо больше). А вот как раз для ариев подобное преимущество коневодства даже и не требуется, там всё больше коровы...

Такой предположительный субстрат мог бы найти и языковые соответствия.

У ариев и греков есть общие с германцами грамматические изоглоссы (степени сравнения прилагательных на $-t^h\acute{e}go$, $-ist^h\acute{o}$), есть общие со славянами (локатив на $-su/-si$). Правда, среднестоговский субстрат подстилает только чисто ямную культуру – без нурушайских и т. п. западных родичей. Что ж, у ариев без греков есть общие изоглоссы со всем северным кругом индоевропейских диалектов (относительные местоимения на $-ios$), а также с одними славянами – род. местоим. на $-os$, личн. местоим. в единств. числе на $-em$. Но вообще могут ли такие изоглоссы возникнуть на основе вклада из субстрата, или он должен ограничиться лексикой, а такие изоглоссы – результат соседства обоих народов в целости, мне трудно судить.

Да и неясно, связаны ли вообще эти изоглоссы с возможной индоевропейской аттестацией Среднего Стога и хвалынской культуры или с другими вкладами в культуры греков и ариев – с усатовской, среднеднепровской и т. п.

Во всяком случае нет ничего невероятного в том, что в будущем будет выявлено минимум четыре волны индоевропейского нашествия из Центральной Европы. Первая волна принесла в Среднее Подунавье и в Причерноморье поздне- или субнеолитические могильники со следами переноса галлерейных гробниц в деревоземляную технику – Деча Мурешулуй и Мариупольский. Вторая волна выдвинула в понтокаспийские степи мегалитические курганные культуры с вытянутыми костяками – суворовскую, квитянскую и др. Третья волна, пока сугубо предположительная, привела к сложению культур со скорченными погребениями – среднестоговской с ее культом коня и хвалынской с ее траншейными могилами. И только четвертая волна имела следствием сложение ряда мегалитических культур с чернолощеной керамикой и признаками типичной арийской обрядности.

В заключение я должен сказать, что я не мог бы углубить мой обзор археологии этногенеза дальше ямной и катакомбной культур, если бы не замечательные раскопки экспедиции В. С. Бочкарева, особенно отряда Л. Д. Резепкина, и не многочисленные беседы с ними обоими, а также с Ф. Р. Балоновым и Я. В. Васильковым.

Иллюстрации:

1. Распространение светловолосого и светлоглазого населения в современной Европе по сравнению с темноокрашенным по Сидрису (Sidrys 1996: 334, Fig. 1).
2. «Образ Адити и ее сыновей в IV слое Высокой Могилы» по Ю. А. Шилову (Шилов Космические тайны 1990, рис. 14).
3. «Образы Вритры, Индры и Вишну в курганах» Украины по Ю. А. Шилову (там же, рис. 19).
4. «Курганы с мужской символикой» по Ю. А. Шилову (там же, рис. 8).
5. «Миф о рождении Индры» в украинском изображении по Ю. А. Шилову (1995, рис. 38 на с. 714).

Обсуждение

БЕРЕЗКИН. В чем могла бы быть причина миграций, гнавших индоевропейцев из Северной Европы в разные страны?

КЛЕЙН. Как и в остальных случаях миграций причины могли быть самыми разнообразными и нередко комплексными: образование перенаселенности в ходе неолитизации, давление соседей, климатические изменения и прочее. Но в одной из своих давних работ «Генераторы народов» я старался показать, что при образовании языковых семей имело место не разовое, а многократное и

длительное выбрасывание волн экспансии, и во всех этих случаях (индоевропейский, семитский, тюркский) можно заметить и специфическую географическую обстановку: некая плодородная котловина, огражденная со многих сторон физическими барьерами (горы, моря, пустыни).

МЕДВЕДСКАЯ. Экзотические казусы, рассмотренные здесь критически (Шилов и другие) изолированы или вливаются в какую-то более общую концепцию?

КЛЕЙН. В общем можно представлять, что в плане этногенеза построения Шилова близки концепции Чайлда и в меньшей степени Гимбутас. Позиция Аскарлова реанимирует гипотезу Черникова, но в целом репрезентирует обширное явление – политизацию этногенеза.

ВАСИЛЬКОВ. Хочу поблагодарить Л. С. за весь цикл докладов и за этот последний доклад, к котором очень удобно сведены все линии исследования – строго, логично и не догматично. Хорошо, что по всем вопросам представлен веер гипотез. Меня смущает только то, что такая детальная критика анекдотических построений Шилова и Аскарлова всё же снижает высокий общий уровень рассмотрения. Может быть, эту часть стоило бы ужать и перенести в начало книги, а здесь ограничиться разбором Сафронова, который остается в поле науки, и, может быть, уделить больше места разбору Мэллори. Частное замечание: недостаточно аргументировано предположение, что вара как модель мироздания развилась из дунайских рондел.

СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ. Я согласен с тем, что критику Шилова и Аскарлова стоило бы перенести в историографическое предисловие, а не занимать этим сюжетом важную заключительную часть обзора проблемы. В целом весь обзор, весь цикл докладов был очень полезен. Полно новых идей, и каждого из нас это вдохновляет на поиски и размышления.

БУРОВСКИЙ. Любая история мифологизирования, любая критика его – это тоже жизнь науки. Я столкнулся с эзотерической археологией в Аркаиме, это течение ширится, и в проблемной монографии без серьезной реакции на это не обойтись.

КАЗАНСКИЙ. Очень хорошо в представленном обзоре описано позитивное знание и обозначено позитивное незнание. Объективно существует граница между ними и очень важно ее четко обозначить. Политически ангажированная археология и история существуют не только в Узбекистане и не только на территории бывшего Советского Союза, но и в США (то презрительное, то апологетическое отношение к исторической роли индейцев), да и в других странах. От анализа этих явлений не уйти, может быть лишь несколько сократить это раздел в серьезной книге – так сказать, не много ли чести... В целом, завершая год обсуждений, я могу сказать, что это был очень обогативший нас год.

КЛЕЙН. Наиболее дискуссионным сегодня, как я и ожидал, оказался вопрос об уместности детальной критики эзотерической и политизированной археологии в приложении к проблеме происхождения индоевропейцев. Я уделил этой критике столько места по нескольким причинам. Во-первых, потому, что в новых условиях идейного разброда оба эти течения ширятся и затягивают в себя молодежь, причем в изучении индоевропейской проблемы это сказывается особенно ярко (тут можно припомнить и казус Аркаима, и культ кавказских дольменов). А во-вторых, потому, что в заразанности этих болезней сказывается наша методологическая слабость и неподготовленность к борьбе со всей этой мутью. Ведь в наших университетах нет преподавания общих курсов научной методологии – что такое гипотеза, каковы права на ее выдвижение, как строить доказательства, как проверять объективность фактов и т. п. Такие курсы остро необходимы и филологам, и археологам, и историкам (ГОЛОСА: Верно!). А их нет. Вот я и использовал эталонные образцы (книги Шилова, статьи Аскарлова), чтобы проанализировать искушения, обуревающие каждого исследователя, и дать (особенно молодежи) противоядия в этом деле. На конкретных примерах вывести систему правил, точнее – набросок такой системы.

К книгам о происхождении народов, особенно индоевропейцев, обращаются не только специалисты, но и широкие массы читателей, преодолевая трудности научного чтения. Они набрасываются на все книги по этим темам, и наши научные книги станут в один ряд с «космическими тайнами курганов» и «тюркскими арийцами». Нужно, чтобы наши книги были конкурентоспособны в этой ситуации. Нужно провести четкую границу не только между знанием и незнанием, но и между наукой и лженаукой.

ЛИТЕРАТУРА

- Aalto P. 1959. Ein alter Name des Kupfers. – Ural-Altaiische Jahrbücher, XXI: 33 – 70.
- Adams D. Q. 1984. The position of Tocharian among the other Indo-European languages. – Journal of American Oriental Society, 104: ??????????.
- Adrados F. R. 1982a. Die räumliche und zeitliche Differenzierung des Indoeuropäischen im Lichte der Vor- und Frühgeschichte. Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Nr. 27.
- Adrados F. R. 1982b. The archaic structure of the Hittite: the crux of the problem. – Journal of Indo-European Studies, 10: 1 - 35.
- Ailio J. 1922. Fragen der russischen Steinzeit. – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja (Helsinki), vol. 29, No. 1: ??????????.
- Anda T. 1951. Recherches archéologiques sur la pratique médicale des hongrois à l'époque.
- Angel L. J. 1973. Human skeletons from grave circles of Mycenae. – Mylonas 1973: 379 – 397.
- Antilla R. 1972. An introduction to historical and comparative linguistics. New York, MacMillan.
- Apte V. M. 1957. Vajra in the R̥gveda. – Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute (Poona), XXXVII (1956): 292 – 295.
- Arne, A. T. 1945. Excavations at Shah-Tepe, Iran. Stockholm.
- Arnold R. 1972. The horse-demon in Early Greek art and the Eastern Neighbors. New York, Columbia University Press.
- Bailey H. W. 1955.**
- Bailey H. W. 1956. Armeno-Indo-iranica. – Transactions of Philological Society (London), ??????.
- Bailey H. W. 1958. Languages of the Saka. – Handbuch der Orientalistik. Abh. 1, Bd. 4, Abschn. 1. Leiden – Köln.
- Bailey H. W. 1959. Iranian Arya- and Dahi-. – Transactions of the philological society: 71 - 115.
- Bankoff H. A., Winter F. A. 1984. Northern intruders in LH III C Greece: a view from the North. – Journal of Indo-European Studies, 12: ??????????.
- Banner J. 1956. Die Pécelér Kultur (Archaeologia Hungarica. Ser. Nova, 35). Budapest, Akademiai Kiado.
- Baur P.- V. C. 1912. Centaurs in ancient art. The archaic period. Berlin, Karl Curtius.
- Behm-Blancke G. 1964. Zur Herkunft der neolithischen «Neurochirurgenschule» in Mitteldeutschland. – Ausgrabungen und Funde, 9 (5): 238 – 242.
- Benveniste E. 1962. Hittite et Indo-Européen. Études comparatives (Bibliothèque archéologiques et historique de l'Institut Français d'Istanbul, 5). Paris.
- Benveniste E. 1966. Titres et noms propres en Iranien ancien. Paris, ??????????.
- Bertling C. T. 1954. Vierzahl, Kreuz und Mandala in Asien (Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde, uitg. door het Koninkl. Inst. voor Taal-, Land- en Volkenkunde te s'Gravenhage, Amsterdam, 110, 2).
- Best J. G. P. 1984. Lerna und Thrakien. – Dritter Internationaler thrakologischer Kongress, I. Sofia, Swiat: 154 – 170.
- Best J. G. P. and Yadin Y. 1973. The arrival of the Greeks. Amsterdam, Hackert (сборник из двух статей, первая – Дж. Беста – An outline).
- Best J. G. P. and de Vries N. M. W. (eds.). 1989. Thracians and Mycenaeans (Proceedings of the Fourth International Congress of Thracology. Rotterdam, 1984). Leyden - New York – Copenhagen - Cologne, Brill: ??????????.
- Bird N. 1982. The distribution of Indo-European root morphemes. Wiesbaden, Otto Harrasowitz.
- Birwé R. 1954. Griechisch-arische Sprachbeziehungen im Verbalsystem. Hessen, Walldorf.

- Bittel K. 1983. Die archäologische Situation in Kleinasien um 1200 v. Chr. und während der nachfolgenden vier Jahrhunderte. – Griechenland, die Ägäis und die Levante während der „Dark Ages“. Wien, Verlag der Österr. Akad. d. Wiss.: 25 - 65.
- Bonfante G. 1937. Armenians and Phrygians. - *Armenian Quarterly* I/1: 82-97.
- Bonfante G. 1982. The place of Armenian among the Indo-European languages. - *AION* 14: 151-169.
- Bouzek J. 1973. Bronze Age Greece and the Balkans: problems of migrations. - Crossland R. A. and Birchall A. (eds.). *Bronze Age migrations in the Aegean*. London, Duckworth: 169 – 177.
- Boyce M. 1992. *Zoroastrianism: its antiquity and constant vigour*. Costa Mesa, Calif., Mazda.
- Brandenstein W. 1936. Die Sprachschichten im Bereich der Ägäis. – Germanen und Indogermanen. Festschrift für Heraman Hirt. Bd. 2. Heidelberg, Carl Winter: 29 - 44.
- Brandenstein W. 1948. Die alten Inder im Vorderasien und die Chronologie des Rigveda. – Brandenstein W. (Hrsg.). *Frühgeschichte und Sprachwissenschaft (Arbeiten aus dem Institut für allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft, H. 1)*. Wien, Gerold: ??????
- Brentjes B. 1981. *Die Stadt des Jima: Weltbilder in der Architektur*. Leipzig, E. A. Seemann.
- Brjusoff A. 1963. Sur l'origine de la culture d'Andronovo. – A Pedro Bosch-Gimpera: en el septuagésimo aniversario de su nacimiento Genovés, Santiago. México, Inst. Nacional de Antropología e Historia, Univ. Nacional Autónoma de México.
- Bryant E. 2002. *The quest for the origin of Vedic culture: The Indo-Aryan migration debate*. New Delhi, Oxford University Press.
- Buchholz H. G. 1962. Der Pfeilglätter aus dem VI. Schachtgrab von Mykene und die helladischen Pfeilspitzen. - *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, 77: 1 - 58.
- Buckland ??? 1884. *Four as a sacred number*. ????????????
- Burrow T. 1973. The Proto-Indo-Aryans. – *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 2: 123 - 140.
- Buschor E. 1934. Kentauren. – *American Journal of Archaeology*, 38 (1): 128 – 132.
- Bussagli M. 1955. The "frontal" representation of the Divine Chariot. – *East and West (Rome)* 6: ??????????.
- Carnoy A. 1936. Le concept mythologique du gandharva et du centaure. – *Museon*, 49: 99 – 113.
- Caskey J. L. 1966. *Houses of the Fourth settlement at Lerna*. Athens: 1944 – 152.
- Caskey J. L. 1968. Lerna in the Early Bronze Age. – *American Journal of Archaeology*, 72 (4): 313 – 316.
- Caskey J. L. 1969. Crises in the Minoan-Mycenaean world. - *Proceedings of the American Philosophical Society*, 113 (6): 433 – 449.
- Caskey J. L. 1973b. Greece and the Aegean islands in the Middle Bronze Age. – *Cambridge Ancient History*. 3d ed., II, 1: 117 – 140.
- Castaldi E. 1968. Le necropoli di Katelai I nella Swat (Pakistan), *Rapporto sullo scavo delle tombe 46 – 80 (1963)*. – *Atti della Accademia Nazionale dei Lincei*, s. VII, 8 (7): 435 – 639.
- Cattani M. 2004. Maragiana at the end of Bronze Age and beginning of Iron Age. - *У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию В. И. Сарияниди*. Москва, Старый сад: 303 – 315.
- Chadwick J. 1973a. Comment in the discussion of Georgiev V. I. The arrival of the Greeks, linguistic evidence. – Crossland R. A. And Birchall A. (eds.). *Bronze Age migrations in the Aegean*. London, Duckworth, 254 – 255.
- Champion T. C. 1990. Migration revived. – *Journal of Danish Archaeology*, 9: 214 – 218.

- Chapman J. 1997. The impact of modern invasion and migrations on archaeological explanation. – Chapman J. and Hamerow H. (eds.). Migrations and invasions in archaeological explanation. BAR Intern. Ser. 664. Oxford, Archaeopress: 11 – 20.
- Chattopadhyaya D. 1976. Studia in the Vedic and Indo-Aryan religion and culture. I. Varanasi, Mulran Saasthan. The chapter: Dasa and Dasyu in the Rigveda-Samhita: 206 – 214.
- Choudhary Radhakrishna 1964. Vrātyas in ancient India. Varanasi, Chowkhamba Sanskrit Series Office.
- Ciugudean H. 1996. Epoca timpurie a bonzului in centrul și sud-vestul Transilvaniei (Bibliotheca Thracologica, 13). București.
- Conrady A. 1925. Alte westöstliche Kulturwörter. – Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, phil.-hist Klasse 77 (3): 3 – 19.
- Cook A. B. 1925. Zeus. A study in ancient religion. Cambridge, Cambridge University Press. Vol. 2.
- Coomaraswamy A. K. 1943. The symbolism of archery. – Ars Islamica, X: 105 - 119.
- Crossland R. A. 1973. Linguistics and archaeology in Aegean prehistory. - Crossland R. A. and Birchall A. (eds.). Bronze Age migrations in the Aegean. London, Duckworth: 5 – 15.
- Daicoviciu Const. și H. 1963. Sarmigethusa. București, Meridiane.
- Dales G. F. 1963. Necklaces, bands and belts on Mesopotamian figurines. – Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale, 57: 21 – 40.
- Dani A. H. 1972. Excavations in Gomal valley. – Ancient Pakistan, V (1970 – 1971): ????????
- Dani A. H. and Durani F. A. 1964. A new grave complex in West Pakistan. – Asian perspectives, 8 (1): 164 – 165.
- Dani A. H. et al. 1968. Gandhara Grave culture. – Ancient Pakistan, III (1967). Special number. Peshavar.
- Das Gupta T. K. 1975. Der Vajra. Eine vedische Waffe (Alt- und neuindische Studien. Hrsg. v. Seminar für Kultur und Geschichte Indiens and der Universität Hamburg, 16). Wiesbaden, Steiner.
- Deger-Jalkotzy S. 1977. Fremde Zuwanderer im Spätmykenischen Griechenland. Zu einer Gruppe handgemachter Keramik aus den mzk. III C Siedlungsschichten von Aigeira. Wien, ????????
- Delev P. 1984. The cult of the dead in Thrace and Mecenaean Greece. - Contributions au IVe Congrès International de Thracologie, Sophie, ????????????
- Demakopoulou K. (ed.). 1996. The Adonia treasure. Seals and jewellery of the Aegean Bronze Age. Athens, ????????????
- Demargne P. ????. Naissance de l'art grec. Paris, Gallenard.
- Deshayes J. 1969. New evidence for the Indo-Europeans from Tureng-Tepe, Iran. – Archaeology, 22 (1) : 10 - 17.
- Devoto G. 1943. Pelasgo e peri-indoeuropeo. – Studi Etruschi, 17: ????????
- Dewall M. von. 1964. Das Pferd und Wagen in Alten China. Berlin, Habelt.
- Diakonoff I. M. and Neroznak V. P. 1985. Phrygian. Delmar, N.Y., Caravan Books.
- Diamant St. 1986. Mycenaean origins: infiltration from the north? – French E. B. and Wardle K. A. (eds.). Problems in Greek prehistory. Bristol, Bristol Classical Press: 153 – 159.
- Dickinson O. T. P. K. 1973. The shaft graves and Mycenaean origins. – Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London, 19 (1972 – 1973): 146 - 147.
- Dickinson O. T. P. K. 1977. The origins of Mycenaean civilisation (Studies in Mediterranean Archaeology, 49). Göteborg, Paul Aström Förlag.
- Dickinson O. T. P. K. 1989. The origins of Mycenaean civilization revisited. – Transition. Le monde égéen du Bronze Moyen au Bronze Récent. – Aegaeum, 3: 131 – 136.

- Dickinson O. T. P. K. 1999. Robert Drews's theories about the nature of warfare in the Late Bronze Age, - Polemos, Le context guerrier en Égée a l'âge du bronze. Actes de la 7e Rencontre égéenne internationale 1998 (Aegaeum 19). Liège. Vol. I: 21 – 25.
- Dietz S. 1991. The Argolid at the transition to the Mycenaean Age. Studies in the chronology and cultural development in the Shaft grave period. Copenhagen, National Museum of Denmark.
- Dodd-Oprîtescu A., Mitrea I. 1983. Sceptrul de piatră de la Mogoșești-Siret, județul Jași. Problema origini și datării. – Carpica, 15: 69 – 95.
- Dressel W. 1965. Methodische Vorfragen bei der Bestimmung der „Urheimat“. – Die Sprache (Wien), 11: 25 – 60.
- Dressler W. 1964. Armenisch und Frygisch. – Handes Amsorya, 10 – 12: ??????
- Drews R. 1988. The coming of Greeks: Indo-European conquest in the Aegean and the Near East. Princeton, NJ, Princeton University Press.
- Dumézil G. 1929. Le problème des Centaures. Étude de mythologie Indo-européenne. Paris (Annales du musée Guimet, 41).
- Dumézil G. 1934. Ouranós – Váruna. Étude de mythologie comparée indo-européenne. Paris, Adrien-Maisonneuve.
- Dumézil G. 1970. Archaic Roman religion. Chicago, University of Chicago Press.
- Dumont P. E. 1927. L'asvamedha. Paris, Geuthner.
- Dumont P. 1947. Indo-Aryan names from Mitanni, Nuzi and Syrian documents. – Journal of American Oriental Society, 67: ??????
- Duridanov I. 1985. Thrakische Eigennamen in den mykenischen Texten. – Linguistique Balkanique, 27 (1): ????????
- Dyson R. H., Jr. 1965. Problems in the relative chronology of Iran, 6000 – 2000 B. C. – Ehrich R. W. (ed.). Chronologies in Old World chronology. Chicago, University of Chicago Press: 215 – 256.
- Dyson R. H., Jr. 1968. Annotations and corrections of the relative chronology of Iran... American Journal of Archaeology, 72: 308 – 313.
- Dyson R. H., Jr. 1973. The archaeological evidence of the Second Millenium B. C. on the Persian Palteau. – The Cambridge Ancient History, 3d ed. Vol. 1, pt. 2: 686 – 715.
- Eberhard W. 1956. The formation of chinese colonization according to socio-anthropological analysis. – Sociologus 7 (2): ????????????????????
- Ecsedy I. 1979. The people of the Pit-Grave Kurgans in Eastern Hungary. Budapest, Akad. Kiadó.
- Eliade M. 1968. Notes on the symbolism of the arrow. – Neusner J. (ed.). Religions in antiquity. Essays in memory of Erwin Ramsdell Goodenough (Study in the history of religions, 14). Leiden, Brill: 453 – 475.
- Euler W. 1979. Indoiranisch-griechische Gemeinsamkeiten der Nominalbildung und deren indogermanischen Grundlagen. Innsbruck, Institut für Sprachwissenschaft der Universität.
- Fol A. 1992. „Indo-Europeen“ et Thraces. – Noi Tracii, XXI (215): 1992.
- Feist S. 1914. Indo-Germanen und Germanen. Ein Beitrag zur europäischen Urgeschichts-Forschung. Halle, Niemeyer (3. nebearb. Aufl. 1924).
- Fick A. 1905. Vorgriechische Ortsnamen als Quelle für die Vorgeschichte Griechenlands verwertet. Göttingen, Vandengoeck & Ruprecht.
- Fick A. 1909. Hattiden und Danüber in Griechenland. Göttingen, Vandengoeck & Ruprecht.
- Filov S. 1937. Thrakisch-Mykenische Beziehungen. – Revue International des études balcaniques. Beograd, ??????????
- Finley M. I. 1981. Early Greeks: The Bronze and Archaic Ages. 2d ed. New York, Norton.

- Fol A. 1984. Thracians and Mycenaeans: methodology of the parallelism. - Contributions au IVe Congrès International de Thracologie, Sophie, ??????????.
- Forrer E. 1921. Ausbeute aus den Bogayköj-Inschriften. - Mitteilungen der Deutschen Orientalgesellschaft, 61: 21 - 24.
- French D. H. 1973. Migrations and 'Minian' pottery in Western Anatolia and Aegean. - Crossland R. A. And Birchall A. (eds.). Bronze Age migrations in the Aegean. London, Duckworth: 51 - 57.
- Fronzaroli P. 1958. Contributo alla definizione dialettale dell'ittita. - Atti e memorie dell'Accademia Toscana di scienze e lettere. "La columbaria", XXII. Firenze: 119 - 179.
- Fuchs S. 1937. Die Griechischen Fundgruppen der frühen Bronzezeit und ihre auswärtigen Beziehungen. Ein Beitrag zur Frage der Indoeuropäisierung Griechenlands. Berlin, Junker und Dünhaupt.
- Furnée E. J. 1972. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague - Paris, Mouton.
- Fussman G. 1977. Pour une problématique nouvelle des religions indiennes anciennes. - Journal Asiatique (Paris), 265 (192): ?????????.
- Garstang J. and Gurney O, R. 1959. The geography of the Hittite Empire. London, The British Institute of Archaeology at Ankara.
- Gaur R. C. 1981. The Painted Grey Ware and the Aryan problem. - Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. Москва, Наука: 326 - 334.
- Gaur, Ram C. 1994. Painted grey ware: proceedings of Seminar on Archaeology held at the Aligarh Muslim University, Aligarh ; August 18 - 19, 1968. Jaipur, Publication Scheme.
- Georgiev V. I. 1973. The arrival of the Greeks, linguistic evidence. - Crossland R. A. And Birchall A. (eds.). Bronze Age migrations in the Aegean. London, Duckworth: 233 - 257.
- Georgiev V. I. 1975. Die thrakischen Götternamen. - Linguistique Balcanique, 18 (1): ??????????.
- Georgiev G. I. 1984. Die örtlichen Wurzeln der prähistorischen Entwicklung in Bulgarien und die Genesis der urthrakischen Kultur. - Dritter Internationaler thrakologischer Kongress, I. Sofia, Swiat: 67 - 74.
- Georgiev W. I. 1984. Die thrakische Sprache im System der indoeuropäischen Sprachen. - Dritter Internationaler thrakologischer Kongress, I. Sofia, Swiat: 207-215.
- Ghirshman R. 1977. L'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens. Leiden, Brill.
- Gimbutas M. 1961. Notes on the chronology and the expansion of the Pit-grave culture. - Prague Symposium: 193 - 200.
- Gimbutas M. 1963. The Indo-Europeans: archaeological problem. - American Anthropologist, 65: 815 - 836.
- Gimbutas M. 1970. Evidence of the Indo-European (Kurgan IV) culture in the Aegean, Ionian, Adriatic and East Mediterranean areas at c. 2600 - 2300 B. C. - Indo-European and Indo-Europeans: 158 - 159.
- Gimbutas M. 1973. The destruction of Aegean and East-Mediterranean urban civilization around 2300. - Crossland R. A. And Birchall A. (eds.). Bronze Age migrations in the Aegean. London, Duckworth: 129 - 139.
- Gindin L. A. 1972. Kikkuli uartanna et le problème de l'origine indo-européenne des aryens du Proche Orient. - Orbis, 21 (1): ??????????.
- Gnoli Ch. 1980. Zoroaster's time and homeland. A study in the origins of Mazdaism and related problems. Naples, Seminario, Ist.
- Gočeva Zl. 1982. Le mythe de Hyperboréens et le rivage Thrace pontique. - Thracia Pontica, t. 1. Sofia, ?????.
- Gočeva Zl. 1985. Thrakische Elemente in der griechischen Mythologie. - Das Altertum, 31 (3): ??????????.

- Godman R. 1977. Gods, priests and warriors. The Bhrgus of the Mahabharata. New York, Columbia University Press.
- Gopal L. 1981. Non-Aryan contribution to Indian culture, - Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. Москва, Наука: 350 – 368.
- Goverdarica B. und Kaiser E. 1996. Die äneolithischen abstrakten und zoomorphen Steinzepter. – Eurasia antiqua, 2: 59 – 103.
- Gray L. H. 1927. The “Ahurian” and Daevian” vocabularies in the Avesta. - Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 3: 427 - 441.
- Gray L. H. 1929. The foundations of the Iranian religions. – Journal of the K. R. Cama Oriental Institute, 15: 1 – 228.
- Gray R. and Atkinson Qu. 2003. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origine. – Nature, 426: 435 – 438.
- Grégoire H. 1949. Influences thraco-thessaliennes et orientales sur les cultes de la Grèce, de l'Italie et de l'Occident germanique. – Bulletin de l'Académie Royale de Belgique, 35: ??????.
- Grégoire H. 1950. Asklepios, Apollon Smintheus et Rudra. – Mémoire in 8° de l'Acad. De Belgique, 45 (1): ?????????.
- Grottanelli C. 1986. Yoked horses, Twins, and the Powerful Lady: Italia, Greece, Ireland and elsewhere. – Journal of Indo-European Studies, 14: ??????????.
- Grumach E. 1968 – 69. The coming of the Greeks. – Bulletin of the John Rylands library (Manchester), 51 (1): 73 – 103; (2): 399 - 430.
- Guiard E. 1930. La trépanation crânienne chez les néolithiques et chez les primitifs modernes. Paris, Masson.
- Gupta S. P. 1990. Les racines de l'art Indien: époque de formation de l'art et de l'architecture de l'Inde maurya et post-maurya (3. et 2. siècles av. J.-C.) . Paris, Éd. du Centre National de la Recherche Scientifique.
- Gurney O. R. 1948. Mita of Pahhuwa. – Annals of Archaeology and Anthropology (University of Liverpool), 28: 32 – 47.
- Gusmani R. 1959. Il frigio e le altre lingue indoeuropee. – Rendicotti del Istituto Lombardo, Accademia di scienze e lettere, 93: ?????????????.
- Gusmani R. 1968. Il lessico ittito. Napoli, Libr. Scientifica Ed.
- Gusmani R. 1969. Isoglosse lessicali greco-ittiita. – Schedii linguistiche in onore di V. Pisani. I. Brescia, ????: 502 – 514.
- Haas O. 1939. Die phrygischen Sprachreste und ihre Verhältnisse zum Armenischen. - ??????????: 225 - 235.
- Haas O. 1957. Die sprachgeschichtliche Stellung des phrygischen. – Езиковедчески изследвания в чест на Ст. Младенов. София, Издан. на Българската академия на науките: 451 – 467.
- Haas O. 1959. Die Lehre von den indo-germanischen Substraten in Griechenland. – Балканското езикознание, I. София: 29 – 56.
- Haas O. 1961. Armenier und Phryger. – Балканското езикознание, III (2): 29 – 66.
- Haas O. 1970. Das Problem der Herkunft der Phryger und ihrer Beziehungen zu den Balkanvölkern. - Acta Antiqua, t. 18 (1 – 2): 31 - 69.
- Hachmann R. 1970. Die Goten und Skandinavien. Berlin, Walter de Gruyter.
- Hachmann R. 1995. Männer- und Frauentracht in Thrakien. – Thracia, 11 (Studia in honor Alexander Fol). Sardica, Acad. Litter. Bulgar., Inst. Thracol.: 203 - 240.
- Hajdú P. 1964. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie. - Acta Linguistica, Ac. Sc. Hungar., 14: 47 – 83.

- Haley J. B. and Blegen C. W. 1928. The coming of the Greeks. – *American Journal of Archaeology*. 32: 141 – 154.
- Hammond N. G. L. 1967. Tumulus burial in Albania, the grave circles of Mycenae, and Indo-Europeans. – *Annual of the British School at Athens*, 62: 77 – 105.
- Hammond N. G. L. 1972. The coming of the Indo-Europeans to the Southwestern Balkans. – *Acta of the 2nd International Colloquium of Aegean prehistory*. Athens: 104 – 110.
- Hammond N. G. L. 1976. *Migrations and invasions in Greece and adjacent areas*. Park Ridge, N.J., Noyes Pr.
- Hampel E. P. 1960. Die Chronologie der Einwanderung der griechischen Stämme und das Problem der Nationalität der Träger der mykenischen Kultur. – *Museum Helveticum*, 17: 57 - 86.
- Hänsel B. 1981. Lausitzer Invasion in Nordgriechenland. – *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte (Berlin)*, 1: 207 - 223.
- Harmatta J. 1981. Proto-Iranians and Proto-Indians in Central Asia in the 2nd millenium B. C. (linguistic evidence). – *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. До н. э.)*. Москва, Наука: 75 – 82.
- Hauer J. W. 1927. *Der Vrātya. Untersuchungen über die nicht-brahmanische Religion Altindias*. Bd. I. Stuttgart, Kohlhammer.
- Hauschild R. 1962. *Über die frühesten Arier im alten Orient*. Berlin, Akademie-Verlag.
- Häusler A. 1958. Die Felszeichnungen der Kamennaja Mogila bei Melitopol und die megalithischen Einflüsse in Südrussland. – *Wissenschaftliche Zeitschrift VII/2*: 497 – 518.
- Häusler A. 1964. Innenverzierte Steingräber der Krim. – *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte*, 48: 59 - 82.
- Häusler A. 1966. Anthropomorphe Stelen des Eneolithikums im nordpontischen Raum. – *Wissenschaftliche Zeitschrift*, XV-1: 29 - 73.
- Häusler A. 1973. Der Ursprung der „Katakombenkultur“ zwischen Wolga und Dnepr aufgrund der Grab- und Bestattungssitten. – *Acta Archaeologica Carpatica*, XV: 113 – 132.
- Häusler A. 1974. Die Gräber der älteren Ockergrabkultur zwischen Ural und Dnepr (Wiss. Beitr. Univ. Halle-Wittenberg 1974/2 - L 9.). Berlin, Akademie-Verlag.
- Häusler A. 1975. Der Ursprung der „Katakombenkultur zwischen Wolga und Dnepr aufgrund der Grab- und Bestattungssitten. – *Acta Archaeologica Carpatica*, XV: 113 - 132.
- Häusler A. 1975. Die schnurkeramischen Becherkulturen. – Narr K. J. (Hrsg.). *Handbuch der Urgeschichte*. Bd. 2. Bern, Francke: 483 – 497.
- Häusler A. 1976. Die Gräber der älteren Ockergrabkultur zwischen Dnepr und Karpaten. Halle-Berlin, Akademie-Verlag.
- Häusler A. 1976. Zum Ursprungsproblem der Fatjanowokultur. – *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte* 60: 285 – 297.
- Häusler A. 1977. Die Bestattungen der frühen Bronzezeit zwischen Rhein und oberer Wolga, ihre Voraussetzungen und ihre Beziehungen. – *Zeitschrift für Archäologie*, 11: 13 - 48.
- Häusler A. 1978. Migration oder autochtone Entwicklung? Bemerkungen zu einigen Einwendungen von L. S. Klejn im vorstellenden Beitrag. – *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift (Berlin)*, 19 (4): 227 – 242.
- Häusler A. 1981. Die Indogermanisierung Griechenlands nach Aussage der Grab- und Bestattungssitten, - *Slovenska Archeologia*, 29 (1): 59 - 66.
- Häusler A. 1984. Neue Belege zur Geschichte von Rad und Wagen im nordpontischem Raum. – *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*, 25: 629 – 682.
- Häusler A. 1986. Rad und Wagen zwischen Europa und Asien. – Treue W. (Hrsg.). *Achse, Rad und Wagen, Fünftausendjahre Kultur- und Technikgeschichte*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht: 139 – 152, 378.

- Häusler A. 1988. "Kurgankultur" und Urgeschichte Griechenlands. – Proceedings of the 6th International Colloquium on Aegean Prehistory, Athen (separate reprint).
- Häusler A. 1992a. Archäologie und Ursprung der Indogermanen. – *Das Altertum*, 38: 3 - 16.
- Häusler A. 1992b. Der Ursprung des Wagens in der Diskussion der Gegenwart. – *Archäologische Mitteilungen aus Nordwestdeutschland (Oldenburg)*, 15: 179 – 190.
- Häusler A. 1994. Archäologische Zeugnisse für Pferd und Wagen in Ost- und Mitteleuropa. – Hänsel B. und Zimmer St. (Hrsg.). *Die Indogermanen und das Pferd*. Budapest, *Archaeolingua*: 217 – 258.
- Häusler A. 1998. Tumuli, Schachtgräber und der Ursprung der Griechen. – Fritsch B. und (Hrsg.). *Tradition und Innovation. Prähistorische Archäologie als historische Wissenschaft. Festschrift für Chr. Strahm*. Rahden Westf., *Leidorf*: 275 – 289.
- Häusler A. 1999. Nomadenhypothese und Ursprung der Indogermanen. – Polomé C. (Hrsg.). *Miscellanea Indo-Europea (Journal of Indo-European Studies, Monograph No. 33)*. Washington D.C.: 118 - 170.
- Hedreen G. 1994. Silens, nymphs and menades. – *Journal of Hellenic Studies*, 114: 47 – 69.
- Heesterman J. C. 1962. Vrātya and sacrifice. – *Indo-Iranian Journal*, 6: 1 – 57.
- Heine-Geldern R. 1951. Das Tocharen-Problem und die pontische Wanderung. – *Saeculum II* (2): 225 – 255.
- Hencken H. 1955. Indo-European languages and archaeology (*American Anthropologist*, 57, no. 6, pt. 3 = *Memoir of Amer. Anthropol. Association*, 84). Menasha, Wisc.
- Henning W. F. 1938. Arghi and Tokharians. – *British School of Oriental Studies Bulletin* 9: 545 – ???.
- Heubeck A. 1961. *Praegraeca. Sprachliche Untersuchungen zum vorgriechischen Substrat*. Erlangen, Universitätsbibliothek.
- Hiebert F. T. and Moore K. M. 2004. A small steppe site near Gonur. - У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию В. И. Сарияниди. Москва, Старый сад: 294 - 302.
- Hiller St. 1977. *Das minoische Kreta nach den Ausgrabungen des letzten Jahrzehnts*. Wien, Verlag der Österreich. Akad. der Wissensch.
- Hiller St. 1982. Zur Frage der griechischen Einwanderung. – *Mitteilungen der Österreichischen Arbeitsgemeinschaft für Ur- und Frühgeschichte*, XXXII: 41 – 50.
- Hiller St. 1986. Die Ethnogenese der Griechen aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte. – Bernhard W., Kandler-Palsson A. (Hrsg.). *Ethnogenese europäischer Völker. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte*. Stuttgart, Fischer: 21 – 37.
- Hodkinson R. F. 1981. *The Thracians*. London, Thames and Hudson.
- Hodkinson R. F. 1982. Thrace, Mycenae and Troy. – *Pulpudeva (Plovdiv)*, 5: 125 – 132.
- Hood M. S. F. 1966. An aspect of the Slav invasions of Greece in the early Byzantine period. – *Acta Musei Nationale Pragae*, 20 (1 – 2): 165 – 171.
- Hood M. S. F. 1967. *The home of the heroes: the Aegean before the Greeks*. London, Thames and Hudson.
- Hood M. S. F. 1973a. Mycenaean settlement in Cyprus and the coming of the Greeks. – *Acts of the International archaeological symposium, Nicosia*. Berlin, Humboldt-Universität.
- Hood M. S. F. 1973b. Northern penetration of Greece at the end of the Early Helladic period and contemporary Balkan chronology. - Crossland R. A. and Birchall A. (eds.). *Bronze Age migrations in the Aegean*. London, Duckworth: 59 – 71.
- Hood M. S. F. 1978. *The arts in prehistoric Greece*. Harmondsworth, Middlesex, Penguin Books; Norwich, Fletcher & Sons.
- Hooker J. T. 1976. The coming of the Greeks. – *Historia*, 25: 129 – 145.
- Horsch P. 1966. *Die Vedische Gāthā- und Sloka-Literatur*. Bern, Francke.

- Howell R. J. 1973. The origin of the Middle Helladic culture. - Crossland R. A. and Birchall A. (eds.). Bronze Age migrations in the Aegean. London, Duckworth: 73 – 106.
- Hübschmann H. 1877. Über die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. – Kuhn's Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft, 23: 5 - ???.
- Hübschmann H. 1897. Armenische Grammatik. Theil 1, Abt. 1. Armenische Etymologie: die persischen und arabischen Lehnwörter im altarmenischen. Leipzig, Breitkopf und Härtel.
- Huld M. E. 1996. Meillet's Northwest Indo-European revisited. – Jones-Bley K. and Huld M. E. (eds.). The Indo-Europeization of Northern Europe (Journal of Indo-European Studies Monographs 19). Washington, D.C.: 109 – 125.
- Hüsing G. 1927. Die Wanderung der arischen Völker. - Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft zu Wien, 57 (3 – 4): 120 - 124.
- Hüttel H.-G. 1982. Ein Mitteleuropäischer Fremdling in Thyrsos. - Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentral-Museum (Mainz), 27: 159 - 165.
- Hvass St. and Storgaard B. (eds.). 1993. Digging into the past. 25 years of archaeology in Denmark. Aarhus.
- Izushi J. 1930. Temba ko (The horse of the Sun in Chinese tradition and Western horses of the Han period). – Toyo gakuho (Tokio), 18.
- Jensen H. 1936. Indogermanisch und Chinesisch. – Germanen und Indogermanen. Festschrift für H. Hirt. Bd. 2. Heidelberg, Carl Winter: 139 – 143.
- Jettmar K. 1981. Fortified "ceremonial centres" of the Indo-Iranians. – Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. Москва, Наука: 220 - 229.
- Jirku A. 1956. Die Ausgrabungen in Palästina und Syrien. Halle (Saale), VEB Niemeyer.
- Joki A. J. 1973. Uralier und Indogermanen. Die ältesten Berührungen zwischen den Uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia, 154.
- Joki A. J. 1973. Uralier und Indogermanen. Die ältesten Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia, 151).
- Jordanov K. 1984. La Thrace du Nord-Est et le monde oriental de la Méditerranée (XVIe – XIIe s. av. n. e.). - Contributions au IVe Congrès International de Thracologie, Sophie, ??????????.
- Joshi J. P. 1976. Excavations in Bhagwanpura. – Gupta S. P. (ed.). Mahabharata. Myth and reality. Delhi, Agam Prakashan.
- Joshi J. P. 1978a. Interlocking of Late Harappa culture and Painted Grey ware in the light of recent excavations. – Man and environment, 2: ??????;
- Joshi J. P. 1978b. Madhubala. Life during the period of the overlapping of Late Harappa and PGW culture. – Journal of the Indian Society of Oriental art, 9: ??????.
- Joshi J. R. 1977. Some minor divinities in Vedic mythology and ritual. Pune, Deccan College Postgraduate and Research Institute.
- Jovanović B. 1977. The Kurgan (Pit-Grave) steppe culture in South Vojvodina. – Istraživanja (Novi Sad), 5: 59 – 64.
- Kalicz N. 1962. Die Badener (Peceler) Kultur und Anatolien. Budapest, Akadémiai Kiadó.
- Kalicz N. 1968. Die frühe Bronzezeit in Nordost-Ungarn. Abriß der Geschichte des 19. - 16. Jahrhunderts v. U. Z. Budapest, Akadémiai Kiadó.
- Kalima J. 1936. Über die indoiranischen und baltischen Lehnwörter der ostseefinnischen Sprachen. – Arntz H. (Hrsg.). Germanen und Indogermanen. Festschrift für Hermann Hirt. Bd. II. Heidelberg, Carl Winter: 199 - 214.
- Kammenhuber A. 1961. Zur Stellung des Hettitisch-Luvischen innerhalb der Indogermanischen Gemeinsprache. – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen, 87, Bd. 77 (1- 2): ??????????.

- Kammenhuber A. 1968. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, C. Winter.
- Kempiński A. M. 1984. Zagadnienie pochodzenia Frygów i problem datacji ich pojawienia się na obszarach Bałkańskich i Małoażatyckich. – *Balkanica Poznaniensia, Acta et studia*, I. Mezja – Tracja – Bałkany. Poznań, wyd. Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza: 39 – 46.
- Kenyon K. 1957. Digging up Jericho. London, Benn - New York, Praeger.
- Kenyon K. 1960. Excavations at Jericho. Vol. I. London, Harrison.
- Kilian L. 1955. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, ????????
- Kimmig W. 1964. Seevölkerbewegung und Urnenfelderkultur. - *Studien aus Alteuropa (Bonner Jahrbücher, 10/1)*. Bd. I. Köln – Graz, ??????????: 220 - 283.
- Kirchner H. 1955. Die Menhire in Mitteleuropa und der Menhirgedanke (Abhandlungen der Akad. Der Wiss. Und Literatur, №9). Mainz, Akad. d. Wiss. u. d. Literatur.
- Klejn L. S. 1967. Zagadka grobów katakumbowych rozwiązana? – *Z otchłani wieków (Wrocław)*, 33 (4): 212 – 222.
- Klejn L. S. 1978. Zur historischen Auswertung der Ockergräber. Kritische Bemerkungen zu A. Häusler. – *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift (Berlin)*, 19 (4): 227 – 242.
- Klejn L. S. 1984. The coming of Aryans: who and whence? - *Bulletin of the Deccan College Research Institute (Pune)*, 43: 57 - 72.
- Klejn L. S. 1984. The coming of Aryans: who and whence? – *Bulletin of the Deccan College Research Institute (Pune)*, vol. 43: 57 – 72.
- Klejn L. S. 1999. The early evolution of dice between the Danube and the Indus: Contributions to the early history of mathematics. – *Acta Archaeologica (København)*, 70, 1999: 113 – 135.
- Koivulehto J. 1987. Zu den frühen Kontakten zwischen Indogermanisch und Finnisch-Ugrisch. – *Linguistische Studien (Berlin)*, A, 161 (11): ????????
- Korenchy E. 1972. Iranische Lehnwörter in den Obugrischen Sprachen. Budapest, Akadémiai Kiadó.
- Korfmann M. 1983. Demrcihüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975 - 1978. Bd. I. Architektur, Stratigraphie und Befunde. Mainz am Rhein, von Zabern.
- Kosambi D. D. 1956. *An introduction into the study of Indian history*. Bombay, Popular Books Depot.
- Kosambi D. D. 1965. *The culture and civilisation of Ancient India in historical outline*. London, Routledge and Paul.
- Kossinna G. 1905. Die verzierten Eisenlanzenspitzen als Kennzeichen der Ostgermanen. – *Zeitschrift für Ethnologie* 37: 369 – 407, 596 – 598.
- Kovacs T. 1977. Die Bronzezeit in Ungarn. Budapest, Corina Verlag.
- Kovalev A. A. 1999. Überlegungen zur Herkunft der Skythen aufgrund archäologischer Daten. - *Eurasia Antiqua*, 4 (1998): 247-271.
- Krause W. 1951. Zur Frage nach den nichtindogermanischen Substrat des Tocharischen. – *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen (Göttingen)* 69, 3 – 4: 185 – 203.
- Krause W. 1973. – *ФУ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТОХ*
- Kretschmer P. 1896. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.
- Kretschmer P. 1928. Zum Ursprung des Gottes Indra. – *Anzeiger der Akademie der Wiss. In Wien, philos.-hist. Klasse*, 64 (1927): ????????????
- Kretschmer P. 1933. Zur ältesten Sprachgeschichte kleinasiens. *Glotta*, 21: ????????
- Kretschmer P. 1940. Die vorgriechische Sprach- und Volksschichten. - *Glotta*, 28: ????????

- Kretschmer P. 1950a. Die frygische Episode in der Geschichte der Hellas. – *Miscellanea Academiae Berolinensiae*, II,2: ?????????.
- Kretschmer P. 1950b. Invasion der Phryger in Hellas. – *Anzeiger der Oesterreichischer Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Kl.*, 87: ?????????.
- Kristiansen K. 2004a. An essay on material culture. – Fahlander Fr. And Oestigaard T. (eds.). *Material culture and other things. Post-disciplinary studies in the 21st century.* Gothenburg, Gotarc: 259 – 278.
- Kristiansen K. 2004b. Institutions and naterial culture: towards an intercontextual archaeology. – DeMarrais E., Cosden Chr. And Renfrew C. (eds.). *Rethinking materiality: the engagement of mind with the material world.* Cambridge, Cambridge University Press: 179 – 193.
- Kuhn Ad. 1852. Gandharven – Kentauren. – *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1: 513 - ???.
- Kuzmina E. E. 1976. „The Bactrian Mirage” and the archaeological reality. – *East and West*, n.s., 26 (1- 2): ?????????.
- Kuzmina E. E. 1985. Les contacts entre les peuples de la Steppe et les agriculteurs et le problème de l’iranisation de la Bactiane ancienne. – *L’archéologie de la Bactriane ancienne. Actes du colloque fr.-sov., Dushambe, 1982.* Paris, Éd. Du CNRS: ?????????.
- Lane G. S. 1970. Tocharian: Indo-European and non-Indo-European relationship. – Cardona G., Hoenigswald H. M. and Senn A. (ed.). *Indo-European and Indo-Europeans.* Philadelphia, Pennsylvania University Press: ??????? (лечн)
- Laroche E. 1957. Notes de toponimie anatolienne. – Kronasser H. (Hrsg). *MNHMHΞ XAPIN* (Gedenkschrift P. Kretschmer). Wiesbaden – Wien, Verlag der Wiener Sprachgesellschaft, Kommissionsverlage O. Harrassowitz (Wiesbaden) und Brüder Hollinek (Wien). Bd. 1 – 2.
- Levine M. A. 1990. Dereivka and the problem of horse domestication. – *Antiquity*, 64 (245): 727 – 740.
- Levitt St. 1989. What does ‘noseless’ mean in the Rgveda? – *Annals of the Bhandarkar Oriental Resarch Institute*, 70: 47 – 63.
- Li Chi 1957. *The beginning of Chinese civilization.* Seattle, University of Washington Press.
- Littleton C. S. 1970. Is the ‘Kingship in Heaven’ theme Indo-European? – Cardona G., Hoenigswald H. M., and Senn A. (eds.). *Indo-European and Indo-Europeans.* Philadelphia, University of Pennsylvania Press: 383 – 404.
- Loewe R. 1936. Die Vierzahlweise der Indogermanen. – *Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft*, 54 (3): 190 – 205).
- Ludwig A. 1885. Über die Erwähnung von Sonnenfinsternissen im Rgveda. – *Sitzungsberichte der Böhmisches Gesellschaft der Wissenschaften, philol.*: 76 - 90.
- Machnik J. 1985. Zum Forschungsstand über die Schneckenberg-Glina III-Kultur.- *Acta Archaeologica carpatica*, XXIV: 21 – 59.
- Macqueen J. 1968. Geography and history in Western Asia Minor in the Second Millenium B. C. – *Anatolian Studies*, 18: ?????????.
- Maenchen-Helfen O. 1939. The Ting-ling. – *Harvard Journal of Asia Studies*, vol. 4, no. 1: 77 – 86.
- Majumdar N. G. Notes on Vajra. - *Journal of the Dept. of Letters, University of Calcutta*, XI: 173 – 200.
- Makkay J. 1962. Die balkanischen sogenannten kopflosen Idole – ihr Ursprung und ihre Erklärung. – *Acta Archaeologica Hung.*, 14: 1 - 24.
- Makkay J. 1996. Mycenaean burial sacrifices and the origines of the Protogreeks. – *Atti e Memorie del Secondo Congresso Internazionale di Micenologia, Roma – Napoli, 1991.* Roma, vol. II: 775 – 784.

- Makkay J. 2000. The early Mycenaean rulers and the contemporary Early Iranians of the Northeast. Budapest, author's publ.
- Marinatos S. 1968. Mycenaean culture within the frame of Mediterranean anthropology and archaeology. – *Atti e memorie de I^o Congresso Interanzionale di Micenologia*, 1 - 3 (Incunabula Graeca XXV, 1 – 3). Roma, 1: 277 – 294.
- Marinatos S. 1973. The first 'Mycenaeans' in Greece. - Crossland R. A. And Birchall A. (eds.). *Bronze Age migrations in the Aegean*. London, Duckworth: 107 – 113.
- Marstrander K. 1919. *Le caractere indo-européen de la langue hittite*. Christiania, J. Dybwad.
- Masson V. M. and Sarianidi V. I. *Central Asia: Turkmenia before the Achaemenids*. New York and Washington. Praeger.
- Mayrhofer M. 1960. *Die Indo-Arier im alten Vorderasien*. Wiesbaden, Harrassowitz.
- Mayrhofer M. 1974. *Die Arier im Vorderen Orient: ein Mythos?* (Sitzungsberichte der Österreich. Akad. D. Wiss., Philol.-hist. Klasse, 294/3). Wien, Verl. d. Österreich. Akad. Der Wiss.
- McNeal R. A. M. 1972. The Greeks in history and prehistory. – *Antiquity*, 46 (181): 19 – 28.
- Medvedskaya I, M. 1982. *Iran: Iron Age I*. Oxford, BAR.
- Mellaart J. B. 1958. The end of the Early Bronze Age in the Anatolia and the Aegean. – *American Journal of Archaeology*, 62: 9 – 33.
- Mellaart J. B. 1964. Anatolia c. 2300 – 1750 B. C. – *Cambridge Ancient History* (rev. ed.). I. Chapt. 24, I – VI / Fasc. 20.
- Mellaart J. B. 1966. *The Chalkolithic and Early Bronze Age in the Near East and Anatolia*. Beirut, ??????, part II. Anatolia.
- Mellaart J. B. 1969. Review of R. A. Crossland's "Immigrants from the North". – *Journal of Hellenic Studies*, 89: 172 – 173.
- Mellaart J. B. 1981. Anatolia and the Indo-Europeans. – *Journal of Indo-European Studies*, 9: 135 – 149.
- Merlingen W. 1955. *Das 'Vorgriechisch' und die sprachwissenschaftlich-vorhistorische Grundlagen*. Wien, Gerold.
- Merlingen W. 1963 - 1967. *Eine ältere Lehnwörterschicht im Griechischen*. Wien, 1 - 2.
- Meyer Eduard. 1928. *Geschichte des Altertums*. 2. Aufl. Bd. 2. Stuttgart und Berlin, J. G. Gotta.
- Meyer Elard Hugo. 1883. *Indogermanische Mythen*. I. Gandharven – Kentauren. Berlin, Dümmler.
- Midgely M. S. 1992. *TRB culture: The first farmers of North European plain*. Edinburgh, Edinburgh University Press.
- Milisauskas S. 1978. *European prehistory*. New York, San Francisco and London, Academic Press.
- Miložić V. 1949. Die dorische Wanderung im Lichte der vorgeschichtlichen Funde. – *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, Archäologischer Anzeiger*, 63[64 (1948/49) Beiblatt: 11 – 30.
- Miložić V. 1955. Zur Frage der Schnurkeramik in Griechenland. – *Germania*, 33: 151 – 154.
- Miložić V. 1958. Bericht über die Ausgrabungen auf der Gremnos Magula bei Larissa 1956. *β Archäologischer Anzeiger* 1956: 141 - 159.
- Mironov N. D. 1933. Aryan vestiges in the Near East of the Second Millenium B. C. – *Acta Orientalia*, Leiden, 9 (1 – 3): ????????
- Modi J. J. 1922. *The religious ceremonies and customs of the Parsees*. Bombay, Karani.
- Moory P. 1970. Pictorial evidence for the History of Horsebreeding in Iraq before the Kassite period, - *Iraq*, 32 (1).

- Morani M. 1999. Introduzione alla linguistica greca, Il greco tra le lingue indoeuropee. Alessandria, Edizione dell'Orso.
- Morgenstierne G. 1929 – 1938. Indo-Iranian frontier languages. Oslo, Aschenhoug.
- Morgenstjerne G. 1973. Irano-Dardica. Wiesbaden, Reichert.
- Muhly J. 1970. On the shaft graves at Mycenae. – Powell M. A. and Sack R. H. (eds.). Studies in Honor of Tom B. Jones (Alter Oreinen und alter Testament, Bd. 203). Neukirchen – Vluyn, Neukirchener Verlag: 311 – 323.
- Müller-Karpe H. 1983. Jungbronzezeitliche-früheisenzeitliche Gräberfelder der Swat-Kultur in Nord-Pakistan. München, C. H. Beck.
- Mylonas G. E. 1959. Aghios Kosmas, an Early Bronze Age settlement and cemetery in Attica. Princeton, N. J., Princeton University Press.
- Mylonas G. E. 1962. The Luvian invasion of Greece. – Hesperia, 31: 284 – 309.
- Mylonas G. E. 1973 = Μυλωνας Γ. Ε. Ο Ταφικός Κυκλος Β των Μυκηνηων. Vols. I – II. Αθηναί, Μακρης.
- Myres 1930. Who were the Greeks? Berkeley, University of California Press.
- Negahban, E. 1964. A preliminary report on Marlik excavation. Tehran, Iranian Archaeological Service.
- Neumann G. 1971. Substrate in Gertmanischen? – Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen aus Jahre 1971, philol.-hist. Kl., 4: 75 – 99.
- Neustupný E. 1959. Zur Entstehung der Kultur mit kannelierter Keramik. – Slovenska Archeologia: 260 - 284.
- Neustupný E. 1973. Die Badener Kultur. - Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur. Bratislava, Slowakische Akademie der Wissenschaften: 317 - 353.
- Nilsson M. P. 1927. Minoan-Mycenaean religion and its survival in Greek religion. Lund, Gleerup.
- Nilsson M. P. 1933. Homer and Mycenae. London, Methuen.
- Nyberg H. 1938. Die Religionen des alten Iran. Leipzig, Hinrichs Verl. (2. Aufl. 1966, Osnabrück, Zeller).
- O'Brian S. 1982. Dioscuric elements in Celtic and Germanic mythology. – Journal of Indo-European Studies, 10: 117 – 136.
- O'Calaghan R., T. 1951. New light on the Maryannu as "chariot-warrior". – Jahrbuch für Kleinasiat. Forschung, I (1): 309 – 324.
- Otten H. Und Mazrhofer M. 1965. Der Gott Akni in der hettitischen Texten und seine indo-arische Herkunft. - Orientalistische Literatur-Zeitung, 60 (11 - 12): ??????.
- Pajakowski W. 1984. Pochodzenie Pajonów: historia i stan badań, perspektywy badawcze. - - Balkanica Poznaniensia, Acta et studia, I. Mezja – Tracja – Bałkany. Poznań, wyd. Unversitetu im. Adama Mickiewicza: 47 – 64.
- Palmer L. R. 1955. Achaeans and Indo-Europeans. An inaugural lecture delivered ... on 4th Nov. 1954. Oxford, Clarendon Press.
- Palmer L. P. 1958. Luvian and Linear A. – Transactions of Philosophical Society: 75 – 100.
- Palmer L. P. 1961. Mycenaean and Minoans: Aegean prehistoty in the light of the Linear B tablets. London, Faber and Faber.
- Paoli C. 1885 – 1894. Altitalische Forschungen. Leipzig, Barth. Bd. 1 - 2.
- Parpola A. 1988. The coming of the Aryans to Iran and the cultural and ethnic identity of the Dahas. – Studia Orientalia, 64: ??????????.
- Parpola A. 2004. Gandhara graves and the gharma pot, the Nasatyas and the nose: in pursuit of the chariot twins. – У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. Москва, Старый сад: 102 – 128.

- Pedersen H. 1938. Hittitisch und die anderen Indoeropäischen Sprachen (Det Danske Kgl. Videnskabernes Selskab., Hist.-filol. Meddeleser, 25/2). Copenhagen.
- Pedersen H. 1950. Eine tocharische Frage. – Jahrbuch für kleinasiatische Forschung, I: 103 – 104.
- Pelon O. 1976. Tholoi, tumuli et cercles funéraires. Recherches sur les monuments funéraires de plan circulaires dans l'Egée de l'âge du Bronze (IIIe et IIe millénaires av. J.-C.). Paris, Broccard.
- Penner S. 1998. Schliemanns Schachtgräber und der europäische Nordosten (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde, 60). Bonn, Habelt.
- Petre Gh., Govora I. 1970. Contribuții la cunoașterea culturii Coțofeni în nord-estul Olteniei. – Studii și cercetări de istoria veche, 21 (3): ????????
- Piggott S. 1974. Chariots in the Caucasus and in China. – Antiquity, vol. XLVIII, no. 189: 16 – 24.
- Piggott St. 1940. Trepanned skull of the Beaker Period from Dorset and the practice of trepanning in prehistoric Europe, - Proceedings of the Prehistoric Society, 6: 112 – 132.
- Pisani V. 1958. Die indoeuropäischen Sprachen in Griechenland und in Italien. - Lingua Posnaniensis, 7: ????????????
- Pokorny J. 1923. Die Stellung des Tocharischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. – Berichte des Forschungsinstituts für Ost und Orient in Wien, III: 24 – 25.
- Pokorny J. 1936. Substrattheorie und Urheimat der Germanen. – Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien: 66: 69 – 91.
- Polomé E. C. 1989. A few notes on Indo-Aryan –Hellenic isoglosses. – Heller K. (Hrsg.). Indogermanica Europaea. Festschrift für W. Meid. Graz, Institut für Sprachwissenschaft der Universität: 209 - 224.
- Porzig W. 1954. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, Winter (русск. перев.: Порциг 2002).
- Preidel H. 1954. Die Anfänge der slawischen Besiedlung Böhmens und Mährens. Bd. I. Gräufeling bei München, Gans.
- Preisendanz K. 1926. Akephalos, der kopflose Gott (Beiheft zum alten Orient, h. 8). Leipzig, J. C. Hinrich.
- Pulleyblank E. G. 1966. Chinese and Indo-Europeans. – Journal of Royal Anthropological Society pt. 1 – 2: 9 – 39.
- Rau W. 1972. Töpferei und Tongeschirr im vedischen Indien. Wiesbaden, Franz Steiner.
- Rau W. 1974. Vedic texts on the manufacture of pottery. – Journal of Oriental Institute, 23: 137 – 142.
- Redéi K. 1968. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien, Verl. d. Österreich. Akad. d. Wissensch.
- Reden S. v. und Best J. G. P. 1981. Auf der Spur der ersten Griechen. Woher kamen die Mykener? Köln, Du Mont.
- Renfrew C. 1970. The burnt house at Sitagroi. – Antiquity, 44: 131 – 134.
- Renfrew C. 1972. The emergence of civilisation: The Cyclades and the Aegean in the Third Millennium B. C. London, Methuen.
- Renfrew C. 1989. Archaeology and language: The puzzle of Indo-European origins. Harmondsworth, Penguin Books (orig. 1987 London, Jonathan Cape).
- Rezepkin A. D. 1992. Paintings from a tomb of the Maikop culture. – Indo-European Studies, 20 (1- 2): 59 – 70.
- Rezepkin A. D. 2000. Das frühbronzezeitliches Gräberfeld von Klady und Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. – Archäologie in Eurasien (Rahden, Westf.: Verl. Marie Leindorf), 10: ??????????

- Roman P. 1974. Das Problem der "schnurverzierten" Keramik in Südosteuropa. - Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte, 58: 157 – 174.
- Roy T. N. 1983. The Ganges civilization: a critical archaeological study of the painted grey ware and northern black polished ware periods of the Ganga Plains of India. - New Delhi, s. ed.
- Royen R. A. van, Isaac B. H. 1979. The arrival of the Greeks: the evidence from the settlements. Amsterdam, Grüner.
- Ruben W. 1975. Die homerischen und die altindischen Epen. Berlin, Akademie-Verlag.
- Rutter J. B. 1975. Ceramic evidence for Northern intruders in Southern Greece at the beginning of the Late Heladic IIC period. – American Journal of Archaeology, 79: ???????.
- Sakellariou M. B. 1968. Comment on Sp. Marinatos "Mythenaeon culture within the frame of Mediterranean anthropology and archaeology". – Atti I CIM 1: 295 – 296.
- Sakellariou M. B. 1980a. Les proto-grecs. Athen, Ekdotiké Athenon.
- Sakellariou M. B. 1980b. Thraces et Pelasges en Grece vers la fin de l'époque mycénienne. – Dritter Internationaler Thrakologischer Kongress, Wien. Sofia, Swiat. ????????
- Sakellariou M. B. 1989. De l'ocre dans la tombe Γ de cercle B de Mycènes. – Mylonas Festschrift (Geörgios E. Mylōnas: ho bios kai to ergo tu. Athēnai: He en Athēnais Archaialogikē Hetaireia), vol. Γ: 15 – 18.
- Sakellariou M. B. 1991. Recent theories on the origin of the Indo-Europeans in the light of data concerning the Proto-Greeks. - V Международный конгресс по фρακολογiи. София, Terra Antiqua Balcanica: 180 – 186.
- Sandars N. The Sea Peoples. London, ??????????
- Sarianidi V. 1998. Margiana and Protozoriastism. Athens, Kapon editions.
- Sauswerde E. 1996. Seewörter and Substrata in Germanic, Baltic and Baltic Finn-Ugric languages. - Jones-Bley K. and Huld M. T. (eds.). The Indo-Europeization of Northern Europe (Journal of Indo-European Studies Monograph 17). Washington, DC.: 133 – 147.
- Schachermeyr F. 1939. Zur Indogermanisierung Griechenlands. – Klio, 32: 236 – 228.
- Schachermeyr F. 1954. Prähistorische Kulturen Griechenlands. Realenzyklopedie der klassischen Altertümer, hrsg. V. Pauly - Wissowa - Kroll, 2. Aufl. , 22/2: 1350 - 1548
- Schachermeyr F. 1962a. Besprechung. – Anzeiger für die Altertumswissenschaft, 15: s. v. Heubeck 1961.
- Schachermeyr F. 1962b. Luvier auf Kreta? – Kadmos, Bd. 1: ?????????.
- Schachermeyr F. 1966. Die ägäische Frühzeit. V. Bericht (1962 – 1965). - Anzeiger für die Altertumswissenschaft, 19.
- Schachermeyr F. 1968. Zum Problem der griechischen Einwanderung. - Atti e memorie del lo Congresso Interanzionale di Micenologia, 1 - 3 (Incunabula Graeca XXV, 1 – 3). Roma, 1: 297 - 317.
- Schachermeyr F. 1976. Die ägäische Frühzeit. Bd. 2. Die Mykenische Zeit und die Gesittung von Thera. Wien, Verl. D. Österreichischer Akad. D. Wiss.
- Schachermeyr F. 1979. Die ägäische Frühzeit. Bd. 4. Griechenland im Zeitalter der Wanderungen vom Ende der Mykenischer Ära bis auf Dorier. Wien, Verl. D. Österreichischer Akad. D. Wiss.
- Schachermeyr F. 1980. Die ägäische Frühzeit. Bd. 3. Kreta zur Zeit der Wanderungen vom Anfang der minoischen Ära bis zur Dorisierung der Insel. Wien, Verl. D. Österreichischer Akad. D. Wiss.
- Schachermeyr F. 1984. Griechische Frühgeschichte: Ein Versuch, frühe Geschichte wenigstens im Umrissen verständlich zu machen (Österreichische Akad. D. Wiss., philol.-hist Klasse, Sitzungsberichte Bd. 425). Wien.
- Schaeffer C. F. A. 1948. Stratigraphie comparée et chronologie. London, Oxford University Press.

- Schaffer J. 1984. The Indo-Aryan invasions: cultural myth and archaeological reality. – Lukacs J. R. (ed.). The people of South Asia. The biological anthropology of India, Pakistan and Nepal. New York et al., Plenum Press.
- Schiffler B. 1976. Die Typologie des Kentauren in antiken Kunst vom 10. bis zum Ende des 4 Jh. v. Ch. Frankfurt und Berlin, Lang.
- Schmid W. P. 1978. Indogermanistische Modelle und osteuropäische Frühgeschichte (Abhandlungen der Geistes- und Sozialwiss. Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur Mainz, Jg, 78 / 1). Wiesbaden, Franz Steiner.
- Sebestyén I. N. 1935. Az urali nyelvek régi halvenei. – Nyelvtudományi Közlemények (Budapest), 49: ??????
- Seligman C. C. 1934. Bow and arrow symbolism. – Eurasia Septentrionalis Antiqua, IX: ??????.
- Semper M. 1936. Zur Rassengeschichte der Indogermanen Irans. – Arntz H. (Hrsg.). Germanen und Indogermanen. Festschrift für Hermann Hirt. Bd. II. Heidelberg, Carl Winter: ??????
- Sen Ch. 1963. Vratyas and the Vedic society. – Journal of the Oriental Institute (University of Baroda), 12 (3): ????????????
- Setälä E. N. 1916. Suomensukuisten kansojen esihistoria. – Maailmanhistoria (Helsinki), 11: ??????
- Setälä E. H. 1926. ??????????????. – Suomen suku (Helsinki), 1: 120 – 189.
- Sidrus R. V. 1996. The light eye and hair cline: Implications for Indo-European migrations to Northern Europe. – Jones-Bley K. and Huld M. T. (eds.). The Indo-Europeanization of Northern Europe (Journal of Indo-European Studies Monograph 17). Washington, DC.: 330 – 349.
- Silvi Antonini Ch. and Stacul G. 1972. The proto-historic graveyards of Swāt (Pakistan). – Pt. 1. Rome, ????????
- Sircar D. C. 1974. The Dasa – Dasyu in the Rigveda. – Some problems of Indian history and culture: ????????????????
- Sochacki Zd. 1981. The Baden culture. – Archaeologia Polona, XX: 28 – 63.
- Soesbergen P. G. Van. 1976. Thracian personal, ethnical and topographical names in the Bronze age Linear A and B texts from Crete and the Greek Mainland. – Proceedings of the Fourth International Congress of Cretan studies, Herakleion, 1976: 16 - ????
- Soesbergen P. G. van. 1979. Thracian personal, ethnic and topographic names in Linear A. and B. – Kadmos, 18: ??????
- Soesbergen P. G. van. 1980. The historical significance of onomastic data from Linear A and B texts. – Mycenaean Seminar of the Institute of Classic Studies of the University of London, ??????
- Soesbergen P. G. van. 1983. ‚Thracian‘ onomastica in Mycenaean Linear. – Poulter A. G. (ed.). Ancient Bulgaria. Papers presented to the Intern. Symposium on the ancient history and archaeology of Bulgaria. Nottingham, University of Nottingham.
- Solta G. 1960. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Eine Untersuchung der indogermanischen Bestandteile des armenischen Wortschatzes. Wien, Mechitharisten-Buchdruck.
- Stacul G. 1969. Excavations near Ghālīgai (1968) and chronological sequence of protohistorical cultures in the Swāt valley. – East and West (Rome), 19 (1 – 2): 44 – 91.
- Stacul G. 1970. The Gray pottery in the Swāt valley and the Indo-Iranian connections (ca. 1500 – 300 B. C.). – East and West (Rome), 20 (1-2): 92 – 102).
- Stacul G. 1971. Cremation graves in Northwest Pakistan and their Eurasian connections: remarks and hypotheses. – East and West, 21: 9 – 19.
- Stacul G. 1973. A decorated vase from Godgan (Swat, Pakistan). – East and West, 23 (2-3): 245 – 248.

- Stacul G. 1974. New archaeological evidence on North-west Indo-Pakistan (3d – 1st mill. B. C. – East and West, 1974, 24 (3/4): 239 – 243.
- Stacul G. and Tusa S. 1975. Report on the excavations at Aligrama (Swat, Pakistan) 1966, 1972. – East and West, 25 (3/4): ???????????.
- Steblin-Kamensky 1995. Avestan *kemčiṭ paiti čaθrušanəm*. – East and West (Roma), 45, 1 – 4: 307 – 310.
- Stiglitz R. 1967. Die großen Göttinnen Arkadiens. Wien, Selbstverlag.
- Stubbings Fr. 1963. The rise of Mycenaean civilisation. – Cambridge Ancient History, 2d. ed., vol. I – II. Cambridge.
- Stubbings Fr. 1973. The rise of Mycenaean civilisation. – Cambridge Ancient History, 3d. ed., II, 1: 627 – 658.
- Sturtevant H. 1933. Comparative grammar of the Hittite language. Philadelphia, University of Pennsylvania Press.
- Sturtevant H. 1942. The Indo-Hittite language. Baltimore, Linguistic Society of America.
- Swadesh M. 1953. Archeological and linguistic chronology of Indo-European groups. – American Anthropologist, 55 (3): 349 – 352.
- Swadesh M. 1960. Unas correlaciones de arqueología y lingüística. – Bosch-Gimpera P. El problema inoeuropeo. Mexico, Director General de Publicaciones: 345 – 352.
- Syriop(o)ulos K. T. 1964. Η προϊστορία της Πελοποννήσου. Αθήναι, Archaiologike Hetaireia.
- Syriop(o)ulos K. T. 1969. Η προϊστορία της Στερεας Ελλάδος. Αθήναι, Archaiologike Hetaireia.
- Szemerényi O. 1964. Structuralism and sunstratum – Indo-Europeans and Semites in the Ancient Near East. – Lingua, 13: 1 – 29.
- Talgren A. M. 1934. Sur les monuments mégalithiques du Caucase Occidentale. – Eurasia Septentrionalis Antiqua, IX: 40 – 45.
- Thapar B. 1970. The Aryans: a reappraisal of the problem. – India's contribution to the world thought and culture. Madras, 147 - 164.
- Thomas H. L. 1982. Archaeological evidence for the migrations of the Indo-Europeans. – Polomé E, C. (ed.). The Indo-Europeans in the fourth and third millennia. Ann Arbor, Karoma Publishers: 61 – 85.
- Tripathi Vibha 1976. The Painted Grey Ware: an Iron Age culture of Northern India. Delhi, Concept publ.
- Tritsch F. J. 1973. The Sackers of Citiesä and the ämovement of populations'. - Crossland R. A. And Birchall A. (eds.). Bronze Age migrations in the Aegean. London, Duckworth: 233 – 238.
- Tsountas Chr. and Manatt J. I. 1897. The Mycenaean Age: the monuments and culture of pre-Homeric Greece. London, Macmillan (new ed. 1969. Chicago, Argonaut).
- Tucci G. 1977. On Swät. The Dards and connected problems. – East and West, 27 (1- 4): 9 – 103.
- Ullrich H., Weickelmann F. 1965. Prähistorische trepanation und ihre Abgrenzung gegen andere Schädeldachdefekte. – Anthropologischer Anzeiger, 29 (1 – 4): 261 - 272.
- Valmin N. M. 1938. The Swedish Messenia expedition. Lund, Gleerup.
- Vasilkov Ya. V. 1990. Draupadī in the Assembly-Hall, gandharva-husbands and the origin of the gaṇikās. – Indologica taurinensia, vol. XV – XVI (1989 – 90). Proceedings of the Seventh World Sanskrit Conference (Leiden, 1989): 388 – 397.
- Vasilkov Ya. V. 1994. Some Indo-Iranian mythological motifs in the art of the Novosvobodnaya ('Majkop') culture. – Parpola A. & Koskikallio (eds.). South Asian Archaeology 1993, vol. II (Annales Academiae Scientiarum Fennicae, ser. B, t. 271). Helsinki: 777 – 787.
- Vasmer M. 1923. Untersuchungen über die ältesten Wohnsithze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland. Leipzig, Markert und Petters.

- Venedikov I. 1974. L'origine des tombeaux a couple. – Thracia, III: 203 - ???.
- Vilkuna K. 1948 - 1949. När kommo östersjöbinnarna till Baltikum? – Folk-liv, 12 – 13: ??????.
- Vlahov K. 1978. Über die Frage der iranischen Elemente im Thrakischen. - Pulpudeva, 2: ??????.
- Vlahov K. 1984. Thrakien und Mykenae. – Contributions au IVe Congrès International de Thracologie, Sophie, ??????????.
- Wace A. J. B. 1954. The arrival of the Greeks. – Viking, 18: 211 – 226.
- Ward D. J. 1968. The Divine Twins: an Indo-European myth in Germanic tradition. Berkeley, University of California Press.
- Ward D. J. 1970. An Indo-European mythological theme in Germanic tradition. – Cardona G., Hoenigswald H. M. and Senn A. (eds.), Indo-European and Indo-Europeans: Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania. Philadelphia, University of Pennsylvania Press: 405 – 420.
- Wasson R. G. 1968. Soma - divine mushroom of immortality. New York, Harcourt, Brace & World.
- Watkins C. 1999. A Celtic miscellany. – Jones-Bley K, Huld M. E., Della Volpe A. and Dexter M. R. (eds.). Proceedings of the Tenth Annual UCLA Indo-European Conference (Los Angeles 1998). (Journal of Indo-European Studies 32). Washington, DC: 3 – 25.
- Webster T. B. L. 1958. From Mycenae to Homer. London, Methuen.
- Werner J. 1955. Pfeilspitzen aus Silber und Bronze in germanischen Adelsgräber der Kaiserzeit. – Historische Jahrbücher, 74: 38 - 41.
- Widengren G. 1965. Die Religionen Irans. Stuttgart, Kohlhammer.
- Windekens A. J. van. 1956. Le nom des *Γίγαντες*. – Beiträge zur Namenforschung, 7: 59 - 61.
- Windekens A. J. van. 1976. Tocharien comparée avec les autres langues indo-européennes. Vol. 1. La phonétique et le vocabulaire. Louvain, ??????????.
- Witczak Kr. T. 1993. Słownictwo morskie Germanów a zagadnienie substratu. – Sambor J., Linde-Usiekiewicz J. I Hiszcza R. (red.). Językoznawstwo synchroniczne i diachroniczne. Tom poświęcony pamięci Ad. Weinberga. Warszawa, wyd. Uniwersitetu Warszawskiego: 315 – 337.
- Witczak Kr. T. 1996. The Pre-Germanic substrata and Germanic maritime vocabulary. - Jones-Bley K. and Huld M. T. (eds.). The Indo-Europeanization of Northern Europe (Journal of Indo-European Studies Monograph 17). Washington, DC.: 166 – 180.
- Wölfel D. J. 1927. Die kulturelle Stellung der Trepanation. – Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft zu Wien, LVII (III – IV): 104 – 107.
- Woolner A. 1943. The Rigveda and the Punjab, - Bulletin of the School of Oriental and African Studies (London), 6 (2): 540 – 544.
- Wyatt W F., Jr. 1970. The Indo-Europeanization of Greece. – Cardona G., Hoenigswald H. M. and Senn A. (eds.). Indo-European and Indo-Europeans: Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania. Philadelphia, University of Pennsylvania Press: 89 – 111.
- Zanotti D. G., Rhine B. A. 1974. The Catacomb variant of South Russia and its extensions within the Mediterranean. – Journal of Indo-European Studies, 2 (4): 333 – 359.
- Zwelebil M. 1995. Indo-European origins and the agricultural transition in Europe. – Kuna M. and Venclová (eds.). Whither archaeology? Papers in honour of Evžen Neustupný. Praha, Institute of Archaeology: 173 – 203.
- Абаев В. И. 1958 - 1979. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I - III. Ленинград, Наука.
- Абаев В. И. 1965. Скифо-европейские изоглоссы. Москва, ?????????.
- Абаев В. И. 1972. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. – Древний Восток и античный мир. Москва, ??????.

- Абаев В. И. 1981. Доистория индоариев в свете арио-уральских языковых контактов. - Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. До н. э.). Москва, Наука: 84 – 89.
- Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. 1979. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы. – Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, изд. Воронежского университета: 36 – 63.
- Айхенвальд А. Ю. 1987. К характеристике иранизмов в библейском древнееврейском и библейском древнеарамейском языках. – Индо-афразийские языковые контакты. Москва, Наука: 4 – 7.
- Акишев К. А. 1973. Саки азиатские и скифы европейские. – Археологические исследования в Казахстане. Алма-ата: 43 – 48.
- Алексеев А. Ю. 1992. Скифская хроника (Скифы в VII – IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк). Санкт-Петербург, б. и.: 9 – 17.
- Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р. 1993. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. Санкт-Петербург, информ.-исслед. инст. «Ермаков».
- Алексеев В. П. 1969. Европеоидная раса в Южной Сибири и Центральной Азии, ее участие в происхождении современных народов. – Происхождение абригенов Сибири и их языков. Томск, ??????.
- Алексеев В. П. 1981. Антропологические аспекты индоиранской проблемы. - Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. До н. э.). Москва, Наука: ?????.
- Алексеева И. Л. 1985. Племена энеолита и ранне-бронзового века в междуречье Днестра и Дуная. Автореф. Канд. Дисс. Ленинград.
- Алексеева И. Л. 1992. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. Ктев, Наукова Думка.
- Алиев и Погребова 1981**
- Андреева М. В. 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры. – СА, 1: 39 - 56.
- Антонова Е. В. 2004. Еще раз о культовых сосудах БМАК. – У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. Москва, Старый сад: 193 – 201.
- Ардзинба В. Г. 1979. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгского языков. – Переднеазиатский сборник, 3: ????????
- Ардзинба В. Г. 1985. Ритуалы и мифы древней Анатолии. Москва, Наука.
- Арешян Г. Е. 1980. Нарабац – новый памятник эпохи бронзы к югу от Еревана. – Археологические открытия, 1979. Москва, Наука: 423.
- Аристэ П. 1956. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. Таллин, ????????
- Артамонов М. И. 1950. К вопросу о происхождении скифов. – Вестник Древней истории, 2: ??????
- Артамонов М. И. 1968. Происхождение скифского искусства. – Советская Археология, 4: ????????
- Артамонов М. И. 1970. Загадки скифської археології. – Український історичний журнал, 1: 23 – 30.
- Артамонов М. И. 1971а. Переселение киммерийцев и скифов в Азию и их возвращение в Северное Причерноморье около 585 г. до н. э. – Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР. Тбилиси: 32 – 34.
- Артамонов М. И. 1971б. Роль климатических изменений VIII – VII вв. в переселении киммерийцев и скифов в Азию и возвращение их в степи Восточной Европы в начале VI в. до н. э. – Этнография народов СССР. Ленинград: 45 – 60.

- Артамонов М. И. 1974. Киммерийцы и скифы. От появления на исторической арене до конца IV в. до н. э. Ленинград, изд. Ленинградского университета.
- Археологические памятники Поингуля. Киев, 1980.
- Аскарлов А. 1962. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы (Автореф. канд. дис.). Ленинград.
- Аскарлов А. 1973. Сапалли-тепа. Ташкент, Фан.
- Аскарлов А. 1977. Древнезамледельческая культура эпохи бронзы Юга Узбекистана. Ташкент, Фан.
- Аскарлов А. 2005. Арийская проблема: новые подходы и взгляды. - История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, Фан.
- Асмангулян Л. А. 1953. Против гипотезы о «двухприродности» армянского языка. – Вопросы Языкознания, 6: 21 – 36.
- Білозор В. П. 1996. Кам'яні статуї у контексті скіфської етнографічної проблематики. – Археологія, 4: 41 – 70.
- Бенвенист Э. 1959. Тохарский и индоевропейский. – Тохарские 1959: 90 – 108.
- Березанская С. С. 1986. Культура многоваликовой керамики. – Березанская С. С. и др. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, Наукова Думка: 5 – 43.
- Березанская С.С. 1982. Северная Украина в эпоху подней бронзы. Киев, Наукова Думка.
- Блаватская Т. В. 1966. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н. э. Москва, Наука.
- Блэк В. Б. 1976. К вопросу об истоках скмфо-сибирского звериного стиля. – Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. Москва, Наука: 30 – 39.
- Бодянский А. В. 1964. Погребение ямной культуры с антропоморфной стелой. – Советская Археология, 1: 291 – 292.
- Бойс М. 1987. Зороастризм: обычаи и верования. Москва, ?????????.
- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. 1974. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. Москва, Мысль (2-е изд. 1983).
- Братченко С. Н. 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, Наукова Думка.
- Братченко С. Н. 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. I – II. Луганськ, ?????.
- Брентьес Б. 1981. Квадратура круга как проблема истории культуры. – Информационный бюллетень Междунар. Асс. по изуч. культур Центр. Азии, 1. Москва: ?????.
- Бритюк А. А. 2006. Ранний энеолит Украинской степи: проблема соотношения местного и пришлого компонентов. – Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, изд. Оренбургского гос. педагогического университета: 15 – 17.
- Брумяко И. В. 2005. Исторические судьбы фракийцев Карпато-Днестровских земель. – Stratum plus (2003 – 224), 2005: 245 – 254.
- Бурлак С. А. 2000. Историческая фонетика тохарских языков. Москва, Институт Востоковедения РАН.
- Васильев И. Б. 1980. Энеолит лесостепного Поволжья. – Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, изд. Куйбышевского университета: 27 - 52.
- Васильев И. Б. 1981. Энеолит Поволжья. Куйбышев, изд. Куйбышевского университета.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова Ф. П. 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, ?????????.
- Васильев Л. С. 1974. Происхождение древнекитайской цивилизации. – Вопросы истории 12: 86 – 102.
- Васильев Л. С. 1976. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. Москва, Наука.
- Васильев Л. С. 1977. Проблемы генезиса человека и его культуры в дояншаоском Китае. – Ранняя этническая история народов Восточной Азии. Москва, Наука: 137 – 165.

- Веселовский Н. И. 1905. Мнимые каменные бабы. СПб **??????????????**.
- Веселовский Н. И. 1921. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение. – Записки Восточного отдела Русского Археологического Общества, XXV: **??????????????**.
- Виноградов Н. Б. 2004. Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации. – Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Москва, Институт археологии РАН: 261 – 284.
- Воробьев-Десятовский В. С. 1956. К вопросу о роли арийского субстрата в развитии индоарийских языков. – Советское Востоковедение, 1
- Гамкрелидзе Т. В. и Иванов Вяч. Вс. 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, изд. Тбилисского университета.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. в. 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тт. I – II. Тбилиси, изд. Тбилисского университета.
- Гаур Р. С. 1981. Серая расписная керамика и арийская проблема. – Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. Москва, Наука: 53 – 60.
- Гей А. Н. 1999. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы. – Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. Москва, **???: ????????**.
- Гей А. Н. 2000. Новотиторовская культура. Москва, **??????**.
- Генинг В. Ф. 1977. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен. – Советская Археология, 4: **??????????**.
- Генинг В. Ф. 1982. К вопросу об изучении преемственности археологических культур эпохи бронзы степной полосы Восточной Европы (по данным формализованного статистического анализа погребального обряда). – Методологические и методические вопросы археологии. Киев, Наукова Думка: 140 – 146.
- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. 1992. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство.
- Георгиев В. 1958а. Балто-славянский и тохарский языки. – Вопросы языкознания 6: 3 – 20.
- Георгиев В. 1958б. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. Москва, Иностранная литература.
- Георгиев В. И. 1948. Когда са дошли гръците в Гърция? – Исторически преглед, година четвърта, 1947 – 1948, кн. 2: 214 – 229.
- Георгиев И. В. 1957. Траките и техният език. София, **??????**.
- Георгиев И. В. 1958. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). Москва, изд. Иностранной литературы.
- Георгиев И. В. 1960. Передвижение смычных согласных в армянском языке и вопросы этногенеза армян. – Вопросы Языкознания, 5: **??????????**.
- Георгиева Р. 1991. Поминальные обряды во Фракии (конец II – I тыс. до н. э.). – V Международный конгресс по фракологии. София, Terra Antiqua Balcanica: 25 – 31.
- Герни О. Р. Хетты. Пер. с англ. Москва, Наука.
- Гиндин Л. А. 1967. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова: фрагмент индоевропейской ономастики. Москва, Наука.
- Гиндин Л. А. 1970. Некоторые ареальные характеристики хеттского, I. – Этимология 1970. Москва, 1972: 272 – 321.
- Гиндин Л. А. 1971. К проблеме генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя. – Вопросы Языкознания, 1: 44 - 53.

- Гиндин Л. А. 1972. Некоторые ареальные характеристики хеттского, I. – Этимология 1970. Москва, Наука: 272 – 321.
- Гиршман Р. 1981. Иран и миграции индоиранцев и иранцев. – Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. Москва, Наука: 140 – 144.
- Горбунов В. С. 1986. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, ?????.
- Горнунг Б. В. 1963. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. Москва, АН СССР.
- Горнунг Б. В. 1964. К вопросу об образовании индоевропейского языка. Москва, ?????.
- Грантовский Э. А. 1962. Иранские имена из Приурмийского района в IX – VIII вв. до н. э. – Древний мир. Сборник статей академику Василию Васильевичу Струве. Москва, Академия наук СССР: 250 – 265.
- Грантовский Э. А. 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. Москва, Наука.
- Грантовский Э. А. 1971. О распространении иранских племен на территории Ирана. – История иранского государства и культуры. Москва, ?????.
- Грантовский Э. А. 1981. «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы. – Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. Москва, Наука: 245 – 273.
- Грантовский Э. А., Раевский Д. Е. 1984. Об ираноязычном и «индо-арийском» населении Северного Причерноморья. – Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Москва, ????.
- Грантовский Э. А., Раевский Д. С. 1980. К вопросу об «индоарийском» этноязыковом элементе в Северном Причерноморье в античную эпоху. — Античная балканистика. Симпозиум. М., ?????: 3 — 16.
- Грач А. Д. 1961. Древнетюркские изваяния Тувы. Москва, Наука.
- Гринцер П. А. 1974. Карна в «Махабхарате» и Ахилл в «Илиаде». – Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти Н. И. Конрада. Москва, Наука: 171 – 150.
- Громов А. В. 1997. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб: 301 - 345.
- Грум-Гржимайло Г. Е. 1899. Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми? (К вопросу о народах белокурой расы в Средней Азии). СПб, типогр. В. С. Балашов.
- Грум-Гржимайло Г. Е. 1909. Белокурая раса в Средней Азии. СПб, типогр. В. Ф. Киршбаума (отт. из Записок Русского Географического Общества по отделению этнографии, т. XXXIV. Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина).
- Грум-Гржимайло Г. Е. 1926. Западная Монголия и Урянхайский край. Том II. Ленинград, б. изд.
- Грязнов М. П. 1978. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан. – Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 154: 9 – 18.
- Грязнов М. П. 1983. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур. – Археология Южной Сибири. Кемерово, изд. Кемеровского университета: 3 – 18.
- Грязнов М. П. 1999. Афанасьевская культура на Енисее. Санкт-Петербург, ?????.
- Гулямов Я. Г. 1956. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. – Труды Института истории АН Узбекской ССР, 8. Ташкент, ?????: 149 – 161.
- Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, Фан.
- Гумилев Л. Н. 1959. Динлинская проблема. – Известия Всесоюзного географического общества 1: 18 – 26.

- Гундогдыев О. А. 2004. Орел и змея в символике туркмен. – У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. Москва, Старый Сад: 225 – 226.
- Гуревич Л. Л. 1983. Авестийская «Вара». – Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикской археологической экспедиции. Москва: 31 - 32.
- Гусева Н. Р. 1977. Индуизм. История формирования. Культурная практика. Москва, Наука.
- Даниленко В. Н. 1969. Неолит Украины. Киев, Наукова Думка.
- Даниленко В. Н. 1974. Энеолит Украины. Киев, Наукова Думка.
- Дашкевич Яр., Тыярски Э. 1982. Каменные бабы причерноморских степей. Коллекция из Аскании Нова. Wrocław, Ossolineum.
- Дебец Г. Ф. 1931. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии. – Советская Азия 5 – 6: 195 – 209.
- Дергачев В. А. 1980. Памятники позднего Триполья (Опыт систематизации). Кишинев, Штиинца.
- Дергачев В. А. 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, Штиинца: 25 – 87.
- Дергачев В. А. 2007. О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. Санкт-Петербург, Нестор-История.
- Дергачев В. А., Сорокин В. Я. 1986. Зооморфные скипетры из Молдавии и некоторые вопросы проникновения энеолитических степных племен в Карпато-Дунайские земли. – Известия Академии наук МолдССР, сер. Общ. Наук, 3: 54 – 65.
- Деревягин Ю. В., Симонов С. М. 1971. Валиковая керамика на срубных памятниках Нижнего Поволжья. – Советская Археология, 2: ?????.
- Дечев Д. 1952. Характеристика на тракийския език. София, ?????.
- Джаукян Г. Б. 1967. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, ?????.
- Джаукян Г. Б. 1970. Армянский и древние индоевропейские языки. – ДАДИЯ
- Домба М. Г. 1966. По материалам древних погребений Северной Осетии. Оржоникидзе, НИИ при Соете Министров Осет. ССР.
- Древности Поингуля. Киев, 1977.
- Дьяконов И. М. 1956. История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н. э. Москва – Ленинград, Наука.
- Дьяконов И. М. 1961. Хетты, ригийцы и армяне. Проблемы армянского языка. – Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. Москва, изд Восточной Литературы: 333 - 368.
- Дьяконов И. М. 1968. Предыстория армянского народа. Ереван, изд. АН АрмССР.
- Дьяконов И. М. 1970. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа. – Вестник Древней истории, 4: ???????????.
- Дьяконов И. М. 1980. Фригийский язык. – Древние языки Малой Азии. Москва, Наука: 357 – 377.
- Дьяконов И. М. 1982. О прародине носителей индоевропейских диалектов. – Вестник Древней истории, 3: 3 – 30, 4: 11 – 25.
- Дьяконов М. М. 1961. Очерк истории древнего Ирана. Москва, Наука.
- Дэруме В. Я., Пирпилашвили П. М. 1975. Развитие народной хирургии в Грузии и Прибалтике по данным археологических исследований (Палеопатологические параллели). – Из истории медицины, 10: 46 – 53.

- Елизаренкова Т. Я. 1999. О соме в Ригведе. – Ригведа. Мандалы IX – X. Москва, Наука: 323 – 353.
- Ефименко П. П., Третьяков П. Н. 1961. Абашевская культура в Поволжье. – МИА, 97: ??????.
- Захарова Е. Ю. 1994. Этническая принадлежность населения срубной культурно-исторической общности (изучение проблемы в отечественной археологии. - Срубная культурно-историческая область (Материалы III Рыковских чтений). Саратов, изд. Саратовского университета: 19 – 23.
- Захарова Е. Ю. 1998. Классификация знаков на керамике срубной культурно-исторической общности. - Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы (Археология восточноевропейской лесостепи, 11). Воронеж, изд. Воронежского университета: 101 – 111.
- Збенович В. Г. 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, Наукова Думка.
- Зданович Г. Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, ????.
- Зданович Г. Б. 1995. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация. – Аркаим: исследования, поиски, открытия. Челябинск, Каменный пояс: 21 – 42.
- Зданович Г. Б., Батанина И. М. 1995. «Страна городов». Укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII – XVI вв. до н. э. на Южном Урале. - Аркаим: исследования, поиски, открытия. Челябинск, Каменный пояс: 54 - 62.
- Зирра В. Культура погребений с охрой в закарпатских областях Румынской народной республики. – Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, ??????: 97 - 127.
- Златковская Т. Д. 1963. К вопросу об этнокультурных связях племен южнорусских степей и Балканского полуострова в эпоху бронзы. – Советская Этнография, 1: 79 – 88.
- Зотова С. В. 1965. Ковровые орнаменты андроновской керамики. – Материалы и исследования по археологии СССР, 130. Москва, Наука: ??????????.
- Иванов В. В. 1958. Тохарские параллели к славянским уменьшительным формам. – Славянская филология II. Москва, Академия наук ССР: 58 – 63.
- Иванов В. В. 1959. Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков. – Тохарские 1959: 5 – 32.
- Иванов В. В. 1962. Культ огня у хеттов. – Древний мир. Сборник в честь В. В. Струве. Москва, ??????.
- Иванов В. В. 1963. Хеттский язык. Москва, ??????????.
- Иванов В. В. 1967. Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема. – Народы Азии и Африки 3: 106 – 118.
- Иванов В. В. 1969. Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. – ТЗС 4
- Иванов В. В. 1974. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva «конь». – Проблемы истории языка и культуры народов Индии. Москва, Наука: ??????????.
- Иванов В. В. 1985. Об отношении хаттского языка к северо-западным кавказским. Древняя Аатолія. Москва, Наука: 26 – 60.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. 1960. Санскрит. Москва, ??????.
- Иванов В. И. 1980. Анатолийские языки. – Древние языки Малой Азии. Москва, Наука: 129 – 160.
- Иванова С. В. 2005. Ранний бронзовый век и трансформация культур. – Стратум плюс (2003 – 2004, 2), 2005: 86 – 92.

- Иванова С. В. 2006. Ямная культура и теория катастроф (К постановке проблемы). – Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, изд. Оренбургского Гос. Пед. Университета: 47 – 50.
- Ильин Г. Ф., Дьяконов И. М. 1982. Индия, Средняя Азия и Иран в первой половине I тыс. до н. э. – История древнего мира. I. Ранняя древность. Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Неронова, И. Г. Свенцицкой. Москва, Наука: 331 – 352.
- Ильинская В. А. 1976. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля. – Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. Москва, Наука: 9 – 29.
- Итина М. А. 1954. К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов - СЭ, 3: 63 - 68.
- Ишханян Р. 1982. Без фактов и свидетельств не может быть исторического труда. – Ереванский университет, 2 (43): 30 – 34.
- Йетмар К. 1985. Перекрестки путей и святилища в западной Центральной Азии. – Информационный бюллетень Междунар. Асс. по изуч. культур Центр. Азии, 1. Москва: ?????.
- Капанцян Г. А. ????. К происхождению армянского языка. Ереван, изд. АН АрмССР.
- Капанцян Г. А. 1931 – 1933. Chettoarmenica. Ереван, ???????.
- Капанцян Г. А. 1940а. История Урарту. Ереван, ????????? (на арм. яз.).
- Капанцян Г. А. 1940б. Хеттские боги у армян. Ереван, ????? (на арм. яз.).
- Капанцян Г. А. 1948. Хайасас – колыбель армян. Ереван, ??????? (на арм. яз.).
- Капанцян Г. А. 1951. Хурритские слова армянского языка. Ереван, ????? (на арм. яз.).
- Качалова Н. К. 1976. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья. – Археологический сборник Эрмитажа, 17: ?????.
- Киселев С. В. 1949. Древняя история Южной Сибири (МИА 9). Москва – Ленинград, АН СССР.
- Кияшко А. В. 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, Волгоградский университет – Нижневолжский НИИА.
- Кияшко А. В. 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, изд. Волгоградского гос. Университета.
- Кияшко В. Я. 1979. Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе. – Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. Докладов. Донецк, изд. Донецкого университета: 49 - 50.
- Кияшко В. Я. 1984. Семантика молоточковидных «булавок». – XIII Крупновские чтения. Тезисы докладов конференции. Майкоп, ?????????.
- Кияшко В. Я. 1990. Молоточковидные «булавки» и мировое древо. – Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа). Тезисы конференции. Ленинград, ????: 15 – 16.
- Клейн Л. С. 1951. Геродотовы легенды о происхождении скифов в свете древневосточной письменности. Дипломная работа на кафедре археологии исторического факультета Ленинградского университета, № ??????? (рукопись).
- Клейн Л. С. 1955. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии АН УССР. – Советская Археология (Москва), XXII: 257 – 272.
- Клейн Л. С. 1961. О так называемых ямных погребениях катакомбного типа (К вопросу о происхождении Донецкой катакомбной культуры). – Советская Археология (Москва), 2: 49 – 65.
- Клейн Л. С. 1962. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры. – Вестник Ленинградского университета, 2: 74 – 87.

- Клейн Л. С. 1963. Происхождение скифов-царских по археологическим данным. – Советская Археология, 4: 27 – 35.
- Клейн Л. С. 1966. Прототипы катакомбных курильниц и проблема происхождения катакомбной культуры. – Археологический Сборник Гос. Эрмитажа (Ленинград), 8: 5 – 17.
- Клейн Л. С. 1969. К постановке вопроса о происхождении славян. – Проблемы отечественной и всеобщей истории. Ленинград, издат. Ленинградского университета: 21 – 35.
- Клейн Л. С. 1970. К проверке оснований гипотезы о генетической связи ямной и катакомбной культур. – Советская Археология (Москва), 1: 49 – 57.
- Клейн Л. С. 1973. Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации). Москва.
- Клейн Л. С. 1974. Генераторы народов. – Древняя Сибирь, IV, Новосибирск, Наука: 126 – 134.
- Клейн Л. С. 1975. Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и нартский эпос. – Вестник Древней Истории, 4: 14 – 27.
- Клейн Л. С. 1975. Рец. на: Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра. Одесса, 1970. – Советская Археология (Москва), 1: 297 – 303.
- Клейн Л. С. 1979б. Смысловая интерпретация совместных погребений в степных курганах бронзового века. – Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. Донецк, изд. Донецкого университета: 18 – 20.
- Клейн Л. С. 1980. Откуда арии пришли в Индию?. – Вестник Ленинградского университета, 1980, № 20: 35 – 39.
- Клейн Л. С. 1980б. Третья гипотеза о происхождении скифов. – Народы Азии и Африки, 6: 72 – 74.
- Клейн Л. С. 1986. Скептический комментарий к началу европейской истории [О мифичности Троянской войны]. – "Знание – сила", 1986, 3: 41 – 44.
- Клейн Л. С. 1987. Индоарии и скифский мир: общие истоки идеологии (Круглый стол). – Народы Азии и Африки (Москва), 5: 63 – 82, 92 – 96.
- Клейн Л. С. 1987б. Майкоп, Азия, Европа. – Знание – сила, 2: 66 – 76.
- Клейн Л. С. 1990. О так называемых зооморфных скипетрах. – Проблемы древней истории Причерноморья и Средней Азии. Тезисы... Ленинград, издат. Гос. Эрмитажа, 1990: 17 – 18.
- Клейн Л. С. 1990. Ранние индоевропейцы на Кавказе и в северо-понтийских степях. – Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Ереван, издат. Ереванского университета, 1990, с. 162 – 175.
- Клейн Л. С. 1994. Бесплотные герои. Происхождение образов Илиады. Санкт-Петербург, Фарн – Художественная Литература.
- Клейн Л. С. 1997. Происхождение нуля, или Древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом. – Стратум: структуры и катастрофы (Кишинев): 47 – 66.
- Клейн Л. С. 1998. Анатомия Илиады. Санкт-Петербург, изд. Санкт-Петербургского университета.
- Клейн Л. С. 1999. Миграция: археологические признаки. – Stratum plus (Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса), 1: 52 – 71.
- Клейн Л.С. 2000. Тохарская миграция в свете археологии. – Stratum plus (Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса), 2: 178 – 187.
- Клейн Л. С. 2007. Этногенез и модель генеалогического древа: проблема кооперации археологии с лингвистикой. – Этногенез и археология.

Климов Г. А. 1961. О лексико-статистической теории М. Сводеша. – Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. Москва, ??????: 245 -

Ковалев А. А. 1996. Происхождение скифов согласно данным археологии. – Между Азией и Европой: Кавказ в IV – I тыс. до н. э. Санкт-Петербург, изд. Эрмитажа: 121 - 127.

Ковалев А. А. 1998. Каменные изваяния Черного Иртыша (еще раз о джунгарской прародине скифов). - Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 10-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова. Санкт-Петербург, 9-12 декабря 1998 г. Тезисы докладов. СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа: 24 - 29.

Ковалев А. А. 2002. О происхождении комплекса форм бронзовых лезвийных изделий Древнего Китая (эпохи Ся-Шан). - Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Книга I. СПб: 158 - 164.

Ковалев А. А. 2004. Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров. - Археолог: детектив и мыслитель. Санкт-Петербург, изд. Санкт-Петербургского университета: 249 – 292.

Ковалев А. А. 2005. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии. - Западная и Южная Сибирь в древности. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Юрия Федоровича Кирюшина. Барнаул: 178 – 184.

Ковалева Н. Ф. 1980. К вопросу о культурной принадлежности вытянутых подкурганых неолитических погребений. – Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск, ????: 50 - 56.

Ковалева Н. Ф. 1983. «Вытянутые» неолитические погребения Днепровского ареала. – Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов, изд. Ростовского университета: 21 – 24.

Кожин П. М. 1964. О технике выделки фатьяновской керамики. – КСИА (Москва) 101: 53 – 58.

Кожин П. М. 1963. Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников. – СА 3: 25 – 37.

Кожин П. М. 1966. Кносские колесницы. – Археология Старого и Нового Света. Москва, Наука: 76 – 81.

Кожин П. М. 1968. Гобийская квадрига. – СА, 3: 35 – 42.

Кожин П. М. 1969а. К вопросу о происхождении иньских колесниц. – Культура народов зарубежной Азии и Океании. Ленинград, Наука: 29 – 40.

Кожин П. М. 1969б. О сарматских повозках. – МИА 169: 92 – 95.

Кожин П. М. 1970. О псалях из афанасьевских могил. – СА 4: 189 – 193.

Кожин П. М. 1977. Об иньских колесницах. – Ранняя этническая история народов Восточной Азии. Москва, Наука: 278 – 287.

Конча С. В. 1998. Проблема спільноіндоєвропейської культурної термінології. – Мовознавство, 1: 54 – 62.

Конча С. В. 2002. «Лінгвістична палеонтологія» і проблема індоєвропейської прабатьківщини. – Археологія у Києво-Могилянській академії. Київ, ????: 38 – 52.

Конча С. В. 2004а. Перспективи етногенетичних реконструкцій за кам'яної доби (матеріали індоєвропейістики). – Шлях (Київ), 5: 191 – 203.

Конча С. В. 2004б. «Степова» концепція походження індоєвропейців на сучасному етапі. – Археологія, 3: 35 – 43.

Кореневский С. Н. 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (Нижний слой). – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, ????: ????.

- Косамби Д. Д. 1968. Культура и цивилизация древней Индии. Москва, ????.
- Косян Л. В. 2002. Лувийцы, фригийцы и мушки (к этнополитической истории Малой Азии в VIII – VII вв. до н. э.). – История и языки Древнего Востока. Памяти И. М. Дьяконова. Санкт-Петербург, Петербургское Востоковедение: 187 – 196.
- Котова Н. С. 2005. Варианты среднестоговской культуры. – Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Київ, Шлях: ????????
- Котова Н. С. 2006. Ранний энеолит степного Приднепровья и Приазовья. Луганск, изд. Вост.-Украинск. Нац. Университета им. В. Даля.
- Крайнов Д. А. 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура II тыс. до н. э.). М, Наука.
- Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры. – Вестник Ленинградского университета, 1962, № 2, с. 74 – 87.
- Краузе В. 1959. Тохарский язык. – Тохарские 1959: 39 – 89.
- Кривцова-Гракова О. А. 1938. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры. – Труды ГИМ, 8: ????????????
- Кривцова-Гракова О. А. 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы (МИА 46). Москва.
- Крупнов Е. И. 1954. О походах скифов через Кавказ. – Вопросы скифо-сарматской археологии. Москва, ??????: ??????????.
- Крупнов Е. И. 1958. Киммерийцы на Северном Кавказе. – Материалы и исследования по археологии, 68: 176 – 195.
- Крупнов Е. И. 1963. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность (Доклады делегации СССР на XXVI международном конгрессе востоковедов). Москва.
- Круц С. И. 1972. Население территории Украины эрлхи меди-бронзы. Киев, Наукова Думка.
- Крылова Л. П. 1976. Керносовский идол (стела). – Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, Наукова Думка: 36 – 46.
- Крюкова В. Ю. 2006. Реалии страны Маргуш и традиционная культура народов Центральной Азии. - Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Мату, б. и.: 174 – 177.
- Крюкова В. Ю., Хисматуллин А. А. 1997. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. Москва, ?????.
- Крыкин С. М. 1991. Значение и сущность фракийского влияния в античном Северном Причерноморье. - V Международный конгресс по фракологии. София, Terra Antiqua Balcanica: 102 – 110.
- Кубышев А. И., Нечитайло А. Л. 1987. Кремневый скипетр Васильевского кургана. – Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев, ??????: 107 – 118.
- Кузнецов П. Ф. 1989. Полтавская культурно-историческая общность. Свердловск – Куйбышев, ?????????????.
- Кузьмина Е. Е. 1958. Могильник Заман-Баба. – Советская Этнография, 3: 24 – 33.
- Кузьмина Е. Е. 1963. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов. – Советская археология, 2: 36 – 46.
- Кузьмина Е. Е. 1968. Некоторые спорные вопросы первобытной истории в низовьях Зеравшана. Советская Археология, 2: 302 – 309.
- Кузьмина Е. Е. 1975. К вопросу о формировании культурного комплекса могильника Кхнрай. – Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 142: 64 – 72.
- Кузьмина Е. Е. 1981. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных. – Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. Москва, Наука: ??????.

- Кузьмина Е. Е. 1985. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии ЮНЕСКО: ??????????.
- Кузьмина Е. Е. 1986а. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, Илим.
- Кузьмина Е. Е. 1986б. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев. – Переднеазиатский сборник, 4: ??????.
- Кузьмина Е. Е. 1994. Откуда пришли индоарики? Москва, МГП «Калина», ВИНТИ РАН.
- Куклина И. В. 1985. Этногеография Скифии по античным источникам. Ленинград, Наука.
- Курочкин Г. Н. 1974. К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана. – Советская Археология, 2: 34 – 47.
- Кушнарева К. Х. И Чубинишвили Т. В. 1970. Древние культуры Южного Кавказа (V – III тыс. до н. э.). Ленинград, Наука.
- Кызласов Л. Г. 1964. О назначении древних тюркских каменных изваяний, изображающих людей. – Советская археология, 2: 27 – 39.
- Кызласов Л. Р. 1960. Таштыкская эпоха. Москва, изд. Моск. университета.
- Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л. 1962. Михайлівське поселення. Київ, вид. Акад. Наук Укр. ССР.
- Латынин Б. А. 1967. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка (АСГЭ, 9).
- Лелеков Л. А. 1980. Проблема индоарийских аналогий к явлениям скифской культуры. – Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, изд. Кемеровского университета: 118 – 125.
- Лелеков Л. А. 1982. К новейшему решению индо-европейской проблемы. – ВДИ 3: **ЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕ**
- Лелеков Л. А. 1982а. К новейшему решению индоевропейской проблемы. – Вестник Древней истории, 3: 31 – 37.
- Лелеков Л. А. 1982б. Термин арья ??????????????**
- Лелеков Л. А. 1992. Авеста в современной науке, Москва, **???????????**
- Лелеков Л. А. 1979. Хетто-транскте ритуальные и мифологические параллели. – VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку, посвященная памяти ак. В. В. Струве. Тезисы. Москва, **?????**: 54.
- Литвинский Б. А. 1963. Бронзовый век. – История таджикского народа. Т. 1. **?????????????**
- Литвинский Б. А. **1968**. Древние кочевники на «Крыше мира». **?????????????????????**
- Литвинский Б. А. 1981. Семантика древних верований и обрядов памирцев (1). – Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. Москва, Наука: 90 – 121.
- Литвинский Б. А. 1989. Протоиранский храм в Маргиане? – Вестник Древней истории, 1: **?????????**
- Литвинский Б. А. 2004. Виктор Иванович Сарияниди – легенда археологии Центральной Азии. – У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию В. И. Сарияниди. Москва, Старый сад: 5 – 23.
- Ляшко С. М. 1987. Нови матеріали про культ бика в епоху ранньої бронзи. – Археологія, 58: 73 – 78.
- Макаев Э. А. 1977. Общая теория сравнительного языкознания. Москва, **?????????**
- Максименков Г. А. 1978. Андроновская культура на Енисее. Ленинград, Наука.
- Мандельштам А. М. 1962. Памятники "степного" круга эпохи бронзы на юге Средней Азии. – Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Москва – Ленинград, Наука: 239 – 259.

- Мандельштам А. М. 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (МИА, 145). Л, Наука.
- Манзура И. В. 2000. Владеющие скипетрами. - Стратум-плюс, 2: 237 – 295.
- Марина З. П. 1981. Некоторые аспекты социальной структуры и идеологии древнейшего общества. – Степное Поднепровье в бронзовом и раннежелезном веках. Днепропетровск, ???????: 66 - 72.
- Марина З. П. 2006. особенности ямной культуры Днепровского левобережного предстепья. – Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, изд. Оренбургского Гос. Пед. Университета: 62 – 65.
- Марсадолов Л. С. 1989. К вопросу о семантике кургана Аржан. – Скифо-сибирский мир. Ч. 2. Кемерово, изд. Кемеровского университета: 33 – 35.
- Матвеев Ю. П. 1980. Культурно-историческая оценка памятников с многоваликовой керамикой. – Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, ???????.
- Мачинский Д. А. 1978. О смысле изображений на Чертомлыцкой амфоре. – Проблемы археологии, II: 232 – 240.
- Медведвская И. Н. 1977. Об «иранской» принадлежности серой керамики раннежелезного века Ирана. – Вестник Древней Истории, 3: ???????.
- Мейе А. 1938. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Москва – Ленинград, ??????????.
- Мейнандер К. Ф. 1974. Проблема происхождения финно-угров по данным археологии. – Этногенез финно-угорских народов по данным археологии. Москва, Наука: 18 – 28.
- Мейнандер К. Ф. 1982. Финны – часть населения северо-востока Европы. – Финно-угорский сборник. Москва, Наука: 10 – 32.
- Мейтерчиан М. 1999. Погребальный обряд зороастризма. Москва, ??????.
- Мельник В. И. 1978. Об основании гипотезы о генетической связи полтавкинской и срубной культур. – Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, ?????: ??.
- Мельник В. И. 1982. К вопросу о происхождении срубной культуры. – Краткие сообщения Института археологии (Москва), 169: ?????????.
- Мерперт Н. Я. 1966. Этногенез в эпоху энеолита и бронзового века. – История СССР, т. I. Москва, ??????.
- Мерперт Н. Я. 1974. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. Москва, Наука.
- Мерперт Н. Я. 1977. Из истории племен ямной культуры. – Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. Москва, Наука: ??????????.
- Мерперт Н. Я. 1985. Срубная культурно-историческая область. - Срубная культурно-историческая область. Куйбышев, Куйбышевский гос. пед. институт: 3 – 10.
- Мерперт Н. Я. 1995. О планировке поселков раннего бронзового века в верхнефракийской долине (Южная Болгария). – Российская Археология, 3: ??????????.
- Мерперт Н. Я., Качалова Н. К., Васильев И. Б. 1985. О формировании срубных племен Поволжья. – Срубная культурно-историческая общность, ?????????.
- Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д. 1979. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь. – Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, изд. Воронежского университета: 7 – 24.
- Миллер В. Ф. 1887. Осетинские этюды. III. Москва, ???????.
- Мимоход Р. А. 2005. Блок посткатакомбных культурных образований. – Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Київ, Шлях: 70 – 73.

Минао 1959a

Минао 1959b

- Михайлов Ю. И. 2000. Авестийская ваза и архитектурная композиция Большого Синташтинского кургана. – Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича. Омск: 90 – 92.
- Моора Х. А. 1958. О древней территории расселения балтийских племен. – СА 2: 9 – 33.
- Мошкова М. Г. и Максименко Б. Е. 1974. Работы Багаевской экспедиции 1971 г. – Археологические памятники Нижнего подонья, 2. Москва, Наука: 5 – 80.
- Напольских В. В. 1997. Введение в историческую уралоистику. Ижевск.
- Ніколов В., Чмихов М. О. 1991. Сонячно-уосмічна орнаментация в давньому поховальному обряді. – Поховальний обряд давнього населення України. Київ, Навчально-методичний кабінет з вищої освіти мінвузі УРСР: 18 – 40.
- Николаев С. Л., Старостин С. А. 1984. Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии. – Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Москва, Наука: 26 – 34.
- Николаева Н. А. 1978. О соотношении многоваликовой керамики и раннесрубных погребений Донеччины. – Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, ????????
- Николаева Н. А. 1980. Выделение кубано-терской культуры ране- и среднебронзового века на Северном Кавказе и установление ее генезиса. – Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, изд. Северо-Осетинского университета: ????????
- Николаева Н. А. 1982. Проблемы классификации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе. – Хронология бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, изд. Северо-Осетинского университета: 9 – 28.
- Николаева Н. А. Сафронов В. А. 1981. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе. – Катакомбные памятники Северного Кавказа. Орджоникидзе, изд. Сев-Осетинского университета: 4 – 26.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А. 1979. Происхождение катакомбного обряда в Восточной Европе. – Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции 3 – 6 декабря 1979 г. Донецк, изд. Донецкого гос. Университета: 41 – 43.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А. 1982. Хронология и происхождение майкопского искусства. – Хронология бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, изд. Северо-Осетинского университета: 28 – 63.
- Николова А. В. 1994. К вопросу об эволюции погребального обряда ямной культуры евразийских степей. – Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. – V в. н. э. Тирасполь, Археология ПГКУ: 91 – 94.
- Николова А. В., Мамчич Т. І. 1997. До методики класифікації посуду ямної культури. – Археологія (Київ), 3: ????????
- Николова Л. 2000. Ямная культура на Балканах. – Стратум-плюс, 2: 423 – 458.
- Новгородова Э. А. 1970. Центральная Азия и карасукская проблема. Москва, Наука.
- Новгородова Э. А. 1978. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии. – СА 4: 192 – 206.
- Новгородова Э. А. 1981. Ранние этапы этногенеза народов Монголии (кон. III – нач. I тыс. до н. э.). – Этнические проблемы народов Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). Москва: 207 – 215.
- Новгородова Э. А. 1984. Мир петроглифов Монголии. Москва, Наука.
- Новгородова Э. А. 1987. Некоторые географические факторы миграции карасукских племен. – Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, изд. Томск. ун-та: 22 – 23.

- Новицкий Е. Ю. 1986. Каменные изваяния эпохи энеолита в Северо-Западном Причерноморье. Ленинград, АКД/АН СССР, ЛОИА.
- Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л. 1994. Скифские изваяния VII – III вв. до н. э. Москва, Наука.
- Оранский И. М. 1960. Об обнаруженном в Средней Азии индийском диалекте. Москва, изд. восточной литературы.
- Оранский И. М. 1979. Иранские языки в историческом освещении. Москва, Наука.
- Откупщиков Ю. В. 1986. 'Εξαρταῖος и 'Ιδαρταῖος. – Античная балканистика, 6. Тезисы докладов. Москва, ??????: 35 – 37.
- Откупщиков Ю. В. 1988. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Ленинград, изд. Ленинградского университета.
- Откупщиков Ю. В. 1991. Из ономастики Северного Причерноморья. - V Международный конгресс по фракологии. София, Terra Antiqua Balcanica: 143 – 147.
- Откупщиков Ю. В. ????. Статья о балтской топонимике в недавнем сборнике**
- Отроценко В. А. 1990. О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры. – Советская археология, 1: ??????.
- Палагута И. В. 2007. Искусство Древней Европы: эпоха ранних земледельцев (VII – III тыс. до н. э.). Санкт-Петербург, изд. Гуманитарного университета профсоюзов.
- Панайотов И. 1989. Ямната култура в Българските земи. – Разкопки и проучвания (София), 21: ??????.
- Парпола А. 2006. Арийская проблема и бактрийско-маргианский археологический комплекс. – Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Мату, б. и.: 184 – 188.
- Патокова Э. Ф. 1979. Усатовское поселение и могильники. Киев, Наукова Думка.
- Пиотровский Б. Б. 1949. Скифы в Закавказье. – Ученые записки Ленинградского университета, 85 (сер. ист. наук, 13): ????????????
- Погребова М. Н. 1977. К вопросу о миграциях ираноязычных племен в Восточном Закавказье в доскифскую эпоху. – Советская археология, 2: ??????????.
- Погребова М. Н. 1985. Закавказье и его этнические и культурные связи с Ираном (XIII – VI в. жл н. э.). Автореферат докт. Дисс. Москва.
- Поливанов Е. Д. 1916. Индоевропейское *medhu ≈ общекитайское mit. – Записки Восточного отдела Русского Археологического Общества, т. XXIII, в. I – II, Петроград: 263 – 264.
- Попова Т. Б. 1955. Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры (Труды ГИМ, 24). Москва, Госкультпросветиздат.
- Порциг В. 1964. Членение индоевропейской языковой области. Москва, Прогресс.
- Порциг В. 2002. Членение индоевропейской языковой области. 2-е изд. Перев. с нем. Москва, Едиториал УРСС.
- Посредников В. А. 1990. Ямно-афанасьевские параллели в свете современной индоевропейистики. – проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 185 – 187.
- Потемкина Т. М. 1983. О происхождении алакульской культуры Притоболья. – Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, ??????????.
- Потемкина Т. М. 2001. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей Степной Евразии. – Мировоззрение древнего населения Евразии. Москва, Наука: 166 – 256.
- Проценко Б. Н. 1986. Балканская ономастика в Приазовье и Подонье. - Античная балканистика, 6. Тезисы докладов. Москва, ??????: 41 – 42.

- Пряхин А. Д. 1980. Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь. – Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, изд. Воронежского университета: 7 – 32.
- Пряхин А. Д. 1996. Степь и лесостепь в эпоху бронзы. Уфа, ?????????.
- Пустовалов С. Ж. 1998. О росписях на дне катакомб Ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества Северного Причерноморья. – Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы (Археология восточноевропейской лесостепи, 11). Воронеж, изд. Воронежского университета: 22 – 51.
- Пустовалов С. Ж. 2000. Курган «Тягунова Могила» и проблемы колесного транспорта ямно-катакомбного транспорта в Восточной Европе. – Стратум плюс, 2: 296 – 321.
- Пьянков И. В. 1979. К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию. – Переднеазиатский сборник. Москва, Наука: ?????????.
- Пятых Г. Г. 1990. К дискуссии по происхождению срубной культуры. – Советская Археология, 1: ?????????.
- Пятых Г. Г. 1994. Происхождение срубной культуры: проблемы и возможности. – Срубная культурно-историческая область (Материалы III Рыковских чтений). Саратов, изд. Саратовского университета: 14 – 18.
- Пятых Г. Г. 2004. К проблеме происхождения и культурной принадлежности памятников потаповского типа. – Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Москва, Институт археологии РАН: 285 – 305.
- Раевский Д. С. 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Москва, Наука.
- Рассамакин Ю. Я. 2000. Квитянская культура: история и современное состояние проблемы. – Стратум-плюс, 2: 117 – 177.
- Редеев К. и Эдельс И. 1974. Сравнительная лексика финно-угорских языков. – Основы финно-угорского языкознания. Москва, Наука: 397 – 438.
- Резепкин А. Д. 1887. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ ст. Новосвободная. – Краткие сообщения ИИМК, 192: 26 – 33.
- Резепкин А. Д. 1996. К проблеме соотношения хронологии культур эпохи энеолита – ранней бронзы Северного Кавказа и Триполья. – Между Азией и Европой: Кавказ в IV – I тыс. до н. э. Санкт-Петербург, Эрмитаж: 50 – 54.
- Резепкин А. Д. 1991. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры. – Древние культуры Прикубанья. Ленинград, Наука: 167 – 197.
- Ростунов В. Л. 1985а. Куро-аракская культура на Центральном Кавказе (хронология и историко-археологические аспекты миграции). – Античность и варварский мир. Орджоникидзе, изд. Северо-Осетинского университета: 3 – 42.
- Ростунов В. Л. 1985б. Куро-аракская культура на Центральном Кавказе (К вопросу об истоках и путях миграции). – Античность и варварский мир. Орджоникидзе, изд. Северо-Осетинского университета: 91 – 130.
- Рысин М. Б. 1996. К проблеме синхронизации памятников среднего бронзового века Северного и Южного Кавказа. – Между Азией и Европой: Кавказ в IV – I тыс. до н. э. Санкт-Петербург, изд. Эрмитажа: ?????????.
- Рычков Н. А. 1982. Опыт статистической характеристики коллективных погребений степных племен эпохи бронзы. – Методологические и методические вопросы археологии. Киев, Наукова Думка: 85 – 105.
- Сарианиди В. И. 1975. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане. – Советская Археология, 2: 20 - 29.
- Сарианиди В. И. 1977. Древние земледельцы Афганистана. Москва, Наука.
- Сарианиди В. И. 1990. Древности страны Маргуш. Ашхабад, ?????????.

- Сарианиди В. И. 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. Москва, ??????.
- Сарианиди В. И. 2004. Социальный и политический строй древневосточного царства Маргуш. – Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Москва, Институт археологии РАН: 318 – 334.
- Сарианиди В. И. 2006. Гонур-депе: город царей и богов. Aşgabat, Miras.
- Сарианиди В. И. 1980. Культовый сосуд из Маргианы. – Советская Археология, 2: ??????.
- Сафронов В. А. 1979. Хронологическая система энеолита и бронзового века Восточной Европы. – Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докл. конференции. Донецк, изд. Донецк. ун-та: 13 – 15.
- Сафронов В. А. 1983. Проблемы индоевропейской прародины. Орджоникидзе, Северо-Осетинский гос. университет.
- Сафронов В. А. 1989. Индоевропейские прародины. Горький, Волго-Вятское книжное издательство.
- Семека Е. С. 1968. Типологические схемы четырех- и восьмичленных моделей мира. – Летняя школа по вторичным моделирующим системам. 3. Тезисы. Доклады. Тарту, ???????: 137 – 147.
- Семенов Вл. А. 1987. Древнеямная культура – афанасьевская культура и проблемы прототохарской миграции на восток. – Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: 17 – 19.
- Семенов Вл. А. 1993. Древнейшая миграция индоевропейцев на Восток (К столетию открытия тохарских рукописей). – Петербургский Археологический Вестник 4: 25 – 30.
- Семенов Вл. А. 2002а. Курган Аржан – пространственная модель мира ранних скифов Центральной Азии. – Структурно-семиотические исследования в археологии, 1. Донецк, изд. Донецкого национального университета: 207 – 232.
- Семенов Вл. А. 2002б. Фатьяновская культура – карасукская культура и «миграция тохаров в свете археологии». – Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, издат. Алтайского университета: 114 – 116.
- Синицын И. В. 1948. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. – Советская Археология, X: 143 – 160.
- Синицын И. В. и Эрдниев У. Э. 1971. Элистинский могильник. Элиста, ??????????.
- Синюк А. Т. 1981. Репинская культура энеолита – бронзы в бассейне Дона. – Советская Археология 4: ??????????.
- Смирнов А. М. 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. Москва, Координационно-методический центр прикладной этнографии.
- Смирнов А. М. 2000. Сюжет «загон для скота» на энеолитических стелах Причерноморья. Вариант аналогий и интерпретации. – Стратум-плюс, 2: 571 – 583.
- Смирнов К. Ф. 1957. Проблема происхождения ранних сарматов. – Советская Археология, 3: ???.
- Смирнов К. Ф. 1964. Савроматы. Москва, Наука.
- Смирнов К. Ф. И Кузьмина Е. Е. 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. Москва, Наука.
- Сорокин В. С. 1959. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. – Советская археология. 4: 10 – 18.
- Сорокин В. С. 1966. Андроновская культура. Памятники западных областей (САИ ВЗ – 2).
- Спицына Л. А. 2000. Северскодонецкий ареал репинской культуры. – Древности Северского Донца. Луганск, ?????: ??????????????.
- Ставицкий В. В. 2005. К вопросу о происхождении репинской культуры. – Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Київ, Шлях: 48 – 49.

- Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. 2006. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб: 292 - 302
- Старостин С. А. 1985. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде. – Древняя анатолія. Москва, Наука.
- Стеблин-Каменкий И. М. 1981. ??????????????. – Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. Москва, Наука: 240 - ???.
- Стеблин-Каменский И. М. 1995. Арийско-уральские связи мифа о Йиме. – Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Челябинск, ???????: 166 – 167.
- Стеганцева В. Я. 2004. Реповидная керамика катакомбной культуры (К постановке проблемы). – Археолог: детектив и мыслитель. Санкт-Петербург, изд. Санкт-Петербургского университета: 437 – 444.
- Столяр А. Д. 1964. Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита. – Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Гос. Эрмитажа за 1963 г. Ленинград, изд. Эрмитажа: ??????????.
- Субботин Л. В. 2000. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы. – Стратум-плюс, 2: 350 – 387.
- Сырбу В. 2006. Фракийцы: иконография и образы. – Структурно-семиотические исследования в археологии. 3. Донецк, Донецкий национальный университет: 303 – 324.
- Телегин Д. Я. 1971. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихалівського типу. – Археологія, 4: 3 – 17.
- Телегин Д. Я. 1973. Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ, Наукова Думка.
- Телегин Д. Я. 1980. Амулети епохи бронзи – раннього заліза з Подніпров'я. – Археологія, 34: 82 – 86.
- Тереножкин А. И. 1961. Педскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, изд. АН УССР.
- Титов В. С. 1982. К изучению миграций бронзового века. – Археология Старого и Нового Света. Москва, Наука: 89 – 145.
- Ткачук М. Е. 1996. Археология свободы. Кишинев, Stratum.
- Толстов С. П. 1948. По следам древнехорезмийской цивилизации. Москва – Ленинград, изд. Академии наук СССР.
- Топоров В. Н. ????. (Балтская топонимика на Оке)**
- Топоров В. Н. 1974. О брахмане. К истокам концепции. – Проблемы истории языков и культуры народов Индии. Москва, ???????: 20 – 74.
- Топоров В. Н. 1977. ΜΟΥΣΑΙ «Музы»: соображения об имени и истории образа (К оценке фракийского вклада). – Славяне и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. Сборник статей. Москва, ??????????????.
- Топоров В. Н. 1981. О иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии. – Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. Москва, Наука: 146 – 162.
- Топоров В. Н. 1982. Из индоевропейской этимологии II (1 – 3). – Этимология 1980: 134 – 157.
- Тохарские 1959. Тохарские языки. Москва, Иностранная литература.
- Трифонов В. А. 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация). – Древние культуры Прикубанья. Ленинград, Наука: 92 – 166.
- Трифонов В. А. 1996а. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа. – Между Азией и Европой: Кавказ в IV – I тыс. до н. э. Санкт-Петербург, Эрмитаж: 43 – 49.

- Трифонов В. А. 1996б. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности. – Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, Перемена: 3 – 5.
- Трубачев О. Н. 1968. Названия рек Правобережной Украины. Москва, ?????.
- Трубачев О. Н. 1975. Temarandam "matrem maris." К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья. – Античная Балканистика, 2: 41 - 42.
- Трубачев О. Н. 1976. О синдах и их языке. — Вопросы языкознания, 4: 39 — 63.
- Трубачев О. Н. 1977. Лингвистическая периферия древнейшего славянства+++++. Индоарийцы в Северном Причерноморье. — ВЯ, 6: 13 — 29.
- Трубачев О. Н. 1978а. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Сев. Кавказа в античное время. – Вестник Древней Истории, 4: 34 - 42.
- Трубачев О. Н. 1978б. Raspaganus Rex Roxolanorum. - Античная Балканистика, 3: 50 - 52.
- Трубачев О. Н. 1979. «Старая Скифия» (*αρχαία Σκυθία*) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект. – Вопросы Языкознания, 4: 29 — 45.
- Трубачев О. Н. 1980. Indoarica в Скифии и Дакии. — Античная балканистика. Симпозиум. М., Наука: 59 — 62.
- Трубачев О. Н. 1981. Indoarica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция. — Вопросы языкознания, 2: 3 — 21.
- Туманян Э. Г. 1968. Морфологический анализ индоевропейских терминов, обозначающих животных в армянском языке. – Вопросы Языкознания, 5: 50 – 65.
- Уварова П. А. 1908. К вопросу о каменных бабах. – Труды XIII АС, т. II: 237 - ???.
- Федорова-Давыдова Э. А. 1964. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. – Археология и этнография Башкирии. Уфа, ??????: ??????.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Москва, Наука.
- Филовь Б. 1920. Тракийско-микенски отношения. – Сборникъ въ чест на професоръ Ив. Д. Шишмановъ. София, ??????.
- Фисенко В. А. 1966. О происхождении и хронологии катакомбной культуры. Саратов, 1966, изд. Саратовского университета.
- Фишер И. 1969. Любовь и самоотречение. – Боги, брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма. Пер. с чешск. Москва, Наука: 104 – 123.
- Фол А. 1972. Политическа история на траките. София, изд. Наука и искусство.
- Формозов А. А. 1951. К вопросу о происхождении андроновской культуры. – Краткие сообщения ИИМК, 39: ??????.
- Формозов А. А. 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. Москва, Наука.
- Формозов А. А. 1965. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья. – Советская Этнография, 6: 177 – 181.
- Формозов А. А. 1970. Эпический сюжет в причерноморском искусстве бронзового века. – Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 123: 48 – 50.
- Хазарадже Н. 2002. «Западные мушки» в Центральной Анатолии. – История и языки Древнего Востока. Памяти И. М. Дьяконова. Санкт-Петербург, Петербургское Востоковедение: 307 – 313.
- Хараквал Д. С. и Осада Т. 2006. БМАК, Ахарский культурный комплекс и арийская проблема. – Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Магу, б. и.: 196 – 197.
- Хачатрян 1980
- Хлопин И. Н. 1969. К происхождению андроновского субстрата сибирских народов. – Происхождение аборигенов Сибири и их языков, Томск, ??????: ?????.

- Хлопин И. Н. 1970. Индоиранцы: земледельцы или скотоводы? – Вопросы истории, 10: ??????.
- Хлопин И. Н. 1990. Закаспийские корни катакомбной культуры. – Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа). Ленинград, изд. Эрмитажа: 36 – 37.
- Хлопин И. Н. 2002. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. Санкт-Петербург, ??????.
- Хлопин И. Н. и Хлопина Л.И. 1982. Второй сезон раскопок могилтника Пархай II. – Краткие сообщения Института Археологии (Москва), 176: 101 – 105.
- Хохлов А. А. 2006. Основные проблемы палеоантропологии ямной культуры. – Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, изд. Оренбургского Гос. Пед. Университета: 100 – 104.
- Цалкин В. И. 1972. Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье. – Рсервные проблемы териологии. Москва, ?????.
- Цзи Сянь-линь. 1959. Тохарский язык; его открытие, расшифровка и значение для китайско-индийских культурных связей. – Тохарские 1959: 137 – 150.
- Цимиданов В. В. 1996. Еще раз о колесницах степной Евразии эпохи поздней бронзы. – Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конференции. Часть первая. Донецк, изд. ДонГУ: 126 – 128.
- Цимиданов В. В. 2003. Погребения со стелами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья. – Stratum-plus, 2001 – 2002, 2: 370 – 385.
- Чаттерджи С. К. 1977. Введение в индоарийское языкознание. Пер. с англ. Москва, Наука.
- Чебоксаров Н. Н. 1977. Антропологический состав населения современного Китая в палеолите, мезолите и неолите. – Ранняя история народов Восточной Азии. Москва, Наука: 74 – 97.
- Чередниченко Н. И. 1986. Срубная культура. – Березанская С. С. и др. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, Наукова Думка: 44 – 82.
- Чередниченко Н. И., Пустовалов С. Ж. 1991. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры. – Советская Археология, 4: 206 – 216.
- Черных Е. Н., Орловская Л. Б. 2004. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-историко-исторической
- Черняков И. Т. 1970. ?????????????? - Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра. Одесса, 1970: ??????????.
- Черняков И. Т. 1978. О «позднеямной» культуре Северо-Западного Причерноморья. – Археологические исследования на Украине в 1976 – 1977 гг. Ужгород, ??????: 32 – 33.
- Членова Н. Л. 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. Москва, Наука.
- Членова Н. Л. 1983. Где жили аримаспы? – Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск: 21 – 36.
- Членова Н. Л. 1984. О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье. – Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Москва, Наука: 259 - 268.
- Шапошникова О. Г. 1985. Памятники михайловского типа. – Древности Поингуля. Киев, Наукова Думка: ??????????.
- Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. 1986. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) (САИ, VI – 5).
- Шведко С. Е. 1996. О семиотическом подходе в интерпретации данных археологии (К дискуссии о книге Ю. А. Шилова «Прародина ариев»). – Северо-Восточное

приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конференции. Часть вторая. Донецк, изд. ДонГУ: 73 – 76.

- Шер Я. А. 1966. Каменные изваяния Семиречья. Москва – Ленинград, Наука.
- Шер Я. А. 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. Москва, Наука.
- Шер Я. А., Голендухин Ю. Н. 1982. Колесницы Самалы-Таша. – По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Под ред. В. М. Массона и В. М. Плоских. Фрунзе, Илим: 18 – 24.
- Шилов Ю. А. 1990. Космические тайны курганов. Москва, Молодая Гвардия.
- Шилов Ю. А. 1995. Прародина ариев. История, обряды, мифы. Киев, СИНТО.
- Широков О. С. 1969. Гипотеза об малоазийском происхождении греков. – IV конференция по классической филологии. Тезисы докл. Тбилиси: ?????????.
- Щепинский А. А. 1958. Новая антропоморфная стела эпохи болнзы в Крыму. – Советская Археология, 2: 143 – 148.
- Щепинский А. А. 1963. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму. – Советская Археология, 3: 38 – 47.
- Щепинский А. А. 1973. Антропоморфні стели Північного Причорномор'я. – Археологія, 9: 21 – 28.
- Щепинский А. А. 1985. Кемп-обинская культура. – Археология Украинской ССР. Киев, Наукова Думка: 331 – 336.
- Эварницкий Д.И. 1890. Каменные бабы. – Исторический вестник, 41: 184 – 194.
- Эрман В. Г. 1980. Очерк истории ведийской литературы. М., Наука.
- Эрман В. Г., Темкин Э. Н. 1975. Мифы древней Индии. Москва, ?????.
- Яровой Е. В. 1985. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинев, Штиинца.
- Яровой Е. В. 1990. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев, Штиинца.
- Яровой Е. В. 1992: Раскрывая тайны курганов. Кишинев, Штиинца.
- Яровой Е. В. 2006. Памятники доямного времени Северо-Западного Причерноморья. Оренбург, изд. Оренбургского Гос. Пед. Университета: 119 – 122.
- Яхонтов С. Е. 2006. Лексикостатистическая классификация иранских языков. – Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию профессора А. Л. Грюнберга. С.-Петербург, Наука: 93 – 101.

Дополнительная литература к иллюстрациям:

- Эдельман Д. И. 1968. Основные вопросы лингвистической географии. На материале индоиранских языков. Москва, Наука.
- Рыбаков Б. А. 1979. Геродотова Скифия. Москва, Наука.
- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Москва – Ленинград, Наука, 1976.
- Археология Української РСР. Київ, Наукова Думка, т. I. 1971.
- Кирчо Л. Б. 2004. Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века Средней Азии (по материалам Алтын-депе). – У истоков цивилизации. Москва, Старый сад: 142 – 162.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ ОБСУЖДЕНИЙ

Балонов Феликс Рахмильевич – археолог, сотрудник Гос. Эрмитажа, кандидат исторических наук

Березкин Юрий Евгеньевич – археолог и этнолог, доктор исторических наук, зав. сектором Музея этнографии и антропологии (Кунсткамеры) РАН

Бочкарев Вадим Сергеевич – археолог, зав. сектором Средней Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН

Буровский Андрей Михайлович – издатель и писатель, археолог, доктор исторических наук

Васильков Ярослав Владимирович – востоковед-индолог, б. зав. сектором индологии Института востоковедения РАН, зав. сектором Музея этнографии и антропологии РАН, доктор филологических наук

Волков Сергей Святославович – лингвист, ведущий научн. сотрудник Института лингвистических исследований РАН, кандидат филологических наук

Герценберг Леонард Георгиевич – лингвист-иранист, главный научн. сотрудник Института лингвистических исследований РАН, руководитель Школы индоевропеистики, доктор филологических наук, профессор

Казанский Николай Николаевич – лингвист-классицист, академик, директор Института лингвистических исследований РАН, доктор филологических наук

Ковалев Анатолий Александрович – археолог, специалист по бронзовому веку Южной Сибири и Кавказа, сотрудник НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского гос. университета, начальник археологической экспедиции в Монголию и Китай, депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга всех созывов (по настоящее время)

Козинцев Александр Григорьевич – антрополог, главный научн. сотрудник Музея этнографии и антропологии РАН, доктор исторических наук

Кондаков Валерий Васильевич - выпускник кафедры археологии Санкт-Петербургского гос. университета

Клейн Лев Самуилович – археолог и филолог, профессор Санкт-Петербургского гос. университета (на пенсии), доктор исторических наук

Крюкова Виктория ????????? – филолог-иранист, кандидат филологических наук, сотр. Музея этнографии и антропологии РАН

Кулешов Вячеслав Сергеевич – археолог и лингвист, мл. научн. сотр. Эрмитажа

Лифшиц Владимир Аронович – филолог-иранист, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор филологических наук

Медведская Инна Николаевна – археолог-иранист, зав. сектором Древнего Востока Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук

Откупщиков Юрий Владимирович – лингвист-классицист, профессор Санкт-Петербургского гос. университета (на пенсии), доктор филологических наук

Панченко Дмитрий Вадимович – историк античности, кандидат истор. наук, преподаватель Смольнинского института свободных наук и искусств и классической гимназии 610 Санкт-Петербурга

Резепкин Алексей Дмитриевич – археолог, научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, кандидат исторических наук

Стеблин-Каменский Иван Михайлович – лингвист-иранист, академик, ведущий сотрудник Института лингвистических исследований РАН, доктор филологических наук, профессор

Сухачев Николай Леонидович – лингвист, старший научн. сотр. Института лингвистических исследований РАН, кандидат филол. наук

Тохтасьев Сергей Ремирович – историк-античник и востоковед, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Трифонов Виктор Анатольевич – археолог, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, кандидат исторических наук

Шувалов Петр Валерьевич – специалист по поздней античности, доцент филологического факультета СПб университета (кафедра общего языкознания), канд. ист. наук

Якобсон Владимир Аронович – востоковед-ассириолог, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук